

POLSKIE TOWARZYSTWO RUSYCYSTYCZNE

przeгляд rusycystyczny

2021, nr 1 (173)

Katowice 2021

KOMITET HONOROWY

Janusz Henzel, Walenty Piłat, Władysław Woźniewicz

KOMITET REDAKCYJNY

Tadeusz Klimowicz (Uniwersytet Wrocławski) — przewodniczący

Franciszek Apanowicz (Uniwersytet Gdański)

Jens Herlth (Universitaet Freiburg, Szwajcaria)

Władimir Klimonow (Humboldt-Universität zu Berlin, Niemcy)

Joanna Madloch (Montclair State University, USA)

Daria Nevskaya (Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Rosja)

Kadisza Nurgali (Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Kazachstan)

Antoaneta Olteanu (Universitatea din București)

Grzegorz Przebinda (Uniwersytet Jagielloński)

Barbara Stempczyńska (Uniwersytet Śląski)

Walerij Tiura (Российский государственный гуманитарный университет, Moskwa)

Halina Waszkielewicz (Uniwersytet Jagielloński)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Piotr Fast (redaktor naczelny), Michał Głuszkowski, Justyna Pisarska, Joanna Darda-Gramatyka, Paweł Łaniewski (sekretarz redakcji)

Adiustacja tekstów obcojęzycznych

Yevheniy Liashchevskyi

Piotr Plichta

Korekta

Justyna Pisarska

Paweł Łaniewski

ADRES REDAKCJI

Przegląd Ruscystyczny, 41-205 Sosnowiec, ul. Spokojna 2

tel. +48 604 965 737; +48 505 300 667

e-mail: prz.rus@op.pl

<http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>

Index 371866

ISSN 0137-298X

WYDAWCY

**Polskie
Towarzystwo
Ruscystyczne**

Polskie Towarzystwo Ruscystyczne
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5/318
tel. 505 300 667, ptr.polska@gmail.com
www.polskietowarzystworuscystyczne.pl

**UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH**

Uniwersytet Śląski
Instytut Literaturoznawstwa
Instytut Językoznawstwa
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5

Zakup wersji papierowej można dokonać na stronie: <http://wydawnictwo.us.edu.pl>; zamówienia.wydawnictwo@us.edu.pl

SPIS TREŚCI

KULTURA

- 7 NADIEŻDA MOROZOWA Problem starowierców-filiponów w Północnej Dobrudży: pustelnia Kiteleska

LITERATURA

- 32 LUDMIŁA ŁUCEWICZ Chrystianizacja Rusi i próby „spowiedzi o sobie”
- 61 AMINA GABRIELOVA Teatr i teatralność wobec historii i sztuk wizualnych w powieściach Władimira Szarowa
- 89 URSZULA TROJANOWSKA Zjawy wokół nas. Opowieść Władimira Kantora jako przykład realizmu magicznego
- 100 ŁUKASZ BACHORA Czapajew w krainie archetypów (psychologia Junga we wczesnych powieściach Wiktora Pielewina)
- 116 OLGA PAULINA SIEMOŃSKA Motywy tanatyczne i audialne w opowieści Diny Rubiny *Высокая вода венецианцев*

JĘZYK

- 132 TATIANA PIETROWA Podobieństwa terminologiczne w metafrazyce słowiańskiej krytyki terminograficznej
- 151 MACIEJ LABOCHA Struktura semantyczna artykułu hasłowego w słowniku przekładowym (polski leksem „przejść” i jego rosyjskie odpowiedniki)
- 166 SVETLANA AHLBORN Rosyjska etykieta grzecznościowa na zajęciach z języka WOJCIECH SOSNOWSKI rosyjskiego jako obcego poza granicami Rosji
- 194 OŁESIA PALINSKA Autotłumaczenie w mieszanym mówieniu ukraińsko-rosyjskim
- 218 ZUZANNA WŁODOWSKA Wybrane toponimy w rosyjskim przekładzie gry *The Elder Scrolls V: Skyrim*

RECENZJE

- 233 BOGUSŁAW BAKUŁA Agnieszka Matusiak, *Wyjść z milczenia. Dekolonialne zmagania kultury i literatury ukraińskiej XXI wieku z traumą posttotalitarną*, C-KEW—Uniwersytet Wrocławski, Wojnowice—Wrocław 2018
- 244 ANATOLIJ ZAHNITKO FUNKCJONALNY PARADYGMAT PRZYIMKA
Майя Всеволодова, Екатерина Виноградова, Татьяна Чаплыгина, *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. Кн. 2: *Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика)*, Издательство УРСС, Москва 2018
- 252 NOTY O AUTORACH

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА

- 7 НАДЕЖДА МОРОЗОВА К вопросу о староверах-филипповцах в Северной Добрудже: Кителештская пустынь

ЛИТЕРАТУРА

- 32 ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ Христианизация Руси и опыты „исповеда о себе”
- 61 АМИНА ГАБРИЕЛОВА Изображение театра в его связи с историей и изобразительным искусством в романах Владимира Шарова
- 89 УРШУЛЯ ЭВА ТРОЯНОВСКА Нежить вокруг нас. Повесть Владимира Кантора как пример магического реализма
- 100 ЛУКАШ БАХОРА Чапаев в стране архетипов (влияние психологии Юнга в ранних романах Виктора Пелевина)
- 116 ОЛЬГА ПАУЛИНА СЕМОНЬСКА Танатические и аудиальные мотивы в повести Дины Рубины *Высокая вода венецианцев*

ЯЗЫК

- 132 ТАТЬЯНА ПЕТРОВА Терминологические параллели в метаязыке славянской терминографической критики
- 151 МАЧЕЙ ЛАБОХА Семантическая структура словарной статьи (польская лексема «przejsć» и её русские эквиваленты)

- 166 СВЕТЛАНА АЛЬБОРН Русский речевой этикет на занятиях РКИ
ВОЙЧЕХ СОСНОВСКИ за пределами России
- 194 ОЛЕСЯ ПАЛИНСКА Автоперевод в украинско-русской смешанной речи
- 218 ЗУЗАННА ВЛОДОВСКА Избранные топонимы в русском переводе игры *The Elder Scrolls V: Skyrim*

РЕЦЕНЗИИ

- 233 БОГУСЛАВ БАКУЛА Agnieszka Matusiak, *Wyjść z milczenia. Dekolonialne zmagania kultury i literatury ukraińskiej XXI wieku z traumą posttotalitarną*, C-KEW—Uniwersytet Wrocławski, Wojnowice—Wrocław 2018
- 244 АНАТОЛИЙ ЗАГНИТКО ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПРЕДЛОГА
Майя Всеволодова, Екатерина Виноградова, Татьяна Чаплыгина, *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. Кн. 2: *Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика)*, Издательство УРСС, Москва 2018
- 252 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

TABLE OF CONTENTS

CULTURE

- 7 NADEZHDA MOROZOVA About Old Believers Filippians in Northern Dobruja: Kitelesh monastery

LITERATURE

- 32 LUDMIŁA ŁUCEWICZ The christianization of Russia and the experiences of “confession of myself”
- 61 AMINA GABRIELOVA Theater and theatricality in their relation to history and the arts in the novels of Vlafimir Sharov
- 89 URSZULA EWA TROJANOWSKA Phantoms around us. The tale of Vladimir Kantor as an example of magical realism
- 100 ŁUKASZ BACHORA Чапаев in the land of archetypes (on Jung’s psychology in Victor Pelevin’s early novels)
- 116 OLGA PAULINA SIEMOŃSKA Thanatic and phonic motifs in the work of Dina Rubina
Высокая вода венецианцев (Vysokaya voda venetsiantsev)

LANGUAGE

- 132 TATYANA PETROVA Terminological parallels in the metalanguage of Slavic terminographic criticism
- 151 MACIEJ LABOCHA Reflection on semantic structure of a dictionary entry (Polish lexeme "przejsć" and its Russian equivalents)
- 166 SVETLANA AHLBORN Russian speech etiquette in the classes
WOJCIECH SOSNOWSKI of Russian as a foreign language outside of Russia
- 194 OLESYA PALINSKA Self-translation in Ukrainian-Russian mixed speech
- 218 ZUZANNA WŁODOWSKA Selected toponyms in the Russian translation of the game *The Elder Scrolls V: Skyrim*

REVIEWS

- 233 BOGUSŁAW BAKUŁA Agnieszka Matusiak, *Wyjść z milczenia. Dekolonialne zmagania kultury i literatury ukraińskiej XXI wieku z traumą posttotalitarną*, C-KEW–Uniwersytet Wrocławski, Wojnowice–Wrocław 2018
- 244 ANATOLIY ZAHNITKO FUNCTIONAL PARADIGM OF THE PREPOSITION
Майя Всеволодова, Екатерина Виноградова, Татьяна Чаплыгина, *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. Кн. 2: *Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика)*, Издательство УРСС, Москва 2018

252 ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА МОРОЗОВА

Институт литовского языка (Вильнюс, Литва)

ORCID ID 0000-0002-1228-6021

К ВОПРОСУ О СТАРОВЕРАХ-ФИЛИППОВЦАХ В СЕВЕРНОЙ ДОБРУДЖЕ: КИТЕЛЕСТСКАЯ ПУСТЫНЬ

ABOUT OLD BELIEVERS FILIPIPIANS IN NORTHERN DOBRUJA: KITELESHT MONASTERY

Russian Old Believers Popovtsy (Lipovans) are well-known in Romania. At the same time, there are no reliable information about Priestless Filippians (bespopovtsy) in this country. The aim of this article is basing on Filippians' sources and Romanian historical and local history investigations to put new information concerning the existence of the Priestless Filippians monastery in Northern Dobruja in the second half of the 19th century. The study is based on comparative, descriptive, interpretative and other research methods.

Several Filippians' manuscripts mention the previously unknown Kitelesht monastery (hermitage), located "beyond the Danube." The data, presented in Filippians' documents and Romanian studies and reference books, allow us to identify the "Kitelesht hermitage" with the small Russian Priestless monastery in Tichilești on the right bank of the Danube in Tulcea County (Județ). At the moment we have information about 12 inhabitants of this monastery, who lived there at different times, apparently from the mid-1850s to the end (or at least until the middle) of the 1870s. At the beginning of the 20th century the monastery in Tichilești ceased to exist, and some years later in this place a leper colony was founded.

Keywords: Old Believers, Priestless Old Believers, Filippians, Kitelesht monastery, Romania, Tichilești

Филипповское согласие — одно из самых консервативных направлений в беспоповском староверии, возникшее в Поморье в конце 1730-х гг. в связи с отказом части поморцев (выговцев) признать и принять в качестве богослужебной практики так называемое богомолие за государя, которое должны были совершать все подданные Российской империи. Чтобы не вводить молитвы за императрицу, часть выговских насельников призывала к самосожжению. В этих спорах победило умеренное крыло, желавшее сохранить обитель: руководители пустыни вынужденно отказались от догмата немоления и в 1739 г. ввели в богослужение молитвы за царствующую императрицу. Это решение стало причиной раскола в поморском согласии. Про-

тивники «царского богомолия» во главе со старцем Филиппом (1672–1742; в миру — бывший беглый солдат Фотий Васильев) покинули общежительство, образовав новое, филипповское, согласие. Хотя Филипп вместе со своими сторонниками сгорел в 1742 г., его основные идеи нашли многочисленных сторонников сначала в Поморье, а затем и в других регионах России.

Филипповское согласие считается преимущественно российским явлением. И хотя в научной и научно-популярной литературе по истории староверия иногда встречаются указания на то, что в последней трети XVIII–XIX в. филипповские общины появились в Польше и Румынии, конкретных сведений об этих поселениях там, как правило, не приводится¹. По мнению Василия Волкова, староверы-филипповцы могли оказаться на территории Речи Посполитой после предпринятой ими в 1765 г. попытки захвата Зеленецкого монастыря (Новгородская епархия) и последовавшей за этим гарью². Эту точку зрения разделяет Андрей Горбацкий³, хотя, как и Волков, не подтверждает ее конкретными примерами. Безусловно, отдельные представители этого толка действительно могли жить в приграничных с Российской империей регионах, однако вполне вероятно, что глухие упоминания о беспоповцах-филипповцах за границей Российской империи могут быть связаны и с другими причинами, о чем несколько ниже. В дальнейшем попытаемся разобраться, что могут означать эти осторожные замечания о филипповцах в Румынии в различных вторичных источниках.

Цель настоящей статьи — на основе анализа внешних (не старообрядческих) исторических документов и сочинений выяснить причины возможной терминологической омонимии (*филипповцы/филиппоны (липоване)*) как наименование раз-

¹ К. Я. Кожурин, *Духовные учителя сокровенной Руси*, Питер, Санкт-Петербург 2007, с. 260–261; В. И. Щипин, *Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины*, Лабиринт, Москва 2003, с. XX; и др.

² В. Волков, *Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии*, В типографии губернского правления, Витебск 1866, с. 50. О захвате Зеленецкого монастыря см.: РГИА, ф. 796, оп. 46, д. 160 (По доношению синодального члена преосвященного Димитрия митрополита Новгородского о произошедших от потаенных раскольников приходом в Зеленецкий монастырь наглых и озорнических поступках (1765). Благодарю К. Я. Кожурину за возможность познакомиться с материалами этого дела.

³ А. А. Горбацкий, *Старообрядчество на белорусских землях*, Брест 2004, с. 80.

К ВОПРОСУ О СТАРОВЕРАХ-ФИЛИППОВЦАХ...

личных групп и согласий староверов), иногда приводящей к необоснованным утверждениям о присутствии той или иной группы староверов в отдельных регионах, а также, опираясь на собственно филипповские рукописные источники и румынские историко-краеведческие материалы, ввести в научный оборот новые данные о присутствии филипповцев-беспоповцев на территории современной Румынии. В работе использованы сравнительный, описательный, интерпретационный и др. методы исследования.

ФИЛИППОВЦЫ И/ИЛИ ФИЛИППОНЫ (ПИЛИППОНЫ): К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Исследователям и знатокам староверия хорошо известно, что наименование с корнем *Филипп-* могло применяться к различным группам последователей старого обряда: это как *филипповцы-беспоповцы*, так и *филиппоны/пилиппоны (филиппоны), филипповане, липоване* поповцы или даже староверы вообще. Однако значительно реже упоминается о том, что в некоторых источниках конца XVII — первой трети XVIII в. встречается термин *филипповцы* (а также польск. *filipowcy* и лат. *Philippoviani*), традиционно соотносимый с беспоповским согласием, в отношении староверов ветковско-стародубского региона. Приведем несколько примеров из документов на разных языках.

Впервые термин *филипповцы* фиксируется, очевидно, в послании секретаря короля Яна III Собеского Петра Полтвева (Piotr Michał Polttiew) об окончательном решении судебного дела между могилевскими дворянами Карлом Халецким и Томашем Красинским, написанном 21 февраля 1690 г. на польском языке. Полтвев писал, что на его вопрос о том, «что вы за люди и откуда прибыли», ветковские староверы ответили, что они «православные русские люди», москали, а филипповцами их называют потому, что некий «простой человек» Филипп из-под Стародуба оказывал содействие в их расселении по окрестным слободам, ср.:

De genere gdym się pital, skąd by byli ludzie przybyli [...]. A ze nas zowią *Filypowcami*, tedy to niesłusznie jest, żebśmy od *Filipa* iakiego pochodzili, tylko to jest ztąd, iż nieiakj *Filip* prosty człowiek *pod Starodubem* był osadcą na Siewierzu y on naszym braci moskalów osadził na niektórych słobodach y od tego

osadczego poczeli lud się zwać *Filipowcami*, a myśmy są *prawosławni Ruscy ludzie*⁴

Униатский историк и богослов Игнатий Кульчинский (Ignacy Kulczyński; 1694–1747) в работе *Specimen Ecclesiae Ruthenicae...* (*Идеал Русской церкви...*), изданной в Риме в 1733 г., в разделе, посвященном патриарху Никону, писал о бежавших от последовавших после никоновских реформ репрессий и преследований («наказывали огнем и мечем») из Московии в Белую Русь *филлиповианах*, названных так по имени их предводителя некоего *Филиппа*:

Correherat jam Nicon sacros libros, probantibus talem correctionem episcopis moscoviticis; sed acto ipso in exilium, magna pars cleri tum saecularis, tum regularis rejecit hosce libros, dictitans multis erroribus eos scaterere: unde accedente plebe crevit ingens schisma, cujus asseclae quodam *Philippo* antesignano dicti fuere *Philippoviani*. Animadversum in eos igne ac ferro, sed hisce nil proficientibus, pulsati omnes ex ditionibus Moscoviae, in quibusdam *albae Russiae* locis domicilia fixere⁵.

Наконец, одесский историк Юрий Горбунов обратил внимание, что в *Обличении неправды раскольнической* Феофилакта Лопатинского, подготовленном по поручению Синода в 1723 г., но изданном лишь в 1745 г. уже после смерти автора, также упоминается некий простолюдин Филип, распространявший древлеправославие среди малороссиян: «Ересь *Филиповцы*, наченшееся от простолюдина *Филипа в Стародубье*, и приводяше малоросиян в раскольническое крещение, и православные христиане начаша их называти *Филиповцами*

⁴ Д.И. Довгялло, *Могилевская старина. К истории Ветки. Документ 1690 года* // Е.Р. Романов (ред.), *Могилевская старина: Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей»*, вып. 1: 1898 и 1899 гг., Типография Губернского правления, Могилев Губернский 1900, с. 4 (10-го счета) (курсив мой — Н.М.). Анализ документа (и его перепечатку) см.: Г. Поташенко, *Староверие в Литве: Вторая половина XVII — начало XIX вв.* Исследования, документы, материалы, *Aidai*, Вильнюс 2006, с. 250–251, 288–291, 312–313.

⁵ Цит. по изд.: *Specimen Ecclesiae Ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana semper unitae per Ignatium Kulczyński, Lethielleux, Parisiis 1859*, с. 135 (курсив мой — Н.М.). Впервые на этот источник обратил внимание, кажется, В. Якубовский, см.: W. Jakubowski, *Z historii kolonii staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach*, „Slavia Orientalis“, 1961, vol. X(1), s. 84. Благодарю А. Земкаюте и М. Чюринскаса за помощь в переводе этого фрагмента.

и доднесь»⁶. Александр Пригарин, комментируя указанные сведения Горбунова, пишет, правда, без ссылок на источники, что этот Филипп агитировал староверов с Ветки переселяться в юго-западном направлении, в Бессарабию, ближе к Ясскому митрополиту⁷.

Список источников, в которых упоминается ветковско-стародубский *Филипп*, а также ветковско-стародубские *филипповцы*, можно продолжить: это судебные дела, униатские и иезуитские сочинения и письма и др.

Как видим, эти свидетельства датируются 1690 — началом 1730-х гг., т.е. значительно более ранним периодом, чем оформление и выделение филипповского беспоповского согласия, а сам термин появляется в Речи Посполитой сначала в польскоязычных источниках (что неоднократно отмечалось в историографии). Ветковские *филипповцы/филипповиане/филиппоны* в дальнейшем в результате печально известных выгонок 1735 и 1764 гг. и по другим причинам были вынуждены покидать обжитые места и уходить в поисках более спокойного места жительства, унося с собой и данное им наименование, которое в разных странах с течением времени под влиянием языковых и иных причин несколько видоизменилось⁸. Часть вет-

⁶ [Феофилакт (Лопатинский)], *Обличение неправды раскольниковской*, Синодальная типография, Москва 1745, л. 4 (прилож.); цит. по: Ю.Е. Горбунов, *К вопросу о происхождении названия «липоване» // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*, Астропринт, Одеса 2000, с. 141 (курсив мой — Н.М.).

⁷ А.А. Пригарин, *Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв.*, Смил — Археодоксия, Одесса—Измаил—Москва 2010, с. 38.

⁸ Об особенностях употребления различных словообразовательных и фонетических вариантов термина с корнем *Филипп*- в историографии разных стран и попытках его этимологизации см., напр.: Ю.Е. Горбунов, *К вопросу о происхождении...*, с. 135–144; Ф.И. Кирилэ, *О генезисе этнонима «Русские липоване» // В.И. Осипов и др. (сост.), Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы*, Москва 2007, т. 2, с. 104–117; В.А. Липинская, *Этнонимы и конфессионимы русского населения в Румынии*, „Этнографическое обозрение” 1998, № 5, с. 44–58; Г. Поташенко, *Староверие в Литве...*, с. 252, 312; *Библиография работ по названиям и самоназваниям старообрядцев северо-западного Причерноморья*, 2016, <http://eurasianphonology.info/static/groups/biblio.html> (18.05.2020); Е. Iwaniec, *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1977, s. 79–80; I. Munteanu, *Monografia rușilor lipoveni din Brăila. Pescutul, activitate tradițională*, Proilavia, Brăila 2015, с. 74–96; S. Pastuszew-

ковцев (преимущественно староверы-поповцы) действительно отправилась на юго-запад и, минуя несколько промежуточных пунктов, осела в Буковине, Подолье, Бессарабии и низовьях Дуная. Это обстоятельство объясняет причины появления и происхождение термина *филиппоны/пилиппоны* как в официальных польских (времен Речи Посполитой), так и прусских, австро-венгерских, а также некоторых российских (касающихся старообрядцев западных окраин империи) источниках, причем часто это наименование применялось ко всем староверам, независимо от их толка и территории исхода, т.е. по сути было синонимом определения *староверы*. А поскольку какое-то количество представителей филипповского беспоповского согласия (тоже *филипповцев*) все же проживало на исторических землях Речи Посполитой, в Пруссии⁹ и, видимо, в др. странах, это обстоятельство породило терминологическую омонимию и, как следствие, некоторую путаницу при интерпретации данных первоисточников¹⁰, которая иногда наблюдается как в научной, так и научно-популярной литературе.

«КИТЕЛЕШТСКАЯ ПУСТЫНЯ»: ДАННЫЕ ФИЛИППОВСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Далее обратимся к собственно румынской ситуации и попытаемся выяснить, были ли филипповцы-беспоповцы на территории современной Румынии или упоминание о них во вторичных

ski, *Przegląd źródeł i opracowań do badań staroprawosławia*, Instytut Wydawniczy „Świadectwo”, Bydgoszcz 2016; и др.

⁹ См., напр.: *Состояние старообрядческаго раскола и православной миссии среди него за 1909 г.*, „Полоцкие епархиальные ведомости” 1911, № 17, с. 343; Е. Іwaniec, *Z dziejów staroobrzędowców...*, s. 79–82; и др. Об одном филипповце, проживавшем в середине XIX в. в Войновском монастыре в Пруссии, упоминал Павел Прусский: «А когда приехал в Пруссию, в обитель, нашел одного филипповца, пребывавшего в обители, за неимением филипповской, отца Елеозара, горячего филипповского ревнителя» (*Полное собрание сочинений Никольскаго единоверческаго монастыря настоятеля архимандрита Павла*, Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, Москва 1897, т. 1, с. 2).

¹⁰ Очевидно, некритическим отношением к источникам следует объяснять данные А.А. Горбацкого, идущего здесь вслед за В. Волковым (В. Волков, *Сведения о начале, распространении и разделении раскола...*, с. 35, 47, 50), о значительном количестве филипповцев-беспоповцев в XIX в. на территории современной Беларуси (А.А. Горбацкий, *Старообрядчество на белорусских землях...*, с. 132 и др.).

источниках — это следствие показанной выше терминологической омонимии.

О филипонах/липованах, т.е. поповцах, проживающих на территории современной Румынии, хорошо известно: описаны направления миграции и история формирования основных центров, география распространения, особенности традиционного говора и религиозной духовной культуры и др., см., напр., монографию Александра Пригарина¹¹ со ссылками на источники и литературу по истории вопроса. В то же время исследований о филипповцах-беспоповцах на территории этой страны в прошлом и настоящем практически нет, за исключением небольшого предварительного обзора Алексея Безгодова, посвященного современному состоянию румынского беспоповства¹². Новые материалы, недавно обнаруженные в нескольких филипповских рукописях, как кажется, позволяют уточнить «глухие» намеки предыдущих работ и говорить о наличии в Северной (румынской) Добрудже по меньшей мере одной филипповской беспоповской общины более определенно.

Как удалось установить, в нескольких старообрядческих сочинениях упоминается некий филипповский Килештский скит «за Дунаем». Одним из таких памятников является «Родословие иноческого пострижения, со времени благочестиваго епископа Павла Коломенскаго, сиречь от лета 7164го (1656) [...] и по настоящее 7387 (1879) год, еже от плотскаго воплощения Бога слова 1879 год» (*нач.*: «Павел, епископ Коломенский, с Игнатием, черным дияконом и еклисиархом Соловецкаго монастыря, постригли Генадиа Каньгина...»), составленное в 1879 г. северодвин-

¹¹ А. А. Пригарин, *Русские старообрядцы на Дунае...*

¹² А. А. Безгодков, *Староверы-беспоповцы Придунавья (краткий обзор согласий)* // *Липоване*, Одесса 2004, вып. I, с. 60–63. Н. И. Надеждин сообщает о двух поселениях филиппонов-беспоповцев, приехавших из Пруссии, в окрестностях Галаца (рум. *Galați*) и Васлуй (рум. *Vaslui*), см.: [Н. И. Надеждин], *О заграничных раскольниках, Надеждина (1846)* // В. И. Кельсиев (сост.), *Сборник правительственных сведений о раскольниках*, Trübner & Co, Лондон, 1860, вып. 1, с. 113. Но здесь, очевидно, речь идет не о филипповцах, а о федосеевцах, так как в Пруссии, по сведениям Павла Прусского, того же Надеждина и других источников, филипповцев практически не было. О беспоповцах в «турецкой» части современной Румынии Надеждин умалчивает. О филипповцах-беспоповцах не знал и П. Сырку, см.: П. Сырку, *Наши раскольники в Румынии и отношение к ним румынского правительства*, „Христианское чтение” 1878, № 5–6, с. 663–705.

ским книжником Стефаном Фроловым (в иночестве — Сергей Кокшеньгский; † 22.01.1880)¹³. В нем представлены две линии иноческого пострижения филипповцев: первая берет начало от епископа Павла Коломенского, родоначальником второй был некий инок из рода Севастьяновых из Весьегонского уезда Тверской губернии. На данный момент известно три списка этого сочинения последней четверти XIX — 1910-х (?) гг.: ИРЛИ, собр. Ф.А. Каликина, № 52 (л. 1–5)¹⁴; БАН, собр. Ф.А. Каликина, № 109 (л. 371–373)¹⁵ и БВАНЛ, F19–331 (с. 307–310)¹⁶.

В Севастьяновской части *Родословия...* неоднократно упоминается Кителешская (Кителештская) «пустыня», находящаяся «за границею». Кроме фроловского *Родословия...* Кителештский скит называется только в сочинениях известного северодвинского филипповского наставника и книжника Симеона Гаврилова (1842–1930-е гг.; в миру — Иван Гаврилович Квашнин) и в кратком анонимном «Показании потомственного велекущагося от древняго благочестия пострижения (!) иноческого чина и предподающагося благословения приемной

¹³ О Стефане Фролове, его творческом наследии и методах работы с источниками см.: Е.М. Юхименко, *К вопросу о книжной основе старообрядческой культуры. Неизвестный филипповский начетчик старец Сергей Кокшеньгский* // Ю.С. Белянкин, Е.В. Воронцова, Н.В. Литвина (сост.), *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: труды IV Международной научной конференции*, Изд-во Московского университета, Москва 2019, с. 604–615.

¹⁴ Рукопись в 4°, 25 л., переписана полууставом северодвинским книжником М.М. Останиным в 1879 г. Подробнее см.: Е.М. Юхименко, *«Изыскание о иноческом пострижении» (Филипповское сочинение 60-х гг. XIX в.)* // А.Х. Элерт (ред.), *Традиции русской духовной культуры в памятниках XVI–XX в.*, Новосибирск 2018, с. 170.

¹⁵ Рукопись в 4°, 403 (I+402) л., не ранее ноября 1911 г. (в сочинении упоминается газета *Новое время* от 11 ноября 1911 г.), писана полууставом. Видимо, это автограф петербургского старовера-филипповца Максима Яковлева.

¹⁶ Сборник-конволют в 4°, 188 (I+187) л. (I л.+374 с.), писан полууставом и гражданской скорописью нескольких почерков; составлен в середине 1880-х гг., видимо, в Москве на Братском дворе. Подробнее см.: Н. Морозова, *Рукописный сборник соборных постановлений и других сочинений филипповцев в собрании Библиотеки им. Врублевских АН Литвы*, „Slavistica Vilnensis” 2019, Vol. 64(1), с. 87–103, <https://www.journals.vu.lt/slavistica-vilnensis/article/view/15018> (10.05.2020). Публикацию текста *Родословия...* по вильнюсскому списку см.: Н. Морозова, *Филипповское родословие из рукописного собрания Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы: источникведческий анализ*, «Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки» 2020, т. 22, № 3 (200), с. 72–88, DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.045 (23.10.2020).

друг другу и по днесь»¹⁷. Владимир Щипин предположил, что Кителештская пустынь — это филипповский скит в Тикелешти, селении в Румынии в низовьях Дуная, которое Гаврилов ошибочно называл Кителешти, но никакой аргументации в пользу такого отождествления, а также каких-либо других сведений об этом ските не привел¹⁸. Однако поскольку *Родословие...* Фролова и *Показание...* возникают независимо от генеалогических разысканий и других сочинений Симеона Гаврилова и в них также фиксируется название *Кителешти*, становится очевидным, что гавриловское *Кителешти* — это не случайная ошибка, как считал Щипин, а вполне устойчивая традиция.

В упомянутом сочинении Фролова имеются важные (и, на данный момент, уникальные) сведения о Кителештском ските. Так, Фролов сообщает, что основателем этого скита был некий инок Марк, «уроженец из Корел», которого постриг «изрядный иконописец» Феофан¹⁹. Инок Марк, в свою очередь, в Кителештской пустыни постриг Иова, Владимира, Боголепа, Афанасия, Макария «и прочих». В авторской редакции Фролова также сказано, что Макарий и Иринарх, также кореляки и постриженники Феофана, около полугода жили в Кителешти, а потом вернулись в Москву, после чего уклонились в единоверие. Постригли ли они кого-нибудь, будучи за границей, неизвестно, однако Фролов среди постриженников Макария (до его перехода в единоверие) упоминает некоего Антония, «живоущаго за границею» (на момент написания родословия, т.е. в 1879 г. — Н. М.), очевидно, в том же Кителештском ските, а также Варсонофия, жившего за «границей в Кителештской пвстынѣ, а нынѣ в лѣто #ЗТПЗ <7387 / 1879> живѣщаго в Москвѣ в Братскомъ домѣ»²⁰. В *Показании...* сказано, что инок «Макарїи постриже инока Варсанофіа Донскаго въ лѣто #ЗТПВ <7382 / 1875> мѣсеца декобра (!) КА <21> дна, благословѣніа же сподобленъ отцомъ Ювамъ, пвстыножителемъ скита Кителѣшты въ Тврцыи»²¹.

¹⁷ РГБ, собр. Братства Петра митрополита (ф. 579), № 58, л. 3. Рукопись датируется второй половиной XIX в., писана полууставом одного почерка.

¹⁸ В.И. Щипин, *Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского* // В.И. Щипин (публ., предисл. и коммент.), *Житие Герасима Воицкого: из истории филипповского согласия* (Сочинение старца Симеона Гаврилова), Старообрядческое издательство «Третий Рим», Москва 2010, с. 5.

¹⁹ БВАНЛ, F19–331, с. 309–310; ИРЛИ, собр. Ф.А. Каликина, № 52, л. 3 об.

²⁰ ИРЛИ, собр. Ф.А. Каликина, № 52, л. 5.

²¹ РГБ, собр. Братства Петра митрополита (ф. 579), № 58, л. 3 об.

Некоторые из упомянутых Фроловым насельников Кителештской пустыни отождествляются достаточно легко. Так, инок Варсонофий Донской известен и по другим филипповским источникам: он был участником собора в дер. Поповка 9 сентября 1881 г. (его имя обычно указывается первым среди сигнатариев соборных решений), он же упоминается в решении Кимрского собора 14 сентября 1894 г. как один из активистов профедосеевской группировки Братского двора, подлежащих отлучению²². «Варсонофий с Дону» вместе с «Варсонофием другим» участвовал в полемике филипповцев и федосеевцев на Преображенском кладбище в феврале 1906 г.²³ Подпись «старца Макария» находим, напр., под решениями Московского филипповского собора 18 сентября 1872 г.²⁴

Сложнее идентифицировать основателя Кителештского скита инок Марка. Из текста *Родословия...* непонятно, что скрывается за определением «корляк» / «уроженец из Корел»: речь идет о так наз. тверских корелях (откуда родом некий инок «по фамилии Севастьяновых», от которого и пошла эта ветвь филипповского иноческого пострижения) или о беломорских карелях, где тоже было немало филипповцев, а на севере современной Карелии находился знаменитый Топозерский филипповский скит. Кроме того, в этом фрагменте *Родословия...* нет и каких-либо уточняющих хронологических примет. На северные земли указывает замечание Фролова, что постриженники Феофана, иноки Макарий и Иринарх, так же, как и Марк, «уроженцы из Корел», до переезда в Москву, а затем в Кителешти, «жили в Поморье богоподвижно»²⁵. Если это так, то теоретически, с некоторой осторожностью инок Марка можно отождествлять с Марком Топозерским, автором знаменитого *Путешественника*

²² БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 107, л. 245, 248 об.; БВАНЛ, F19–331, с. 201.

²³ Т. В. Игнатова, *К истории московского филипповского центра Братский двор во второй половине XIX — начале XX вв. (новые документы из фондов ЦИАМ)* // *Старообрядчество: история, культура, современность*, вып. 13, Москва 2009, с. 61. «Варсонофий другой» — наставник Братского двора Василий/Проконий Фомич Шестаков, принявший постриг с именем Варсонофий в 1900 г. (см.: В. П. Бударягин, «А красок и туши с книгами пошли...» (*Переписка северодвинских крестьян-старообрядцев XX в.*) // В. Е. Багно (отв. ред.), *Пути и миражи русской культуры*, Северо-Запад, Санкт-Петербург 1994, с. 364–365, 368 и др.).

²⁴ См.: БВАНЛ, F19–331, с. 166.

²⁵ ИРЛИ, собр. Ф. А. Каликина, № 52, л. 4.

в Беловодье. Если учесть уточнение Юрия Рыкова, что первая редакция *Путешественника* возникла не ранее 1823 г.²⁶, вероятность того, что инок Марк Топозерский (учитывая его склонность к путешествиям) в 1850-х гг. мог оказаться за Дунаем, не представляется столь невероятной. Однако это предположение требует дополнительных разысканий.

Кроме того, как уже говорилось, в Кителешти жил Симеон Гаврилов, причем провел там около четырех лет: приблизительно с 1870 по 1874 гг. В одном из сборников материалов на обороте 5-го нумерованного листа Симеон Гаврилов поместил краткую выписку о важнейших событиях своей жизни, где среди прочего отметил, что «4 года был за границей съ #ЗТОИ <7378 / 1870>»²⁷. Под указанием «за границей», видимо, подразумевался Кителештский скит. В той же рукописи на л. 195–198 Симеон Гаврилов привел письмо Леонтия Гаврилова 1876 г. «о отщепенцах, живущих за Дунаем», предварив его следующей справкой:

Писмо Леонтіа Гаврилова. ш ѿщепенцахъ. Писанное въ #ЗТПД <7384 / 1876> года ш ѿщепенцахъ. Котори жилъ за Днаемъ въ скитѣ Кителештахъ четырьѣ года и по выходѣ в Москвѣ писалъ сіе письмо хр<и>стіанскіа ц<ерквѣ оучителю Владимирѣ Терентьевичю²⁸ о ѿщепенцахъ, живщихъ за Днаемъ в городе Твльчѣ в мѣстѣчкѣ, называемѣм Махмѣде²⁹. А ѿщепенцы произошли ѿ согласіа Аристовыхъ, а Аристовы произошли ѿ согласіа еоодшсѣевыхъ.

²⁶ Ю.Д. Рыков, *Ярославский список «Путешественника» Марка Топозерского* // Н.В. Абросимова (ред.), *Книжная культура Ярославского края — 2014: сборник статей и материалов*, Издательское бюро «ВНД», Ярославль 2015, с. 37–38. Биографические данные о Марке Топозерском неизвестны. К.В. Чистов, к примеру, даже склонен считать его скорее легендарным персонажем, чем реальным историческим лицом (К.В. Чистов, *Легенда о Беловодье* // В.Я. Евсеев, Э.Г. Карху (отв. ред.), *Вопросы литературы и народного творчества*: сб. ст., Карельское книжное изд-во, Петрозаводск 1962, с. 144–145).

²⁷ БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 846, автограф С. Гаврилова, нач. XX в., 402 л. Пользуясь случаем, искренне благодарю М.В. Першину (Новосибирск) и М.В. Корогодину (Санкт-Петербург) за информацию об этой рукописи.

²⁸ Владимир Терентьевич (Терентьев) — авторитетный северодвинский книжник, соавтор Стефана Фролова, участник нескольких филипповских соборов и «публичного разглагольствия» о браках с Павлом Прусским в 1861 г., см.: БАН, собр. Г.В. Дружинина, № 846, л. 199; ИРЛИ, собр. Ф.А. Каликина, № 52, л. 6 об.—7. Владимир Терентьев умер не позднее 1915 г., см.: Е.М. Юхименко, *«Изыскание о иноческом постриженши»...*, с. 169.

²⁹ Махмудия (рум. *Mahtudia*) — деревня на правом берегу Дуная в жудеце Тульча.

На полях в правом верхнем углу дополнительно сказано: «Замѣчание: Леонтїи Гаврилов выехал из скита Кителешть изъ-за Дѣнаа #ЗТПГ <7383 / 1875> года в мае мѣсяцѣ»³⁰. Как видим, Леонтий Гаврилов также провел 4 года в скиту в Кителешти.

Таким образом, учитывая данные перечисленных выше рукописных источников, у нас имеются сведения не только о существовании филипповского скита «за границей», но и по меньшей мере о 12 его насельниках, живших там в разное время, видимо, приблизительно с середины 1850-х до конца (или, по крайней мере, до середины) 1870-х гг.

КИТЕЛЕШТ(И) VS ТИКИЛЕШТИ, ИЛИ ГДЕ НАХОДИЛСЯ ФИЛИППОВСКИЙ СКИТ

Следующие вопросы, которые неизбежно возникают при анализе сведений о Кителештском ските, — это его местонахождение и возможность верификации известий, выявленных в рукописных филипповских источниках. Иначе говоря, можно ли на основании имеющихся материалов указать конкретное место, где была расположена обитель, и есть ли какие-либо сведения о ней в других источниках или приведенные выше свидетельства собственно филипповских рукописных памятников уникальны?

Симеон Гаврилов указал, что этот скит расположен «за Дунаем», за границей Российской империи, а анонимный автор *Показания...* уточнил, что обитель находится «в Турции», т.е. в той части современной Румынии (румынской Добруджи), которая до 1 июля 1878 г. принадлежала Османской империи. Упомянутый город Тульча как центр отщепенцев-аристовцев недвусмысленно указывает на известный старообрядческий регион в Добрудже между Тульчей (рум. *Tulcea*) и Брэилой (рум. *Brăila*) на территории современной Румынии. Изучение современных и исторических карт и географических справочников указанного региона показало, что населенного пункта под названием Кителешти там не было и нет, зато были обнаружены три поселения с названием Тикилешти (рум. *Tichilești*)³¹: община и одноименное село в жудеце Брэила, на левом берегу Дуная, т.е. в Княже-

³⁰ БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 846, л. 195.

³¹ Отметим, что метатеза слогов как в исконных, так и заимствованных топонимах является достаточно распространенным явлением во многих языках.

стве Румыния (с 1859 по 1877 г. находившемся в вассальной зависимости от Турции), и два села в правобережной, собственно турецкой части: село в жудеце Констанца (рум. *Constanța*) и небольшая деревня в жудеце Тульча³², см. рис. 1. Учитывая замечание Симеона Гаврилова о том, что скит находился «за Дунаем», т.е. на правом берегу реки, а также данные *Показания...* о расположении скита на турецкой стороне, левобережное Тикилешти, очевидно, следует исключить из списка потенциальных мест и попытаться выяснить, в котором из двух «турецких» сел мог быть интересующий нас филипповский скит.

Село Тикилешти в жудеце Констанца окружено несколькими липованскими поселениями. Практически рядом находится большое старообрядческое село Гиндэрешти (рум. *Ghindărești*; trad. рус. *Новенькое, Новое село* и др.), несколько дальше — общинный центр, город Хыршова (рум. *Hârșova*; trad. рус. *Гурсово*), в котором также издавна проживают староверы. Однако, по официальным данным, в самом Тикилешти ни в начале XX в., ни сейчас староверов не было и нет: его населяют румыны и незначительное количество цыган³³.

Еще одно Тикилешти — небольшая деревня, расположенная приблизительно на середине пути между Тульчей и Брэилой в нескольких километрах на запад от города Исакча (рум. *Isaccea*) и формально считающаяся одной из его частей. Приграничный город-крепость Исакча известен как один из придунайских населенных пунктов на территории Османской империи, в котором издавна жили староверы-некрасовцы³⁴. Сведений же об этом Тикилешти и его истории удалось найти немного. В настоящее время он известен прежде всего как единственный действующий в Европе лепрозорий, открытый там, вероятно, в начале XX в. на базе бывшего монастыря³⁵. В открытых интер-

³² См. также: G. I. Lahovari, C. I. Brătianu, G. Tocilescu, *Marele Dicționar Geografic al României*, Stab. grafic J. V. Socecă, București 1902, vol. V, с. 598.

³³ M. D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului al XX-lea. Geografia matematică, fizică, politică, economic și militară*, Atelierele Grafice I.V. Socecu, București 1904, с. 417; *Тикилешти (Констанца)* // [https://sr.wikipedia.org/wiki/Тикилешти_\(Констанца\)](https://sr.wikipedia.org/wiki/Тикилешти_(Констанца)) (15.05.2020).

³⁴ См., напр.: А. А. Пригарин, *Русские старообрядцы на Дунае...*, с. 95, 98–99 и др.

³⁵ В источниках приводятся разные даты открытия лепрозория: 1875 г. (*Tichilești, Tulcea* // https://en.wikipedia.org/wiki/Tichilești,_Tulcea (30.04.2020), 1877 г. (L.-D. Cizer, *Toponimia județului Tulcea. Considerații sincronice și diacronice*,

нет-источниках и научных публикациях приводятся две версии возникновения монастыря. Согласно одной из них, монастырь основан принцессой из рода Кантакузинов, которая, заболев проказой, поселилась в Тикилешти и повелела возвести там монастырь. Другая легенда гласит, что поселение основано русскими липованами, которые и построили монастырь, но потом стали промышлять разбоем, за что были пойманы и уничтожены. По мнению источников, наличие в прошлом монастыря на месте теперешней деревни-лепрозория не вызывает сомнений, так как больные проказой часто селились вблизи монастырей³⁶. Рассказ о липованах-разбойниках едва ли соответствует действительности. Скорее всего, в народной памяти таким причудливым образом отложились события многочисленных русско-турецких войн³⁷, в которых участвовали русские казаки и страдало местное население. В Исаке издавна жили казаки-некрасовцы (т.е. староверы), которые участвовали в военных действиях (обычно на стороне Турции) и которых местные жители могли называть липованами. В результате разбой и мародерство военного времени, русские, казаки и липоване в народном сознании без

Lumen Cizer, Iași 2012, p. 224), 1900 г., но чаще всего встречается указание на начало XX в. (без точного года), что, видимо, соответствует действительности, поскольку в общерумынских и региональных географических справочниках, изданных в начале XX в., информации о лепрозории в Тикилешти еще нет, см.: G. I. Lahovari, C. I. Brătianu, G. Tocilescu. *Marele Dicționar...*, с. 598; M. D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 390.

³⁶ L. D. Cizer, *Toponimia județului Tulcea...*, с. 224–225; V. Comaroni, L. Kallai, *Ultimul lazaret, „Ziua“*, No 3579 (21 martie 2006), <http://www.ziua.ro/display.php?data=2006-03-21&id=196153> (30.04.2020); и др. Благодарю Л. Барткене за помощь в переводе некоторых румынских источников.

³⁷ Село Тикилешти фигурирует в русских военных мемуарах времен Крымской войны 1853–1856 гг., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Балканского театра военных действий Первой мировой войны (М. И. Богданович, *Восточная война 1853–1856 годов*, тип. Ф. Сущинского, Санкт-Петербург 1876, т. 1, с. 34 (второго счета); А. В. Верещагин, *Дома и на войне. 1853–1881: Воспоминания и рассказы*, Издание книжного склада В. А. Березовского, Санкт-Петербург 1886, с. 186; А. М. Зайончковский, *Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой*, Экспедиция изготовления государственных бумаг, Санкт-Петербург 1913, т. II, ч. 1, с. 131; и др.), но упоминаний о русском населении и, тем более, существовании там монастыря (скита) в них нет. Монастырь в Тикилешти иногда встречается в болгарских мемуарах времен Первой мировой войны, напр.: *През Добруджа. 14-а рота от 7-а пехота. Преславски полк. 1916–1917 г.*, Кооперативна печатница «Гутенберг», София 1918, с. 81.

особых проблем трансформировались в приведенный выше сюжет. Однако упоминание русских староверов и их обители в связи с историей этой деревни заставило обратить на нее более пристальное внимание и продолжить поиски в румынской литературе.

Краткое упоминание о беспоповском липованском монастыре в Тикилешти удалось обнаружить в монографии Мариана Ионеску *Dobrogea în pragul veacului al XX-lea. Geografia matematică, fizică, politică, economic și militară* (1904). Он писал, что монастырь Тикилешти находится посередине дороги между Исакчей и Ракелу (рум. *Rachelu*). По его сведениям, это небольшая церковь, в которой когда-то было несколько липованских монахов-беспоповцев, а сейчас проживают 3 монахини-беспоповки из монастыря Киликуль (рум. *Cilicul, Celic-Dere*); они переселились в Тикилешти, поскольку не могли жить среди русских монахинь³⁸. Ионеску также указал, что монастырская церковь была посвящена Вознесению Господню³⁹, а сам скит, несмотря на то, что в начале XX в. в нем все еще жили три монахини, служил «скорее убежищем для грабителей, чем местом для молитвы»⁴⁰.

Данные Ионеску о конфессиональной принадлежности монастыря и его насельников в начале XX в. противоречивы. Так, исследователь включил монастырь в список православных обителей, а не липованских (старообрядческих) церквей, но в то же время писал, что в нем проживали три монахини-беспоповки, переселившиеся из (православного) монастыря в Киликуле (ср.: «3 călugărițe bespopove, plecate de la Cilicul, nemaî putându trăi între călugărițele rusóice»⁴¹; курсив мой — Н.М.). В таблице этноконфессионального состава населения региона он также отметил, что в начале XX в. в Тикилешти проживали только три липованина-беспоповца (в соседней Исакче, к примеру, кроме румын было 675 турок, 555 русских, 229 болгар, 129 греков,

³⁸ Ср.: «Mănăstirea Tikilesći așezată în fundul unei văi scurte spre Sud de cherhanaua Melentie, la ½ distanță între Isaccea și Rakel. E o mică bisericuță, care altă dată avea mai mulți călugări lipoveni bespopovi, azi sunt 3 călugărițe bespopove, plecate de la Cilicul, nemaî putându trăi între călugărițele rusóice» (M. D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 390).

³⁹ M. D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 651.

⁴⁰ Там же, с. 641.

⁴¹ Там же, с. 390.

31 липованин-беспоповец (хотя в данном случае речь идет, скорее всего, о беглопоповцах)⁴², 72 татарина и т.д.)⁴³.

В настоящий момент точная дата появления русских староверов-филипповцев в окрестностях Тикилешти неизвестна. Вероятнее всего они пришли «за Дунай» вскоре после окончания Крымской войны, так как в начале 1850-х гг., судя по всему, их там еще не было: Ионеску отметил, что в 1848–1850 гг. в Тикилешти жили 9 семей немцев⁴⁴. По информации Георге Байсана, приведенной в электронном справочнике *Dictionarul localitatilor din judetul Tulcea*, в 1896 г. там была обычная «группа домов с 37 жителями рядом со старым монастырем монахов-беспоповцев», а в 1900 г. проживал 41 человек⁴⁵; к сожалению, этноконфессиональная принадлежность населения в обоих случаях не уточнена. Сложно сказать, чем объясняется столь значительная разница в количестве населения у Ионеску и Байсана, поскольку Байсан не указал список своих источников.

Сведения Ионеску о беспоповском монастыре в Тикилешти повторены в монографии Сорин-Кристиан Айлинкэй⁴⁶, а также геоисторическом исследовании археологических и исторических памятников на территории Исакчи⁴⁷, но при этом никогда не приводились в научной литературе по истории старообрядчества в Румынии.

⁴² Очевидно, Ионеску не различал беспоповцев и беглопоповцев и причислял последних к беспоповцам: термин *беглопоповцы* в его монографии не используется, а известные беглопоповские общины в селах Слава Черкезе (рум. *Slava Cercheză*) и Сарикёй (рум. *Sarichioi*), видимо, «скрываются» под определением «беспоповцы» (M.D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 653). Современную географию расселения и конфессиональную структуру липован Румынии см.: Radu Bobică, *Dicționar de termeni și concepte teologice*, ePublishers & Editura Coresi 2020, с. 203–204; F. Ipatiov, *Rușii-lipoveni din România: studiu de geografie umana*, Presa Universitară Clujeană, Cluj 2001.

⁴³ M.D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 381.

⁴⁴ Там же, с. 345.

⁴⁵ Gh. Baisan, *Dictionarul localitatilor din judetul Tulcea*, 2017, vol. N–Z, <https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/T-Z.pdf> (15.05.2020).

⁴⁶ S.-Cr. Ailincăi, *Începuturile epocii fierului în Dobrogea. Cercetările arheologice de la Revărsarea, Isaccea, județul Tulcea*, Tulcea 2013, с. 13–14.

⁴⁷ Ср.: «Se pare ca la Tichilesti in trecut a existat un *schit al calugarilor lipoveni bespopovi* care inasa, la inceputul sec. XX era aproape parasit, aici traind doar 3 calugari». *Studiu geoistoric. Situri și monumente arheologice și istorice în teritoriul administrativ al orașului Isaccea, jud. Tulcea*, Tulcea County Council — Eco-Museal Research Institute 2000, с. 5, <https://www.isaccea.ro/images/2018/urbanism/pug/studiugeoistoric.pdf> (15.05.2020); курсив мой — Н. М. Кстати, здесь монастырское поселение названо скитом.

Таким образом, обращение к румынской географической и историко-краеведческой литературе показало, что данные о Кителештском филипповском ските, обнаруженные в собственно старообрядческих рукописных памятниках, находят подтверждение в румынских источниках. Кроме того, как было показано выше, в них имеются новые данные (напр., посвящение монастыря, состояние построек и др.), которые не были известны по филипповским текстам.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как показало проведенное исследование, осторожные упоминания, иногда встречаемые в литературе, о присутствии филипповцев-беспоповцев на территории современной Румынии, могут иметь двоякую причину:

1) терминологическая омонимия (*филипповцы-беспоповцы* и *филипповцы*, *филипоны/пилипоны (филиппоны)*, *филипповане*, *липоване* поповцы или даже староверы вообще) и, как следствие, ошибочная интерпретация данных первоисточников и причисление упоминаемых там филипповцев-поповцев к филипповцам-беспоповцам;

2) отсутствие (незнание) конкретной информации у того или иного исследователя и скорее предположение о возможном проживании филипповцев-беспоповцев, чем констатация реальных фактов.

Внимательное изучение филипповских рукописных источников и данные румынских исследований и справочников позволило выявить по меньшей мере один филипповский беспоповский центр (обитель), существовавший в северной (ныне румынской) части Добруджи во второй половине XIX в. Это небольшой филипповский скит в окрестностях Исакчи на правом берегу Дуная. На основании имеющихся в настоящий момент данных можно утверждать следующее:

1) Приведенные выше материалы позволяют надежно отождествлять «Кителештскую пустыню», упоминаемую в филипповских рукописях, с беспоповским монастырем в дер. Тикилешти, расположенной на правом берегу Дуная в жудеце Тульча. Причину метатезы первых двух слогов в названии населенного пункта указать затруднительно: это может быть связано как

с обычной меной для облегчения произношения заимствованных слов, так и с попыткой конспирации. Но на данном этапе исследования наблюдается четкое разграничение употребления: *Кителешт* — в старообрядческих филипповских источниках и официальное *Тикилешти* — в русской мемуаристике и военных документах;

2) На момент написания статьи нам известны имена 12 жителей Кителештского филипповского скита, некоторые из них надежно идентифицированы (это известные деятели филипповского согласия);

3) Кителештский скит был посвящен Вознесению Господню;

4) Согласно сведениям старообрядческих рукописных памятников, филипповский скит в Тикилешти просуществовал до середины (или конца) 1870-х гг.: Симеон Гаврилов уехал в 1874 г.; Леонтий Гаврилов покинул «скит Кителешть» в мае 1875 г.; инок Макарий или постриг, или получил благословение на постриг Варсанофия от инока Иова, «пвстыножителя скита Кителѣшты въ Тврцыи», в декабре 1875 г. Сам Макарий пробыл в Тикилешти около полугода и вернулся в Россию, видимо, в первой половине 1876 г., и, как пишет Фролов, по возвращении в Москву присоединился «къ еретикѣ и ѡстѣпникѣ» Павлу Прусскому, а в 1877 и 1878 гг. хотел покаяться и вернуться в филипповское согласие. Никакой информации о пребывании филипповцев в окрестностях Тикилешти в 1880-х гг. и позже в старообрядческих памятниках письменности найти не удалось.

Этому выводу не противоречат и румынские источники. Как указывалось выше, в начале XX в. монастырь был заброшен, а большинство его построек пришли в негодность. Мужская обитель к тому времени перестала существовать и в полуразрушенных строениях нашли пристанище три монахини-липованки беспоповского согласия, которые, видимо, по вероисповедным причинам не могли жить в соседнем монастыре в Киликуле вместе с русскими православными монахинями. Несколькими годами позже в Тикилешти было основано поселение для больных проказой.

На данном этапе изучения сложно сказать, что послужило причиной ухода филипповцев из Тикилештской обители. Это могло быть как чувство опасности перед очередной приближавшейся русско-турецкой войной (1877–1878 гг.) и, как следствие, добровольный исход, поскольку скит находился в нескольких

километрах от границы, в непосредственной близости от Исакчи, одного из турецких приграничных оборонительных городов-крепостей, так и какие-либо внешние административные обстоятельства, вынудившие покинуть обжитые места. Прояснить ситуацию могло бы знакомство как с материалами о военных действиях у крепости Исакча в румынских, турецких и, частично, российских архивах, так и документами по организации тикилештского лепрозория. Точная дата основания обители также неизвестна. Можно лишь предполагать, что скит возник во второй половине 1850-х гг., после окончания Крымской войны. Не выяснены также конкретные причины и обстоятельства, вынудившие инока Марка и его единомышленников покинуть пределы Российской империи и искать пристанище за границей, в Турции. Очевидно, новые старообрядцы-мигранты должны были каким-то образом легализовать свое пребывание в чужой стране: получить разрешение местных (турецких) светских и духовных властей на организацию монашеского поселения и открытие собственной моленной (как было в случае с отцом Афанасием, когда он хотел основать монастырь в Киликуле⁴⁸, и др.). Даже если поселение возникло стихийно, весть о нем среди российских филипповцев распространилась очень быстро, а сам скит, видимо, стал авторитетным центром: в 1870-х гг. в нем побывали такие видные деятели филипповского согласия, как Симеон Гаврилов, Леонтий Гаврилов, Варсонофий Донской и др. Поэтому следующим шагом в изучении истории этого неизвестного ранее беспоповского филипповского центра должна стать как работа в румынских и, возможно, турецких архивах, так и дальнейшие поиски информации о нем в собственно филипповских источниках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург
БВАНЛ — Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, Вильнюс
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург
РГБ — Российская государственная библиотека, Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

⁴⁸ См.: П. Сырку, *Наши раскольники в Румынии...*, с. 697–698; M.D. Ionescu, *Dobrogea în pragul veacului...*, с. 407–408.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- БАН, собр. Г.В. Дружинина (ф. 19), № 846
 БАН, собр. Ф.А. Каликина (ф. 67), № 107
 БАН, собр. Ф.А. Каликина (ф. 67), № 109
 БВАНЛ, F19–331
 ИРЛИ, Р-IV, собр. Ф.А. Каликина, № 52
 РГБ, собр. Братства Петра митрополита (ф. 579), № 58
 РГИА, ф. 796, оп. 46, д. 160

REFERENCES

- [Feofilakt (Lopatinskiy)]. *Oblicheniye nepravdy raskol'nikeskoy*. Moskva: Sino-dal'naya tipografiya, 1745 [Феофилакт (Лопатинский)]. *Обличение неправды раскольнической*. Москва: Синодальная типография, 1745].
- [Kulczynski, Ignatium]. *Specimen Ecclesiae Ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana semper unitae per Ignatium Kulczynski*. Parisiis: Lethiel-leux, 1859.
- [Nadezhdin, Nikolay Ivanovich]. “O zagranichnykh raskol'nikakh, Nadezhdina (1846).” *Sbornik pravinel'stvennykh svedeniy o raskol'nikakh*. Вып. 1. Comp. Kel'siyev, Vasilii Ivanovich. London: Trübner & C°, 1860. 75–137 [Надеждин, Николай Иванович]. “О заграничных раскольниках, Надеждина (1846).” *Сборник правительственных сведений о раскольниках*. Вып. 1. Сост. Кельсиев, Василий Иванович. Лондон: Trübner & C°, 1860. 75–137].
- Ailincăi, Sorin-Cristian. *Începuturile epocii fierului în Dobrogea. Cercetările arheologice de la Revărsarea, Isaccea, județul Tulcea*. Tulcea, 2013.
- Baisan, Gheorghe. *Dictionarul localitatilor din judetul Tulcea*. Vol. N–Z. 2017 <<https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/T-Z.pdf>>
- Bezgodov, Aleksey Aleksandrovich. “Starovery-bespopovtsy Pridunav'ya (kratkii obzor soglasiy).” *Lipovane*. I. Odessa, 2004. 60–63 [Безгодов, Алексей Александрович]. “Староверы-беспоповцы Придунавья (краткий обзор согласий).” *Липоване*, I. Одесса, 2004. 60–63].
- Bibliografiya rabot po nazvaniyam i samonazvaniyam staroobryadtsev severo-zapadnogo Prichernomor'ya*. 2016 <<http://eurasianphonology.info/static/groups/biblio.html>> [Библиография работ по названиям и самоназваниям старообрядцев северо-западного Причерноморья. 2016 <<http://eurasianphonology.info/static/groups/biblio.html>>]
- Bobică, Radu. *Dicționar de termeni și concepte teologice*. ePublishers & Editura Coresi, 2020.
- Bogdanovich, Modest Ivanovich. *Vostochnaya voyna 1853–1856 godov*. T. 1. Sankt-Peterburg: tip. F. Sushchinskago, 1876 [Богданович, Модест Иванович]. *Восточная война 1853–1856 годов*. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Ф. Сущинского, 1876].
- Budaragin, Vladimir Pavlovich. “«A krasok i tushi s knigami poshli...» (Perepiska severodvinskikh krest'yan-staroobryadtsev XX v.).” *Puti i mirazhi russkoy kul'tury*. Ed. Bagno, Vsevolod Evgen'yevich. Sankt-Peterburg: Severo-Za-

К ВОПРОСУ О СТАРОВЕРАХ-ФИЛИППОВЦАХ...

- pad, 1994. 364–382 [Бударагин, Владимир Павлович. «А красок и туши с книгами пошли...» (Переписка северодвинских крестьян-старообрядцев XX в.).] *Пути и миражи русской культуры*. Отв. ред. Багно, Всеволод Евгеньевич. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1994. 364–382].
- Chistov, Kirill Vasil'evich. "Legenda o Belovod'ye." *Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva*: sb. st. (*Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR*, 35). Eds. Evseyev, Viktor Yakovlevich and Karkhu, Eyno Genrikhovich. Petrozavodsk: Karel'skoye knizhnoye izd-vo, 1962. 116–181 [Чистов, Кирилл Васильевич. "Легенда о Беловодье." *Вопросы литературы и народного творчества*: сб. ст. (*Труды Карельского филиала АН СССР*, 35). Отв. ред. Евсеев, Виктор Яковлевич и Карху, Эйно Генрихович. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1962. 116–181].
- Cizer, Laura-Diana. *Toponimia județului Tulcea. Considerații sincronice și diacronice*. Iași: Lumen, 2012.
- Comaroni, Bogdan, Kallai, Laszlo. "Ultimul lazaret." *Ziua*, No 3579 (21 martie 2006) <<http://www.ziua.ro/display.php?data=2006-03-21&id=196153>>
- Dovgyallo, Dmitriy Ivanovich. "Mogilevskaya starina. K istorii Vetki. Dokument 1690 goda." *Mogilevskaya starina: Sbornik statey "Mogilevskikh gubernskikh vedomostey"*, 1: 1898 i 1899 gg. Ed. Romanov, Yevdokim Romanovich. Mogilev Gubernskiy: Tipografiya Gubernskago pravleniya, 1900. 1–5 (10-go scheta) [Довгялло, Дмитрий Иванович. "Могилевская старина. К истории Ветки. Документ 1690 года." *Могилевская старина: Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей»*, 1: 1898 и 1899 гг. Ред. Романов, Евдоким Романович. Могилев Губернский: Типография Губернского правления, 1900. 1–5 (10-го счета)].
- Gorbatskiy, Andrey Aleksandrovich. *Staroobryadchestvo na belorusskikh zemlyakh*. Brest, 2004 [Горбачкий, Андрей Александрович. *Старообрядчество на белорусских землях*. Брест, 2004].
- Gorbunov, Yuriy Evgen'evich. "K voprosu o proiskhozhdenii nazvaniya «lipovane»." *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi Evropi: materialy i doslidzhennya*. Odesa: Astroprint, 2000. 135–144 [Горбунов, Юрий Евгеньевич. "К вопросу о происхождении названия «липоване»." *Археология та этнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. Одеса: Астропринт, 2000. 135–144].
- Ignatova, Tat'yana Viktorovna. "K istorii moskovskogo filippovskogo tsentra Bratskiy dvor vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. (novye dokumenty iz fondov TsIAM)." *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*, 13. Moskva, 2009. 44–62 [Игнатова, Татьяна Викторовна. "К истории московского филипповского центра Братский двор во второй половине XIX — начале XX вв. (новые документы из фондов ЦИАМ)." *Старообрядчество: история, культура, современность*, 13. Москва, 2009. 44–62].
- Ionescu-[Dobrogianu], Marin. *Dobrogea în pragul veacului al XX-lea. Geografia matematică, fizică, politică, economic și militară*. București: Atelierele Grafice I.V. Socești, 1904.
- Ipatiov, Filip. *Rușii-lipoveni din România: studiu de geografie umana*. Cluj: Presa Universitară Clujeană, 2001.
- Iwaniec, Eugeniusz. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977.
- Jakubowski, Wiktor. "Z historii kolonii staroobrzędowców rosjskich na Mazurach." *Slavia Orientalis* 1961, no. X(1): 81–103.

- Kirile, Feodor Ivanovich. "O genezise etnonima «Russkiye lipovane»." *Staroobryadchestvo. Istoriya. Kul'tura. Sovremennost'. Materialy*. Т. 2. Comp. by Osipov, Viktor Ivanovich, et al., Moskva, 2007. 104–117 [Кирилэ, Феодор Иванович. "О генезисе этнонима «Русские липоване»." *Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы*. Т. 2. Сост. Осипов, Виктор Иванович, и др., Москва, 2007. 104–117].
- Kozhurin, Kirill Yakovlevich. *Dukhovnye uchitelya sokrovennoy Rusi*. Sankt-Peterburg: Piter, 2007 [Кожурин, Кирилл Яковлевич. *Духовные учителя сокровенной Руси*. Санкт-Петербург: Питер, 2007].
- Lahovari, George Ioan, Brătianu, Constantin I., Tocilescu, Grigore. *Marele Dicționar Geografic al României*. Vol. V. București: Stab. grafic J. V. Socescu, 1902.
- Lipinskaia, Viktoriia Anatol'evna. "Etnonimy i konfessionimy russkogo naseleniia v Rumynii." *Etnograficheskoye obozreniye*, 1998, no. 5: 44–58 [Липинская, Виктория Анатольевна. "Этнонимы и конфессионимы русского населения в Румынии." *Этнографическое обозрение*, 1998, no. 5: 44–58].
- Morozova, Nadezhda. "Filippovskoye rodosloviye iz rukopisnogo sobraniya Biblioteki im. Vrublevskikh Akademii nauk Litvy: istochnikovedcheskiy analiz." *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 2: *Gumanitarnyye nauki* 2020, t. 22, no. 3 (200): 72–88 <DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.045> [Морозова, Надежда. "Филипповское родословие из рукописного собрания Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы: источниковедческий анализ." *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: *Гуманитарные науки* 2020, т. 22, no. 3 (200): 72–88 <DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.045>].
- Morozova, Nadezhda. "Rukopisnyy sbornik sobornykh postanovleniy i drugikh sochineniy filippovtsev v sobranii Biblioteki im. Vrublevskikh AN Litvy." *Slavistica Vilnensis* 2019, no. 64(1). 87–103, <<https://www.journals.vu.lt/slavistica-vilnensis/article/view/15018>> [Морозова, Надежда. "Рукописный сборник соборных постановлений и других сочинений филипповцев в собрании Библиотеки им. Врублевских АН Литвы." *Slavistica Vilnensis* 2019, no. 64(1). 87–103, <<https://www.journals.vu.lt/slavistica-vilnensis/article/view/15018>>].
- Munteanu, Ioan. *Monografia rușilor lipoveni din Brăila. Pescuitul, activitate tradițională*. Brăila: Proilavia, 2015.
- Pastuszewski Stefan. *Przeгляд źródeł i opracowań do badań staroprawosławia*. Bydgoszcz: Instytut Wydawniczy "Świadectwo", 2016.
- Polnoye sobraniye sochineniy Nikol'skago yedinovertcheskago monastyrya nastoyatelya arkhimandrita Pavla*. Т. 1. Moskva: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 1897 [Полное собрание сочинений Никольскаго единоверческаго монастыря настоятеля архимандрита Павла. Т. 1. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897].
- Potashenko, Grigoriy. *Staroveriye v Litve: Vtoraya polovina XVII — nachalo XIX vv. Issledovaniya, dokumenty, materialy*. Vil'nyus: Aidai, 2006 [Поташенко, Григорий. *Староверие в Литве: Вторая половина XVII — начало XIX вв. Исследования, документы, материалы*. Вильнюс: Aidai, 2006].
- Prez Dobrudzha. 14-a rota ot 7-a pekhotu. Preslavski polk. 1916–1917 g.* Sofiya: Kooperativna pechatnitsa "Gutenberg", 1918 [През Добруджа. 14-а рота от 7-а пехота. Преславски полк. 1916–1917 г. София: Кооперативна печатница "Гутенберг", 1918].

- Prigarin, Aleksandr Anatol'yevich. *Russkiye staroobryadtsy na Dunaye. Formirovaniye etnokonfessional'noy obshchnosti v kontse XVIII — pervoy polovine XIX vv.* Odessa—Izmail—Moskva: Smil — Arkheodoksiya, 2010 [Пригарин, Александр Анатольевич. *Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв.* Одесса—Измаил—Москва: Смил — Археодоксия, 2010].
- Rykov, Yuriy Dmitriyevich. "Yaroslavskiy spisok «Puteshestvennika» Marka Topozerskogo." *Knizhnaya kul'tura Yaroslavskogo kraya — 2014: sbornik statey i materialov.* Ed. Abrosimova, Natal'ya Vladimirovna. Yaroslavl': Izdatel'skoe byuro "VND", 2015. 11–57 [Рыков, Юрий Дмитриевич. "Ярославский список «Путешественника» Марка Топозерского." *Книжная культура Ярославского края — 2014: сборник статей и материалов.* Ред. Абросимова, Наталья Владимировна. Ярославль: Издательское бюро «ВНД», 2015. 11–57].
- Shchipin, Vladimir Igorevich. *Staroobryadchestvo v verkhnem techenii Severnoy Dviny.* Moskva: Labirint, 2003 [Щипин, Владимир Игоревич. *Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины.* Москва: Лабиринт, 2003].
- Shchipin, Vladimir Igorevich. "Zhizn' i trudy startsa Simeona Severodvinskogo." *Zhitiye Gerasima Voshchikova: iz istorii filippovskogo soglasiya (Sochineniye startsa Simeona Gavrilova).* Publ., preface and comments by Shchipin, Vladimir Igorevich. Moskva: Staroobryadcheskoe izdatel'stvo "Tretiy Rim", 2010. 3–21 [Щипин, Владимир Игоревич. "Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского." *Житие Герасима Вощикова: из истории филипповского согласия (Сочинение старца Симеона Гаврилова).* Публ., предисл. и коммент. Щипин, Владимир Игоревич. Москва: Старообрядческое издательство «Третий Рим», 2010. 3–21].
- "Sostoyanie staroobryadcheskago raskola i pravoslavnoy missii sredi nego za 1909 g." *Polotskiye yeparkhial'nyye vedomosti* 1911, no. 17: 342–350 ["Состояние старообрядческого раскола и православной миссии среди него за 1909 г." *Полоцкие епархиальные ведомости* 1911, no. 17: 342–350].
- Studii geoistoric. Situri și monumente arheologice și istorice în teritoriul administrativ al orașului Isaccea, jud. Tulcea,* Tulcea County Council — Eco-Museal Research Institute, 2000 <<https://www.isaccea.ro/images/2018/urbanism/pug/studiugeoistoric.pdf>>
- Syrku, Polikhroniy. "Nashi raskol'niki v Rumynii i otnosheniye k nim rumynskago pravitel'stva." *Khristianskoye chteniye* 1878, no. 5–6: 663–705 [Сырку, Полихроний. "Наши раскольники в Румынии и отношение к ним румынского правительства," *Христианское чтение* 1878, no. 5–6: 663–705].
- Vereshchagin, Aleksandr Vasil'yevich. *Doma i na voynе. 1853–1881: Vospominaniya i rasskazy.* Sankt-Peterburg: Izdaniye knizhnago sklada V. A. Berezovskago, 1886 [Верещагин, Александр Васильевич. *Дома и на войне. 1853–1881: Воспоминания и рассказы.* Санкт-Петербург: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1886].
- Volkov, Vasilyy. *Svedeniya o nachale, rasprostraneniі i razdelenii raskola i o raskole v Vitebskoy gubernii.* Vitebsk: V tipografii gubernskago pravleniya, 1866 [Волков, Василий. *Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии.* Витебск: В типографии губернского правления, 1866].

- Yukhimenko, Yelena Mikhaylovna. “«Izyskanie o inocheskom postrizhenii» (Filipovskoe sochinenie 60-kh gg. XIX v.).” *Traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v pamyatnikah XVI–XX v. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri, 37)*. Ed. Elert, Aleksandr Khristianovich. Novosibirsk, 2018. 168–178 [Юхименко, Елена Михайловна. “«Изыскание о иноческом пострижении» (Филипповское сочинение 60-х гг. XIX в.).” *Традиции русской духовной культуры в памятниках XVI–XX в. (Археография и источниковедение Сибири, 37)*. Отв. ред. Элерт, Александр Христианович. Новосибирск, 2018. 168–178].
- Yukhimenko, Yelena Mikhaylovna. “K voprosu o knizhnoy osnove staroobryadcheskoy kul'tury. Neizvestnyy filippovskiy nachetchik starets Sergiy Kokshen'gskiy.” *Yazyk, kniga i traditsionnaya kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya v nauke, muzeynoy i bibliotechnoy rabote: trudy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Mir staroobryadchestva, 10)*. Comp. by Belyankin, Yuriy Sergeyevich, Vorontsova, Yelena Vladimirovna and Litvina, Natal'ya Viktorovna. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2019. 604–615 [Юхименко, Елена Михайловна. “К вопросу о книжной основе старообрядческой культуры. Неизвестный филипповский начетчик старец Сергей Кокшеньгский.” *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: труды IV Международной научной конференции (Мир старообрядчества, 10)*. Сост. Белянкин, Юрий Сергеевич, Воронцова, Елена Владимировна, Литвина, Наталья Викторовна. Москва: Изд-во Московского университета, 2019. 604–615].
- Zayonchkovskiy, Andrey Medardovich. *Vostochnaya voyna 1853–1856 gg. v svyazi s sovremennoy ey politicheskoy obstanovkoy*. Т. II, ch. 1. Sankt-Peterburg: Ekspeditsiya izgotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1913 [Зайончковский, Андрей Медардович. *Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой*. Т. II, ч. 1. Санкт-Петербург: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1913].

К странице 31:

Рис. 1: Фрагмент карты Северной Добруджи (Румыния). Деревня Тикилешти (рум. Tichilești) в жудеце Тульча, где находился филипповский скит, подчеркнута. Источник: Europos kelių atlasas. 1:800 000. Hallwag International, 2011, с. 233.

К ВОПРОСУ О СТАРОВЕРАХ-ФИЛИППОВЦАХ...

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

 ORCID: <http://orcid.org/g/0000-0002-6340-2598>**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ И ОПЫТЫ «ИСПОВЕДА О СЕБЕ»**

THE CHRISTIANIZATION OF RUSSIA AND THE EXPERIENCES OF "CONFESSION OF MYSELF"

The article is devoted to confession as the primary form of autobiography. The author connects the experiences of self-understanding of the ancient Russian man with the sacrament of repentance, rooted in Russia along with Christianization. Attempts at self-determination of a person are considered on the basis of three texts of *Spiritual Literacy and Confession* by Hegumen of the Joseph-Volokolamsk Monastery Euphemia Turkova, *Tales of the Life of Martyri Zelenetsky*, *Life of the Protopop Avvakum*. As the study shows, confession is almost always determined not only by the need or necessity of repentance before God, but also by attempts to comprehend one's own life, creating a "history of one's subjectivity", which includes various forms of "confessing oneself." The confessionality of Russian authors includes attempts at reflection, elements of introspection and autobiography, prayer, edification, preaching of religious morality, etc. Through the introduction of Christianity to a man of Ancient Russia, the secret of his own personality began to be revealed.

[...] вера благодатная по всей земле простерлась и до нашего народа русского дошла. [...] Вот уж и мы со всеми христианами славим Святую Троицу. [...] и уж не капище сатанинское городим, но Христовы церкви зиждим¹.

Христианизация Древней Руси в 988 г. — это явление первостепенной значимости как для укрепления русской государственности, поскольку содействовало единению земель, развитию культуры, способствовало распространению письменности и книжности, что во многом определило дальнейший вектор русского культурно-исторического развития. Приняв крещение от Византии, Русь «вступает в творческое и живое взаи-

¹ Иларион, митрополит, *Слово о Законе и Благодати*, предисл. Митрополита Иоанна (Снычева), сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина, реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской, комм. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. отв. ред. О. А. Платонов, Институт русской цивилизации, Москва 2011, с. 69, 71.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ...

модействие со всем окружающим культурным миром»², прежде всего с «библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур»³. Необходимо было освоить каноническое, авторитетно-церковное книжное наследие, без чего невозможна была церковно-христианская жизнь. Вместе с православием приходит на Русь византийское богослужение, поразившее, как известно, великолепием своего церемониального и литургического символизма⁴ русских послов, отправленных кн. Владимиром в Царьград (987 г.) для «испытания» греческой веры. *Повесть Временных лет* (ок. 1110–1118) сообщает о пережитом послами впечатлении:

И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах⁵.

Само крещение князя Владимира символически закреплено митрополитом Иларионом в *Слове о законе и благодати* (между 1037 и 1050):

вместе с одеждами ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель, и возродился от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели убеленный, став сыном нетления, сыном воскресения⁶.

В святоотеческом толковании «ветхий человек» уподобляется ветхозаветным грешникам, новый же человек отвращается от греха и обновляется в познании по образу Христа. Для того и пришел сын Божий, учит св. Макарий Великий (ок. 300–391), чтобы «верующих в Него сделать новым умом, новой душой,

² Г. В. Флоровский, *Пути русского богословия*, отв. ред. О. Платонов, Институт русской цивилизации, Москва 2009, с. 16.

³ С. С. Аверинцев, *Крещение Руси и пути русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси*, сб. ст., сост. М. Назаров, Столица, Москва 1991, с. 53.

⁴ См. подробнее: Н. J. Schulz, *The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure and Faith Expression*, Pueblo Publishing Company, New York, 1986; Р. Ф. Тафт, *Византийский церковный обряд. Краткий очерк*, пер. с англ. А. А. Чекаловой, послесл. В. М. Лурье, Алетейя, С-Петербург 2000.

⁵ *Повесть Временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года*, пер. Д. С. Лихачева, Вита Нова, С-Петербург 2012, с. 74.

⁶ Иларион, митрополит, *Слово о Законе и Благодати...*, с. 85.

новыми очами, новым слухом, новым языком духовным, одним словом — новыми людьми»⁷.

На Руси постепенно переводятся с греческого языка Четвероевангелие, Апостол, Псалтирь, Песнь Песней, Служебные минеи, Григорий Богослов, Иоанн Лествичник, Никон Черногорец, псевдо-Афанасий, жития Антония Великого, *Синайский патерик*, Василий Великий, Исаак Сирий, авва Дорофей, Григорий Синаит, Григорий Палама, Симеон Новый Богослов, Иоанн Златоуст и др. Возрастает религиозная образованность.

Богослужение, будучи одним из самых фундаментальных проявлений человеческой религиозности, включает в себя разветвленную систему ритуальных действий, подчиненных определенным нравственным принципам и направленных на установление связи человека с Богом. Христианское богослужение базируется на евангелических идеях воплощения Христа, его крестных мук, страданий, смерти, воскресения, вознесения и пр. Через участие в церковном богослужении христиане символически приобщаются к божественной жизни. При этом порядок богослужения строго регламентирован. Он включает божественную литургию, таинства (крещение, миропомазание, покаяние, причащение, венчание, елеосвящение, священство); строй суточной службы (утреня, вечерня, всенощное бдение и часы), литургический год с его календарем фиксированных и подвижных циклов празднеств, постов и памятей святых; ряд таких служб или последований, как освящение вод, плодов и т. п.; освящение церкви, отчитывание бесноватых, монашеский постриг и т.д. Все службы в православной церкви совершаются согласно богослужебным книгам, закрепленных традицией.

В Киевской Руси XI–XII века, — пишет Виктор Живов, — покаянная дисциплина была в своих главных элементах такой же, как и в Византии того же периода. Из Византии большинство этих элементов и было заимствовано. Тайная исповедь была вполне утвердившейся практикой⁸.

Участвуя в богослужении, православный христианин учится «памятованию Божьему». «Существо дела в том, — наставляет Феофан Затворник (1815–1894), — чтоб „установиться в памяти

⁷ *Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед // Добротолюбие*, в 5 т., в рус. пер. святителя Феофана, Сибирская Благовонница, Москва 2010, т. 1, с. 91.

⁸ В. М. Живов, *Русский грех и русское спасение*, стенограмма лекции 13 августа 2009 г. <http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/> (28.01.2020)

Божией или ходить в присутствии Божиим», а «хождение в памяти Божией, суть наш труд», плод которого — «собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и некоторая теплота сердечная»⁹. Во всех жизненных обстоятельствах христианин, остерегаясь греха, должен мысленно ставить себя пред ликом Божиим. Богословское понимание Христа как совершеннейшей личности непосредственно связано с самосознанием человека, с идеей его собственной личности. Богословское исповедничество убеждает человека в том, что он есть личность, созданная по образу Творца, отличная от всего, существующего в мире. Размышляя о Боге, человек размышляет и о себе самом, его религиозное сознание включается в его самосознание как таковое. По словам Георгия Флоровского, «богословское исповедничество приобретает особенную важность как воцерковление мысли и воли, как живое вхождение в разум истины»¹⁰.

Частью церковной жизни средневекового русского человека, наряду с другими таинствами, становится покаяние. Типология грехов, разработанная отцами церкви, включала грехи против Бога и Церкви, грехи против ближних, плотские грехи и проч.¹¹. Поскольку «покаяние есть познание грехов своих»¹², то оно соответственно предполагает самонаблюдение, осознание своего собственного греха, опыт «самообъективации», что согласно Михаилу Бахтину, «закрепляется в самоотчете-исповеди, с его просительной обращенностью вовне себя, к богу», тогда «с покаянными тонами сплетаются тона просительно-молитвенные»¹³. Только через осмысление греховного прошлого, а затем через личное исправление, изменение ума, перемену жизни, возможно воссоединение с Богом. Эта, требуемая таинством, сосредоточенность на себе, осмысление своих поступков, помыслов, отношений и проч. обуславливает становление некоего первичного, зафиксированного собственным сознанием

⁹ Феофан Затворник, *Собрание писем*, вып. I, Правило веры, Москва 2000, с. 17–18.

¹⁰ Г. В. Флоровский, *Пути русского богословия...*, с. 12.

¹¹ См.: Киприан (Керн), *Православное пастырское служение*, изд. журнала «Вечное», Париж, 1957.

¹² Симеон Новый Богослов, преп., *Творения*, т. 2, пер. с новогреч. еп. Феофана, изд. 2, вып. 2, тип. И. Ефимова, Москва 1890, с. 174.

¹³ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров, Искусство, Москва 1979, с. 126.

и памятью, автобиографизма как «исповедания о себе самом». Михаил Бахтин подчеркивал: «на исповедальной основе [...] появляются первые биографические ценности», «исповедальный тон часто врывается в биографическое самодовление жизни и ее выражение»¹⁴ в литературе. Виктор Живов также отмечал: «исповедь порождает эмбриональный биографический нарратив, который, в свою очередь, является одним из основных инструментов конструирования личности»¹⁵. Опыты исповедального автобиографизма зафиксированы в русской средневековой литературе на раннем этапе ее существования¹⁶.

В целом проблематика исповедального слова обусловлена сутью человека с его чувствами, мыслями, поступками и проч. Исповедальность может включать попытки рефлексии, элементы самоанализа и автобиографизма, молитвенность, назидание, проповедь религиозной нравственности и проч. Через приобщение к христианству человеку Древней Руси стала приоткрываться тайна собственной личности.

Исповедно-покаянная тональность¹⁷, наряду с автобиографическими элементами и личностными оценками¹⁸, проникает в древнерусскую книжность, присутствуя в той или иной степени в произведениях разных жанров — в житиях, духовных завещаниях, поучениях, хождениях, притчах, словах, посланиях, грамотах и др.¹⁹ Древнерусский автор, как известно, в значительно

¹⁴ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества...*, с. 131.

¹⁵ В. М. Живов, *Русский грех и русское спасение...*

¹⁶ См. подробнее: Л. Г. Дорофеева, «Поучение» Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // «Вестник Российского государственного университета им. И. Канта», вып. 8: сер. Филологические науки, Калининград, 2010, с. 97–101; её же, *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века)*, Аксиос, Калининград, 2013.

¹⁷ Традиция изучения покаянных текстов русского Средневековья (вопросники, поновления, епитимийные правила) как первичных жанров, заложенная в XIX в. проф. А. И. Алмазовым, развивается до настоящего времени. См.: М. В. Корогодина, *Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты*, Дмитрий Буланин, С-Петербург 2006.

¹⁸ См. об этом подробнее: Е. Л. Конявская, *Авторское самосознание древнерусского книжника XI — середины XV века*, Языки русской культуры, Москва 2000; А. В. Архангельская, *Проблема автора в древнерусской литературе // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: сб. научн. ст.: в 2 ч.*, РИВШ, Минск, 2007, ч. 1, с. 156–161.

¹⁹ См.: А. Н. Степина, *Формально-содержательные модели исповеди в древнерусской литературе*, автореф. ... канд. филол. наук, Москва 2012. Автор выделяет такие формально-содержательные модели литературной исповеди,

меньшей степени, чем его средневековый западноевропейский собрат, «исповеда о себе». Тщательно отбирая книги для переводов и переписывания, книжник исходил из того, что для христианина «почитанье книжное» есть высокая добродетель, приводящая к Истине — к Богу. Чтение книг Священного Писания равнозначно процессу общения с Богом. Св. Книги, созданные по благодати Божией, являются высшим духовным авторитетом и поэтому никак не могут выражать какие-либо личные суждения переписчика. Дмитрий Буланин, изучив отношение древнерусских книжников к писательскому труду, пришел к заключению, что «с точки зрения средневекового человека культура не знает старения, это сумма вечных и вневременных идей, а призвание писателя — передать, сообщить эти идеи», поэтому авторская анонимность является «эстетической установкой древнерусских писателей»²⁰. Для древнерусского книжника важнее вписаться в христианскую традицию, чем заявить о себе; «лишь очень немногим случалось сообщать [...] сведения о событиях своей жизни»²¹.

Вместе с тем Андрей Ранчин указывает на «автобиографический пласт» «в памятниках церковной традиции» XIV–XVI вв.²², в частности, в рассказе Лазаря Муромского (конец XIV века),

как «исповедь-проповедь, исповедь-самовыражение, исповедь-автобиография, исповедь-эстетическая игра» (с. 5). Однако следует иметь в виду, что рассматриваемые произведения: сочинения Владимира Мономаха, *Слово о полку Игореве*, *Летописные повести о походе князя Игоря*, *Послание Климента Смолятича*, *Притча о человеческой душе...* Кирилла Туровского, *Поучение Моисея к простой чади*, *Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу*, *Моление (Слово — в другой редакции) Даниила Заточника*, *Житие...* протопопа Аввакума (с. 4), литературными исповедями не являются, поэтому можно говорить лишь о неких намекающихся исповедальных элементах, тенденции, но не о «модели» жанра, предполагающей наиболее устойчивый, заверченный и целостный тип высказывания.

²⁰ Д. М. Буланин, *О некоторых принципах работы древнерусских писателей // Труды Отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Д. С. Лихачев, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград 1983, т. 37, с. 5, 6.

²¹ О. Е. Кошелева, «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.), УРАО, Москва 2000, с. 9.

²² А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифанья) // Автопортрет славянина*, редкол.: Л. А. Софронова, Т. И. Чепелевская, РАН, Ин-т славяноведения, Индрик, Москва 1999, с. 21.

духовных завещаниях Евфросина Псковского (XV век) и Герасима Болдинского (до 1554 г.), повести Мартирия Зеленецкого (1570–1596 гг.), сказании Елеазара Анзерского (1636–1656 гг.), житии Аввакума (1672–1675 гг.) и некоторых других. Евгений Сарин обнаруживает «автобиографический дискурс в агиографических, эпистолярных и гомилетических памятниках ранней русской средневековой литературы»²³ XI–XIII вв. Автобиографизм (как синонимы могут употребляться такие понятия, как автобиография, автобиографическое начало, личностные элементы и проч.) в древнерусской книжности — большая и серьезная проблема, давно и плодотворно обсуждаемая в научной литературе, хотя так и не получившая однозначного решения до сегодняшнего дня.

Далее кратко отмечу некоторые «следы» т.н. исповедального автобиографизма.

«ДУХОВНАЯ ГРАМОТА И ИСПОВЕДЬ» ИГУМЕНА ЕВФИМИЯ ТУРКОВА

Исповедание и покаяние, глаголати и заутра и в вechере, пред иконою Владычня образа и пред крестом Христовых страстей, во умилении, со слезами²⁴.

Исповедальность как некая попытка самоопределения человека обнаруживается в замечательном памятнике XVI в. — *Духовной грамоте и исповеди* игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия Туркова (ум. в 1587 г.). Произведение это — своего рода духовное завещание церковного иерарха, религиозно-нравственное, назидательное обращение к монастырскому монашеству. Один из первых исследователей «грамоты» Евфимия — Василий Ключевский, по поводу текста и его составителя заметил следующее:

В довольно обширной исповеди автор изложил свои предсмертные размышления и несколько черт из своей жизни. Евфимий пишет просто, но

²³ Е. И. Сарин, *Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жития, поучения, послания)*, дисс. [...] канд. филол. наук, Брянск 2014, с. 12.

²⁴ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь*, публ. Н. С. Демкова, *Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 51, отв. ред. Д. С. Лихачев, Дмитрий Буланин, С-Петербург 1999, с. 351.

его изложение проникнуто теплым чувством и обличает в авторе литературный талант²⁵.

Сравнительно недавно «Духовная грамота» была введена в научный оборот Натальей Демковой²⁶. Как указывает исследовательница, текст в целом состоит из пяти частей: 1. *Духовная грамота вкратце*; 2. *Исповедание и покаяние*; 3. *Обращение Евфимия к «духовному отцу»*; 4. *Исповедь по вся дни вкратце*; 5. *Обращение Евфимия к читателям духовной грамоты и исповеди*²⁷. Основное содержание всего произведения определяется покаянием в грехах перед *памятью памяти* «смертного часа».

Духовная грамота открывается вступлением, представляющим собой исповедание Символа веры, где книжнику важно подтвердить свою веру в единого Бога, в Сына Его Иисуса Христа, Святого Духа — в «святую единосущную и животворящую и неразделимую Троицу»²⁸. Самая же исповедь начинается ритуально-этикетной, уничижительной автохарактеристикой:

Аз, многогрешный и недостойный и нечистый, окаанный раб владыки моего Христа, прогневавший Создателя моего многими моими злыми делы и словесы и помышлениями, непотребный и неключимый в человецах, и пръвый в грешницех и последний в иноческом чину, и в братстве худейший и немощный, малоумный и малодушный, скверный иерей быв, по благодати великого Бога и Спаса нашего, паче же и недостойне, дръзнув на такавый великий степень священничества и начальства, пастырства и игуменства велика [...]. Таков сый страстный аз, грешный Евфимий, худый, немощный душею и телом, не вем, како имиже весть Бог неизреченными его судьбами и несказанным смотрением, а не тако просто, якоже прилучися, возведен бысть на такового степени начальство [...]²⁹.

Кающийся Евфимий, как видно из автопрезентации, — *многогрешный и недостойный и нечистый, окаанный раб*; с многими злыми делы и словесы и помышлениями; *непотребный и неключимый; пръвый в грешницех и последний в иноческом чину; худейший и немощный, малоумный и малодушный, скверный; страстный, грешный, худый, немощный душею и телом* и проч.³⁰. Самоуничижение Евфимия, несомненно, свидетель-

²⁵ В. О. Ключевский, *Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование*, изд. К. Солдатенкова, Москва 1871, с. 296–297.

²⁶ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 345–356.

²⁷ Там же, с. 343.

²⁸ Там же, с. 345.

²⁹ Там же, с. 345–346.

³⁰ Елена Конявская по другому поводу заметила, что для древнерусского автора самоуничижение, несомненно, включает в себя искреннее покая-

ство его искреннего раскаяния, покаяния, но вместе с тем это и сознательно избранная, традиционно выстроенная позиция предстояния монаха пред ликом Божиим. При этом этикетном, явно нарочитом, самоуничижении кающегося грешника, релятивности его покаяния в целом, Евфимий вводит в исповедь некоторые автобиографические элементы. Он, например, упоминает о том, как братия монастыря и сам великий князь Иван Васильевич просили его занять место настоятеля:

отцы и братия обители сеа понуждающе мя прияти начальство по многа время и възвестиша о мне самодержьцу [...] князю Ивану Васильевичю всеа Руси. Он же [...] начат ко мне кротце глаголати и понуждати мою худость восприяти начальство великиа обители сеа и мудрыми и тихыми глаголы увещаваа мя [...]³¹.

Причем вначале Евфимий отказался от почетного назначения: «неможение свое царю извещающу, душевное и телесное»³², но по истечении некоторого времени согласился стать настоятелем монастыря, чтобы «не преслушати царьскаго повеления»³³.

Основное пространство исповеди посвящено авторским размышлениям о смерти, о Страшном суде, о страхе перехода в иную жизнь. Осознание смерти как неизбежной трагической участи каждого человека не лишает человека страха; именно перед этой неотвратимой необходимостью человек наиболее остро чувствует, что столь желанная жизнь — это всего лишь хрупкое и мимолетное благо. Когда Евфимий с приближением старости ощутил власть смерти над собой, он воспринял смерть в образе враждебной силы — «татя» — вора, похитителя его дней, его жизни.

Виждю убо час смерти душа моя приходящ, лета исчезающа и конец приближающся, и старость жатву мою преклоншуся и к резанию нудящу мя, жателя моего тщащася, серп показующа, секиру носяща, и отсечение поведающа. Зрю татя, приближающася и от житиа возхитити мя тщащася. Зрю, яже о себе неизсправлена, и на всяк день на худшее успевающа. Зрю исход житиа к тамошным и долгий путь, по нему же николи же ходах, и себе спут-

ние и вместе с тем это художественный прием, с помощью которого достигается необходимый эффект достоверности человеческой малости, незначительности в предстоянии пред ликом Божьим // Е.Л. Конявская, *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI–середина XV в.)*, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 58.

³¹ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 346.

³² Там же, с. 346.

³³ Там же, с. 347.

наа не имуща. Зрю должника моего приближившася, себе же обнищавша. Зрю уставное ми время скончавающееся и в недоумении мя постигша. Зрю словоположника, рукописание грехов моих разгибающа и зубы скрежещуща на мя. Зрю многыдосадителя, ни единого же спострадателя, и душею и сердцем зело смущаюся и устрашаюся, и подвижуся, съдръзаюся, и сотрясаюся, и не вем, что содеати и что помыслити!³⁴.

Смерть тяготеет над человеком как некое наказание, ее власть свидетельствует о присутствии греха в мире, вот почему Евфимий инстинктивно видит в ней кару за грехи. Вместе с тем страх смерти имеет спасительную силу для души. Важный этап в спасении человеческой души — момент перехода в иной мир, к которому необходимо тщательно подготовиться: исповедаться, покаяться и причаститься. «Воспоминание о смерти — дар Божий», — учит Игнатий (Брянчанинов), — «[...] он дается исполнителю заповедей Христовых, чтоб усовершенить его в святом подвиге покаяния и спасения»³⁵.

В целом исповедь Евфимия насыщена различными ритуальными формами покаяния, которые — как своего рода образцы — заповеданы монашествующей братии:

согреших, съгреших с безсловесными скоты всеми составы моими, съгреших, оскверняя душу мою и тело, и бых начальник всякому злу, ленив на добраа дела, трезв же на свернаа дела, и несть конца, ни краа моим безчисленным грехом, имиже оплакан бых от аггел, имже поношение и смех бых врагом, ихже ради осужден бых различным и безконечным мукам³⁶.

По убеждению книжника, причины грехопадений, искушений, бед заключены в самом человеке. И только самоуничтожение ведет к смиренномудрию — истинной добродетели, которая открывается тому христианину, который считает себя ниже не только всех людей, но и животных, поэтому в покаянии столь очевидна высокая эмоциональность, экспрессивность, гиперболизация. Таким образом в древнерусской словесности утверждалась покаянная, исповедная традиция, включавшая в себя автобиографические элементы, личностные самооценки.

³⁴ Там же, с. 347–348.

³⁵ Игнатий (Брянчанинов), епископ, *Аскетические опыты: в 2 т.*, изд. книгопродавца И.Л. Тузова, С-Петербург 1886, т. 1, с. 169.

³⁶ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 351.

ИСПОВЕДНЫЙ АВТОБИОГРАФИЗМ МАРТИРИЯ ЗЕЛЕНЕЦКОГО

я, грешный, стыдлив к ним был и не просил у них ничего, но во всем есм имел надежу на Живоначальную Троицу и на Пречистую Бгородицу³⁷.

Исповедный автобиографизм присутствует также в «житиях-автобиографиях» Мартирия Зеленецкого и Елеазара Анзерского. *Повесть о житии Мартирия Зеленецкого* (между 1570 и 1595) впервые полностью была издана Иваном Бычковым в известном Каталоге³⁸. Археограф дал такое описание содержания жития —

Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа, жившаго во области Великаго Новаграда в Обонежской пятины, в Зеленой пустыни, тако нарицаемей, яже сам о себе исповеда отцу своему духовному и учеником своим: како и где жителствоваше прежде вселения его в пустыню ту, и како обрете ю, како же и вселися, и храмы созда, и обитель состави. Всели же ся он в пустыню ту при благочестивом царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии самодержце и жил многие лета, преставися же в той же обители в царство Бориса Годунова³⁹.

Обращаясь к своему духовному брату Досифею, Мартирий начал свое повествование с обещания рассказать о себе: «*Повесть о себе, о еже како и где жителствовах аз прежде вселения моего в сию пустыню*»⁴⁰. И далее, действительно, сообщает некоторые факты о собственной жизни:

Жил бо есм прежде на Луках на Великих в Сергиеве монастыре, в новоначалном месте, у строителя тоя обители священноинока Боголепа. В той же обители аз власов отъятие и мира отречение сотворих и восприях святей ангельский образ от руки того же священноинока Боголепа. Онем же поставлен бых келарем, и вручи мне службу казначейства и пономарства, и суды умывах, тако же и во всех службах монастырских послужил в послушании отцу своему и братии во обители оной седм лет⁴¹.

Через семь лет Мартирий и некий богомолец решили удалиться в «пустынное жителство», однако спутник не выдержал тягот

³⁷ *Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа* // И. А. Бычков, *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева*, Синод. Тип., С-Петербург 1897, Приложение II, с. 345.

³⁸ См.: И. А. Бычков, *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева...*, с. 342–351.

³⁹ Там же, с. 137.

⁴⁰ *Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа...*, с. 342.

⁴¹ Там же, с. 342–343.

и покинул его. Мартирий же обосновался в землянке и занялся «рукоделием»: он плел лапти из лыка и с одним «хрестьянином» отправлял их местным жителям, которые присылали ему пропитание, необходимое для жизни. Много страха претерпел он в одиночестве от бесов: «еден бес влезе в хижу мою и хотя ко мне прикоснутся, аки хотя меня удавити», но Мартирий, творя Иисусову молитву, выдержал это испытание. Как и Евфимий Турков, Мартирий в своей повести неустанно повторяет: «Аз грешный», каюсь в своей «ленности», искушениях и слабостях. Через некоторое время Мартирий написал Боголепу, прося благословения на продолжение пустынного жития. Боголеп его не благословил, а посоветовал: «Поиди, господине, жити во общее житие». Тогда Мартирий отправился в Тихвинский монастырь; по пути он зашел поклониться святыням Смоленска, где ему явились святые чудотворцы Авраамий и Ефрем и сказали: «Подобает ти жити в пустыни, где Господь благоволит»⁴². Так Мартирию суждено было стать основателем Троицкой Зеленецкой обители.

Далее в *Повести* следует «духовная памятка вкратце» (своего рода духовное завещание), обращенная к братии. Здесь уже умудренный многолетним опытом игумен Мартирий предостерегает своих подопечных от опасной зависимости от земных владык, наставляет собственным примером «установиться в памяти Божией», быть стыдливými и скромными, уповать на помощь небесную:

Братие моя милая, прошу у вас того и молю, чтобы есте не надеялися ни на князя, ни на боярина, ни на какого властеля, имели бы есте надежу во всем на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу — те вам будут во всем помощники и заступники. Имейте срам к царю земному и к его царевичу, и к властем. Не просите у них ничего, как я, грешный, стыдлив к ним был и не просил у них ничего, но во всем есм имел надежу на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу⁴³.

Наиболее обширный раздел *Повести* включает сны-видения Мартирия о чудесах Богоматери и чудотворных иконах: «Еще же живущу ми на Луках на Великих в Сергиеве монастыре с строителем Боголепом в единой келии, за седм лет до вхождения моего в сию пустыню, явися мне Пречистая Богородица образом

⁴² Там же, с. 343.

⁴³ Там же, с. 345.

своим честным не яве, но сонным видением, сице»⁴⁴. Как заметил Ранчин, сам Макарий как созерцатель чудес «обнаруживает себя в сакральном пространстве, и его переживания и ощущения [...] наделяются сакральным смыслом»⁴⁵. Исповедное, покаянно-личностное начало проявляется не столько в автобиографических фактах, хотя и они присутствуют в *Повести*, сколько в интимном переживании автором-книжником своей причастности божественным силам. Исследователи отмечают, что уже к концу XVI в. заметно «повышается интерес к человеку и его самосознанию», а это «непосредственно подготавливает появление таких памятников древнерусской литературы, как Житие Епифания и Житие Аввакума»⁴⁶.

Несомненный рост индивидуального авторского начала характерен для русской словесной культуры XVII в. Дмитрий Лихачев указывает:

Аврамий Палицын, князь Иван Хворостинин, князь Семен Шаховской пишут свои произведения о «Смуте» в целях самооправдания и самовозвеличения. У них были чисто личные причины для составления своих произведений. В их сочинения проникает элемент автобиографизма. [...] они пишут о себе и своих взглядах, оправдывают свое поведение, ощущают себя [...] в какой-то мере и мемуристами⁴⁷.

Современный историк, развивая позиции ученого, как раз на материале *Истории в память впредидущим родом...* (1620) Авраамия Палицына, *Словес дней, и царей, и святителей московских...* (1643) Ивана Хворостинина, а также *Временника* (1610—1628) Ивана Тимофеева, предпринимает попытки последовательной реконструкции самосознания древнерусских книжников как способа внешнего самоописания человека во времени

⁴⁴ Там же, с. 346.

⁴⁵ А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI—XVII вв.*, с. 26.

⁴⁶ Е. В. Крушельницкая, *Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV—XVI вв.* // *Труды Отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Д. С. Лихачев, Дмитрий Буланин, С-Петербург 1993, т. 46, с. 35, см. также: Е. В. Крушельницкая, *Автобиографические источники и их использование в памятниках житийной литературы XVI—XVII вв.*, автореф. дис. [...] канд. филолог. наук, С-Петербург 1992.

⁴⁷ Д. С. Лихачев, *Развитие русской литературы X—XVII веков*, Наука, Ленинград 1973, с. 145.

и пространстве⁴⁸. В XVII в. появляется герой, вполне осознающий себя индивидуумом, для которого значима «ценность человеческой личности»⁴⁹. Вместе с тем сама эпоха с ее главным религиозным конфликтом — расколом, выдвигает на первый план «героя действующего»⁵⁰, деятельного, автобиографического, хотя и обладающего трагедийным мирозерцанием, но готового на страдания, «мученичество за идеи „старой“, истинной веры»⁵¹, смело берущего на себя «миссию пророка и посланника Божия»⁵² в исповедании и защите «древлего благочестия».

ИСПОВЕДАНИЯ АВВАКУМА ПЕТРОВА

Сиде аз, протопоп Аввакум, верую, сиде исповедаю, с сим живу и умираю. Верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз⁵³.

Самым ярким писателем, выразившим сложные культурные рефлексии новой «личности с ее неповторимой судьбой»⁵⁴, является Аввакум Петров (1620–1682). Его главное сочинение *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное* (1672–1675), «генетически выросшее из исповеди»⁵⁵ — это и лите-

⁴⁸ См.: Д. И. Антонов, *Самосознание древнерусского книжника в эпоху Смуты*, автореф. дис. [...] канд. истор. наук, Москва 2006.

⁴⁹ Д. С. Лихачев, *Развитие русской литературы X–XVII веков...*, с. 146.

⁵⁰ Е. В. Крушельницкая, *К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе...*, с. 111.

⁵¹ О. А. Туфанова, *Творчество Аввакума: поэтика трагического // Герменевтика древнерусской литературы*, сб. 14, отв. ред. Ф. С. Капица, Рукописные памятники Древней Руси, Москва 2010, с. 12.

⁵² Н. К. Гудзий, *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // «Житие» протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*, Асадеміа, Москва; Ленинград 1934, с. 32.

⁵³ Аввакум, *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*, подгот. текста и прим. А. Н. Робинсона // *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, вст. ст. Д. С. Лихачева, Художественная литература, Москва 1969, с. 630, 643.

⁵⁴ В. М. Живов, *Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // его же, Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*, Языки славянской культуры, Москва 2002, с. 325.

⁵⁵ Е. В. Крушельницкая, *к вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе...*, с. 111.

ратурный образец острой идеологической борьбы («боев за благоверие»⁵⁶) русского старообрядчества с церковной и царской властью, и «первый опыт законченного психологического автопортрета в древней русской литературе»⁵⁷, и «индивидуалистическая» автобиография⁵⁸, а главное — это многогранный универсальный текст, где воплотились особенности национального характера, ментальности, самосознания и важнейшие этико-эстетические доминанты, определившие облик русской культуры.

Стоит обратить внимание на то, что *Житие* писателя было опубликовано Николаем Тихонравовым в 1861 г. — в период расцвета русской мемуаристики — под титулом: *Автобиография протопопа Аввакума*⁵⁹. Название, вольно или невольно, указывало на смыкание исповедания и автобиографии: исповедь почти всегда обусловлена не только потребностью/необходимостью покаяния перед Богом, но и попытками осмысления собственной жизни, создания «истории своей субъективности», куда входят различные «исповедания себя»⁶⁰. В *Житии* протопопа появляется новый тип личности (Владимир Кантор называет его «личность вопреки»), который отстаивает себя вопреки власти, отвечая жизнью за свое слово⁶¹.

⁵⁶ См.: М.Б. Плеханова, *О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры*, т. 3, Языки русской культуры, Москва 1999, с. 386.

⁵⁷ В.Е. Гусев, *Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*, Гослитиздат, Москва 1960, с. 36.

⁵⁸ В.М. Живов, *Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века...*, с. 327.

⁵⁹ См.: *Летописи русской литературы и древности*, изд. Н. Тихонравовым, Тип. Грачева и комп., Москва 1861, кн. III, с. 117–173.

⁶⁰ Антология *История субъективности. Древняя Русь* включает множественные «свидетельства о себе»: *Поучение Владимира Мономаха, Первое послание Андрею Курбскому Ивана Грозного, Повесть о житии Мартирия Зеленецкого, Сказание об Анзерском ските Елеазара Анзерского, Записку и Житие Епифания, Житие Аввакума // История субъективности. Древняя Русь: антология*, сост. Ю.П. Зарецкий, Академический Проект, Гаудеамус, Москва 2010.

⁶¹ См. подробнее: В.К. Кантор, *Личность вопреки: становление личности в России: история и современность*, «Октябрь», 1998, № 4, с. 112–137.

* * *

Аввакум начал свое жизнеописание в 1669 г. в ожидании близкой смерти. Он выстроил основные события *Жития* преимущественно в хронологической последовательности — «от юности до лет пятидесят пяти годов»: рождение в семье сельского священника, женитьба на сироте Анастасии; рукоположение в дьяконы, попы, протопопы; испытания во время пребывания в Лопатицах и Юрьевце-Повольском; борьба с Никоном и его церковной реформой; сибирская ссылка с невероятными лишениями, голодом, холодом, смертью двух сыновей, но и славой проповедника-мученика за старую веру; возвращение в Москву, царские милости, острые религиозные споры о догматах, заключение в монастырские темницы, лишение сана; последняя ссылка в Пустозерск. Там, в Пустозерье, по благословению своего духовника — старца Епифания, Аввакум, сидя в засыпанной землею темнице, «яко во гробе», терпя голод, холод, наготу, тяжкий труд, оскорбления и унижения, и написал главную «книгу живота вечного» (новое Евангелие) — *Житие протопопа Аввакума...*

Дмитрий Лихачев отметил в *Житии* такие признаки исповедальности, как «личностность», «самовыражение», «автобиографизм», «самосознание», связывая с ними «яркое новаторство» автора⁶². Виктор Виноградов, изучая формы стиля жизнеописания Аввакума, обратил внимание на доминирование и взаимопересечение в нем двух основных стилистических слоев: интимного сказа и евангельской проповеди. В тех эпизодах, когда «личный тон» сменяется «торжественно-обличающим или убеждающим пафосом проповедника» житие и становится «книгой живота вечного»⁶³. Николай Гудзий видит в сочинении протопопа «первый в русской литературе опыт автобиографии»⁶⁴. Андрей Робинсон считает, что «*Житие* Аввакума соединило в себе черты автобиографии, проповеди, а также

⁶² Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы // История всемирной литературы: в 9 т., Наука, Москва 1983—1994, т. 4, 1987, с. 351; см. также: А. М. Панченко, Аввакум как новатор // «Русская литература» 1982, № 4, с. 142—152.*

⁶³ В. В. Виноградов, *О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // его же, Избранные труды. О языке художественной прозы, редкол. М. П. Алексеев и др., Наука, Москва 1980, с. 9.*

⁶⁴ Н. К. Гудзий, *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление..., с. 22.*

исповеди»⁶⁵ и называет *Житие* — «исповедью-проповедью»⁶⁶. Для Ольги Бахтиной *Житие* — «духовное завещание, сочетающее в себе исповедь и проповедь», «самоотчет-исповедь [...] обращенная к духовным детям и всем русским людям, с тем, чтобы вечно творилась молитва о нем и о всех страдальцах за веру, чтобы память о них навсегда сохранилась в народе»⁶⁷. Исследователи неизменно констатируют черты исповедно-исповедального дискурса: «Аввакум преодолевал грех через исповедание своей греховности, через страдание и раскаяние»⁶⁸; «автопортрет в *Житии* раскрывает [...] личное сознание»⁶⁹, «искренность — одна из самых поразительных черт этого произведения»⁷⁰; «откровенность» Аввакума проявляется во многих местах» текста⁷¹; «жанрообразующий компонент *Жития* — исповедь»⁷² и проч.

Автобиографический герой жития — «ревнитель древлего благочестия», борец за веру, страдалец, мученик — личность, по словам Лихачева, «исключительно страстная», для которой значимы как неотделимая от веры духовность (мера приближения человека к богу), так и душевные переживания, чувства, эмоции, настроения. «Ни один из писателей русского Средневековья, — отмечал ученый, — не писал столько о своих чувствах, как Аввакум»⁷³. Претерпев на своем жизненном пути множество

⁶⁵ А. Н. Робинсон, *Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // Историко-филологические исследования: сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада*, Наука, Москва 1967, с. 358–370.

⁶⁶ Там же, с. 359 (с. 358–370).

⁶⁷ О. Н. Бахтина, *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*, науч. ред. А. П. Казаркин, ТГУ, Томск 1999, с. 178, 191.

⁶⁸ См. А. Н. Робинсон, *Борьба идей в русской литературе XVII века*, Наука, Москва 1974, с. 369–390.

⁶⁹ П. Хант, *Самооправдание протопopa Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы*, Наука. Ленингр. отд-ние, Ленинград 1977, т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв., с. 72.

⁷⁰ А. М. Панченко, *Творчество протопopa Аввакума // История русской литературы X–XVII вв.*, под ред. Д. С. Лихачева, Просвещение, Москва 1980, Infolio, http://www.infoliolib.info/philol/lihachev/8_7.html (03.03.2020).

⁷¹ Н. С. Демкова, *Житие протопopa Аввакума: (Творческая история произведения)*, отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Изд-во Ленингр. ун-та, Ленинград 1974, с. 113.

⁷² А. Н. Василенко, *Исповедь как жанрообразующий компонент «Жития протопopa Аввакума» // «Религиоведение»*, Амурский государственный университет, Благовещенск 2009, № 4, с. 156–160.

⁷³ Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы...*, с. 351.

бед, протопоп насытил *Житие* нескончаемыми горестями и печальями:

Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — а жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе». Горести сменяются надеждами на милости Господа: «даст бог пастыря ко спасению душ наших»; «надобно крепко молиться богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец»; «милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст», восхищенным удивительными деяниями Господа и прославлением его: «Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человеку во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему всем!⁷⁴

Автобиографический герой *Жития* представлен в разных ситуациях:

среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего пуп⁷⁵.

Он защищает свои религиозные устремления, убеждения, а также описывает свои чувства, переживания, ощущения, показывает свои слабости, падения, кается в грехах, провинностях, искушениях. Автобиографическая исповедальность пронизывает весь текст. Андрей Робинсон даже использует для его жанрового обозначения словосочетание «автобиографическая беседа-исповедь»⁷⁶. Есть в этой исповеди и особо выразительные примеры. Показателен, в частности, покаянный эпизод с «блудной девицей», исповедующейся в грехах перед протопопом, который в свою очередь и сам воспылал к ней «огнем блудным». Аввакум пишет:

⁷⁴ Аввакум, *Житие...*, с. 633–634, 634, 635, 638, 664.

⁷⁵ В. Е. Гусев, *Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века*, <http://www.philology.ru/literature2/gusev-60.htm>. (03.03.2020)

⁷⁶ А. Н. Робинсон, *Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // его же, Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты*, отв. ред. Н. К. Гудзий, Изд-во АН СССР, Москва 1963, с. 46.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне утасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся⁷⁷.

Рассказчик, как видно, кается в своем греховном влечении, описывает «способ борьбы» с ним, но и преодолевает его «через исповедание своей греховности». При этом он крайне эмоционален: плачет, молит, бросается на землю, вопит, взывает, горько рыдает и проч. — ничто не стесняет «его непомерно горячее чувство во всем, что касается человека и его внутренней жизни»⁷⁸. Поведение протопopa становится контекстуальным выражением исповедального начала в тексте. Он обращается с плачем и молитвой к Богу — ответом стало чудесное видение: Аввакум увидел «два корабля златы»⁷⁹, где находились его духовные дети, которые наставили его «на путь спасения», а затем появился и третий корабль «не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо». На свой вопрос «чей корабль?» Он услышал ответ: «твой корабль! на, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!». «И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?»⁸⁰. Религиозное чувство питает творческое воображение повествователя, способного бытовые реальности превращать в символы высшей истины. Переживание сопричастности к сверхъестественной полноте бытия обуславливает авторскую свободу самоопределения и выражения. Чудесный корабль и плавание символизируют жизненную судьбу Аввакума, исполненную острой

⁷⁷ Аввакум, *Житие...*, с. 631.

⁷⁸ Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы...*, с. 351.

⁷⁹ См.: «Аввакум осознал свою богоизбранность, приобрел убежденность в том, что он христианский мученик». Е. П. Гурова, *Образ корабля в «Житии протопopa Аввакума»* // «Ученые записки Орловского государственного университета», серия: Гуманитарные и социальные науки, 2016, №2 (71), с. 111.

⁸⁰ Аввакум, *Житие...*, с. 631.

общественно-религиозной борьбы и реально опасного плавания по рекам и озерам Сибири. Провидческий дар — явное свидетельство того, что протопоп уподобляется библейским пророкам, получавшим откровения и видения от Бога, с помощью которых выражалась Его воля. А воля Бога трактуется Аввакумом однозначно: необходимо продолжить пастырское служение и быть готовым вместе с семьей к «пестромбудущему, — наполненному труднейшими испытаниями и светом истинной веры.

На протяжении всей своей пасторской деятельности протопоп чувствовал свое особое призвание: предстоять Богу в молитве за себя «о своих гресех» и за людские «невежества». И Аввакум последовательно выстраивает отношения с Богом, с людьми, с самим собой. Житие призвано показать его подлинное «хождение перед Богом», когда любое дело, помысел, внутреннее движение, испытание проходит перед лицом Божиим. Аввакум испытывает себя на «страшном суде» милосердия, сострадавая немощным, спасая «одержимых духом нечистым»⁸¹. Из Евангелия Аввакум знает, что нечистых духов из одержимых ими людей изгонять может не только Христос, но и Его ученики: «Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10: 17). И протопоп возлагает на себя эту функцию неустанной борьбы с темными силами и их изгнания⁸². «Врачевание» свое он описывает просто: пост, молитва, крест Христов, крестное знамение, елеопомазание, исповедь, причащение. В любых условиях — в сельском быту, царских палатах, в непрестанных гонениях и ссылках — Аввакум продолжает свое служение Богу и людям.

Протопоп постоянно напоминает себе и единомышленникам о неразрывной связи таинства причастия с таинством покаяния, делится опытом своего подвижнического пасторства, учит собратий молиться перед причащением святых таин, описывает главное христианское таинство — евхаристию, призывая собратий к единению с Господом:

В нашей православной вере без исповеди не причащают; [...] на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получиши: и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правилцом⁸³ причащайся святых таин. Держи при

⁸¹ Там же, с. 642.

⁸² См.: О. А. Туфанова, *Бесноватые и больные в «Житии» протопопа Аввакума* // «Лесной вестник» 2007, № 1 (50), с. 175–181.

⁸³ С молитвою.

себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле⁸⁴ пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосуде водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: „Верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь”. Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись⁸⁵.

Для Аввакума молитва — обязательное условие христианской жизни, без нее теряют смысл и благочестивое поведение, и богословские размышления. «Неизвращённые» таинства, истинная вера, покаяние, сострадание и — в равной степени — благодать и добродетель открывают путь к спасению души. Аввакум как правоверный чувствует постоянное пребывание священного в многообразии привычной реальности, воспринимая обрядовую сторону церковной жизни как достоверное присутствие Божье.

Вместе с тем протопоп знает, что нельзя врачевать чужие души, не излечив свою собственную, поэтому горькие самообличения нередки на страницах жития. Протопоп признается:

зело отяготихся от кручины и размышлях в себе», обнажая свои слабости, грехи и пороки: «Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю. и мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, прямое говно. Отовсюду воняю и душею, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и оне воняют. Да псы и свиньи по естеству, а я чрез естество от грех воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уже воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!⁸⁶

Смирение, молитва, проповедь истинной веры, ревностное исполнение своих прямых обязанностей даже в самых нечеловеческих условиях помогают сохранить жизненные силы, а осозна-

⁸⁴ После богослужения.

⁸⁵ Аввакум, *Житие...*, с. 643–644.

⁸⁶ Там же, с. 668.

ние греховности (Аввакум не устает повторять: «аз, грешный»), раскаяние, самоанализ и самоосуждение ведут к спасению. Аввакум убежден: Бог, даруя свою благодать, помогает ему выжить — и духовно, и физически.

Непрестанно истощая свою плоть суровыми постами, протопоп трактует их как свободу от власти грешного, неодоленного мира, как победу над своей эгоистической волей и проявление любви к Богу. Так, в период великого поста (1669 г.) заточенный в темнице Аввакум более десяти дней ничего не ел и, как вытекает из его челобитной к царю, «прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы моя разбило с дрожи», не мог даже молиться вслух и только «умом моим глаголящу псалмы». Тогда и произошло «чудо господне»:

распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом бог вмести в меня небо, и землю, и всю тварь. [...] мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю⁸⁷.

Сливаясь с мировым бытием в состоянии экстатической экзальтации, Аввакум начинает воспринимать все ужасы жестокого заточения как исключительное средство освобождения от земной суеты и достижения полного блаженства — «радости неизреченной»⁸⁸, обретения внутреннего единства с Христом, надежды на спасение и жизнь вечную. Его духовно-нравственное преображение совершается при содействии Божьем; он духовно сближается с Богом, уподобляется Ему. Чем выше степень уподобления и единения с Богом, тем ярче аввакумовские видения:

близ меня по праву руку ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, аз есм с тобою»⁸⁹.

Претендуя на апостольство (сознательно отождествляя себя с апостолом Павлом⁹⁰), протопоп стремится подтвердить это раз-

⁸⁷ Аввакум, *Вторая половина пятой челобитной // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения...*, с. 296.

⁸⁸ Там же, с. 298.

⁸⁹ Там же, с. 297.

⁹⁰ См.: А. И. Клибанов, *Протопоп Аввакум и апостол Павел // Русское старообрядчество (XVII–XVIII вв.): сб. научн. трудов, вып. 2, Археографический центр, Москва 1994, с. 12–43.*

ными, данными ему благодатными дарами: видениями, пророчествами, исцелениями «бесноватых», общением с небесными силами и проч. Он ощущает себя «святым»: Христос «избра нас [...] быти нам святым»⁹¹. Вместе с тем Аввакум не раз уничижительно упоминает о своей *несмысленности, глупости, невежестве*; называет себя человеком *недостойным, грешным, треокаянным, слабоумным, лицемерным* и проч. Протопоп сокрушается: «А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе»⁹². Андрей Робинсон видит в этих презрительных автохарактеристиках протопопа родственную соотнесенность их внутреннего смысла, с одной стороны, с близкими Аввакуму по быту «русскими мужиками», а с другой — «с сонмом русских святых»⁹³. Присцилла Хант считает, что Аввакум осмыслял «себя как воплощение бога в человеке»⁹⁴; Наталья Демкова — «святым», а свою жизнь — путем «страдания и мученичества»⁹⁵. Сергей Демченков также отмечает, что «жизненный путь Аввакума под его пером превращается в биографию пророка и одновременно — в крестный путь Христа»⁹⁶. Андрей Ранчин подчеркивает:

у Аввакума мирское, профанное и сакральное тесно сплетены друг с другом: мирское, обыденное обнаруживает в себе высшие начала, возводится к божественному, а священное погружается в повседневность⁹⁷.

В конечном итоге именно аввакумовская пансакральность парадоксальным образом «привела к секуляризации культуры:

⁹¹ Аввакум, *Житие...*, с. 405–406.

⁹² Там же, с. 674.

⁹³ А. Н. Робинсон, *Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы*, Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Я. С. Лурье, Изд-во Академии наук СССР, Москва; Ленинград 1962, т. 18, с. 173.

⁹⁴ П. Хант, *Самооправдание протопопа Аввакума...*, с. 72.

⁹⁵ Н. С. Демкова, *Житие протопопа Аввакума...*, с. 100.

⁹⁶ С. А. Демченков, *Библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума (к проблеме жанра)*, автореф. дис. [...] канд. филол. наук, Омск 2003, с. 23. См. подробнее: его же, *Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума)*, Центр гуманитарных инициатив, Москва–Санкт-Петербург 2018. В монографии, состоящей из трех глав: *Пророчество как откровение и как жанр* (с. 13–66), *«Житие» протопопа Аввакума на перекрестье традиций* (с. 67–140), *Пророчество протопопа Аввакума* (с. 141–213), исследователь видит целевую установку автора *Жития* в том, что всю свою жизнь Аввакум мыслил пророчеством «конца времен» (с. 8).

⁹⁷ А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI – XVII вв...*, с. 28.

неразличение божественного и земного обернулось сужением сферы сакрального»⁹⁸.

Как писатель Аввакум, бесспорно, уникален: до него в русской литературе не существовало такой пронзительно-проникновенной исповедальности, никто не заявлял о себе столь экспрессивно, остро и вместе с тем определенно. Его повествование предельно эмоционально, необычайно искренно, правдиво — как на уровне выражения чувств, так и на уровне воплощения исторических фактов и житейских событий. Аввакум трактует свой жизненный путь и как некое публичное эпохальное действо, направленное на глобальную защиту истинных религиозных устоев, и как частное живое свидетельство верности православию.

REFERENCES

- Avvakum. "Vtoraya polovina pyatoy chelobitnoy." *Zhitiyeprotopopa Avvakuma im samim napisannoye i drugiye yego sochineniya*. Moskva: Academia, 1934. 293–298 [Аввакум. "Вторая половина пятой челобитной." *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Москва: Academia, 1934. 293–298].
- Avvakum. "Zhitiye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, podgotovka teksta i primechaniya Andreya Robinsona." *Izbornik (Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi)*. Vstupitel'naya stat'ya Dmitriya Likhacheva. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1969 [Аввакум. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, подготовка текста и примечания Андрея Робинсона." *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. Вступительная статья Дмитрия Лихачева. Москва: Художественная литература, 1969].
- Averintsev, Sergey. "Kreshcheniye Rusi i puti russkoy kul'tury." *Russkoye zarubezh'ye v god tysyacheletiya kreshcheniya Rusi: sbornik statey*. Sostavitel'm. Nazarov Moskva: Stolica, 1991. 52–60 [Аверинцев, Сергей. "Крещение Руси и пути русской культуры." *Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: сборник статей*. Составитель М. Назаров. Москва: Столица, 1991. 52–60].
- Antonov, Dmitriy. *Samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika v epokhu Smuty*. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 2006 [Антонов, Дмитрий. *Самосознание древнерусского книжника в эпоху Смуты*. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Москва, 2006].
- Bakhtin, Mikhail. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Sostavleniye Sergey Bocharov, Sergey Averintsev i Sergey Bocharov. Moskva: Iskusstvo, 1979 [Бахтин, Михаил. *Эстетика словесного творчества*. Составление Сергей Бочаров, при-мечания Сергей Аверинцев и Сергей Бочаров. Москва: Искусство, 1979].
- Bakhtina, Ol'ga. *Staroobryadcheskaya literatura i traditsii khristianskogo ponimaniya slova*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999 [Бахтина, Ольга. *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999 [Бахтина, Ольга. *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999].

⁹⁸ Там же, с. 36.

- рообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Ред. А. П. Казаркин. Томск: ТГУ, 1999].
- Bulanin, Dmitriy. "O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisateley." *Trudy otдела drevnerusskoy literatury*. Т. 37. Ed. D. Likhachev. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1983. 3–13 [Буланин, Дмитрий. "О некоторых принципах работы древнерусских писателей." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 37. Ред. Д. Лихачев. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 3–13].
- Vasilenko, Alena. "Ispoved' kak zhanroobrazuyushchiy komponent 'Zhitiya protopora Avvakuma.'" *Religiovedeniye* 2009, no. 4: 156–160 [Василенко, Алена. "Исповедь как жанрообразующий компонент 'Жития протопопа Аввакума.'" *Религиоведение* 2009, no. 4: 156–160].
- Vinogradov, Viktor. "O zadachakh stilistiki. Nablyudeniya nad stilem Zhitiya protopora Avvakuma." *Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy*. Ed. M. P. Alekseyev et al. Moskva: Nauka, 1980. 3–54 [Виноградов, Виктор. "О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума." *Избранные труды. О языке художественной прозы*. Ред. М. П. Алексеев и другие. Москва: Наука, 1980. 3–54].
- Gudziy, Nikolay. "Protopop Avvakum kak pisatel' i kak kul'turno-istoricheskoye yavleniye." "Zhitiye" protopora Avvakuma im samim napisannoye i drugiyе yego sochineniya. Moskva; Leningrad: Academia, 1934. 7–59 [Гудзий, Николай. "Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление." "Житие" протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва; Ленинград: Academia, 1934. 7–59].
- Gurova, Yelena. "Obraz korablya v 'Zhitii protopora Avvakuma.'" *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyenauki. 2016, no. 2(71): 110–112 [Гурова, Елена. "Образ корабля в 'Житии протопопа Аввакума.'" *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016, no. 2 (71): 110–112].
- Gusev, Viktor. "Protopop Avvakum Petrov — vydayushchiysya russkiy pisatel' XVII veka." Zhitiye protopora Avvakuma im samim napisannoye i drugiyе yego sochineniya. Moskva: Goslitizdat, 1960. 5–51 [Гусев, Виктор. "Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века." *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Москва: Гослитиздат, 1960. 5–51].
- Demkova, Natal'ya. *Zhitiye protopora Avvakuma: (Tvorcheskaya istoriya proizvedeniya)*. Ed. V. P. Adrianova-Peretts. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1974 [Демкова, Наталья. *Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения)*. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974].
- Demkova, Natal'ya. "Dukhovnaya gramotavolokolamskogo knizhnika XVI v. Yevfimiya Turkova." *Trudy Otдела drevnerusskoy literatury*. Vol. 51. Ed. D. Likhachev, D. Bulanin. S-Peterburg, 1999. 345–356 [Демкова, Наталья. "Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 51. Ред. Д. Лихачев, Д. Буланин. С-Петербург, 1999. 345–356].
- Demchenkov, Sergey. *Bibleyskaya profeticheskaya traditsiya v "Zhitii" protopora Avvakuma (kprobleme zhanra)*. Avtoreferat dissertatsii kandidata

- filologicheskikh nauk. Omsk, 2003 [Демченков, Сергей. *Библейская пророческая традиция в "Житии" пророка Аввакума (к проблеме жанра)*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Омск, 2003].
- Demchenkov, Sergey. *Posledniy iz velikikh prorokov (bibleyskaya profeticheskaya traditsiya v "Zhitiy" protopora Avvakuma)*. Moskva; S-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018 [Демченков, Сергей. *Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в "Житии" пророка Аввакума)*. Москва; С-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018].
- Dorofeyeva, Lyudmila. "Poucheniye' Vladimira Monomakha kak ispoved'samootchet: k probleme interpretatsii." *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. Выпуск 8. Seriya: Filologicheskkiye nauki. Kaliningrad, 2010: 97–101 [Дорофеева, Людмила. "Поучение' Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации." *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. Выпуск 8. Серия: Филологические науки. Калининград 2010: 97–101].
- Dorofeyeva, Lyudmila. *Chelovek smirennuyu v agiografii Drevney Rusi (XI — pervaya tret' XVII veka)*. Kaliningrad: Aksios, 2013 [Дорофеева, Людмила. *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века)*. Калининград: Аксиос, 2013].
- Feofan, Zatvornik, svyatitel'. *Sobraniyepisem*. Выпуск I. Moskva: Pravilo very, 2000 [Феофан, Затворник, святитель. *Собрание писем*. Выпуск I. Москва: Правило веры, 2000].
- Florovskiy, Georgiy. *Puti russkogo bogosloviya*. Ed. O. Platonov. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsi, 2009 [Флоровский, Георгий. *Пути русского богословия*. Ред. О. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2009].
- Ignatiy, (Bryanchaninov), yepiskop. *Asketicheskiye opyty*. Vol. 1. S-Peterburg: Uzd. knigoprodavtsa I.L. Tuzova, 1886 [Игнатий, (Брянчанинов), епископ. *Аскетические опыты*. Т. 1. С-Петербург: Узд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1886].
- Ilarion, mitropolit. *Slovo o Zakone i Blagodati*. Foreword. Mitropolit Ioan (Snychev). Choice, foreword, transl. V. Deryagin. Ed. O. Platonov. Institut russkoy tsivilizatsi. Moskva, 2011 [Иларион, митрополит. *Слово о Законе и Благодати*. Предисл. митрополит Иоан (Снычев). Составление, вступительная статья, перевод В. Дерягин. Ред. О. Платонов. Институт русской цивилизации, Москва, 2011].
- Kantor, Vladimir. "Lichnost' vopreki: Stanovleniye lichnosti v Rossii: istoriya i sovremennost'." *Oktyabr'* 1998, no. 4: 112–137 [Кантор, Владимир. "Личность вопреки: Становление личности в России: история и современность." *Октябрь* 1998, no. 4: 112–137].
- Khant, Pristsilla. "Samoopravdaniye protopora Avvakuma." *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 32. *Tekstologiya i poetika russkoy literatury XI–XVII vv.* Leningrad: Nauka, 1977. 70–83 [Хант, Присцилла. "Самооправдание пророка Аввакума." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 32. *Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв.* Ленинград: Наука, 1977. 70–83].
- Kiprian, (Kern). *Pravoslavnoye pastyrskoye sluzheniye*. Parizh: izd. zhurnala "Vechnoye", 1957 [Киприан, (Керн). *Православное пастырское служение*. Париж: изд. журнала "Вечное", 1957].
- Klibanov, Aleksandr. "Protopor Avvakum i apostol Pavel." *Russkoye staroobryadchestvo (XVII–XVIII vv.)*. Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 2. Moskva: Arkheo-

- graficheskiy tsentr, 1994. 12–43 [Клибанов, Александр. “Протопоп Аввакум и апостол Павел.” *Русское старообрядчество (XVII–XVIII вв.)*. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Москва: Археографический центр, 1994. 12–43].
- Klyuchevskiy, Vasilii. *Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik: issledovaniye*. Moskva: izdaniye K. Soldatenkova, 1871 [Ключевский, Василий. *Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование*. Москва: издание К. Солдатенкова, 1871].
- Konyavskaya, Yelena. *Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI–seredina XV v.)*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 2000 [Конявская, Елена. *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI–середина XV в.)*. Москва: Языки русской культуры, 2000].
- Korogodina, Mariya. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: issledovaniye i teksty*. S-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2006 [Корогодина, Мария. *Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследование и тексты*. С-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006].
- Kosheleva, Ol'ga. “*Svoye detstvo*” v *Drevney Rusi i v Rossii epokhi Prosveshcheniya (XVI–XVIII vv.)*. Moskva: URAO, 2000 [Кошелева, Ольга. “Свое детство” в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.)]. Москва: УРАО, 2000].
- Krushel'nitskaya, Yekaterina. “Povest' Martiriya Zelenetskogo i avtobiograficheskoye povestvovaniye v pamyatnikakh russkoy literatury XIV–XVI vv.” *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 46. Ed. Likhachev, Dmitriy and Bulanin, Dmitriy. S-Peterburg, 1993. 21–35 [Крушельницкая, Екатерина. “Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV–XVI вв.” *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 6. Ред. Лихачев, Дмитрий и Буланин, Дмитрий. С-Петербург, 1993. 21–35].
- Krushel'nitskaya, Yekaterina. “K voprosu obavtobiografizme v drevnerusskoy literature.” *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. Vol. 1. Ed. Semyachko, С. А. and Bulanin, Dmitriy. S-Peterburg, 2005. 102–212 [Крушельницкая, Екатерина. “К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе.” *Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika*. Т. 1. Ред. Семьячко, С. А. и Буланин, Дмитрий. С-Петербург, 2005. 102–121].
- Likhachev, Dmitriy. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov*. Leningrad: Nauka, 1973 [Лихачев, Дмитрий. *Развитие русской литературы X–XVII веков*. Ленинград: Наука, 1973].
- Likhachev, Dmitriy. “Protopop Avvakum i razvitiye avtobiograficheskoy literatury.” *Istoriya vseмирnoy literatury*. Vol. 4. Moskva: Nauka, 1987. 351–352 [Лихачев, Дмитрий. “Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы.” *История всемирной литературы*. Т. 4. Москва: Наука, 1987. 351–352].
- Maかりy, Velikiy. “Nastavleniya o khristianskoy zhizni, vybrannyye iz yego besed.” *Dobrotolyubiye*. Vol. 1. Transl. From Russian by Svyatitel' Feofan. Moskva: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2010 [Макарий, Великий. “Наставления о христианской жизни, выбранные из его бесед.” *Добротолубие*. Т. 1. В русском переводе святителя Феофана. Москва: Сибирская Благовонница, 2010].
- Plukhanova, Mariya. “Zhitiye Yepifaniya v svete problem zhanra i traditsii.” *Gattung und Genologie der slavisch–orthodoxen Literaturen des Mittelalters*. Berlin: Dritte Berliner Fachtagung, 1988 [Плюханова, Мария. “Житие Епифания в свете проблем жанра и традиции.” *Gattung und Genologie der slavisch–orthodoxen Literaturen des Mittelalters*. Berlin: Dritte Berliner Fachtagung, 1988].

- Plyukhanova, Mariya. "O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzheniye, plavaniye na korable." *Iz istorii russkoy kul'tury*. Vol. 3. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 381–459 [Плюханова, Мария. "О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле." *Из истории русской культуры*. Т. 3. Москва: Языки русской культуры, 1999. 381–459].
- Panchenko, Aleksandr. "Tvorchestvo protopopa Avvakuma." *Istoriya russkoy literatury X–XVII vv.* Ed. Likhachev, Dmitriy. Moskva: Prosveshcheniye, 1980 [Панченко, Александр. "Творчество протопопа Аввакума." *История русской литературы X–XVII вв.* Ред. Лихачев, Дмитрий. Москва: Просвещение, 1980] <http://www.infolib.info/philol/lihachev/8_7.html>.
- Panchenko, Aleksandr. "Avvakum kak novator." *Russkaya literatura*, 1982, no. 4: 142–152 [Панченко, Александр. "Аввакум как новатор." *Русская литература*, 1982, no. 4: 142–152].
- Povest' Vremennykh let po Laurent'yevskomu spisku 1377 goda.* Transl. Likhachev, Dmitriy. S-Peterburg: Vita, 2012 [*Повесть Временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года.* Пер. Лихачев, Дмитрий. С-Петербург: Вита Нова, 2012].
- Povest' o zhitii prepodobnago ottsa Martiria.*" *Katalog sobraniya rukopisey F.I. Buslayeva.* Bychkov, Ivan. Prilozheniye II. S-Peterburg: Sinod. Tip, 1897. 342–351 ["Повесть о житии преподобного отца Мартирия." *Каталог собрания рукописей Ф.И. Буслаява.* Бычков, Иван. Приложение II. С-Петербург: Синод. Тип, 1897: 342–351].
- Ranchin, Andrey. "Avtobiograficheskiye povestvovaniya v russkoy literature vtoroy poloviny XVI–XVII vv. (Povest' Martiriya Zelenetskogo, 'Zapiska' Yeleazara Anzerskogo, zhitiya Avvakuma i Yepifaniya)." *Avtoportret slavyanina.* Ed. Sofronova, Lyudmila et al. Moskva: Indrik, 1999: 21–42 [Ранчин, Андрей. "Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, 'Записка' Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания)." *Автопортрет славянина.* Ред. Софронова, Людмила и другие. Москва: Индрик, 1999: 21–42].
- Robinson, Andrey. "Tvorchestvo Avvakuma i obshchestvennyye dvizheniya v kontse XVII v." *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* Vol. 18. Ed. Lur'ye, Yakov. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962: 149–175 [Робинсон, Андрей. "Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 18. Ред. Лурье, Яков. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1962: 149–175].
- Robinson, Andrey. "Tvorchestvo Avvakuma i Yepifaniya, russkikh pisateley XVII veka." *Zhizneopisaniya Avvakuma i Yepifaniya: issledovaniye i teksty.* Ed. Gudziy, Nikolay. Moskva: Izd–Vo AN SSSR, 1963: 3–135 [Робинсон, Андрей. "Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века." *Жизнеописание Аввакума и Епифания: исследование и тексты.* Ред. Гудзий, Николай. Москва: Изд–во АН СССР, 1963: 3–135].
- Robinson, Andrey. "Ispoved'-propoved' (o khudozhestvennosti 'Zhitiya' Avvakuma)." *Istoriko-filologicheskiye issledovaniya.* Sbornik statey k 75–letiyu akademika N. I. Konrada. Moskva: Nauka, 1967: 358–370 [Робинсон, Андрей. "Исповедь–проповедь (о художественности 'Жития' Аввакума)." *Историко-филологические исследования.* Сборник статей к 75–летию академика Н. И. Конрада. Москва: Наука, 1967: 358–370].

- Robinson, Andrey. *Bor'ba idey v russkoy literature XVII veka*. Moskva: Nauka, 1974 [Робинсон, Андрей. *Борьба идей в русской литературе XVII века*. Москва: Наука, 1974].
- Sarin, Yevgeniy. *Avtobiograficheskiy diskurs v literature Drevney Rusi XI–XIII vekov (zhitiya, poucheniya, poslaniya)*. Diss. kandidata filologicheskikh nauk. Vryansk, 2014 [Сарин, Евгений. *Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жизня, поучения, послания)*. Дисс. кандидата филологических наук. Брянск, 2014].
- Simeon Novyy Bogoslov, prepodobnyy. *Tvoreniya*. Vol. 2. Transl. from New Grecian yepiskop Feofan. Izdaniye 2. Vyr. 2. Tipografiya I. Yefimova. Moskva, 1890 [Симеон Новый Богослов, преподобный. *Творения*. Т. 2. Пер. с новогреческого епископа Феофана. Издание 2. Вып. 2. Типография И. Ефимова. Москва, 1890].
- Stepina, Alena. *Formal'no-soderzhatel'nyye modeli ispovedi v drevnerusskoy literature*. Avtoreferat kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2012 [Степина, Алена. *Формально-содержательные модели исповеди в древнерусской литературе*. Автореферат кандидата филологических наук. Москва, 2012].
- Taft, Robert. *Vizantiyskiy tserkovnyy obryad. Kratkiy ocherk*. Transl. from English A. Chekalova. Poslesloviye Lur'ye, Vadim. S-Peterburg: Aleteya, 2000 [Тафт, Роберт. *Византийский церковный обряд. Краткий очерк*. Пер. с английского А. Чекаловой. Послесловие Лурье, Вадим. С-Петербург: Алетея 2000].
- Tikhonravov, Nikolay. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti*. Kniga III. Moskva: Izdaniye tipografii Gracheva i kampanii, 1861. 117–173 [Тихонравов, Николай. *Летописи русской литературы и древности*. Книга III. Москва: Издание типографии Грачева и кампании, 1861. 117–173].
- Tufanova, Ol'ga. "Besnovatyue i bol'nyue v 'Zhitii' protopora Avvakuma." *Lesnoy vestnik* 2007, no. 1(50): 175–181 [Туфанова, Ольга. "Бесноватые и больные в 'Житии' протопопа Аввакума." *Лесной вестник* 2007, no. 1(50): 175–181].
- Tufanova, Ol'ga. *Tvorchestvo Avvakuma: poetika tragicheskogo.* *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. Sbornik 14. Ed. Kapitsa, Fedor. Moskva: Rukopisnyue ramyatniki Drevney Rusi, 2010. 9–140 [Туфанова, Ольга. "Творчество Аввакума: поэтика трагического." *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 14. Ред. Капица, Федор. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 9–140].
- Zaretskiy, Yuriy. *Istoriya sub'yektivnosti. Drevnyaya Rus'*. Antologiya. Moskva: Akademicheskii Proyekt Gaudeamus, 2010 [Зарецкий, Юрий. *История субъективности. Древняя Русь*. Антология. Москва: Академический Проект Гаудеамус, 2010].
- Zhivov, Viktor. *Russkiy grekh i russkoye spaseniye*. Stenogramma lektzii 13 avgusta 2009 [Живов, Виктор. *Русский грех и русское спасение*. Стенограмма лекции 13 августа 2009 г. <<http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/>>].
- Zhivov, Viktor. "Religioznaya reforma iindividual'noye nachalo v russkoy literature XVII veka." *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002 [Живов, Виктор. "Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века." *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002].

AMINA GABRIELOVA

Purdue University, West Lafayette, USA

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9295-3287>

THEATER AND THEATRICALITY IN THEIR RELATION TO HISTORY AND THE ARTS IN THE NOVELS BY VLADIMIR SHAROV

Vladimir Sharov (1952–2018), a distinguished contemporary Russian writer, published nine quasi historical novels. Each of his novels suggests a different semi-fantastical version of Russian history that is locked into continuing cycles or — to use Sharov’s preferred word — “rehearsals” of violence. Theater and performance are a recurring theme in Sharov’s prose. In *Before and During* [До и во время], one of the main characters is Alexander Scriabin. In *The Rehearsals* [Penemuuu] Patriarch Nikon orders a play — a mystery-play about Easter — in which the amateur peasant actors are assigned roles from the Bible and replay these roles for generations. In *Should Not I Spare* [Мне ли не пожалеть], the opening section shows characters participating in Chekhov’s plays, and the main part of the narration tells the story of staging an oratorio. In the last two novels, several of the protagonists are theater directors. This article argues that for Sharov, theater is an apt metaphor for history and a basic ontological principle, because theater is an experience that can be documented but is never reproduced in exactly the same form. The article examines how Sharov brings out the power of the playwright, director, and actor to implement multiple and different scripts and life stories. Life and art in his works imitate each other through a constant multiplication of versions or rehearsals — “rehearsals” in its expanded sense as reinterpretations, revisions, rewritings, and continuations.

Keywords: Vladimir Sharov, Post-Soviet literature, historical novel, theater

Vladimir Sharov, a distinguished Russian author who died in 2018, published nine historical novels that blend facts and the fantastical in an extremely complex and convoluted way. He wrote about various periods in the history of Russia. Still, he always returned to his main theme, the traumatic memory of the catastrophic events of the 20th century with its revolutions and the Great Terror. Sharov explored their deep roots in the Russian messianism and the ferment stirred by the religious sects in the country. Each of his novels provides a different semi-fantastical version of Russian history — a history that consists of continual cycles or, to use Sharov’s preferred word, “rehearsals” of violence. In fact, as Caryl Emerson suggested in her review of Oliver Ready’s translation of Sharov’s second novel

aply titled *The Rehearsals* (Репетиции, 1992), Sharov's particular type of novel seems to recognize only the recurrent events and explores how and why these events recur.¹

Sharov's novels are often described as alternative history². However, Sharov considered himself a realistic writer. He insisted that his works were not embedded in a reshaped past but created to delve into intents, thoughts, attitudes and beliefs: the intrinsic phenomena and factors that govern people's behaviour and are very real aspects of life but hardly ever find their ways to textbooks³. Anna Berdichevskaya, in her essay on the last Sharov's novel *The Kingdom of Agamemnon* [Царство Агамемнона], suggests that the intricacy of his prose does not exceed the complexity of the life it describes⁴. The Russian cultural critic Dmitri Bykov has gone further, claiming that Sharov's "historical provocations" reveal the hidden mechanisms of Russian fate⁵. According to his English translator Oliver Ready, generically

¹ C. Emerson, *The Children of Catastrophes: On Vladimir Sharov's "The Rehearsals"*, "Los Angeles Review of Books", 27.11.2018, https://lareviewofbooks.org/article/the-children-of-catastrophes-on-vladimir-sharovs-the-rehearsals/?fbclid=IwAR0zrrUGjG43PeXKTWJkASAcE_viqJRkjmVUoEYNY5RDGZpYeGOEsNjwo#! (21.02.2020).

² Harry Walsh, in one of the earliest reflections on Vladimir Sharov's novels in American scholarship, called them "allohistorical". See H. Walsh, *The Microcosmography of Russian Cultural Myths in Vladimir Sharov's Allohistorical Novels*, "Slavic and East European Journal" 2002, vol. 46, no. 3, p. 565–585. Mark Lipovetsky's preferred term is the "quasi-historical" (квази-исторический) novel. Muireann Maguire has characterized them as "historiographic metafiction". See M. Maguire, *Institutional Gothic in the Novels of Vladimir Sharov and Evgenii Vodolazkin*, "Canadian Slavonic Papers" 2019, vol. 61, no. 4, p. 420–438. <https://www-tandfonline-com.ezproxy.lib.purdue.edu/doi/full/10.1080/00085006.2019.1648986> (21.02.2020). On representation of time in Sharov's novels see A. Габриэлова, *Рифмы и рефрены: художественное время в романах Владимира Шарова*, // *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, ред. М. Липовецкий, and А. де Ля Фортель, НЛЮ, Москва, 2020, p. 586–614.

³ See В. Шаров, "Абсурд нашей жизни", интервью с Еленой Иваницкой, "Московские новости" 2002, no. 39, <http://www.litkarta.ru/dossier/absurd-nashej-zhizni> (21.02.2020).

⁴ Using Sharov's description of the post-revolutionary years as the time of great shakiness, when people's lives were taking unimaginable turns Berdichevskaya writes: "There is nothing more fantastic than the fate of a person during the times of great shakiness". [Нет ничего фантастичней, чем судьба человека во времена великой шаткости.] А. Бердичевская, *Пространство Шарова, или «великая шаткость»*, "Медведь", 07.04.2019, http://www.medved-magazine.ru/articles/Prostranstvo_Sharova_Ili_velikaya_shatkost.3033.html (21.02.2020).

⁵ See В. Шаров, "Что случилось с историей? Она утонула", интервью с Дмитрием Быковым, «Русская жизнь», 08.06.2007, <http://rulife.ru/old/mode/article/76/> (21.02.2020).

Sharov's novels do not belong to historical realism as conventionally understood, but rather to fantastic realism that allows the author to uncover deeper meanings and patterns in Russian history by virtue of creation and exploration of implausible and grotesque situations⁶.

Sharov has never published a play, and his preferred technique is a flow of "stories within a story". In his early essay on Sharov's novels, Harry Walsh noticed a "dearth of dialog and absence of chapter divisions."⁷ And indeed, Sharov did not like writing dialogues. According to Oliver Ready, "he liked to compare dialogue in fiction to the water in a fruit: it needs to be squeezed out"⁸. However, theater and performance are a recurring theme in his prose. In *Before and During До и во время*, one of the main characters is Alexander Scriabin. In *The Rehearsals (Penemuçuu)* Patriarch Nikon orders a play — a mystery-play about Easter — in which the amateur peasant actors are assigned roles from the Bible and replay these roles for generations. In *Should Not I Spare (Мне ли не пожалеть)*,⁹ the opening section shows the characters participating in Chekhov's plays, and the main part of the narration tells the story of staging an oratorio. In the last two novels by Sharov, several protagonists are theater directors. The opening pages of *Be as Little Children [Будьте как дети]* provides an overview of Russian participation in World War I through the productions of classical operas. In *The Return to Egypt [Возвращение в Египет]*, some characters participate in the stagings of Gogol's *Inspector General*. Even the works of visual art — such as a china set, painting by Alexander Ivanov, or decorated wood columns — are depicted not as freestanding artifacts but as props and scenery, a *mise-en-scène* where historical episodes are poised and ready to come to life. In all Sharov's novels, participation in an amateur theater is a sign and a necessary part of normal happy childhood and adult and family life.

⁶ O. Ready, *How Sharov's novels are made: "The Rehearsals" and "Before & During"*, "Slavic and East European Journal" 2020, vol. 64, no. 1, p. 42–61.

⁷ H. Walsh, *The Microcosmography of Russian Cultural Myths in Vladimir Sharov's Allohistorical Novels*, "Slavic and East European Journal" 2002, vol. 46, no. 3, p. 566.

⁸ O. Ready, *Remembering writer Vladimir Sharov*, "The Moscow Times", 21.08.2018, <https://www.themoscowtimes.com/2018/08/21/remembering-writer-vladimir-sharov-a62594> (21.02.2020).

⁹ Title taken from the *Book of Jonah*, 4:11: "And should not I spare the great city of Nineveh, in which there are more than a hundred and twenty thousand people who cannot tell their right hand from their left—and also many animals?"

Describing theater, Sharov underscores the power of the playwright, director, and actor to implement multiple and different scripts and life stories — an artistic goal he achieves as a novelist by using the technique of a story-within-a-story. For Sharov, the theater is an apt metaphor for history and a basic ontological principle, because it is an experience that can be documented but never reproduced in exactly the same form. In this, theater mimics real-life historical experience. According to Mark Lipovetsky, Sharov’s theatrical connections and deeply rooted theatricality connect the writer with the neo-baroque movement in contemporary literature.¹⁰ Sharov’s “rehearsals” are related to Lipovetsky’s “iterations,” a larger underlying principle in postmodernist literature that Lipovetsky defines not as a repetition but rather as an absurd, “paralogical” shift that produces new, problematizing meanings,¹¹ Moreover, in his analysis of *Before and During* and *Shall Not I Spare* (referred by him as *Sooner or Later* and *How Could I Not Regret*, respectively), Lipovetsky notes that by mythologizing history Sharov can better discern the “rhythm of history” or its “discrete continuity”¹² — in other words, its performativity.

Discussing the current state of Russian history in his interview with Dmitry Bykov, Sharov consistently made theatrical comparisons. He justified his irony and grotesque, once again, in theatrical terms, stressing the inadequacy between the roles and the actors¹³:

Происходят некие «репетиции», здесь я, пожалуй, угадал жанр, — история не проживается, а разыгрывается, как пьеса, с достаточно произвольным и часто неадекватным распределением ролей. Относиться к ней без иронии невозможно, и потому главные страсти с государственной арены ушли в личные отношения. Или даже в душевные расколы отдельных лиц.

¹⁰ М. Липовецкий, *Паралогии: Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х гг.*, НЛО, Москва, 2008, p. 267.

¹¹ An iteration is not a repetition of the elements of similarity/contrast and not even the reiteration of the unique and the accidental; it is rather a recurrent, unpredictable, alogical (paralogical) absurdist shift that creates a random rhythm of dislocations, which in its turn bears new problematizing meanings. [*Итерация* — это не повторение элементов сходства/контраста и даже не повторяемость единичного ислучайного, а повторяющийся непредсказуемый, алогичный (паралогичный), абсурдный сдвиг, формирующий рваный ритм смещений, в свою очередь порождающий новые, проблематизирующие, смыслы]. Ibid., p. 238.

¹² M. Lipovetsky, *The Aesthetic Code of Russian Postmodernism*, 2012, http://cdclv.unlv.edu//archives/nc2/lipovetsky_pm.html (21.02.2020).

¹³ See В. Шаров, “Что случилось с историей? Она утонула”.

THEATER AND THEATRICALITY...

Something like “rehearsals” are going on, and here I probably hit on the right genre — history is not lived through, but rather plays out like a drama, where the roles are distributed arbitrarily and not always adequately. It is impossible to treat it [history] without irony, which is why the main passions receded from the state arena into personal relations. Or even into inner schisms of individual persons.

Sharov further compares historical development to an act in a play.

Страна очень большая, информационная открытость сохраняется, границы прозрачны. А чтобы разыграть очередное действие всерьез, нужно обеспечить полную закрытость.

The country is very big, the exchange of information has remained open, the borders are transparent. In order to play out the next act properly, they need to guarantee complete closedness.

In the first part of this essay, I focus on *Should Not I Spare* in connection with the two novels that preceded it: *The Rehearsals* (Sharov's second novel), and *Before and During* (his third). The second and third novels have received more attention from the critics and have been translated into English. *Should Not I Spare*, his fourth, is less known; it was never republished or translated into other languages. This novel, however, is of particular relevance to my theme, because it is even more focused on theatricality. In the second part of this essay, I discuss the segment on *The Inspector General* in the novel *The Return to Egypt* and analyze how Sharov presents works of visual arts and architecture as a type of latent theater, or as scenery for potential *mise-en-scènes*.

REAL LIFE AS THEATER AND THEATER AS REAL LIFE

In Sharov's novels, a plotline very often begins with a character who intends to write a continuation for a famous book. In *Return to Egypt*, the protagonist, Gogol's descendant and namesake, is working on the second part of *Dead Souls*. He outlines Chichikov's life in later years and also mentions a possible future for Dostoevsky's Alosha Karamazov.¹⁴ The main story in *Should Not I Spare* starts in

¹⁴ Likewise, Alexander Scriabin, who is featured in *Before and During*, failed to finish his *Mysterium* but began another symphonic work, *The Preliminary Act*, designed as a prelude to *Mysterium*. This second work was also left incomplete.

a similar vein. In a bizarre turn of events, at the time of Stalin's death in 1953, the authorities decided to create a third part of the Bible, or a Third Testament, retelling the history of Russians as the new chosen people and including the lives of new prophets. One of these new prophets is Vladimir Leptagov, composer and director of the best Russian choir of his time and the last representative of a three-hundred-fifty-year-old family. Leptagov's ancestor was an educated Byzantine Greek, an allusion to both Biblical and Byzantine roots of Russian culture. To write a story of Leptagov's life, one assigns Alexei Trept — a journalist, choir member, and long-term NKVD informer. Of course, the dark irony of using State Secret Service files as a biographical source cannot escape the reader's notice. Sharov's sarcastic style is on display in how Trept justifies his work in the NKVD:

Работал я на них еще с самого начала двадцатых годов, в частности, был их человеком в хоре Лептагова, всегда писал правду, всю правду и одну только правду и всегда гордился, что они мне доверяют. Те, кто смотрят на это иначе, удивляют меня: если мы хотим, чтобы нами хорошо и справедливо управляли, государство просто обязано обладать всеведением и всезнанием. Мы, внештатные сотрудники, - как раз и есть глаза власти (17).¹⁵

I had worked for them since the very beginning of the twenties. In particular, I was their man in Leptagov's choir. I always wrote the truth, the whole truth and nothing but the truth. I was always proud that they trusted me. It never ceases to amaze me that there are people who have different views on the matter: if we want to be ruled in a good and just way, the state simply ought to know everything and be informed about everything. We, freelance collaborators, are the eyes of the authorities.

Although the main events take place in the first half of the twentieth century, the introductory story is set in today's Moscow and begins as a farce. The narrator Sasha is a Japanese language interpreter. The setting, an ironic reflection of the entrepreneurial spirit of the 1990s, is a tea-ceremony house and brothel for Japanese tourists that a "New Russian" businessman has just opened in Moscow. The hostesses present themselves as three sisters, advertised as Russian beauties with thick braids. They share the historic name Leptagov, but it is unclear if this is their real surname. The

¹⁵ Throughout this article, the citations from Vladimir Sharov's novels *Before & During* and *The Rehearsals* are referenced to their published English translations. The citations from other novels are referenced to their Russian editions, and all the English translations of these are mine.

idea of “three sisters” seems pleasantly authentic to the tourists, reminding them of Russian fairy tales and Chekhov’s play. As early as in the opening scene, the very concept of a genuine national spirit and national heritage, whether Russian or Japanese, is put in brackets of parody.

The “three sisters” not only graduated from the Institute for Oriental Languages but also took courses at a theater institute. There is nothing dreamy and idealistic about them; all three are shrewd and practical. Their duties at the Japanese teahouse include, among others, telling their life stories. There, their role-playing and storytelling reach the level of high art.

Девушки легко поддерживали разговор на любую тему, но, кроме этого, у каждой была и своя отдельная программа — вполне своеобразное смешение собственной судьбы или собственной истории с загадочной русской душой, русской идеей и прочим национальным колоритом. Изготовлено это было ловко и звучало естественно. Японцы, во всяком случае, оставались весьма довольны. Впрочем, не хочу ни на кого клеветать: отечество у нас удивительное и, возможно, то, что они рассказывали, было чистой правдой (2).

The girls could easily maintain a conversation on any topic, but, in addition, each of them had her own program — a completely original mix of her own fate or her own life story with the mysterious Russian soul, the Russian Idea, and other such details of national colour. It was all done artfully and sounded authentic. The Japanese, in any case, were totally satisfied. Well, I don’t want to slander anyone. Our fatherland is full of surprises, and it is possible that their stories were entirely real.

The truth behind their stories may be elusive, but all three underscore how much they are rooted in Russian history. The sisters’ ancestor supposedly came to Russia from Greece in the seventeenth century, and each sister had her own version and time frame of family history — her own script — each one focusing on the ancestor’s participation in a seminal historical event. The youngest, Sofia, would talk about the first Leptagov’s arrival from Greece to Russia with his uncle (being a bishop) at the beginning of the seventeenth century and his unending adventures experienced during the Time of Troubles. The second, Natalia, would focus on different Leptagov’s correction of liturgical books, thus laying the foundation for the Schism.¹⁶ The eldest sister, Irina,

¹⁶ Sharov considered Schism (Raskol) the seminal event and the greatest trauma in Russian history. See В. Шаров, “Каждый мой роман дополняет предыдущие”, интервью с М. Липовецким, “Неприкосновенный запас” 2008, no. 3 <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/li6.html> (21.02.2020).

tells Leptagov's story as that of a nineteenth-century *raznochinets*, the son of a sexton, physician by education, a revolutionary, and a member of the Russian anarchist group Land and Liberty. This three-part historical backdrop places Leptagov's ancestors at the epicenter of cultural shifts in the 17th and 19th centuries and makes him an "heir" with a sequence of "footsteps" to follow, thus preparing the reader for the main part of the story, set in the twentieth century.

However, the narrator Sasha notices that the sisters' stories exactly match the scenes of the Leptagov family history shown in pictorial form on the celebratory dinner set, which again casts a shadow on their credibility. Importantly, Sharov treats the paintings on this gigantic china set for 96 people as a genuine historical source as well as potential *mise-en-scènes*. It turns out that the pictures were based on Trept's biography, and the china set was a gift to Leptagov for his 75th birthday and for 350th anniversary of the Leptagov family in Russia. The entire transaction was possible only because the china factory director was the senior Trept's friend and a choir member himself. Here "choir" already begins to sound like a "ruling party." Sharov shows how a supposedly authentic family history acquires multiple unreliable versions or mirror reflections, from written biography to pictorial biography to oral history told by false heirs until it is very difficult to tell truth from fiction.

The three sisters also liked telling how they were once actresses in an experimental theater led by a young avant-garde director. This director planned to stage all Chekhov's plays in his original interpretation. The plan was, among others, to extend the time span of the scenic events by twenty to thirty years; in the case of *The Cherry Orchard*, for example, he wished to show how the main characters evolved and what happened to them after the revolution. Lopakhin, who acquires Ranevskaya's estate at the end of Chekhov's play, marries Varya and then loses the estate during the Revolution. In the 1930s, Lopakhin is arrested as a kulak (a wealthy peasant declared an enemy of the socialist state), and his entire family eventually ends up logging trees in a labor camp. Trofimov and Anya, on the other hand, do very well. After the revolution they marry and both have distinguished Party careers. Both manage to die peacefully in 1934. However, the above project of "completing" *The Cherry Orchard* never reached the stage, and the sisters refuse to provide any specific information about the director. Thus doubt is cast on the veracity of the whole story.

In another unrealized project, the mysterious avant-garde director wished to explore whether theater could foretell the future. He would stage a play about a famous contemporary philosopher and dissident, whose life had turned out exactly as predicted. In his youth in 1930s the man commits an insignificant offence. The secretary of his Komsomol cell, a fanatical girl, denounces him in an agitated speech, and in a state of shamanic-like ecstasy foretells the key events of his life, including prison, camps and emigration. Now, this philosopher is asking himself whether this zealot girl was a prophet who had conveyed God's will and thus confirmed that his fate had been preordained; or had she acted all by herself? In this latter case, he would like to know why she had acted in that way. Unfolding this fantastic scenario, Sharov tries to understand to what extent human lives are preordained and whether human beings *lack* agency. The same theme — the role and legitimacy of prophets — is taken up in the main part of *Should Not I Spare* by the musician Vladimir Leptagov.

**SHOULD NOT I SPARE: LEPTAGOV'S TITANOMACHY
AND SCRIBIN'S MYSTERIUM**

Alexander Scriabin is a major protagonist in the novel *Before and During* in which Russia is entangled in World War I and on the verge of a revolution. Called “the apostle and prophet of the new world” (258), Scriabin is first introduced as a prospective leader of the party of Fedorovians, followers of the Russian philosopher Nikolai Fedorov and ardent revolutionaries. Fedorovians choose Scriabin as their leader, since “they had always been astonished by Scriabin’s mighty symphonic gift, his ability to score for dozens of different instruments in such exhaustive detail that, in the end, their voices merged into a perfect unity in which, furthermore, everything was so complete. So polished, that to break up and fragment this voluntary concord seemed quite impossible” (253). Thus Scriabin, a composer singularly able to bring together discording voices, could be cast as a messiah and lead the revolution.¹⁷

¹⁷ More on Scriabin in *Before and During* see П. Димова, *Революция как космическая мистерия: Скрябин в романе «До и во время» В. Шарова*. // Владимир Шаров: по ту сторону истории, ред. М. Липовецкий и А. де Ля Фортель, НЛЮ, Москва, 2020, p. 548–585.

Scriabin is depicted as a greater revolutionary than Lenin because of his *Mysterium*¹⁸. But later in the novel Scriabin meets Lenin, whom he recognizes as the true revolutionary leader and Russia's Messiah. Their meeting takes place on the waters of Lake Geneva in Switzerland, in a bizarre scene when Scriabin, like John the Baptist, greets Lenin the Messiah. Scriabin in his turn also has a precursor, his own John the Baptist, Sergei L'vovich (Tolstoy?, 251). Thus Sharov continues to interpret the history of the Russian revolution in a circular fashion, as a chain of predictions, "rehearsals" and "re-enactors."

In *Should Not I Spare* Scriabin's name is never mentioned. Nevertheless there are striking similarities between Leptagov's only composition, the oratorio *Titanomachy*, and Scriabin's *Mysterium*, as well as certain biographical parallels between the two musicians.

As regards biography: Leptagov's 1910 Volga trip resembles Scriabin's Volga trip with Sergei Koussevitzky's orchestra in the same year.¹⁹ Leptagov and his choir travel on a steamship with the name *The City of Kitezh*. According to legend, the city of Kitezh sunk underwater to protect it from the invading Mongol horde. It would seem like an ill-omened name for a ship.²⁰ This trip inspires Leptagov to create his giant *Titanomachy* in celebration of the great technological achievement of the time — the ship *Titanic*. He hopes to perform this oratorio on the *Titanic*'s maiden voyage in 1912. Leptagov's oratorio is based on Greek mythology, on a successful "revolution" of sorts: the cosmic battle of the aged Titan gods and the young Olympian gods, the eventual removal of the older gods and the establishment of a new world order. This mythological plot, performed by a chorus, introduces the theme of Greek tragedy and submission to fate. The oratorio also includes elements of English and Scottish sea lore and folk music. The revolutionary spirit of the *Titanomachy* is intended to glorify the technological breakthrough of Anglo-Saxon engineering and Western civilization and probably to reflect Petrine interests in shipbuilding and Western culture.

¹⁸ See O. Ready, *How Sharov's novels are made...*

¹⁹ Л. Сабанеев, *Воспоминания о Скрябине*, Классика XXI, Москва, 2000, p. 45–46.

²⁰ This is not a product of Sharov's imagination — a ship with such a name did exist. What is more important, the sinking city of Kitezh as an allegory of the revolutionary Russia appears in Sharov's novel *Be Like Children*. In the introduction to this novel reference is made to Rimsky-Korsakov's 1904 opera *The Legend of the Invisible City of Kitezh*, and the final scene depicts an endless procession of Russian revolution victors and victims descending underwater in Lake Svetloyar. But the imagery here is complex: in the original medieval legend the city sunk to protect its inhabitants and not to destroy them.

Leptagov, who can now be compared to a Greek coryphaeus, fails to finish this oratorio on time (just as Scriabin had failed to finish his *Mysterium*)—and then the *Titanic* sinks. As a result, Leptagov, for the rest of his life, suffers massive guilt, blaming himself for somehow predicting and inflicting this disaster. Here again we see how Sharov subtly brings into play the theme of the power of art and the artist to influence or predict the future. There is also some irony in the fact that a symbol of technological advancement, the *Titanic*, sinks to the bottom, but the ship *City of Kitezh* stays afloat.

Subsequently in the novel, Leptagov moves out from Moscow and St. Petersburg and goes east into the small city of Kimry, located on the Volga river, closer to the heart of ethnic Russia. His choir in St. Petersburg is made up of the former high-school students; the first performance of *Titanomachy* took place in the school auditorium. Now, the choir both grows in size and matures in age, and its sections begin to look more and more like political parties. At the beginning, it was supposed to be an all-male choir. In order to include some voices in the necessary higher registers, Leptagov invites the members of the religious sect of *Skoptsy* (the self-castrated).²¹ Moreover, while Leptagov is ill, under cover of the choir's lower voices, a separate group of SR²² terrorists is formed. Through all these trials and relocations, Leptagov remains a beloved choir leader. In Kimry, the choir, now gigantic in size, performs *Titanomachy* standing on both sides of the Volga River. This epic spectacle can be interpreted in multiple ways. The choir relocates out of the capital to "Mother Volga," glorified in innumerable folk songs; by doing so, it moves closer to its Russian roots. From a city building, a historic and time-specific location, it migrates into a natural setting, an eternal location, a place of timeless nature and centuries-old history.²³ We often see in Sharov's novels how the events set in historical time take place in cities or inside buildings. When the action shifts to mythological and cyclical times, events happen in the lap of nature.

Among the similarities between *Titanomachy* and Scriabin's symphonic poem *Prometheus* (whose main character is himself a Titan)

²¹ Скопцы (Skoptsy), or the castrated, a Russian religious sect who practiced self-castration in order to overcome lust.

²² Эсеры (SR or Esers), members of the Party of Socialists-Revolutionaries, a prominent party in prerevolutionary Russia.

²³ For an overview of Sharov's non-fictional essays on the dynamics in Russian history between the capital and the provinces, see the review essay by C. Emerson, *Vladimir Sharov on history, memoir, and a metaphysics of ends*, "Slavic and East European Journal" 2019, vol. 63, no. 4, p. 598.

are themes taken from Greek mythology and a rebellion against the gods. But even more, *Titanomachy* reminds one of Scriabin's unfinished *Mysterium*. Scriabin intended his *Mysterium* to be a weeklong performance—his mystical, synesthetic experiment with music, singing, dancing, lights, colors and aromas, set in a dedicated temple in the Himalayas on the shore of the river Ganges, according to Scriabin the “cradle of mankind” (*Before and During*, 249). Similarly, Leptagov's *Titanomachy* swells up into a gigantic enterprise, performed in a quintessential “Russian” location in a natural setting near the Volga River. At the same time, Leptagov's choir serves as an allegory of the ruling revolutionary party after the revolution, with its combination of sectarians and terrorists.

Eventually, Leptagov's oratorio, like Scriabin's *Mysterium*, expands its scope, encompassing both humans and nature. His choir ultimately includes the voices of animals, such as bellowing cows and bulls, as well as the natural sounds of wind, water, and thunder. One of the most moving and also surreal scenes of *Should Not I Spare* is an uprising of mistreated cattle (118–24). Here Sharov directly connects collectivization and the Great Terror. The protest of starving cows and bulls, a parable of collectivization and state-provoked famine among the peasants calls to mind horses dying from malnutrition in Andrei Platonov's novel *The Foundation Pit* [Котлован] and his Terror-Famine play *Fourteen Little Red Huts* [Четырнадцать красных избышек]. This detail seems to refer to the episode in the *Book of Jonah* (3:7–8), where both people and cattle in Nineveh participate in universal repentance.

The revolutionaries in *Before and During* appreciate Scriabin's ability to unite different instruments into one voice. For Leptagov as a messianic leader, the vocal genre of the oratorio is a most suitable musical form, and Leptagov works here directly with human voices. There might also be a linguistic parallel. The word *партия* [partiiia] in Russian means both a party and a part (or role) in a musical or vocal work. Also, the verb *нeмь, занeмь*, in prison argot means to confess or to report on someone. When Alexei Trept, the police informer and biographer of Leptagov, admits that often it is easier for him to sing than to speak (14), he is, in fact, admitting that he is a canary; these words can be interpreted in both a musical and a political sense since singing, i.e. informing has now become the preferred form of communication. Even a political leader as renowned as Menzhinsky, who after Dzerzhinsky's death was appointed the head of the Cheka,

speaks by singing an aria. As the scope of the choir increases, it indeed starts representing the fusion of religion and Secret Services: it includes the two main revolutionary forces — the sectarian Skoptsy who as eunuchs have high voices, and the militant and violent SRs (Socialists-Revolutionaries), whose voices are low. Leptagov's life after the revolution is thus thoroughly intertwined with the NKVD. The journalist Trept who is writing his biography is an old NKVD informer, as are choir members. The boundaries between the henchmen and the victims fade away.

Should Not I Spare ends in 1939 when it becomes clear that collectivization has been a disaster and the day of penitence and last judgment is nigh. The Skoptsy sect takes the initiative and organizes a movement of national repentance. Here Sharov provides a grotesque and surreal vision of political and temporal reversal: the former wealthy peasants, or kulaks, return from the labor camps and exile, and their property is restored to them. The Chekists, poor peasants, and kulaks raise their collective voices in a phantasmagoric chorus singing of repentance and mutual forgiveness. Finally, everyone has the hope of being forgiven, just as in the conclusion of the *Book of Jonah*, which gives the novel its title and where God spares the city of Nineveh of His wrath. In the final scene, however, Leptagov, like Moses, leads his choir-chorus of peasant-victims and Chekists-torturers through burning peat bogs as if through the flaming inferno to universal penitence and is granted a vision of the Burning Bush. History comes full circle. The Russian people, like the chosen people of the Old Testament, are brought back to the beginning of Biblical history, to the Crossing of the Red Sea in the Exodus. The cycle will begin again, but now Leptagov's role as an artist, prophet and messiah is complete.

ARCHITECTURE AS SCENERY

This passage is reminiscent of the teaching of the intellectual mystic Ilyin, a character in *The Rehearsals* (20–21) whose task was attempting to understand God. This understanding is itself presented in spatial terms, with wide-open expanses and opaque corners. Ilyin compared this process to building a temple and looking for appropriate stones. The inside of the temple would be an undivided space, conducive to different interpretations:

As he tried to elucidate what it was that had come with Him into the world, that had been proclaimed by Him to the Jews and other nations, Ilyin consciously avoided dividing the temple of his understanding into side chapels and altars, and merely laid the cornerstones of his faith; he built the frame but not the walls or the roof, keeping everything as it might be in the desert — open to the four winds. (20–21)

If a cathedral building can be interpreted as a model of the entire cosmos, then Leptagov here creates different versions or “rehearsals” of his own universe and universal Temple. His personality expands beyond the boundaries of a musician or an author, and he tries on roles belonging to different types of artists. A writer’s or a musician’s imagination is unlimited; a theater director, however, knows constraints in the surrounding reality, as well as in the script, building, scenery, and actors.

Обстоятельства заставили его сократить, сузить то поле, где он был свободен, он словно ушел от писательства, где всё во власти автора, к театру, театральной режиссуре, где режиссер, оставаясь диктатором, бесконечно зависим и от пьесы, и от актеров, и от музыки, и от художника (46).

The circumstances forced him to reduce, to narrow down the field in which he was free. He seemed to have departed from the realm of writing where the author holds absolute power and chose theater, theatrical directing, where the director, while remaining a dictator, is nevertheless fully dependent on the play, actors, music and the stage designer.

The comparison between organizing a choir and building a temple recalls Nikolai Fedorov’s philosophy of art. Fedorov formulated a concept of architecture as the highest form of human art, higher than music and theater. A temple, according to Fedorov, is a model of the universe because it connects earth and heaven.

Искусство священное есть воспроизведение мира в виде храма, соединяющего в себе все искусства, причем храм, как произведение зодчества, живописи и ваяния, становится изображением земли, отдающей своих мертвецов, и неба (свод храма и иконостас), населяемого оживленными поколениями, а как вместилище пения, точнее отпевания, храм есть голос, под звуки которого оживает прах на земле...²⁴

Sacred art reproduces the world as a temple that combines in itself all arts. Thus, the temple, being a work of architecture, painting, and sculpture, becomes a representation of both the earth that gives away its dead, and heaven populated by

²⁴ Н. Федоров, *Искусство подобий (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение)* // Н. Федоров, *Сочинения*, Мысль, Москва, 1982, р. 563–564.

THEATER AND THEATRICALITY...

the revived generations (the vault and the iconostasis). As a vessel for the sacred songs, strictly speaking for obsequies, the temple is a voice to whose sound the dust comes back to life on earth...

Here lies an important difference between Fedorov and Sharov in understanding art. Fedorov values static and finite architecture, a “hard” art, while Sharov prefers a living, moving, developing, and ever-changing theater performance. For Sharov, architecture is a form of “stage design” that can serve as the backdrop for historical events, and sculpture and painting are parts of the *mise-en-scène* that can be revived at any moment.

Sharov compares the director to a dictator, adding a political dimension to this image. Political leaders can be like directors, only their scenery is real architecture, and their actors are real people. In *The Rehearsals*, Patriarch Nikon, like a dictator who uses people as his actors, allows Sertan to hire only peasants for the roles in their production, and he perceives new buildings and landscape in a theatrical sense. Observing the construction of a real new cathedral, he sees it as scenery for a gigantic stage set.

It turned out, remarkably enough, that Sertan’s selection of actors, his sketches, and *mise-en-scène* excited Nikon even more than the construction of the Church of the Resurrection. The latter was only a fraction of the enormous task conceived by Nikon and led by Sertan. Nikon and the monks, along with hundreds upon hundreds of hired laborers and volunteers, were, it seemed, merely erecting the scenery for the spectacle that Sertan was directing (117).

Since the purpose of the Passion play is to entice Christ back to earth for a Second Coming, the stage setting stands in for the necessary physical environment, and having scenery is equivalent to having a real location. Even when Sertan loses all his actors during the Cossack-Polish war, the theater does not disappear, because his artist Martin is still with him. The two of them are able to save and restore the scenery from their theater. Actors can always be recruited en route. Later on, when Sertan is taken to Moscow and asked whether he can stage a play, the authorities take him to the treasury and show him his own scenery (89). Now, the director is able to create a new *mise-en-scène* and to begin a new period in the theater’s life.

In *Should Not I Spare*, likewise, theatrical memories immediately conjure up architectural parallels. Alexei Trept, a failed artist and theatrical set designer, perceives his entire existence in theatrical terms and experiences nostalgia for the theater of his youth. He

describes his room of fifteen years in a communal apartment as “saturated with harmless theatricality” (В комнате, в которой я живу уже пятнадцать лет, с поздней зимы сорок седьмого года, всё пропитано безобидной театральностью, 13). That reminds him of the early years of the choir and of the good old times before the revolution, when this building housed an excellent amateur theater, and when the choir was smaller and still performed inside. “Harmless theatricality” here refers to the early days of both the choir and revolutionary politics, in both instances more idealistic and naïve in scope. This ornate home with its rich mix of styles, gilded fireplace, and gothic staircase resembled a beautiful old theater. However, today the house is in disrepair and falling apart.

Дом, конечно же, умирает; третий этаж вообще пуст, там обвалились стропила и жильцов переселили в другие места, говорят, что то же скоро ждет и нас. (13).

Certainly, the house is dying; the third floor is already empty, the rafters collapsed, and all the residents have moved to other places; rumors are that we will soon follow them.

The house here clearly symbolizes the country in collapse. Another sign of decay is the disintegration of amateur theaters, where non-professional actors could rehearse and experiment and where theater was a truly communal experience.

The interaction of spatial and static arts with temporal and dynamic ones is a constant refrain of Sharov’s writing. When writing about architecture, he likes to describe it as almost tangibly alive. In *Should Not I Spare*, cities and streets are compared to human communities as follows:

Он свято верил, что дома живые; как люди, они рождаются, живут и умирают. Улицы же — это некое сообщество, или стая, где одно поколение сменяет другое и, если хочешь уцелеть, сохранить место под солнцем, надо драться. Впрочем, говаривал он, некоторым зданиям случается выбиться и в вожак. Он любил сравнивать улицу с государством, в котором периоды медленных, спокойных реформ кончались всё сметающими революциями, и жалел дома, которые каждый раз слезливо и рахитично пытались доказать, что они не чужие, не враги этой совсем другой улице, что они рады новым товарищам и им хорошо с ними (13).

He fully believed that houses were living things; like people, they are born, live and then die. Consequently, the streets are like communities, or animal herds,

THEATER AND THEATRICALITY...

where one generation replaces the previous one and if you want to survive, to keep your place on earth, you must fight. However, he used to say that occasionally some buildings happen to become gang leaders. He liked to compare a street to a state, where periods of slow and quiet reforms end up with all-sweeping revolutions, and he pitied the tearful and rickety houses that every time tried to prove that they are not alien, not enemies to this entirely different street, that they are glad to have new friends and they feel comfortable around them.

The above paragraph may be considered as Sharov's manifesto concerning his views on both art and history. It is because the author explains how architecture can serve as a metaphorical representation of people and history; it can be both scenery or backdrop and an active participant in historical development. He also suggests the existence of a certain universal pattern in life, be it the life of a state or of an art movement, which consists in the sequence of long and slow intervals of steadiness interrupted by short periods of extreme violence or change. The paragraph refers to Nikolai Gogol's essay of 1831 in which he stated that each building ought to have a distinct personality and be an act of opposition to architectural conformity. It also reminds us of Gogol's reflections on architecture as a chronicle of the world ("letopis' mira") and as ultimate memory that can give voice to the nations after they are long gone²⁵.

STAGING GOGOL

Sharov returns to the theme of theater as well as to the topic of a major work of art that needs continuation in his eighth and penultimate novel, *Return to Egypt* [Возвращение в Египет, 2013]. The protagonists of this novel are direct descendants of Gogol. They believe that if Gogol had successfully finished *Dead Souls*, Russian history would have taken a less violent turn. Early in this novel, Sharov includes an episode concerning staging *The Inspector General*. Every summer, one of Gogol's great-grandnieces invites all her descendants to her country estate Soimenka where they stage one of Gogol's works; this becomes a favorite summer ritual for the whole family. Its goal, in line with Sharov's view of amateur theater as a tool for the preservation of living memory, is to honor their famous ancestor. Moreover, the event is intended to preserve Gogol's spirit so that to create

²⁵ N. Gogol, *On Present-day Architecture*, in: N. Gogol, *Arabesques*, transl. A. Tulloch, Ardis, Ann Arbor, 1982, p. 132.

a bond between relatives and identify the most talented “legitimate heir” who might follow in their famous ancestor’s footsteps and write the continuation of *Dead Souls*. Producing a theatrical performance is a family affair, all the actors are amateurs, and only the director can be an invited professional (there are uncanny resonances here with Sharov’s *The Rehearsals* where the peasant families continue to act, and re-act, the Passion of Christ during three hundred years of Russian history — from the reign of Tsar Alexis to Stalin’s gulag). These productions establish a template, or early version, of the search for God and the Promised Land, a search that occupies the main characters throughout the novel.

The Inspector General is of particular interest to Sharov as another Gogol’s work that had a continuation. Gogol finished the first version of the play in 1836. He returned to it ten years later, in 1846, and wrote an addition in dramatic form, known as *The Denouement* [Развязка]. Two productions are planned in Soimenka, focusing on both versions. The first one takes place during the summer of 1915; the second is planned for the summer of 1916, but because of the War it never gets beyond the preparatory stage or “rehearsal of the rehearsal.”

For the 1915 production, the director Blotsky interprets the plot of *Inspector General* as an ironic and even blasphemous paraphrase of the Book of Exodus. Pathetic Khlestakov, who personifies the Chosen People, tries to reach the Promised Land that is his family estate. However, he is stuck in the city N. as if in the middle of a desert. He is hungry, and the invitation from the Mayor arrives like a miracle from God, saving Khlestakov from starvation. The bribes are similar to Egyptian gold, the Mayor seems to be a pharaoh, and Khlestakov is finally able to flee, just as the Israelites escaped from their persecutors. As if the young Gogol wrote this role for himself, Khlestakov here is cheerful and open, kind and a little simple-hearted. Rather than a moralistic and satirical comedy, the play is presented as a folktale about the miracle of Exodus. Khlestakov-Gogol is not a prosaic compulsive liar, but rather a poet who unleashes his imagination in search for God. This production was very successful, and the younger generation and all the participants fondly remembered it.

Sharov interprets Gogol himself as a thoroughly theatrical personality, an author-actor who stages his own life and turns it into a series of rehearsals.

THEATER AND THEATRICALITY...

По своей природе Гоголь был актером; способность к почти мгновенным перевоплощениям (а любой актер, говорил Блоцкий, в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является), способность так вжиться в роль, что она делается уже не личиной, а ликом — всё это было дано ему свыше. Без этого Гоголь просто не мог жить и, надолго застряв в одних и тех же декорациях, заболел... И вот однажды, не имея больше сил терпеть, он срылся с места, уезжал, бежал, куда глаза глядят... Чаше других стран мы находим его в Италии, в Риме. Этот вселенский город, разом и Вавилон, и Иерусалим, был для него и кулисами, и гримерной. Здесь он выздоравливал, оживал. Здесь же выбирал себе новую роль и выстраивал новую мизансцену. Лишь затем возвращался обратно в Россию и начинал репетиции (124).

By nature, Gogol was an actor; the capability for an almost instantaneous re-embodiment (as Blotsky used to say, every actor is incarnated in so many forms that he or she ceases to be a single person), the capability to identify with a role to such an extent that it becomes not a mask but a true face — all that was given to Gogol by the Maker. He simply could not live without that, and when he got stuck for a long time in the same scenery, he fell ill... And at some point, no longer being able to tolerate that, he sprang up, left the place, escaped wherever his feet would take him... More often than in the other countries, we find him in Italy, in Rome. For him, this universal city, being simultaneously Babel and Jerusalem, was both the wings and the make-up room. There, he could return to health, could revive. There, he could select a new role and build a new *mise-en-scène*. Only after that, he was ready to return to Russia and start the rehearsals.

At the later period during the 1840s, after his sojourn in Rome and his travel abroad, Gogol assumes a different life role. His Rome stay, and his own philosophical and religious search resulted in a new interpretation of his previous works. For the 1916 production Blotsky, following *The Denouement* of 1846, focuses on the silent scene, now interpreted as an image of the human soul, where motionless officials represent human sins. This production foregrounds the character of the speechless official whom Gogol calls human conscience and who now represents Gogol himself. However, this second production is interrupted by the war. Opinions about the production of 1916 are divided. The actors and the younger generation are reluctant to accept Blotsky's new interpretation. The director now sides with the general public that finds Gogol's satirical depiction of the city N. biased and without any basis in real life. If the previous staging showed the man striving to find God, this time Blotsky wants to show God descending to earth. God fails to find any chosen people but instead finds the kingdom of the Antichrist, where everyone has plunged into sin. The speechless official thus becomes a Christ-like figure; the city N. with

its corrupt residents now represents the kingdom of the Antichrist; the city officials in the silent scene are petrified out of fear and awe of God. In this interpretation, the silent scene resembles the famous painting by Alexander Ivanov, *The Appearance of Christ Before the People*, where the artist shows how the crowd was struck dumb at the sight of Christ. We know that in real life Gogol and Ivanov were friends; Gogol wrote a letter in support of Ivanov and his controversial painting, which was published in the *Selected Passages from Correspondence with Friends* [Выбранные места из переписки с друзьями]. To director Blotsky, the silent scene and the painting are companion pieces; they form a diptych describing a crucial moment in the Sacred History. Thus *The Inspector General*, which reflects Gogol's admiration for medieval art, becomes not just a comedy but a mystery play.

The characters assume different roles in these productions. Khlestakov is a poet, actor and messianic leader, as well as a bit of the simple-hearted but lucky fool (*durachok*) from Russian folktales; Gogol himself is a poet and actor and Christ and God, and Blotsky, the artist and director, becomes a revolutionary prophet.

While preparing for the 1916 staging, Blotsky joins a revolutionary party, and he envisions this production as a rehearsal for the revolution:

Раньше другого, говорил он, мы должны понять, что Развязка не есть простое дополнение к пьесе, она рычаг для коренной переделки мироустройства старого «Ревизора» (130).

First of all, he said, we need to understand that the Denouement is not a mere addendum to the play, but rather a lever for fundamental reform of the whole world order in the old version of *The Inspector General*.

Later in the novel, Blotsky stages another play, an allegory called *The Promised Land*, which shows nothing but mass scenes of Red Army soldiers in rags and covered with blood, unsuccessfully trying to climb a mountain of mirrors. The sins reflected in the mirrors interrupt their quest for entering the Promised Land.

It is easy to see in this allegory that the Russian revolution itself has become the quest for finding the Promised Land and the continuation and culmination of Gogol messianic impulses as expressed in *Denouement*. The productions of *Inspector General* play out as rehearsals for the religious and philosophical quests in *Return to Egypt*.

THEATER AND OTHER FORMS OF ART

Sharov often compares theater and other forms of art. In *The Raising of Lazarus* [Воскрешение Лазаря 2003], the narrator reflects on the difference in longevity between theater and literature:

Я... подумал, насколько не похоже живут разные искусства. Театр — бурно, и, несмотря на лицедейство, на редкость искренно. По-видимому, это вообще самое благодарное из искусств. Нигде актер, да и режиссер тоже, не получают так много и так сразу. Сравни зазор между автором книги и тем, кто его читает, — как долго здесь идет обратная волна и какой ослабленной доходит. А в театре — все рядом, часто границы просто нет. Но зато спектакль живет недолго, книга, конечно, вещь куда более долгоиграющая (20).

I thought ... that different art forms live totally different lives. Theater life is stormy and, all the pretence and make-believe notwithstanding, very sincere. Apparently, it is the most gratifying of the arts. Nowhere else the actors, as well as directors, receive as much and as fast. Compare the gap between the author of a book and the person who reads it — how long does it take the returning wave to move back, and how much weaker does it arrive? In the theater, by contrast, everything happens immediately, such gap often does not exist at all. Yet there is a price: performance lives short whereas a book is, of course, a more long-playing phenomenon.

The advantage of theater is that it allows for swifter and closer interaction between the artists and the public. Theater experience is more life-like than other arts. Even as individual performance is short-lived, the life of theater continues as performances and rehearsals go on, and, in a way, this life never ends as long as theater exists. Writing about other types of art, Sharov again selects unfinished works that allow for some kind of further development. Then, he interprets them as *mise-en-scènes* that have internal dynamics and potentials for showing action, waiting to be re-animated into moving things.

Since Ivanov's *Appearance of Christ Before the People* had been left unfinished, it is not a surprise that Sharov imagines a continuation for it. He describes how two art students, copying Ivanov's drafts for the painting, discern dozens of the dead risen from their graves on a large tree in the foreground (*The Return to Egypt*, 475). One of the students arranges the drafts in chronological order and can see how the original *Appearance of the Messiah* morphs step by step into *The Final Judgment* and then into the *Second Appearance [or Second Coming]*, transforming itself into a picture of the End of the World.

Ivanov thus emerges as an artist-prophet, like Gogol, Scriabin, and the imaginary director Blotsky.

In another example, in *Return to Egypt*, the character Uncle Valya is an artist living in self-imposed exile in Central Asia and both preserving and creating the works of art. First, for the museum in the city of Nukus, he collects the rejected works of avant-garde art, which were languishing and “slowly dying” of cold, humidity and neglect in storeroom-prisons in the entire country. Now, he offers them a new life and begins to exhibit them. When Uncle Valya moves to the desert city of Khiva, he creates graphic sketches for the ornament on the wood columns that was supposed to adorn the façade of a local government building.²⁶ Wood in the desert is especially precious as a living and breathing material. The columns are decorated with intricate plant designs, but, as the viewers get closer, they can see that what looks like plants are, in fact, delicately engraved scenes of human history ready to come to life. This episode occurs in this very long novel for the first time quite early on (173–86), and for the second time closer to the end (578–79), with a different version of the ornament. In the second occurrence, the two columns are intended to represent French and Russian Revolutions ready to break out. However, the whole project is left unfinished, like history itself, as if allowing for further development.

A work of art in Sharov’s novels can conceal a coded message, that is, a second hidden meaning or additional version, a “rehearsal” that translates the message from one art form to another. In *Before and During Lenin* creates a secret code to transcribe Scriabin’s *Mysterium* into a work of olfactory art that is a composition of smells. Likewise, in *Return to Egypt*, Sharov interprets Malevich’s *Black Square* as a coded scenery and grotesque mise-en-scène:

Дядя Валя пишет, что известный художник Казимир Малевич, который преподавал им с Колодезевым во ВХУТЕМАСе, будучи арестован в 1926 году, на допросе показал, что те его картины, которые в течение последних шести лет с 1918 по 1924 год были проданы на Запад, на самом деле являлись зашифрованными посланиями. Адресат — английская разведывательная служба МИ-5, внештатным агентом которой он является в 1912 года. В работах, так или иначе относящихся к фигуративной живописи, информация о советской армии и промышленном потенциале кодировалась цветом, отдельными деталями и их взаимным расположением на холсте. Что

²⁶ This passage also reminds us of Gogol’s reflections on the similarities between trees and columns in his *On the Present-day Architecture*, p. 124.

THEATER AND THEATRICALITY...

же до абстракций, в частности, вывезенного недавно частным коллекционером Горнфельдом «Черного квадрата», то это сделанный по заказу МИ–5 анализ общего положения дел в стране (476).

Uncle Valya writes that Kasimir Malevich — a well-known artist being his and Kolodezev's teacher at VKhUTEMAS — after his arrest in 1926, confessed during an interrogation that those of his paintings that were sold to the West were, indeed, encrypted messages. The addressee was the British intelligence service MI–5 whose secret agent Malevich had been since 1912. In his works that more or less belonged to figurative painting, information about the Soviet army and industrial potential was smartly indicated by color as well as by details and how they were located one against another on the canvas. Also his abstract works, in particular *The Black Square* that was recently taken out of the country by the private art collector Gornfeld, were the analyses of the overall situation in the country made at the request of MI–5.

In all those seemingly static works of art, then, we can discern an inner theatricality. Even such an unexpected case as the painted china dinner set from *Should not I Spare*, whose 96 pieces show images of historical events, present scenery for different life stories or scripts for the three sisters.

Theatrical performance is among the most fleeting of the arts, but Sharov finds a way to tie theatrical metaphors not only to the historical themes of history but also to memory and remembrance. In *The Rehearsals*, when Sertan starts rehearsing the scenes from the Gospels with the peasants and explaining to them how to play the Israelites, he remembers how many years ago in Poland he had to deal with real Jews. He also recalls his long-dead wife Annette and grasps the interplay between Gospel stories and real life. He had bought Annette from her father as a twelve-year-old girl, and in Pygmalion-like manner formed her into an actress.

She owed not only her gait but her every movement, her every gesture to his training.... Moreover, he taught her how to think and speak, and, for that matter, feel... he was able to explain to her not only what the protagonists were saying in the plays in which she performed but also things that could never have found their ways into drama... (149)

Annette is an actress by nature, and theater is her real life, but after she falls in love with a young Jew called Ruvim, her story takes a Gospel-like turn. Physically, Ruvim looks very much like Christ, and in association with him, Annette becomes a Maria Magdalene character. After the Cossacks murder Ruvim and other Jews, Annette

goes to the city garden where the slaughter took place, finds his body, and gives him a proper burial. Thus, real-life and theatrical performance mirror each other in endless cycles; memory both reinforces theatrical performance and is reinforced by it, retaining the flow of history in all its human complexity and diversity.

The narrator in *The Raising of Lazarus*, a novel that deals with issues of memory and the resurrection of the dead, describes an old friend of his father, the theater critic Gruber. That Gruber fiercely loved theater. He used to attend every Moscow performance and personally knew all the actors.

И вот Грубер помнил и первый состав, и второй, и кто как играл, что получилось, а что нет. Даже помнил, кого на чье место ввели. Рассказывал он о театре здорово, и я вдруг подумал, что вот Грубера не станет, и вместе с ним сразу умрут сотни актеров со всеми своими ролями и сотни постановок с их режиссерскими находками, декорациями, светом, потому что он последний из живых, кто это видел и помнит. Так, по отдельности кое-что, конечно, останется в архивах, в запасниках, но как часть спектакля, для которого единственно и делалось, уже никогда жить не будет. Меня тогда поразило, сколько людей от него зависят, сколько человек, наверное, сейчас молятся, чтобы он не умирал, жил и, вот как сейчас нам, рассказывал (19–20).

Gruber remembered both the first and the second cast, who played whom, what worked well and what went wrong. He even remembered who was introduced as a replacement. His stories about theater were wonderful, and I suddenly thought that the death of Gruber would take with him hundreds of actors with all their roles and hundreds of productions with their directors' ideas, stage designs, and lighting: it was because Gruber was the last of the living who saw and remembered those people. I was surprised then how many people depended on him. Many people probably pray that he would not die but instead remain alive and continue telling his stories.

Gruber remembered the dynamics of theater as a continuation of performances, in a state of permanent “rehearsals” or constant change. At the same time, as a storyteller, he was always performing. To keep theatrical tradition alive, one requires memories, stories, and rehearsals.

Sharov focuses on the more lasting and tangible elements of theater — namely, the director's plan and stage design. When he turns from theater to the other types of art (sculpture, painting or music), he always underscores its unfinished, living character, the possibilities for new and revised versions, or its inner qualities as a scenery for the future productions.

Even the process of reading can be compared to rehearsals because for Sharov his creations are like scripts that become real novels only after being absorbed and revived by a reader.²⁷

CONCLUSION

Perceiving the world as theater was natural for Sharov. His old friend, a theater director Vladimir Mirzoev, remembered that, apart from being a writer, Sharov could be a gifted actor. Particularly in the company of good friends, he liked to try out his plots on them.

В приватном общении он был необыкновенно легким и щедрым рассказчиком, не боялся выбалтывать свои идеи, тестировал их на близких друзьях.... Обычно это была фантасмагория, мастерски стилизованная под документальный рассказ, по сути, готовый актерский номер. Ей-богу, Шаров мог неплохо зарабатывать как стендап-комик, если бы не тушевался в присутствии людей малознакомых.²⁸

In private, he was an extraordinarily easygoing and generous storyteller; not afraid of babbling out all his ideas, testing them out on his close friends... Usually, it was some sort of phantasmagoria, skillfully stylized as a true story, but it was actually a prepared theatrical number. In truth, Sharov could have made a decent living working as a standup comic, if he weren't so shy with people he didn't know well.

The writer's own "theatrical performance" was an important part of his creative process. In Sharov's version of the world, history can be compared to rehearsals, which are never mere repetitions because every time they can involve different actors, directors, and versions of scripts. His characters follow "in the footsteps" of their ancestors. In other words, they do perform the already existing versions of their

²⁷ "Слова ведь только пишутся в одиночестве, а романом становятся в соавторстве с читателями, когда человек, если прочитанное хоть как-то его трогает, пропустит их через свою жизнь. Особенно интересно смотреть на свою вещь глазами художника. Они думают не только головой, но и рукой, в итоге их глаз и тоньше, и неожиданней" [Words are written in solitude, but they become a novel only in co-authorship with a reader, when a person, if moved by a story, perceives it through the prism of her own life. It is especially interesting to look at your own work through the eyes of a [visual] artist. They think not only with their head, but also with their hand, and as a result their view is more subtle and unexpected] ("Absurd nashei zhizni").

²⁸ В. Мирзоев, "Мы все умираем детьми". Памяти Владимира Шарова, "Сноб", 07.04.2019, <https://snob.ru/entry/175131/> (21.02.2020).

roles. Life and art imitate each other through a constant multiplication of versions or rehearsals — “rehearsals” in its expanded sense as reinterpretations, revisions, rewritings, and continuations. This dramatic patterning principle is the life-giving energy of Sharov’s world, which flows from history to art and, ultimately, to human life.

REFERENCES

- Berdichevskaya, Anna. “Prostranstvo Sharova, ili ‘velikaya shatkost’.” *Medved* 7 April 2019 <http://www.medved-magazine.ru/articles/Prostranstvo_Sharova_Ili_velikaya_shatkost.3033.html> [Бердичевская, Анна. “Пространство Шарова, или ‘великая шаткость’.” *Медведь* 7 April 2019 <http://www.medved-magazine.ru/articles/Prostranstvo_Sharova_Ili_velikaya_shatkost.3033.html>].
- Dimova, Polina. “Revolutsiia kak kosmicheskaia misterii: Scriabin v romane *Do i vo Vremia* V. Sharova.” *Vladimir Sharov: po tu storonu istorii*. Lipovetsky, Mark and La Fortelle, Anastasia de (eds.). Moskva: NLO, 2020. 548–85 [Димова, Полина. «Революция как космическая мистерия: Скрябин в романе «До и во время» В. Шарова.» *Владимир Шаров: по ту сторону истории*. Липовецкий, Марк и Ля Фортель, Анастасия де (ред.). Москва: НЛО, 2020. 548–585].
- Emerson, Caryl. “The Children of Catastrophes: On Vladimir Sharov’s *The Rehearsals*.” *Los Angeles Review of Books* 27 November 2018 <https://lareviewofbooks.org/article/the-children-of-catastrophes-on-vladimir-sharovs-the-rehearsals/?fbclid=IwARozrrUGjG43PeXKTWJkASAcE_viqJRkjmUvUoEYNY5RDGZpYeGOEsNjwo#!>.
- Emerson, Caryl. “Vladimir Sharov on history, memoir, and a metaphysics of ends.” *Slavic and East European Journal* 2019, vol. 63, no. 4: 597–607.
- Fedorov, Nikolai. “Iskusstvo podobii (mnimogo khudozhestvennogo vosstanovleniia) i iskusstvo deistvitel’nosti (deistvitel’noe voskreshenie).” Fedorov, Nikolai. *Sochineniia*. Moskva: Mysl’, 1982. 563–566 [Федоров, Николай. “Искусство подобий (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение).” Федоров, Николай. *Сочинения*. Москва: Мысль, 1982. 563–566].
- Gabriellova, Amina. “Rifmy i refreny: khudozhestvennoie vremia v romanakh Vladimira Sharova.” *Vladimir Sharov: po tu storonu istorii*. Lipovetsky, Mark, and La Fortelle, Anastasia de (eds.). Moskva: NLO, 2020. 586–614 [Габриэлова, Амина. “Рифмы и рефрены: художественное время в романах Владимира Шарова.” *Владимир Шаров: по ту сторону истории*. Липовецкий, Марк и Ля Фортель, Анастасия де (ред.). Москва: НЛО, 2020. 586–614].
- Gogol, Nikolai. “On Present-day Architecture.” Gogol, Nikolai. *Arabesques*. Transl. Alexander Tulloch. Ann Arbor: Ardis, 1982. 115–134.
- Kahn, Andrew, and Mark Lipovetsky, Irina Reyfman, Stephanie Sandler. *A History of Russian Literature*. Oxford: Oxford UP, 2018.
- Lipovetsky, Mark. *Paralogii: Transformatsiia (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul’ture 1920–2000kh gg.* Moskva: NLO, 2008 [Липовецкий, Марк. *Паралогии: Трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х гг.* Москва: НЛО, 2008].

- Lipovetsky, Mark. *The Aesthetic Code of Russian Postmodernism*. 2012. <http://cdclv.unlv.edu/archives/nc2/lipovetsky_pm.html>.
- Maguire, Muireann. "Institutional Gothic in the Novels of Vladimir Sharov and Evgenii Vodolazkin." *Canadian Slavonic Papers* 2019, no. 4 (61): 420–438. <<https://www-tandfonline-com.ezproxy.lib.purdue.edu/doi/full/10.1080/00085006.2019.1648986>>.
- Mirzoev, Vladimir. "My vse umiraem det'mi'. Pamiati Vladimira Sharova." *Snob* 7 April 2019 <https://snob.ru/entry/175131/> [Мирзоев, Владимир. "Мы все умираем детьми". Памяти Владимира Шарова." *Сноб* 07.04.2019 <<https://snob.ru/entry/175131/>>].
- Ready, Oliver. "How Sharov's Novels Are Made: *The Rehearsals* and *Before & During*." *Slavic and East European Journal* 2020, vol. 64, no. 1: 42–61.
- Ready, Oliver. "Remembering Writer Vladimir Sharov." *The Moscow Times* 21 August 2018.
- Sabaneev, Leonid. *Vospominaniya o Skriabine*. Moskva: Klassika XXI, 2000 [Сабанеев, Леонид. *Воспоминания о Скрябине*. Москва: Классика XXI, 2000].
- Sharov, Vladimir. "Absurd nashei zhizni." Interview s Elenoi Ivanitskoi." *Moskovskie novosti* 2002, no. 39 <<http://www.litkarta.ru/dossier/absurd-nashei-zhizni>> [Шаров, Владимир. "Абсурд нашей жизни". Интервью с Еленой Иванецкой." *Московские новости* 2002, no. 39 <<http://www.litkarta.ru/dossier/absurd-nashei-zhizni>>].
- Sharov, Vladimir. "Chto sluchilos s istoriey? Ona utonula." Interview s Dmitriem Bykovym." *Russkaia Zhizn* 8 June 2007 <<http://rulife.ru/old/mode/article/76/>> [Шаров, Владимир. "Что случилось с историей? Она утонула". Интервью с Дмитрием Быковым." *Русская жизнь* 08 июня 2007 <<http://rulife.ru/old/mode/article/76/>>].
- Sharov, Vladimir. "Kazhdyi moi roman dopolniaet predydushchie." Interview s Markom Lipovetskim." *Neprikosnovennyi zapas* 2008, no. 3 <<http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/li6.html>> [Шаров, Владимир. "Каждый мой роман дополняет предыдущие". Интервью с М. Липовецким." *Неприкосновенный запас* 2008, no. 3 <<http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/li6.html>>].
- Sharov, Vladimir. *Before and During*. Trans. O. Ready, Sawtry: Dedalus, 2014.
- Sharov, Vladimir. *Bud'te kak deti*. Moskva: Vagrius, 2008 [Шаров, Владимир. *Будьте как дети*. Вагриус, Москва, 2008].
- Sharov, Vladimir. "Repetitsii." *Neva* 1992, no. 1–2. Revised ed.: Moskva: ArsisBooks, 2009 [Шаров, Владимир. "Репетиции." *Нева* 1992, № 1–2; Москва: ArsisBooks, 2009].
- Sharov, Vladimir. *Should Not I Spare*. Moskva: Nash Dom-L'Age d'Homme, 1997 [Шаров, Владимир. *Мне ли не пожалеть*. Москва: Наш Дом-L'Age d'Homme, Москва 1997].
- Sharov, Vladimir. *Sled v sled: Khronika odnogo roda v myслиakh, kommentariakh i osnovnykh datakh. Ural* 1991, no. 6–8. Moskva: Olma-Press, 2001. Revised ed.: Moscow: ArsisBooks, 2016 [Шаров, Владимир. *След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах. Урал* 1991, no. 6–8. Москва: ArsisBooks, 2016].
- Sharov, Vladimir. "Staraia devochka." *Znaniia* 1998, no. 8–9. Moskva: Astrel', 2013 [Шаров, Владимир. "Старая девочка." *Знамя* 1998, no. 8–9. Москва: Астрель, 2013].
- Sharov, Vladimir. *The Rehearsals*. Trans. O. Ready, Sawtry: Dedalus, 2018.

- Sharov, Vladimir. *Tsarstvo Agamemnona*. Moskva: АСТ, 2018 [Шаров, Владимир. *Царство Агамемнона*. Москва: АСТ, 2018].
- Sharov, Vladimir. *Voskreshenie Lazaria*. Moskva: Vagrius, 2003 [Шаров, Владимир. *Воскрешение Лазаря*. Москва: Вагриус, 2003].
- Sharov, Vladimir. *Vozvrashchenie v Egipet: Roman v pis'makh*. Moskva: АСТ, 2013 [Шаров, Владимир. *Возвращение в Египет: Роман в письмах*. Москва: АСТ, 2013].
- Vladimir Sharov: *po tu storonu istorii*. Lipovetsky, Mark and La Fortelle, Anastasia de (eds.). Moskva: NLO, 2020 [*Владимир Шаров: по ту сторону истории*. Липовецкий, Марк и Ля Фортель, Анастасия де (ред.). Москва: НЛО, 2020].
- Walsh, Harry. "The Microcosmography of Russian Cultural Myths in Vladimir Sharov's Allohistorical Novels." *Slavic and East European Journal* 2002, vol. 46, no. 3: 565–585.

URSZULA TROJANOWSKA

Uniwersytet Jagielloński

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2351-822X>**ZJAWY WOKÓŁ NAS.****OPOWIEŚĆ WŁADIMIRA KANTORA JAKO PRZYKŁAD REALIZMU MAGICZNEGO**

PHANTOMS AROUND US.

THE TALE OF VLADIMIR KANTOR AS AN EXAMPLE OF MAGICAL REALISM

In the article the work of Vladimir Kantor is considered in the perspective of magical realism. Particular attention is paid to the coexistence of different layers and dimensions in one space. According to the magical-realistic perception of the world its image in Kantor's work is fully realistic, but not restricted by matter or the principles of physics. The apparitions affect the fate of the main character and his family. He tries to understand their nature and role, and also undertakes a fight with them. The categories of time and space, and above all the narrative situation of the story also correspond to the fundamental features of texts classified as magical realism.

Keywords: magical realism, Vladimir Kantor, phantoms

Katarzyna Mroczkowska-Brand tłumaczy popularność realizmu magicznego we współczesnej literaturze poczuciem braku ładu w otaczającym nas świecie, porządku i sensu. Magia czy fantastyka stają się wtedy rodzajem „protezy”; realizm magiczny poszerza rozumienie rzeczywistości w taki sposób, że odbudowane zostają „choćby ślady po prawdziwym ładzie”, albo sugeruje, że „istnieje możliwość życia w rzeczywistości bardziej harmonijnej”. Staje się więc „atrakcyjny dla zagubionego, wykorzenionego, poszukującego tożsamości lub choćby punktów zaczepienia współczesnego człowieka”¹. Tezę badaczki zdaje się potwierdzać twórczość Władimira Kantora, stanowiąca, jak uważam, oryginalną odmianę tego nurtu.

Uczona wyróżnia dwie główne funkcje realizmu magicznego w literaturze i dokonuje ich szczegółowego podziału. Będzie to po pierw-

¹ K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia innego porządku. Mapa realizmu magicznego w literaturze światowej XX i XXI wieku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2009, s. 272.

sze „równouprawienie różnych wymiarów: a) sugerowanie realności innych niż tylko linearne struktur czasu b) uwrażliwienie na postrzeganie „trzecim okiem”: okiem intuicji, wyobraźni, marzenia sennego, telepatii c) dostrzeganie w otoczeniu bardzo codziennym śladów tego, co niecodzienne, niewytłumaczalne racjonalnie, zagadkowe, niesamowite i — przedstawianie jako oczywistej części świata”². Po drugie,

przywracanie równowagi między: a) duszą i ciałem b) zaświatami i światem widzialnym c) żywymi tu i żywymi ‘tam’ d) snem i jawą e) wyobraźnią, intuicją, przeczuciem i percepcją racjonalną f) podświadomością i świadomością g) czasem cyklicznym, odwróconym, zapętlonym i czasem linearnym h) tradycją i współczesnością i) mitem i historią j) światem zwierzęcym, roślinnym i — ludzkim k) kulturami innych kontynentów i kulturą Europy³.

W opowieści *Zjawy lub próba przetrwania na skraju świata podziemnego. Dziwna opowieść, fantazja w duchu Boscha*⁴ Władimir Kantor realizuje niektóre z tych funkcji realizmu magicznego. Najważniejsze wydaje się „dostrzeganie w otoczeniu bardzo codziennym śladów tego, co niecodzienne, niewytłumaczalne racjonalnie, zagadkowe, niesamowite i — przedstawianie jako oczywistej części świata”, co zostało zasygnalizowane już w tytule utworu. W świecie przedstawionym opowieści widoczne jest wyraźne przenikanie się codziennego bardzo zwyczajnego życia bohaterów ze „światem podziemnym”, reprezentowanym przez różnego rodzaju widma. Tytułowa „нежить”, który to termin tłumaczą za *Wielkim słownikiem rosyjsko-polskim*⁵ jako „zjawy”⁶, jest analizowana przez narratorkę na różnych poziomach. Jako profesor-filozof rozmyśla on nad semantyką tego pojęcia i możliwymi interpretacjami, a także pokazuje jego różne praktyczne przejawy. Na bardziej osobistym poziomie — przedstawia swój kontakt ze zjawami oraz ich wpływ na życie swoje i najbliższych mu ludzi. Analizując pojęcie w sposób naukowy, z wyraźnym dystansem, jednocześnie cały czas pozostaje w ścisłym kontakcie ze światem podziemnym, próbując nie dopuścić do jego

² Tamże, s. 53.

³ Tamże, s. 53–54.

⁴ В. Кантор, *Нежить, или въживание на краю подземного мира. Странная повесть, фантазия в духе Босха*, „Нева” 2017, nr 8, s. 7–79, <http://magazines.russ.ru/neva/2017/8/nezhit-ili-vyzhivanie-na-krayu-podzemnogo-mira.html> (23.07.2018). Tłumaczenie tu i wszędzie, gdzie nie podaję inaczej — U. T.

⁵ *Wielki słownik rosyjsko-polski*, A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa (red.), Wiedza Powszechna, Warszawa 1993, s. 694.

⁶ Pasującym odpowiednikiem byłoby również „widma” lub „żywe trupy”.

zwycięstwa nad wartościami uniwersalnymi. Łączy zatem naukowy obiektywizm i abstrakcyjne myślenie z emocjonalnym życiem osobistym.

W opowieści termin „нежить” zostaje wyjaśniony w oparciu o słownik Dala jako „все, что не живет человеком, что живет без души и плоти, но в виде человека: домово́й, полево́й, водо́яной, леши́й, русалка, кикимора”⁷. Bohater-narrator dodaje, że „Нежить не живет и не умирает”⁸. Będą to zatem istoty wyglądające jak ludzie, mogące za nich uchodzić, jednak całkowicie pozbawione człowieczeństwa. Podkreślić należy ich szczególną formę istnienia: ponieważ zjawy nie żyją, ale nie są też martwe, funkcjonują całkowicie poza kategoriami życia i śmierci⁹.

W definicji słowa „нежить” ze słownika pod redakcją Sergieja Kuzniecowa nieco inaczej niż u Dala zostają rozłożone akcenty znaczeniowe terminu: „В народных поверьях: злые силы, фантастические существа, враждебные человеку, имеющие вид человека с некоторыми чертами животного (лешие, ведьмы, русалки и т.п.)”¹⁰. W opowieści Kantora przedstawiciele świata podziemnego przybierają najczęściej postać gadów i płazów¹¹. Najważniejszy w utworze nie-człowiek Adik przypomina ropuchę: „Мальчик с толстым задом, похожий на жабу [...] Прозвище «Адик» было не случайно”¹². Jako dziecko lubił łapać żaby, jako dorosły do żab porównuje kobiety; znęcając się nad Tańką, zmusza ją do odbycia stosunku w sadzawce: „Ну, лягушонка, сейчас тебя жабий король как следует отымеет. Мы, жабы, обычно в воде трахаемся”¹³. Dziadek Ernest opowiada, że w czasie wojny ropuchami nazywali faszystów i dodaje: „Жабы они и были нежитью”¹⁴. Dom, w którym mieszkają bohaterowie, stoi na bagnach, lokatorów stale męczą bagienne wy-

⁷ В. Кантор, *Нежить...*, s. 10.

⁸ Tamże.

⁹ O takim ujęciu problematyki życia i śmierci w porywający sposób pisze Aleksander Etkind, analizujący wpływ doświadczenia obozowego na dwudziestowieczną kulturę rosyjską. Patrz: А. Эткинд, *Кривое горе. Память о непогребенных*, Новое литературное обозрение, Москва 2016.

¹⁰ *Большой толковый словарь русского языка*, С.А. Кузнецов (гл. ред.), „Норинт”, Санкт-Петербург 2001, s. 621.

¹¹ Wspomniany jest także krokodyl, symbolizujący w wykreowanym przez Kantora uniwersum literackim wszelkie zło. Erik porównany jest jednak do wilkołaka, a Tolik do Baby Jagi.

¹² В. Кантор, *Нежить...*, s. 11.

¹³ Tamże, s. 69.

¹⁴ Tamże, s. 39.

ziewy i i smród fekaliów¹⁵. Również śmierć Wowy bezpośrednio wiąże się z obecnością siły nieczystej:

Когда я упал и разбил голову о трамвайный рельс, стоял теплый вечер, шел легкий июньский дождь, было полно луж, из канавы доносилось кваканье жаб и кваканье лягушек. Они прыгали и между луж, гладкие зеленые лягушки и серые пупырчатые жабы. Ползали длинные дождевые черви. Словно приоткрылось подземное хранилище, откуда все это и полезло. Совокуплялись совершенно откровенно какие-то желтоватые лягушки. [...] Одна из этих жаб и подвернулась мне под ноги. Я споткнулся и упал. А теперь я в гробу [...]¹⁶.

Wydaje się, że świat podziemny otwiera się właśnie po to, by zabrać bohatera do siebie. Wowa zastanawia się, czy przedwczesna śmierć nie jest karą za grzech — seks z Tańką: „Может, мое падение и удар головой о рельс были наказанием за мое поведение, за то, что я вытворял с ней”¹⁷. Wówczas nadeptnięcie na ropuchę, upadek i śmierć bohatera można rozumieć jako przejaw destrukcyjnej siły zła.

Obecność nieczystej siły w życiu codziennym jest tak powszechna, że prowadzi do wyraźnej dezorientacji. Bohater charakteryzuje swój świat, cytując fragment czytanej książki Zygmunta Krzyżanowskiego: „[...] мертвой водой окропило живых, живой — мертвых, и никак им не разобраться — кто жив, кто мертв и кому кого хоронить”¹⁸. Konstantin Barszt słusznie dostrzega w tak wykreowanym obrazie świata odzwierciedlenie tragedii inteligencji rosyjskiej lat 90.:

ад протягивает свои нечистые щупальца в мир, захватывая души и обращая людей в своих слуг, которые исправно осуществляют функцию чертей по отношению к ближним своим, не дожидаясь загробного мира, прямо здесь...¹⁹.

Zwraca on uwagę, że tradycyjne przeciwstawienie życia i śmierci zostaje zastąpione u Kantora opozycją „piekło–niebyt”, której towa-

¹⁵ Wyraźnie zarysowuje się tu analogia do opowiadania Anatolija Kurczatkina *Dom*, gdzie również tytułowy budynek stał na bagnie, przez co nie mógł stanowić dla mieszkańców bezpiecznego i trwałego schronienia. Piszę o tym w: U. Trojanowska, *Dom marzeń i snów. Opowiadania Jeleny Dołgopiat i Anatolija Kurczatkina*, w: *Literackie wizerunki przestrzeni domowych*, M. Błaszowska, A. Kiejziewicz, M. Kuster, I. Łataś (red.), AT Wydawnictwo, Kraków 2017, s. 57–67.

¹⁶ В. Кантор, *Нежить...*, s. 10. Rozstrzelenie moje — U. T.

¹⁷ Tamże, s. 11.

¹⁸ Tamże, s. 61.

¹⁹ К. Баршт, „... И бездны мрачной на краю...”. *Непредвзятая версия Владимира Кантора*, „Звезда” 2018, nr 4, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2018/4/i-bezdny-mrachnoj-na-krayu-pr.html> (23.07.2018).

rzyszy pytanie co jest lepsze: przebywanie w piekle, czy nieistnienie²⁰. Piekła — świata „сытой и полнокровной — с машинами, дачами, квартирами — нежити”²¹ nie da się bowiem oddzielić od własnego życia, tak bardzo przestrzenie te złączyły się ze sobą. Z piekła rodem są ci, którym „жить хорошо”²², okrutni, bezwzględni, nieludscy. Protagonista, podejmujący rozpaczliwą walkę z przedstawicielami piekła o prawo do spokojnego życia rodzinnego we własnym mieszkaniu, musi, śladem bohaterów Michaiła Bułhakowa, skorzystać z pomocy tejże siły nieczystej²³.

Interpretacja ta, choć sprowadza obraz zjawy do metafory społecznej, nie neguje jednak związku utworu z realizmem magicznym. Bohater nieustannie dostrzega przecież obecność duchów w otaczającej go rzeczywistości, również inni wierzą w ich obecność tuż obok: „Но Вовку не возьмешь ковырять могилу! Да еще ночью! Я не хочу, чтобы она его утащила за собой!”²⁴, krzyczy matka bohatera, przekonana, że babcia chłopca była wiedźmą. „Поразительно, что мама была человеком ученым, генетиком, кандидатом биологических наук!”²⁵ — komentuje Wowa. Jego mama, pomimo posiadanej wiedzy o funkcjonowaniu świata, po prostu wie, że zjawy są jego częścią:

Нельзя мертвецов тревожить. Навьи страшны. Пристанут — не уберетесь, не избавитесь. Будут угощать чем-то, так не ешьте». Папа сказал решительно [...]: «Таня, ты же биолог, ученый! Перестань мутить голову сыну». Я спросил: «А что такое навьи?» Мама посмотрела на папу, мол, не мешай, и ответила: «Это ожившие мертвецы, народный фольклор». [...] Папа сказал сухо: «Все же у нас в России наука неотделима от суеверий, сказок и мифов». Мама огрызнулась: «А в твоей Аргентине разве в мертвецов не верят? Сам рассказывал»²⁶.

Jak zauważa ojciec bohatera, Rosja stanowi przestrzeń, w której zgodnie koegzystują nauka, przesady, baśnie i mity, co wpisuje się w realistyczno-magiczny sposób postrzegania świata. Warto przywołać tutaj stwierdzenie Mroczkowskiej-Brand, że „celem realizmu

²⁰ Patrz: tamże.

²¹ В. Кантор, *Нежить...*

²² К. Баршт, „...И бездны...”, Jest to czytelna aluzja do znanego poematu Nikołaja Niekrasowa *Кому się na Rusi dobrze dzieје* (*Кому на Руси жить хорошо*, 1863–1877), którego bohaterowie wędrują po Rusi, poszukując szczęśliwych ludzi.

²³ Patrz: tamże.

²⁴ В. Кантор, *Нежить...*, s. 17.

²⁵ Tamże.

²⁶ Tamże, s. 19.

magicznego jest jednak mimesis, mimesis rzeczywistości poszerzonej, uzupełnionej i pogłębionej”²⁷. Podkreśla ona, że nadrzędnym zadaniem takich utworów literackich pozostaje opisanie świata, a nie wymyślenie go. Wypływa to z takiego sposobu postrzegania świata, który „dostrzega ślady i znaki tego, co nadprzyrodzone, niesamowite, transcendentalne, wpisane w codzienność”²⁸ i skutkuje opisem ich jako oczywistej, integralnej części tej codzienności.

Mroczkowska-Brand przytacza wypowiedź Gabriela Garcii Marqueza, który wielokrotnie mówił, że uważa siebie za pisarza realistę, a charakter magiczny jego prozy wynika z faktu, że tam, skąd pochodzi, rzeczywistość po prostu jest cudowna²⁹. Badaczka konstatuje:

słowa Garcii Marqueza, że uważa się za realistę, to przede wszystkim zdeklarowanie się za koniecznością poszerzenia terminu „rzeczywistość”, bo jeśli ją poszerzymy o to, co jakoby tylko fantastyczne, a w gruncie rzeczy naprawdę istniejące, jeśli damy przyzwolenie myślowe na równouprawnienie tego, co postrzegalne oczyma duszy, z tym, co postrzegalne oczyma ciała, to utwór literacki stosujący mimesis takiej rzeczywistości będzie właśnie tylko realistyczny³⁰.

O takim charakterze rzeczywistości przedstawionej w opowieści Kantora świadczy nie tylko wiara bohaterów w siłę nieczystą, stanowiącą naturalną część świata, lecz przede wszystkim sytuacja narracyjna utworu. Bohater prowadzi bowiem swą opowieść z trumny, obserwując własny pogrzeb i zastanawiając się nad statusem swego istnienia:

Ни видеть, ни слышать я сейчас не мог, потому что лежал на спине совершенно мертвый. Но как-то странно — я все равно все чувствовал и видел, но каким-то другим зрением [...] И голоса слышал, но будто не ушами, а другим каким-то слухом. «Как я попал сюда? Что со мной? Раз я все понимаю, но понимаю, что я мертв, то, значит, *есть какая-то жизнь вне жизни?* Что за глупости говорят про меня? [...] Так что все же за форма существования во мне? Я так много последнее время рассуждал о нежити, что, скорее всего, сам стал нежитью³¹.

Jego doświadczenie z całą pewnością potwierdza fakt poszerzenia rzeczywistości o inne wymiary istnienia, a także pozwala na postawienie znaku równości pomiędzy zaświatami a światem widzialnym.

²⁷ K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 249. Rozstrzelanie moje — U. T.

²⁸ Tamże.

²⁹ Patrz: tamże, s. 48.

³⁰ Tamże. Zaznaczenie zgodnie z oryginałem.

³¹ В. Кантор, *Нежить...*, s. 7–8.

Typowy dla realizmu magicznego jest także sposób przedstawienia zmarłych, a raczej, jak nazywa ich Mroczkowska-Brand — „żywych tam” (w odróżnieniu od „żywych tu”)³². Zgodnie ze spostrzeżeniami badaczki, „żywych tam” i „żywych tu” więcej łączy, niż dzieli, a ich relacje sprawiają wrażenie sytuacji naturalnej i oczywistej, nie zaś niezwykłej czy budzącej lęk, jak miało to miejsce w legendach i utworach literackich w tradycjach europejskiej i od europejskich pochodzących. Granica między światem żywych na ziemi i światem umarłych była w nich zazwyczaj wyraźnie zaznaczona, a duch osoby zmarłej przybywał z innego świata i nie brał już udziału w rzeczywistości osób żyjących. W realizmie magicznym natomiast granica ta zostaje zatarta, zaś spotkania przedstawicieli obu światów przebiegają w atmosferze codzienności, co prowadzi do równouprawnienia różnych wymiarów³³.

Zmarły Wowa zastanawia się więc, na jakim cmentarzu leży, jaka jest pogoda, a nawet powątpiewa w swoją śmierć: „А может, я жив? [...] Но реальность говорила, что я отгулял свое”³⁴.

Jako zupełnie naturalną bohater przyjmuje też wizytę dziadka, który wychodzi z z wiszącego na ścianie portretu. Dziadek pojawia się obok wnuka, by udzielić mu rady, zaznajamia się także z pijanymi sąsiadami. Jeden z nich najwyraźniej zdaje sobie sprawę, że dziadek nie żyje, nie budzi to w nim jednak ani lęku, ani zdziwienia: „А как он сюда попал?» «Зашел просто!» «Да дверь не хлопала, — улыбнулся [...] Эрик. — Он что, просочился? Как змей. Слышь, как деда зовут? Мы ведь с тобой у его могилы познакомились»³⁵.

Wprawdzie pierwszy kontakt ze zmarłym przodkiem Wowa określiła jako coś strasznego („А далее произошло нечто невероятно жуткое”³⁶), jeden z jego towarzyszy mdleje nawet na widok zjawy, jednak sam bohater nie okazuje strachu, tylko wykorzystuje okazję, by wypytać dziadka o życie i śmierć: „Так ты жив или нет? [...] — Ты же только на фотопортрете был...» [...] «А где же нежить?» — крикнул ему я. «Повсюду», — ответил дед”³⁷. Mimo początkowego zaskoczenia, Wowa nie powątpiewa w to, co widzi, lecz przyjmuje obecność zmarłego jako fakt. Pojawienie się ducha w ogóle nie dziwi też Ernesta.

³² Patrz: K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 65.

³³ Patrz: tamże, s. 61–64.

³⁴ В. Кантор, *Нежить...*, s. 9.

³⁵ Tamże, s. 50. Rozstrzelenie moje — U. T.

³⁶ Tamże, s. 40.

³⁷ Tamże.

W specyficzny obraz świata przedstawionego, poszerzonego o wymiary nieograniczone materią, wpisuje się także zakończenie utworu, w którym bohater po prostu wstaje z grobu i wraca do domu. Scena ta ma oczywiście głębsze znaczenie — śmierć zostaje pokonana przez Logos³⁸. Wowa nie może żyć bez pisania, wie, że wyłącznie akt tworzenia Słowem daje mu możliwość zasłużenia na światłość bądź spokój po śmierci³⁹. Rozpaczająca nad jego grobem żona namawia: „Милый, ты же не мог жить без писания. Ну и живи дальше. И пиши. Ищи свой смысл. Ведь ты сам говорил, что жизнь словом продолжается. Вот и продолжай ее”⁴⁰.

Słowo nadaje życiu bohatera sens i znaczenie, ratując go przed niebytem, którego ofiarą padają nie-ludzie: Tolik ginie w wypadku, Adik zostaje ukarany przez tajemnicze siły, Eryk ponosi śmierć w pijackiej bójce. Wydaje się, że słowa komentujące śmierć Tolika — „И все забыли о нем, словно и не жил”⁴¹ — można w równej mierze odnieść do jego towarzyszy. Jedynie twórczość, rozumiana nie tylko jako intelektualna, lecz również duchowa aktywność, staje się gwarantem pełnowartościowego istnienia ludzkiego. „Нежить” w utworze okazuje się więc pustką, brakiem sensu — „А нежить там, где пустота. В подвалах, провалах, в головах публики”⁴²; „нежить, то есть те, кто не способен к самостоятельной жизни”⁴³ — przy czym życie samodzielne oznacza tu, jak można przypuszczać — życie odpowiedzialne. Ci, którzy wybrali egzystencję poza przestrzenią wartości uniwersalnych, oddali swoje istnienie we władanie chaosowi i zasługują jedynie na miano widm czy żywych trupów. Narrator konstatuje: „А я думал, как спутались понятия. Абсолютный хаос. Нежить — это ведь не мертвый и не живой. Но все же человек”⁴⁴. Niby człowiek, ale nie-w-pełni-człowiek. Barszt tłumaczy, że nie-ludzie żyją wyłącznie w czasie, nie pozostawiając po sobie żadnego śla-

³⁸ „Кантор соглашается: «Логос — вот путь к преодолению небытия»”. Patrz: K. Баршт, „...И бездны...”.

³⁹ Słowa bohatera: „Никакого света и никакого покоя, похоже, я не заслужил. Во всяком случае никто туда (в свет или покой) меня не влек и даже не звал” (В. Кантор, *Нежить...*, s. 78) nieodparcie kojarzą się z sytuacją Mistrza z powieści Bułhakowa, który swoim życiem nie zasłużył na światłość, a jedynie na spokój.

⁴⁰ В. Кантор, *Нежить...*, s. 79.

⁴¹ Там же, s. 53.

⁴² Там же, s. 43.

⁴³ Там же, s. 9.

⁴⁴ Там же, s. 44.

du w wieczności i określa ich jako istoty-maski, osoby bez wnętrza, kłamstwo o istnieniu, imitację sensu⁴⁵.

Zakończenie, zgodnie z tradycją realizmu magicznego pozostawia czytelnika w niepewności. Bohater wyrывa się z niebytu, ale nie wiadomo, czy oznacza to powrót do świata „żywych tu”. Być może wraca z żoną do domu, pozostając zjawą, by odtąd w tej formie kontynuować poszukiwania sensu i uczestniczyć w życiu najbliższych. Najprawdopodobniej zresztą nie ma to żadnego znaczenia. Co ciekawe, cała opowieść bohatera zostaje przez niego podana w wątpliwość:

самое пугающее было то, что эти сновидения как бы цепляли факты моей реальной жизни, но так дополняли и переиначивали их, что я сам впадал в шок. Возможно, то, что мелькало в моей голове как возможность, сон превращал в реальность, фантастическую, но реальность. Мыслимо ли заниматься сексом в милицейской КПЗ? Но шальная мысль об этом, скорее всего, тогда, в жизни, пока я был жив, проскочила в голове, а по-смертный сон подал этот секс как то, что было в реальности. Сны менялись, поражая своей правдоподобностью, своим диким реализмом, даже натурализмом⁴⁶.

Czytelnik zupełnie nie wie zatem, co wydarzyło się naprawdę, a co stanowi jedynie fantastyczną realność szalonych snów. Granica między prawdą a zmyśleniem zostaje zatarta, a dokładniej — dochodzi do przywrócenia równowagi pomiędzy snem i jawą. Jedna („życie tu”) i druga („życie tam”) czasoprzestrzeń okazują się tak samo rzeczywiste.

Konstrukcja czasowo-przestrzenna w utworze zgodna jest więc z realistyczno-magicznym postrzeganiem świata. Zamknięta przestrzeń trumny płynnie przechodzi w rozmaite i niekiedy wręcz egzotyczne miejsca akcji, począwszy od mieszkania komunalnego, poprzez ulice Moskwy, aż po Hiszpanię okresu wojny domowej, a nawet Argentynę. Czas rządzi się swoimi własnymi prawami — jak zauważa Barszt, to zwalnia, to przyspiesza, najważniejsza jednak jest perspektywa wieczności, czyli swego rodzaju „bezczasu”, w którym wszystkie wydarzenia zachowane w „pamięci ontologicznej” wszechświata znajdują się jednocześnie obok siebie⁴⁷.

Na realistyczno-magiczną wizję wszechświata składa się także różnorodna struktura narracyjna opowieści Kantora. Oprócz Wowy rolę narratora pełni przez chwilę również jego matka, do opowieści włą-

⁴⁵ Patrz: K. Баршт, «...И бездны...»

⁴⁶ В. Кантор, *Нежить...*, s. 78.

⁴⁷ Patrz: K. Баршт, „...И бездны...»

czony zostaje też fragment tekstu Zygmunta Krzyżanowskiego oraz naukowej rozprawy głównego bohatera. W ten sposób osiągnięta zostaje równowaga pomiędzy głosami „żywych tu” oraz „tam”.

Czerpanie przez pisarza inspiracji z rodzimego folkloru (wiara w istnienie siły nieczystej) i tradycji literatury fantastycznej (Bułhakow) dodatkowo potwierdza zasadność uznania go za przedstawiciela współczesnego realizmu magicznego w Rosji. Analizowany utwór z całą pewnością wykazuje fundamentalne cechy nurtu, takie jak: a) konwencja realistyczna; b) element magiczności, który nie dziwi ani bohaterów, ani narratora; c) wahanie czytelnika co do sposobu rozumienia opisywanych przypadków; d) podanie w wątpliwość powszechnie przyjętych kategorii jak czas, tożsamość, miejsce; e) nawiązanie do folkloru, motywów kultury ludowej religijnego synkretyzmu czy cywilizacji „nie-zachodniej”⁴⁸. Pełni także wyróżnione przez Mroczkowską-Brand funkcje, co wykazano powyżej. Uzmysławia również, że życie w rzeczywistości bardziej harmonijnej jest możliwe, proponuje nawet zagubionemu w chaosie świata odbiorcy konkretne „punkty zaczepienia”.

REFERENCES

- Barsht, Konstantin. “...I bezdny mrachnoy na krayu...’ Npredvzyataya versiya Vladimira Kantora.” *Zvezda* 2018, no. 4 [Баршт, Константин . “...И бездны мрачной на краю...’. Непредвзятая версия Владимира Кантора.” *Zvezda* 2018, № 4, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2018/4/i-bezdny-mrachnoy-na-krayu-pr.html>.
- Bolshoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka*. Kuznetsov, Sergiej Aleksandrowicz (ed.). Sankt-Peresburg: Norint, 2001 [*Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов, Сергей Александрович Кузнецов (гл. ред.). Санкт-Петербург: Норинт, 2001.
- Kantor, Vladimir. “Nezhit’, ili vyzhyvaniye na krayu podzemnogo mira. Strannaja povest’, fantaziya v dukhe Bosha.” *Neva* 2017, no. 8: 7–79 [Кантор, Владимир. “Нежить, или выживание на краю подземного мира. Странная повесть, фантазия в духе Босха.” *Neva* 2017, № 8: 7–79] <http://magazines.russ.ru/neva/2017/8/nezhit-ili-vyzhivanie-na-krayu-podzemnogo-mira.html>.
- Mroczkowska-Brand, Katarzyna. *Przeczcucia innego porzadku. Mapa realizmu magicznego w literaturze swiatowej XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.
- Pindel, Tomasz. *Realizm magiczny. Przewodnik (praktyczny)*. Kraków: Universitas, 2014.

⁴⁸ Patrz: T. Pindel, *Realizm magiczny. Przewodnik (praktyczny)*, Universitas, Kraków 2014, s. 37–40.

ZJAWY WOKÓŁ NAS...

Wielki słownik rosyjsko-polski. Mirowicz, Anatol, and Dulewiczowa, Irena, and Grek-Pabisowa, Iryda, and Maryniakowa, Irena (red.), Warszawa: Wiedza Powszechna, 1993.

ŁUKASZ BACHORA

Uniwersytet Gdański

 ORCID <http://orcid.org/0000-0002-0676-6459>

CZAPAJEW W KRAINIE ARCHETYPÓW (PSYCHOLOGIA JUNGA WE Wczesnych Powieściach Wiktora Pelewin)

CHAPAEV IN THE LAND OF ARCHETYPES
(ON JUNG'S PSYCHOLOGY IN PELEVIN'S EARLY NOVELS)

In the article author makes an attempt to look at the early novels of Victor Pelevin through the prism of Carl Gustav Jung's analytical psychology. Such approach is justified by the intra-textual signals included by the writer in his work, as is shown in the article on the example of the novel *Chapayev and Pustota* (1996, published in the US under the title *Buddha's Little Finger* and in the UK as *Clay Machine Gun*). Subsequently, other early works by Pelevin — from his debut novel *Omon Ra* (1992) up to and including *Empire V* (2006), with particular emphasis on *Generation P* (1999) — were subjected to analysis, from which a conclusion was drawn, that when analysed from the analytical psychology's perspective, the process of individuation — one of the most important points in Jung's theory — appears to be the main theme of Pelevin's early work.

Keywords: Victor Pelevin, Carl Gustav Jung

Przeszło pół wieku po śmierci twórcy psychologii analitycznej, Carla Gustava Junga, jego myśl jest wciąż żywa, a bogaty dorobek naukowy, który po sobie pozostawił, w równym stopniu fascynuje, co budzi kontrowersje. Jak pisze Henryk Machoń we wstępie do *Przewodnika po myśli Carla Gustava Junga*:

w przypadku Junga mamy bowiem do czynienia z niezwykle rzadko spotykaną w świecie nauki polaryzacją stanowisk. Zaciekli przeciwnicy, a nawet wrogowie jego pisarstwa kwitują je najczęściej krótkim: „nienaukowe”, „eklektyczne”, „ezoteryczne”. Z kolei wielbiciele Junga [...] często są skłonni do wyłącznie bezkrytycznej interpretacji jego pism¹.

¹ H. Machoń, *Wprowadzenie*, w: tegoż (red.), *Przewodnik po myśli Carla Gustava Junga*, PWN, Warszawa 2017, s. 8.

Warto przy tym zwrócić uwagę, że tak jak dzieło Junga jest „eklektyczne” i wykracza daleko poza granice psychologii, tak też grono jego „wrogów” i „wielbicieli” jest szerokie i zróżnicowane. Na gruncie polskim wystarczy wspomnieć o tak skrajnie różnych osobistościach jak, z jednej strony, jezuita Aleksander Posacki², widzący w szwajcarskim uczonym hochsztaplera i propagatora satanizmu, z drugiej zaś laureatka nagrody Nobla, pisarka Olga Tokarczuk³, dla której Jung jest, posługując się słowami samej noblistki, „nie tylko jednym z największych myślicieli naszych czasów, ale i [...] prywatnym mistrzem”⁴.

Skoro już mowa o związkach Junga ze światem literatury, to należałoby w tym miejscu odnotować, że niejako z natury rzeczy zawsze były one bardzo silne. Szwajcarski uczony nie tylko w znacznej mierze wywiódł swoje idee z materiału mitologicznego (a „bezpośrednim potomkiem mitologii jest literatura”⁵), ale też kluczowe koncepcje opatrywał często przykładami z dzieł i życiorysów pisarzy — i to zarówno wielkich klasyków światowej literatury takich jak Johann Wolfgang Goethe czy Friedrich Schiller, jak i twórców popularnych powieści fantastyczno-przygodowych — Henry’ego Ridera Haggarda czy Pierre’a Benoit. Środowisko literackie natomiast nie pozostawało mu dłużne i odwzajemniało się fascynacją psychologią analityczną — silnemu wpływowi myśli Junga podlegali między innymi tak wybitni literaci jak Herman Hesse⁶, Jorge Luis Borges⁷ czy John Fowles⁸.

Co charakterystyczne, wszyscy ci twórcy należą do świata kultury zachodniej, dużo trudniej zaś byłoby sporządzić podobne wyliczenie dla Rosji, gdzie myśl Szwajcara rozpowszechniła się dopiero

² Zob. A. Posacki, *Carl Gustav Jung a problem zła. Antychrześcijańskie aspekty psychoanalizy*, „RadioMaryja.pl”, 07.01.2007, <https://www.radiomaryja.pl/bez-kategorii/carl-gustaw-jung-a-problem-zla/> (07.01.2019).

³ Zob. O. Tokarczuk, *Świat z odwrotnej strony*, „Kontrapunkt. Magazyn Kulturalny „Tygodnika Powszechnego” 1996, nr 10, cyt. za <http://www.tygodnik.com.pl/kontrapunkt/10/tokarczuk.html>, (11.03.2020).

⁴ Tamże.

⁵ N. Frye, *Mit I*, przeł. A. Fulińska, w: tegoż, *Wielki kod. Biblia i literatura*, Homini, Bydgoszcz 1998, s. 65.

⁶ Zob. E. Maier, *The Psychology of C. G. Jung in the Works of Hermann Hesse*, 1999, <http://hesse.projects.gss.ucsb.edu/papers/maier.pdf> (03.04.2020).

⁷ Zob. S. Menton, *Jorge Luis Borges, Magic Realist*, „Hispanic Review” 1982, nr 4 (50), s. 413, <https://www.jstor.org/stable/472332> (04.04.2020).

⁸ Zob. J. Fowles, *Przedmowa*, przeł. E. Fiszer, w: tegoż, *Mag*, Zysk, Poznań 1996, s. 5–12.

na przełomie XX i XXI wieku⁹. Jest jednak pewien rosyjski pisarz, w którego twórczości wpływ Junga jest bardzo wyraźny — to Wiktor Pielewin, autor przy tym również niezwykle kontrowersyjny i podobnie jak Szwajcar polaryzujący odbiorców¹⁰. Teza o tego rodzaju wpływach napotyka jednak na pewną trudność. W odróżnieniu od wspomnianych literatów zachodnich, Pielewin ani słowem nie wspomina o Jungu w swoich wywiadach (których podobno zresztą nie udziela¹¹), esejach i artykułach. Nie można wobec tego z pełnym przekonaniem utrzymywać, że świadomie inspirował się on dziełem uczonego, tak jak upoważnia nas do tego na przykład John Fowles, przyznając się do inspiracji w przedmowie do *Maga*. Jeżeli w poszukiwaniu wpływów jungowskich zagłębić się jednak w samą twórczość rosyjskiego postmodernisty, okaże się, że jest o wiele za dużo Junga w Pielewinie, by można było mówić o czystym zbiegu okoliczności.

TURBOJUNGIZM WEDŁUG DOKTORA PIELEWINA

Trudno o bardziej naturalny punkt wyjścia do rozważań niż powieść *Mały palec Buddy* (*Чанаев и Пустота*, 1996), tekst na wskroś jungowski. Cała misterna konstrukcja fabuły utworu opiera się na snach, a więc według Junga jednym z najważniejszych przejawów działalności psyche nieświadomej. Powieściowy Czapajew radzi Piotrowi Pusto: „Тебе надо начать записывать свои сны, причем стараться делать это, пока ты их помнишь в подробностях”¹², co równie dobrze mogłoby stanowić poradę, udzielaną przez Junga

⁹ Warto przypomnieć, że pacjentem, ale i przyjacielem Junga był ważny przedstawiciel środowiska młodszych symbolistów — Emilij Medtner. Zob. М. Юнгрен, *Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера*, пер. А. Скидан, Г. Снежинская, Академический проект, Санкт-Петербург 2001.

¹⁰ Warto chociażby wspomnieć, że tak jak Jung jest demonizowany przez środowiska jezuickie (Richard Noll, Aleksander Posacki), tak Pielewin otwiera listę pisarzy „niesłusznych” proputinowskiej młodzieżówki „Idący Razem”. Zob. М. Robert, *Jak to się robi w Rosji?*, „Xiegarnia.pl”, 30.12.2013, <https://xiegnia.pl/artykuly/jak-to-sie-robi-w-rosji/> (08.03.2020).

¹¹ Tak przynajmniej głosi „obiegowa opinia” i niektóre rosyjskie media, w tym np. „Komsomolska Prawda”. Nie przeszkodziło to Pielewinowi udzielić w sumie co najmniej czterdziestu sześciu wywiadów (według danych portalu pelevinlive.ru, na którym zostały one zebrane i udostępnione).

¹² В. Пелевин, *Чанаев и Пустота*, Вагриус, Москва 2001, с. 242.

pacjentom¹³. Pokrewieństwo — co najmniej antroponimicznej natury — ze szwajcarskim psychiatrą zdradza również druga postać „mędrca” w wątku historycznym powieści — baron Jungiern, wzorowany wprawdzie na historycznym dowódcy białogwardzistów, ezoteryku i poszukiwaczu Szambali, baronie Ungernie (właściwie Romanie von Ungern-Sternbergu), ale w którym, jak zauważa Ewa Pańkowska, „pisarz zawarł aluzję do dwóch kolejnych autentycznych postaci”¹⁴, w tym Carla Gustava Junga¹⁵. Na ten aspekt Pielewinowego barona zwraca również uwagę Paweł Łaniewski, twierdząc, że sprawuje on „władzę w onirycznej krainie symboli i archetypów”¹⁶. Myśl ta zasługuje na rozwinięcie.

Baron pełni w powieści rolę przewodnika Piotra Pusto po pozagrobowym świecie, Walhalli. W psychologii Junga kraina umarłych to symboliczne przedstawienie nieświadomości zbiorowej¹⁷, najgłębszej warstwy ludzkiej psychiki, której treści nie pochodzą „z osobniczych zdobyczy, lecz z odziedziczonej [...] struktury mózgowej. Są to związki mitologiczne, motywy i obrazy, które mogą powstawać zawsze i wszędzie bez względu na tradycję historyczną czy migrację”¹⁸. Baron staje się tym samym kimś w rodzaju psychoanalityka, który prowadzi bohatera w głąb jego duszy, a nawet poza jej indywidualny wymiar — do świata mitologicznych praobrazów, u źródeł których tkwią tak zwane archetypy, będące kolejnym, obok nieświadomości zbiorowej, kluczowym pojęciem teorii Junga.

Archetypy są „rzeczywistymi, acz niewidocznymi korzeniami świadomości”¹⁹, które warunkują nasze postrzeganie świata; jako wzorce zachowania, wspólne dla całej ludzkości, znajdują swój symboliczny

¹³ Zdaniem Junga sen to niekończący się monolog nieświadomości, który po przebudzeniu jest przykrywany, zagłuszany przez aktywną świadomość. Zob. C. G. Jung, *On the Method of Dream Interpretation*, <http://assets.press.princeton.edu/chapters/s8500.pdf> (08.03.2020).

¹⁴ E. Pańkowska, *Powieści Wiktora Pielewina. Kontekst postmodernistyczny. Interpretacje*, Prymat, Białystok 2016, s. 83.

¹⁵ Druga postać, na którą zwraca uwagę badaczka, to niemiecki pisarz Ernst Jünger.

¹⁶ P. Łaniewski, *Przestrzenie postmodernistycznej gry w powieści „Mały palec Buddy” Wiktora Pielewina*, „Literatura Ludowa”, 2016, nr 4–5, PTL, Wrocław 2016, s. 65.

¹⁷ Zob. np. C. G. Jung, *Wspomnienia, sny, myśli*, przeł. R. Reszke, Wrota, KR, Warszawa 1993, s. 229.

¹⁸ C. G. Jung, *Typy psychologiczne*, przeł. R. Reszke, L. Kolankiewicz, KR, Warszawa 2015, s. 535–536.

¹⁹ J. Jacobi, *Psychologia C. G. Junga*, przeł. G. Glodek, G. Glodek, Zysk, Poznań 2014, s. 78.

wyraz w mitach, toposach literackich, tradycjach i rytuałach, do indywidualnej świadomości przenikają zaś za sprawą marzeń sennych i imaginalnej. W *Małym palcu Buddy* właśnie tą drogą wydobywa je z psychiki Piotra Pusto doktor Timur Timurowicz, psychiatra, który poddaje bohatera terapii metodą „turbojungizmu”. Oto jak objaśnia jej sens:

был такой психиатр по имени Юнг. Его терапевтические методы основывались на очень простом принципе. Он добивался того, что на поверхность сознания пациента свободно поднимались символы, по которым и можно было ставить диагноз. [...] А вот у меня метод немного другой, [...] хотя основа та же. [...] Мы вас [...] сажаем вот сюда, [...] потом делаем укол-чик, а потом уже смотрим на символы, которые начинают поступать в б-а-льшом количестве²⁰.

Jest to w rzeczy samej chemicznie usprawniona terapia według wzorców szkoły jungowskiej²¹. Nie ulega zatem wątpliwości, że koncepcje szwajcarskiego uczonego są Pielewinowi dobrze znane. Ale na tym wyliczenie przejawów pierwiastka jungowskiego w *Małym palcu Buddy* bynajmniej się nie kończy. Kulminacją podróży barona Jungierna i Piotra Pusto po zaświatach jest prezentacja symboli, za którymi kryje się kolejna arcyważna koncepcja psychologii analitycznej. Taką oto opowieść snuje baron:

Представьте себе непрветренную комнату, в которую набилось ужасно много народу. И все они сидят на разных уродливых табуретах, на расшатанных стульях, каких-то узлах и вообще на чем попало. [...] Таков мир, в котором вы живете. И одновременно у каждого из этих людей есть свой собственный трон, огромный, сверкающий, возвышающийся над всем этим миром и над всеми другими мирами тоже. Трон поистине царский — нет ничего, что было бы не во власти того, кто на него взойдет. И, самое главное, трон абсолютно легитимный — он принадлежит любому человеку по праву. Но взойти на него почти невозможно²².

Ów carski tron można zinterpretować jako symbol jungowskiej „Jaźni”²³, czyli duchowej pełni człowieka, którą w psychologii anali-

²⁰ В. Пелевин, *Чанаев...*, s. 191–120.

²¹ Jest to również powracający motyw prozy Pielewina — poszerzenie świadomości za pomocą środków psychoaktywnych (np. doświadczenia z marihuaną w *Życiu owadów* i z grzybami halucynogennymi w *Generation „P”*).

²² В. Пелевин, *Чанаев...*, s. 278–279.

²³ Ta i inne nazwy archetypów dużą literą zgodnie z konwencją przyjętą przez polskich tłumaczy twórczości Junga.

tycznej osiąga się poprzez „indywiduację” — naturalny proces, potencjalnie dany każdemu człowiekowi („у каждого из этих людей есть свой собственный трон”), a którego „pierwszą konsekwencją jest świadoma i nieunikniona izolacja jednostki od niewyróżniającego się i nieświadomego stada”²⁴ („неприветренная комната, в которую набилось ужасно много народу”). Proces ów „w pewnych określonych okolicznościach [...] może zostać pobudzony, zintensyfikowany, uświadomiony, świadomie przeżyty i przepracowany [poprzez trening duchowy lub terapię, w prozie Pielewina bardzo często z użyciem kontrowersyjnych dodatków, takich jak leki bądź narkotyki — Ł. B.], co realnie wspomaga osiągnięcie pełni”²⁵. Przy czym „ta droga nie jest dostępna dla wszystkich i nie każdy może ją przebyć”²⁶, a „osobowość postrzegana jako całkowite urzeczywistnienie pełni naszej egzystencji jest nieosiągalnym ideałem”²⁷ (lub, cytując raz jeszcze słowa barona: „взойти на него [трон] почти невозможно”).

Wydaje się zatem, że do spojrzenia na twórczość Pielewina przez pryzmat psychologii analitycznej Carla Gustava Junga skłania nas sam autor za sprawą jednego ze swoich najbardziej znanych utworów. Zarówno kompozycja *Małego palca Buddy*, jak i liczne wewnętrztekstowe sygnały wskazują, że powieść ta została niejako zbudowana na fundamentach *stricte* jungowskich. Tak obszerny wstępny materiał badawczy można jednocześnie potraktować jako upoważnienie do rozszerzenia zakresu studiów na pozostałe dzieła Pielewina.

INICJALNY SEN PISARZA

Jak już wspomniano, Carl Gustav Jung traktował sny w swojej praktyce terapeutycznej jako źródło wiedzy o nieświadomości pacjenta. Utrzymywał przy tym, że „[b]ardzo często już na samym początku terapii nawiedza pacjenta marzenie senne, które w dalszej przyszłości odsłoni przed lekarzem cały program nieświadomości”²⁸. Wydaje się, że z powodzeniem można ową regułę zastosować także do pisar-

²⁴ C. G. Jung, *Vom Werden der Persönlichkeit*, w: tegoż, *Gesammelte Werke* 17, s. 291, cyt. za J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 144.

²⁵ J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 145.

²⁶ Tamże, s. 146.

²⁷ Tamże, s. 144.

²⁸ C. G. Jung, *Praktyka psychoterapii*, przeł. R. Reszke, KR, Warszawa 2016, s. 165.

stwa Wiktora Pielewina i że już najwcześniejsze utwory kryją w sobie pewien ogólny zarys jego późniejszej twórczości. Jeżeli w tym duchu przeczytać pierwszą powieść autora, *Omon Ra* (*Омон Ра*, 1992), to okaże się, że w ujęciu jungowskim „program” Pielewina sprowadza się do problematyki procesu indywiduacji.

Warto w tym miejscu przypomnieć, że u podstaw całej koncepcji psychologicznej Junga leży mit, który „stanowi manifestację nieświadomości”²⁹, mitologia zaś w tym ujęciu „jest podręcznikiem archetypów”³⁰, w którym centralne miejsce zajmuje tak zwany „mit bohater-ski”. „Według Junga postać bohatera unaocznia proces kształtowania się psychicznego, świadomego, autonomicznego ‘ja’”³¹; „wyprawa bohatera”³² stanowi zatem mitologiczny ekwiwalent psychologicznego procesu indywiduacji.

W *Omon Ra* Pielewin odwołuje się do mitu o starożytnym egipskim bogu Słońca za sprawą tytułowego bohatera, Omona, który przyjmuje jako drugie imię Ra i utożsamia się tym samym z bóstwem solarnym. Droga Słońca zaś to nic innego, jak prototypowa „wyprawa bohatera” — heros zstępuje do „Krainy Śmierci [...] [i] wędruje przez świat, który zaludniają nieznane [...] siły”³³, by koniec końców odrodzonym powrócić do świata ludzi — dokładnie jak Bóg-Słońce o świcie nowego dnia. Powieściowy Omon w istocie zagłębia się w podziemny świat — krainę wielkiej mistyfikacji, kryjącej się za radzieckim programem lotów kosmicznych; ale jednocześnie jest to podróż w głąb wewnętrznego kosmosu³⁴, z psychologicznego punktu widzenia — obszaru tożsamego z nieświadomością, zaś przeniknięcie iluzji równa się poszerzeniu świadomości i zbliżeniu do duchowej pełni.

Zwróćmy przy tym uwagę, że zakończona sukcesem indywiduacja jest swego rodzaju *coincidentia oppositorum*, złagodzeniem konfliktu między parami przeciwieństw, których gra stanowi esencję ludzkiej egzystencji. Kluczowa wydaje się zwłaszcza opozycja świata wewnętrznego i zewnętrznego; według Junga, zadaniem

²⁹ I. Błocian, *Problem mitu w ujęciu Carla Gustava Junga*, w: H. Machoń (red.), *Przewodnik po myśli...*, s. 94.

³⁰ Tamże, s. 95.

³¹ Tamże, s. 96.

³² Określenie używane przez Josepha Campbella, zob. J. Campbell, *Bohater o tysiącu twarzy*, przeł. A. Jankowski, Zysk, Poznań 1997.

³³ J. Campbell, *Bohater...*, s. 183.

³⁴ Sam Pielewin utrzymuje, że powieść opowiada o wewnętrznym kosmosie radzieckiego człowieka. Zob. *Viktor Olegovich Pelevin interview, Video*, <http://pelevinlive.ru/05> (16.01.2020).

pierwszej połowy życia jest inicjacja w zewnętrzną rzeczywistość, drugiej zaś — inicjacja w rzeczywistość wewnętrzną³⁵. I to przede wszystkim ten konflikt znajduje za sprawą indywiduacji rozwiązanie w Jaźni, która prowadzi człowieka do „świadomego wewnętrznego i zewnętrznego ludzkiego przywiązania do ziemskiej i kosmicznej struktury”³⁶.

Nie sposób nie zauważyć, że i w twórczości Pielewina ów konflikt zajmuje centralne miejsce, warto jednak podkreślić, że pisarz staje na pozycji zgoła odmiennej od jungowskiej idei „zjednoczenia przeciwieństw”. Jak słusznie zauważa Mateusz Jaworski, „солипсизм, несомненно, оказывается отправной точкой, или, может быть, идейным фоном для всех других существенных мотивов прозы Пелевина”³⁷ — solipsyzm, a więc postawa odmawiająca światu zewnętrznemu prawa do obiektywnego istnienia. Według tego klucza „inicjalny sen pisarza”, czyli powieść *Omon Ra*, można wręcz przeczytać jako próbę sprawdzenia hipotezy o nieistnieniu zewnętrznej rzeczywistości³⁸. Stoi to w jawnej sprzeczności z pryncypiami procesu indywiduacji i wskazuje, że psychologicznym jądrem tematycznym prozy Pielewina jest obraz indywiduacji zakończonej niepowodzeniem. Przemawiają za tym również liczne sygnały w późniejszej twórczości autora.

ALCHEMICZNE MAŁŻEŃSTWO... I ROZWÓD

Jeżeli spojrzeć teraz ponownie na *Mały palec Buddy* przez pryzmat dotychczasowych ustaleń, okaże się, że „jungowski potencjał” owej powieści nie został jeszcze wyczerpany. Pojawia się tam bowiem jeszcze jeden ważny zespół symbolicznych wyobrażeń, ukrywający się pod tajemniczym mianem „alchemicznego małżeństwa”.

W alchemii Jung odnalazł „najbliższy analogon procesu indywiduacji”³⁹. Zdaniem Szwajcara, alchemik w toku procedur alchemicznych

³⁵ J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 147.

³⁶ Tamże.

³⁷ M. Jaworski, *Rekonfiguracja w poetyce powieściowej Wiktora Pielewina. Solipsyzm — język — historia*, UAM, Poznań 2017, s. 66, <http://hdl.handle.net/10593/17914> (04.04.2020).

³⁸ Tamże, s. 76.

³⁹ Zob. J. Prokopiuk, *C.G. Jung, czyli gnoza XX wieku*, w: C.G. Jung, *Archetypy i symbole*, przeł. J. Prokopiuk, Czytelnik, Warszawa 1993, s. 37.

projektował na transformowane substancje treści swojej *psyche* nieświadomej, które w konsekwencji również podlegały transformacji. Końcowym rezultatem miał być zatem nie tylko materialny „kamień filozoficzny”, ale i „Jaźń” jako owoc przemiany wewnętrznej, tożsamej z indywiduacją⁴⁰.

Idąc tym tropem, „alchemiczne małżeństwo” w *Małym palcu Buddy* należy interpretować jako mariaż przeciwstawnych pierwiastków duchowych, *coincidentia oppositorum*, którego celem jest osiągnięcie pełni. Co to za pierwiastki? I czyja dusza podlega transformacji? Odpowiedź, że chodzi o *psyche* autora, ma niewątpliwie sens, ale nie jest wyczerpująca, zwłaszcza, jeżeli wziąć pod uwagę, że teoria Junga zakłada istnienie ścisłego sprzężenia, „w którym procesy indywidualnej psychiki rozumiane są w ich związku z dynamiką rozwoju kulturowego oraz wydarzeń historycznych”⁴¹. Świat wewnętrzny pisarza, który zostaje przezeń wyprojektowany na jego twórczość literacką, można wobec tego traktować jako odbicie życia duchowego całego narodu; w prozie Pielewina uwidacznia się to między innymi za sprawą opozycji Wschód–Zachód, pary biegunów duchowych i ideologicznych, pomiędzy którymi rozciąga się zarówno szeroko rozumiana „rosyjskość”, jak i świadomość samego pisarza.

Jung utożsamiał Zachód z ekstrawersją, Wschód natomiast z introwersją; ekstrawertyczny Zachód zwraca się przede wszystkim ku rzeczywistości zewnętrznej, stąd jego orientacja materialistyczna, zaś introwertyczny Wschód uznaje prymat świata wewnętrznego, stąd jego „uduchowienie”. Podział ten, jakkolwiek uproszczony⁴², pozwala lepiej zrozumieć prozę Pielewina, stanowiącą alchemiczny tygiel, w którym oba pierwiastki mieszają się ze sobą nierzadko z wybuchowym skutkiem.

W *Małym palcu Buddy* pisarz prezentuje „alchemiczne małżeństwo” w dwóch konfiguracjach: „zachodniej” (sen Marii o przygodzie z Arnoldem Schwarzeneggerem) i „wschodniej” („interview” Serdiuka w moskiewskiej filii japońskiej korporacji Taira). W obu przypadkach mariaż z obcą kulturą przybiera tragikomiczny obrót i kończy się śmiercią „strony rosyjskiej”. Jeżeli wziąć pod uwagę, że kwestia

⁴⁰ Zob. I. Trzczińska, *Jung a tradycja ezoteryczna*, w: H. Machoń (red.), *Przewodnik po myśli...*, s. 200.

⁴¹ I. Błocian, *Problem mitu...*, s. 94.

⁴² Zob. np. krytyka perspektywy jungowskiej w J. Sieradzan, *Tradycje indyjskie, tybetańskie i chińskie w myśleniu Junga*, w: „Machoń (red.) *Przewodnik po myśli...*, s. 176.

„Wschód czy Zachód”⁴³ to od stuleci podstawowe zagadnienie kulturowej samoidentyfikacji Rosji, pesymizm Pielewina, choć podszyty dużą dozą czarnego humoru, wydaje się nie mieć granic.

Abstrahując jednak od defetyzmu pisarza, można stąd wyciągnąć wniosek, że w uniwersum literackim Pielewina także i Rosja przechodzi swoją indywidualację. I rzeczywiście, w przemianach społeczno-politycznych na przełomie wieków, które stanowią tło dla wczesnych utworów pisarza, nietrudno dostrzec stosowne analogie — przejście od kolektywizmu do indywidualizmu, od „nieświadomości” (cenzura, propaganda) bycia rządzonym przez dyktaturę do „świadomości” stanowienia o własnym losie w demokracji. Coś jednak stoi na przeszkodzie i nie pozwala przeprowadzić owej metamorfozy do końca. Jeżeli sięgnąć teraz ponownie do myśli Junga i pryncypiów procesu indywidualacji, okaże się, że źródłem porażki jest nieudana (bądź zaniechana) konfrontacja z Cieniem.

CIEŃ KONTRATAKUJE

Proces indywidualacji składa się z wielu etapów, na których integrowane są kolejne treści nieświadomości. Pierwszy i bodaj najtrudniejszy krok to konfrontacja z archetypem Cienia, naszą „inną stroną”, „ciemnym bratem”⁴⁴. W aspekcie jednostkowym jest to archetypowa postać, która reprezentuje „indywidualną ciemność”, czyli personifikację tych treści naszej psychiki, które w trakcie naszego życia zostały odrzucone, wyparte i niedopuszczone⁴⁵. Natomiast w aspekcie zbiorowym „Cień reprezentuje wpisaną nam od urodzenia strukturalną skłonność do rzeczy przyziemnych i ciemnych”⁴⁶.

Wyrazisty obraz „konfrontacji z Cieniem” odnaleźć można w powieści *Generation „P”* (*Generation «II»*, 1999). Zwróćmy uwagę na imię głównego bohatera, Wawilen, które, jest grą słów, połączeniem Wasilija Aksionowa i Władimira Iljicza Lenina,

odsyla czytelnika do charakterystycznej dla epoki radzieckiej tendencji do nadawania dzieciom imion pochodzących od nazwisk wodzów, miast-bohaterów, wy-

⁴³ Nawiązując do tytułu nieukończony trylogii Andrieja Bielego (*nota bene*, Pielewin otrzymał w 2017 roku nagrodę jego imienia).

⁴⁴ Zob. J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 148.

⁴⁵ Tamże, s. 151.

⁴⁶ Tamże.

darzeń historycznych. Takie działanie miało na celu wyparcie z pamięci społecznej imion tradycyjnych, związanych z wiarą prawosławną⁴⁷.

Ale bohater wstydy się Wawilena i używa w jego miejsce neutralnego ideologicznie Wowy, w rezultacie dopuszczając się kolejnego wyparcia — „radzieckość” zostaje „odrzucona, wyparta i niedopuszczona”, bohater spycha ją do nieświadomości, podobnie jak w pewnym sensie uczynił to Omon w *Omon Ra*, pozostawiając za sobą w podziemiach (nieświadomości) fikcyjny program lotów kosmicznych, symbol systemowej ułudy komunistycznego reżimu. W kategoriach jungowskich można potraktować to jako symboliczny akt stwórczy Cienia, moment wypełnienia archetypowej struktury niepożądaną treścią, która, „jeśli zostanie wyparta ze świadomości i odseparowana, nigdy nie zostanie skorygowana”⁴⁸.

Toteż wyparta i nieskorygowana „radzieckość” powraca następnie do Wawilena pod postacią okraszzonego godłem ZSRR „Instytutu Pszczelarskiego”, którego głównym celem jest ponownie fabrykowanie rzeczywistości — tym razem „nowej”, postsowieckiej. Skonfrontowany w ten sposób z Cieniem bohater nie rozpoznaje jednak i nie integruje jego treści, a zatracą się w niej.

Zdaniem Junga, każdy z etapów indywiduacji wiąże się z niebezpieczeństwem tak zwanej „inflacji psychicznej”. Jednostka

doświadcza nie tyle kontaktu z archetypem, co zatracenia się w archetypie. [...] uważa się za lepszą od innych, a prześladowanie czy uwagi krytyczne [...] uznaje za dowody na jej powołanie, w które głęboko wierzy — na jego straży stoi nadprzyrodzona siła. [...] W końcu ten narcystyczny balon pęka i następuje bolesne zderzenie z rzeczywistością⁴⁹.

Obraz inflacji psychicznej odnajdujemy w scenie finałowej *Generation „P”*. Głęboko pod ziemią (nieświadomość) Wawilena przechodzi rytualną inicjację jako adept bogini Isztar, która wybiera go na swojego symbolicznego małżonka. Wywyższenie bohatera przez bóstwo wieńczy nie tylko jego własny proces inflacji psychicznej, ale również, w bardziej ogólnym wymiarze, swego rodzaju ewolucję świadomości bohaterów powieściowego uniwersum Pielewina — od początkowego naiwnego idealizmu Omona w *Omon Ra*, poprzez po-

⁴⁷ E. Pańkowska, *Powieści...*, s. 139.

⁴⁸ C.G. Jung, *Psychologie und Religion*, w: tegoż, *Gesammelte Werke 11*, Walter Verlag, Olten 1993, s. 133, cyt. za J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 153.

⁴⁹ T. Olchanowski, *Jungowska diagnoza kultury współczesnej*, w: H. Machoń (red.), *Przewodnik po myśli...*, s. 229.

szukiwanie prawdy i oświecenia przez bohaterów *Życia owadów* (*Жизнь насекомых*, 1993) i Piotra Pusto w *Małym palcu Buddy*, aż do szczególnego rodzaju kapitulacji cynicznego, pozbawionego złudzeń Wawilena w *Generation „P”*, który wspina się na szczyty władzy i, zamiast demaskatorem iluzji, staje się jej obrońcą i architektem. Zapoczątkowana przez Omona droga ku prawdzie i pełni kończy się zatem poddaniem „skłonności do rzeczy przyziemnych i ciemnych”⁵⁰, takich jak konsumpcjonizm czy żądza władzy, co w kategoriach jungowskich należy rozpatrywać jako zatracenie w archetypie Cienia.

Podobne obrazy odnaleźć można w kolejnych powieściach autora. W *Liczbach* (*Числа*, 2003) na straży pnącego się w górę drabiny społecznej bohatera stoi „magiczna” liczba 34; w *Świętej księdze wilkołaka* (*Священная книга оборотня*, 2004) Sasza Szary, oficer FSB i wilkołak, wykorzystuje swoje nadprzyrodzone zdolności do utrzymywania się w ścisłej elicie rosyjskich służb specjalnych; z kolei bohater *Empire V* (*Empire V*, 2006), zwiedziony mglistą obietnicą życiowego sukcesu, pozwala przemienić się w wampira i tym samym dołącza do kasty pozostających w cieniu (a więc doskonale wpisujących się w symbolikę archetypu Cienia) prawdziwych władców ludzkości.

Warto bliżej przyjrzeć się owej „inflacyjności” bohaterów Pielewina, gdyż za powszechnością tego zjawiska w powieściowym uniwersum pisarza może kryć się sugestia, że jest to inherentna cecha kultury rosyjskiej. Ostatecznie jednym z jej filarów jest prawosławie — słuszna, prawidłowa wiara, zaś centralnym mitem — idea Moskwy jako Trzeciego Rzymu, przyznająca Rosji szczególną rolę do odegrania w losach świata. Związek Radziecki tylko pozornie przerwał ciągłość tej tradycji — był w końcu „ojczyzną światowego proletariatu”, u podstaw systemu leżało ponownie przekonanie o własnym „powołaniu”, na straży którego stała quasi-nadprzyrodzona siła — jedyna słuszna ideologia marksizmu-leninizmu, nosząca zresztą wszelkie cechy kultu religijnego⁵¹ i będąca często przedmiotem równie gorliwej wiary co wcześniej prawosławny Bóg.

Powieści Pielewina zdają się przekonywać, że taki stan rzeczy wynika z niewłaściwej relacji z archetypem Cienia. „Konfrontacja z Cieniem oznacza [...] przyjęcie całkowicie krytycznej postawy wobec

⁵⁰ Zob. przypis 44.

⁵¹ Zob. N. Bierdiajew, *Królestwo Ducha i królestwo cezara*, przeł. H. Paprocki, Antyk, Kęty 2003.

siebie i swojej własnej natury”⁵²; tymczasem nie sposób mówić o krytycznym podejściu, jeżeli całe życie publiczne jest *de facto* sfabrykowane. Co więcej, w *Generation „P”* pisarz kreuje obraz kraju, w którym nawet za zarabianiem pieniędzy musi stać jakaś „idea narodowa”. Oto jak tłumaczy to jeden z mentorów głównego bohatera, Wowczyk:

за каждым бабками на самом деле стоит какая-то национальная идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? Потому что тогда чисто непонятно — почему одни впереди, а другие сзади?⁵³

Jeżeli idei narodowej brakuje — należy ją sztucznie stworzyć, co w powieści przybiera postać groteskowego zlecenia dla Wawilena: „[н]апиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу”⁵⁴. Ową humorystycznie przedstawioną cechę mentalności rosyjskiej można rozumieć jako próbę wyparcia tudzież sublimacji „rzeczy przyziemnych i ciemnych”. Nieuchronną konsekwencją takiej postawy jest ryzyko zatracenia się w Cieniu i popadnięcia w inflację psychiczną, której często towarzyszy projektowanie własnej nieuświadomionej „ciemności” na inne obiekty zgodnie z zasadą — „to ktoś jest winny, nie ja”⁵⁵. Toteż w *Życiu owadów* jeden z głównych bohaterów to amerykański komar, który przylatuje do Rosji spijać rosyjską krew, zaś w *Generation „P”* właśnie od Amerykanów, tradycyjnego „sprawcy wszelkiego zła” w czasach radzieckich, pochodzi cały know-how i technologia fabrykacji iluzji życia społecznego.

PIELEWIN — JUNGISTA UMYŚLNY CZY PRZYPADKOWY?

W prozie Wiktora Pielewina ujawnia się zatem zadziwiająco wierna literacka ilustracja najważniejszych koncepcji psychologii Carla Gustava Junga. A warto mieć na uwadze, że przytoczony materiał to tylko pewien zarys, szkic, który w żadnym razie nie wyczerpuje tematu. Każda ze wspomnianych powieści zasługuje na osobną analizę w du-

⁵² J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 153.

⁵³ В. Пелевин, *Generation „П”*, Вагриус, Москва 1999, s. 194.

⁵⁴ Tamże, s. 195.

⁵⁵ J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 153.

chu psychologii analitycznej, a twórczość Pielewina w ogóle — na poważne opracowanie naukowe.

Owa obfitość śladów wskazujących na inspirację myślą Junga przy jednoczesnym braku jakiegokolwiek wzmianki o szwajcarskim psychiatrze w wywiadach i artykułach Pielewina rodzi pytanie: czy pisarz świadomie „gra w Junga”? To jest — czy z premedytacją wykorzystuje w swojej twórczości uniwersalne motywy i schematy, zebrane i opisane przez Szwajcara w jego licznych dziełach? Nie ulega wątpliwości, że Pielewin od dawna zna myśl Junga⁵⁶, wydaje się jednak, że to za mało, by móc z pełnym przekonaniem uznać go za jungistę (albo kryptojungistę). Ostatecznie, uniwersalne schematy i motywy, o których pisał Jung, są właśnie takie — uniwersalne, co oznacza, że ich obecność w dowolnym wytworze ludzkiego ducha powinna wydawać się czymś naturalnym — choć niezwykle rzadko jest to obecność tak wyrazista, jak w prozie Pielewina.

Być może kluczem do zrozumienia owego fenomenu jest wyjątkowo silny w przypadku autora *Generation „P”* związek między jego indywidualną psychiką, a „dynamiką rozwoju kulturowego oraz wydarzeń historycznych”⁵⁷. Paweł Basinski, rosyjski literaturoznawca i krytyk literacki, w filmie poświęconym pisarzowi powiedział: „наше время очень мифологическое и Пелевин это просто чувствует”⁵⁸. A przecież ukryta mitologiczność rzeczywistości, zarówno na poziomie indywidualnym, jak i zbiorowym, to jedno z fundamentalnych założeń psychologii analitycznej Junga. Niewykluczone zatem, że Pielewin nie tyle inspirował się dziełem Szwajcara, co ujrzał w nim odbicie własnego sposobu myślenia, który i bez Junga pozwoliłby rosyjskiemu pisarzowi równie błyskotliwie uchwycić ową „mitologiczność czasów” w jego powieściach⁵⁹.

Tak czy inaczej, twórczość Pielewina ma w sobie coś, co sprawia, że stanowi ona szczególnie wdzięczny materiał do analizy jungowskiej — wydaje się więc mocno uzasadnione stwierdzenie, że perspektywa

⁵⁶ Obok przytoczonego materiału literackiego, jako swego rodzaju dodatkowy dowód poszlakowy można również potraktować fakt, że Pielewin jest miłośnikiem Johna Fowlesa, któremu poświęcił w 1993 r. artykuł (a Fowles, jak już wspomniano, wymieniał Junga jako jedną z głównych inspiracji podczas pisania *Magi*). Zob. В. Пелевин, *Джон Фаулз и трагедия русского либерализма*, <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-jon/1.htm>, (09.03.2020).

⁵⁷ Zob. przypis 39.

⁵⁸ Писатель „П”. *Попытка идентификации*, reż. Б. Караджев, Г. Рябушев, 2013.

⁵⁹ Zwłaszcza *Generation „P”* w kontekście późniejszych wydarzeń i nadejścia ery Putina wydaje się wręcz tekstem proroczym.

jungowska pozwala ujrzeć wiele spośród utworów rosyjskiego postmodernisty w nowym świetle. Niniejszy artykuł należy wobec tego potraktować jako wstęp do dalszych badań nad twórczością Pielewina w duchu psychologii analitycznej.

REFERENCES

- Bierdiajew, Mikołaj. *Królestwo Ducha i królestwo cezara*. Transl. Paprocki, Henryk. Kęty: Antyk, 2003.
- Campbell, Joseph. *Bohater o tysiącu twarzy*. Transl. Jankowski, Andrzej. Poznań: Zysk, 1997.
- Fowles, John. *Mag*. Transl. Fiszer, Ewa. Poznań: Zysk, 1996.
- Frye, Northrop. "Mit I". *Wielki kod. Biblia i literatura*. Bydgoszcz: Homini, 1998. 62–79.
- Jacobi, Jolande. *Psychologia C.G. Junga*. Transl. Glodek, Grażyna, Glodek, Gregor. Poznań: Zysk, 2014.
- Jaworski, Mateusz. *Rekonfiguracja w poetyce powieściowej Wiktora Pielewina. Solipsyzm – język – historia*. Poznań: UAM, 2017 <<http://hdl.handle.net/10593/17914>>.
- Jung, Carl Gustav. *On the Method of Dream Interpretation*, <<http://assets.press.princeton.edu/chapters/s8500.pdf>>.
- Jung, Carl Gustav. *Praktyka psychoterapii*. Transl. Reszke, Robert. Warszawa: KR, 2016.
- Jung, Carl Gustav. *Typy psychologiczne*. Transl. Reszke, Robert. Warszawa: KR, 2015.
- Karadzhev, Boris, Ryabushev, Grigoriy. *Pisatel' "P". Popytka identifikatsii* (film). 2003. <<https://www.youtube.com/watch?v=zjgTvPZkcyw>> [Караджев, Борис, Рябушев, Григорий. *Писатель "П". Попытка идентификации* (фильм). 2013. <<https://www.youtube.com/watch?v=zjgTvPZkcyw>>].
- Łaniewski Paweł. "Przestrzenie postmodernistycznej gry w powieści 'Mały palec Buddy' Wiktora Pielewina". *Literatura Ludowa*. 2016, nr 4–5: 61–68.
- Machoń, Henryk. "Wprowadzenie". *Przewodnik po myśli Carla Gustava Junga*. Ed. Machoń, Henryk. Warszawa: PWN, 2017: 7–10.
- Maier, Emanuel. *The Psychology of C.G. Jung in the Works of Hermann Hesse*. <<http://hesse.projects.gss.ucsb.edu/papers/maier.pdf>>.
- Menton, Seymour. "Jorge Luis Borges, Magic Realist": 411–426. *Hispanic Review* 1982, no. 4 (50). <<https://www.jstor.org/stable/472332>>.
- Olchanowski, Tomasz. "Jungowska diagnoza kultury współczesnej". *Przewodnik po myśli Carla Gustava Junga*. Ed. Machoń, Henryk. Warszawa: PWN, 2017: 224–240.
- Pańkowska, Ewa. *Powieści Wiktora Pielewina. Kontekst postmodernistyczny. Interpretacje*. Białystok: Prymat, 2016.
- Pelevin, Viktor. *Chapayev i Pustota*. Moskwa: Vagrius, 2001 [Пелевин, Виктор. *Чапаяев и Пустота*. Москва: Вагриус, 2001].
- Pelevin, Viktor. *Generation "P"*. Moskwa: Vagrius, 1999 [Пелевин, Виктор. *Generation "П"*. Москва: Вагриус, 1999].

CZAPAJEW W KRAINIE ARCHETYPÓW...

- Posacki Aleksander. "Carl Gustav Jung a problem zła. Antychrześcijańskie aspekty psychoanalizy". *RadioMaryja.pl*. 7.01.2007. <<https://www.radiomaryja.pl/bez-kategorii/carl-gustaw-jung-a-problem-zla/>>.
- Prokopiuk, Jerzy. "C. G. Jung, czyli gnoza XX wieku". Jung, Carl Gustav. *Archetypy i symbole*. Transl. Prokopiuk, Jerzy. Warszawa: Czytelnik, 1993. 6–57.
- Robert, Maciej. "Jak to się robi w Rosji?". *Xiegarnia.pl*. 30.12.2013. <<https://xiegar-nia.pl/artykuly/jak-to-sie-robi-w-rosji/>>.
- Tokarczuk, Olga. "Świat z odwrotnej strony". *Kontrapunkt. Magazyn kulturalny "Tygodnika Powszechnego"* 1996, no. 10, <<http://www.tygodnik.com.pl/kontrapunkt/10/tokarczuk.html>>.
- Trzcńska, Izabela. "Jung a tradycja ezoteryczna". *Przewodnik po myśli Carla Gustava Junga*. Ed. Machoń, Henryk. PWN: Warszawa, 2017. 191–204.
- Yunggren [Ljunggren], Magnus. *Russkiy Mefistofel'. Zhizn' i tvorchestvo Emiliya Metnera*. Transl. Skidana, Aleksandra. Akademicheskij proyekt: Sankt-Peterburg, 2001 [Юнггрен, Магнус. *Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера*. Пер. Скидана, Александра. Академический проект: Санкт-Петербург, 2001].

OLGA PAULINA SIEMOŃSKA

Uniwersytet Wrocławski

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0128-2997>**MOTYWY TANATYCZNE I AUDIALNE
W OPowieści DINY RUBINY *ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ***

THANATIC AND PHONIC MOTIFS

IN THE WORK OF DINA RUBINA *ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ (VYSOKAYA VODA VENETSJANTSEV)*

The work of Dina Rubina *Высокая вода венецианцев (Vysokaya voda venetsiantsev 1999)* stands out among other texts of Venetian themes thanks to more detailed descriptions of the soundscape of the city. The article aims to analyze the Venetian phonosphere in the work of Rubina, using the potential of sensory literary geography, as well as soundstudies. In the course of the analysis of individual descriptions of sounds, it turns out that the reason for distinguishing the sound elements in the image of the city was, first of all, the musical education of the author. It is also explained that the image of Venice, including its phonosphere, is shown in the text through the prism of the literary tradition, according to which Venice is portrayed as the “city of death,” “the dying city,” “the city of the dying”.

Keywords: Dina Rubina, Venice, soundscape, Venetian text

Na literackiej mapie Europy Wenecja zajmuje miejsce szczególne. Świadczy o tym nie tylko liczba poświęconych jej utworów literackich, ale również siła, z jaką wyobraźnia wypiera w obrazach miasta poznanie empiryczne, sprawiając, że przybiera ono formę przestrzeni baśniowej, wręcz nadprzyrodzonej. Niemalże znaczenie ma również fakt, że fascynacja tym miastem wspólna jest dla przedstawicieli wielu różnych literatur narodowych. Bogata w treści o tematyce weneckiej jest także literatura rosyjska. Badacze zajmujący się rosyjską „weneccjaną” wskazali wiele zagadnień oraz cech dystynktywnych, wokół których budowany jest literacki obraz Wenecji. Są to m.in. lustrzaność, ambiwalentność, schematyzm, metafizyka¹. Rozwój nowych tendencji

¹ Zob. Л. Лосев, *Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского*, „Иностранная литература” 1996, nr 5, <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/5/losev.html> (28.03.2019); Н. Е. Меднис, *Венеция в русской литературе*. Ново-

w humanistyce, związanych, po pierwsze, z tzw. zwrotem topograficznym², a po drugie, z przejściem w badaniach antropologicznych od kwestii dotyczących kultur pierwotnych, ich religii i etniczności ku zainteresowaniu kulturą własną³ umożliwiła poszerzenie perspektywy badawczej i uwzględnienie takich, dotychczas niedostatecznie zbadanych kwestii jak percepcja zmysłowa miasta oraz jej literackie reprezentacje. Narzędzi do tego typu refleksji dostarczają m.in. literacka antropologia miejsc, geopoetyka, antropologia zmysłów, *sound studies* czy łącząca założenia metodologiczne wymienionych nurtów sensoryczna geografia literacka, przedstawiona przez Elżbietę Rybicką w monografii *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych praktykach literackich*⁴.

Celem przedstawionego tu szkicu jest analiza pejzażu dźwiękowego Wenecji w opowieści Diny Rubiny *Высокая вода венецианцев* (1999), wykorzystująca potencjał sensorycznej geografii literackiej, a konkretnie perspektywy dźwiękowej (*sound studies*) w literaturoznawczych badaniach nad tekstem weneckim. Podjęta zostanie próba określenia roli dźwięku w literackim obrazie Wenecji, a także wpływu pewnych kodów kulturowych na percepcję kluczowych elementów środowiska fonicznego miasta. Uwagi i komentarze powiązane zostaną z dominującymi w utworze motywami tanatycznymi.

Problem krajobrazu dźwiękowego w utworze *Высокая вода венецианцев* to kwestia złożona, wymagająca uwzględnienia trzech co najmniej kwestii.

сибирск 1999, <https://libking.ru/books/sci-/sci-philology/457906-nina-mednis-venetsiya-v-russkoy-literature.html> (12.11.2019); Т. Цивьян, „Золотая голубятня у воды...” *Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций*, w: tejsze, *Семиотические путешествия*, ИД Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2001.

² O zwrocie topograficznym, inicjującym zainteresowanie przestrzenią, jako nadrzędną kategorią w refleksji humanistycznej, szczegółowo pisze Elżbieta Rybicka: E. Rybicka, *Od poetyki przestrzeni do polityki miejsca. Zwrot topograficzny w badaniach literackich*, w: tejsze, *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*, Universitas, Kraków 2014.

³ W drugiej połowie XX wieku obszar refleksji antropologicznej zostaje poszerzony o zagadnienia związane z kulturą współczesnych społeczeństw postindustrialnych, co związane jest z postmodernistycznym przekonaniem o niemożności obiektywnego spojrzenia na „innego”, który do tej pory stanowił główny przedmiot zainteresowań antropologów. Zob. K. Górny, *Antropologia, współczesności czy kultury? „Zeszyty Etnologii Wrocławskiej”* 2016, nr 1.

⁴ „[...] celem literackiej geografii sensorycznej będzie badanie sensualnych krajobrazów (dźwiękowych, zapachowych, wizualnych), których świadectwem są reprezentacje literackie oraz poszukiwanie kodów kulturowych kształtujących percepcję miejsc i przestrzeni”. Zob. E. Rybicka, *Od poetyki przestrzeni...*, s. 248.

Po pierwsze, Wenecja przez wielu pisarzy uważana jest za przestrzeń „wzrokocentryczną”, dlatego w tworzeniu jej obrazu literackiego dominującą rolę odgrywają bodźce wzrokowe. Utwór Diny Rubiny *Высокая вода венецианцев* jest jednym z nielicznych w rosyjskim tekście weneckim, w których doświadczenie audialne potraktowane zostało na równi z doświadczeniem wizualnym.

Po drugie, na wykreowany w opowieści obraz przestrzeni sensorycznej Wenecji wpływ miały nie tylko uwarunkowania kulturowe i geograficzne miasta, ale również indywidualne kompetencje autorki tekstu (zwłaszcza wykształcenie muzyczne).

Po trzecie, pod wpływem tradycji literackiej, zgodnie z którą Wenecja postrzegana jest w kulturze jako „miasto śmierci”, „miasto umierające” czy też „miasto umierających”, pejzaż dźwiękowy opisany w utworze zyskał dodatkowe sensory.

Dariusz Czaja w artykule *Szmary, szepty krzyki. Muzyka wenecka*⁵ zaznacza, że na przeszkodzie pełnemu, multisensorycznemu doświadczeniu miasta staje dominująca w postrzeganiu przestrzeni weneckiej rola pierwiastka wizualnego, co zauważyć można w wielu tekstach literackich poruszających temat Wenecji¹². Również Gleb Smirnow w książce *Метафизика Венеции* (2017) pisze, że to miasto jest przestrzenią dominacji obrazu. Podkreśla jednocześnie, że wybitni weneccy artyści to w przeważającej większości mistrzowie pędzla. Smirnow przywołuje doświadczenie Aleksandra Błoka, któremu panujący w Wenecji „terror oka” odebrał wiarę w moc potencjału twórczego słowa:

Блок был заморожен плотной, вещественно наполненной призрачностью Венеции, когда хочется спросить: что значит все это? Она выступала как художественный вызов, но Блок не видел в поэзии, по крайней мере своей, средств, чтобы ухватить ее и в письме к матери писал: „здесь хочется быть художником, а не писателем”⁶.

W inny sposób tę samą myśl wyraził kilka dziesięcioleci później Jarosław Iwaszkiewicz w *Podróżach do Włoch* (1997):

Wszystko tu jest obrazem — i nie trzeba tego uzupełniać ani pędzlem, ani słowem. Canaletto to tylko fotografował. Ja nie mam potrzebnego aparatu⁷.

⁵ D. Czaja, *Szmary, szepty, krzyki. Muzyka wenecka*, „Prace Kulturoznawcze” 2012, nr 13.

⁶ Г. Смрнов, *Метафизика*, ОГИ, Москва 2017, s. 116–117.

⁷ J. Iwaszkiewicz, *Podróże do Włoch*, PIW, Warszawa 1997, s. 25–26.

Również Josif Brodski na pierwszych stronach eseju *Znak wodny* (*Watermark*, 1992) zaznacza, że woli postawić się w roli malarza pejzażysty, który rejestruje to, co widzi niż myśliciela, dla którego pobyt w Wenecji jest pretekstem do snucia rozważań natury filozoficznej:

dalszy ciąg tych wywodów będzie miał związek raczej z okiem niż z ustalonymi poglądami [...]. Oko wyprzedza pióro — i zdecydowany jestem nie dopuścić do tego, aby moje pióro określało swoją pozycję niezgodnie z prawdą. [...] Wpatrując się w twarz tego miasta przez siedemnaście zim, zyskałem już zapewne zdolność do machnięcia czegoś całkiem przekonującego w stylu Poussina: do namalowania podobizny Wenecji, jeśli nie w czterech porach roku, to w czterech porach dnia⁸.

„Władza oka” w postrzeganiu przestrzeni weneckiej mimo że wydaje się bezsporna, nie oznacza, że miasto to nie wysyła innych bodźców zmysłowych. Dźwięk, choć zdominowany przez obraz i pozbawiony absolutnej władzy nad oczarowanym niezwykle widokami obserwatorem, wydaje się interesującą i złożoną oraz, jak zauważa Czaja, „żywą i niezwykle istotną znaczeniowo częścią szeroko rozumianej weneckiej semiosfery”⁹. Odbiorcy wrażliwi audialnie wychwytyją i rejestrują osobliwości weneckiej przestrzeni dźwiękowej, która wraz ze sferą wrażeń wzrokowych, zapachowych i dotykowych składa się na całość doświadczenia sensorycznego, przyczyniając się do powstania określonej wizji miasta. Badacz, analizując kilka wybranych utworów, dochodzi do wniosku, że dźwięki w nich obecne tworzą specyficzną dla miasta audiosferę:

geniusz dźwiękowej Wenecji polega na tym, że jest ona fenomenem całości. Idzie o to, że wszystkie wymienione elementy występują tu na ograniczonej i stosunkowo wąskiej przestrzeni. Więcej, mogą nawet wystąpić w jednym czasie! W dodatku wszystko dzieje się w przestrzeni zamkniętej. Wenecja działa jak rezonator, potężna studnia czuła na każdy najlżejszy odgłos pojawiający się w jej przestrzeni. [...] Dlatego tak trudno dokładnie i do końca je nazwać, dlatego piszący pozostają najczęściej na poziomie prostej rejestracji słuchowych wrażeń¹⁰.

W opowieści Diny Rubiny *Высокая вода венецианцев* sfera foniczna Wenecji oddziałuje na podmiot równie silnie jak sfera wizyj-

⁸ J. Brodski, *Znak wodny*, przeł. S. Barańczak, Zeszyty Literackie, Warszawa 2016, s. 18.

⁹ D. Czaja, *Szmary, szepty...*, s. 59.

¹⁰ Tamże, s. 68.

alna. Autorka w swoich „sonotopografiach” — opisach krajobrazów dźwiękowych, nie przedstawia dźwięków „zwyčajnych”, brzmienia codzienności, lecz przywołuje te charakterystyczne dla Wenecji zjawiska akustyczne, które odnieść można do zaproponowanej przez Raymonda Murraya Schafera¹¹ kategorii *soundmarks*, czyli dźwiękowych wizytówek, symboli, sygnatur danego miejsca. Tekst Rubiny z założenia nie jest pełnym i obiektywnym obrazem weneckiej audiosfery. Opisany w nim krajobraz audialny, podobnie jak pozostałe krajobrazy zmysłowe, został podporządkowany pewnym kodom kulturowym. Sposób, w jaki rejestrowane przez podmiot dźwięki korespondują z tradycyjnymi wyobrażeniami o Wenecji, wpisuje się w stale obecny w światowej weneccjanie motyw „miasta śmierci”.

Uważa się, że osadzony głęboko w wyobraźni europejskiej związek śmierci z Perłą Adriatyku ma źródło w utopijnej idei miasta na wodzie, tworu wzniesionego na przekór naturze i od jej kapryśków zależnego. Upadek Republiki Weneckiej w 1797 roku, obracające się w ruinę pałace oraz ciągle zagrożenie ze strony niszczycielskiego żywiołu morza utrwaliły w kulturze wizerunek miasta umierającego, miasta grobu, mauzoleum, cmentarza. Mniej więcej od połowy XIX wieku motywy tanatyczne i wanitatywne rozwijają się w tekście weneckim na dwóch płaszczyznach. Pierwsza z nich oparta jest na wyłaniającym się z wielu tekstów przekonaniu o kruchości Wenecji, jej efemeryczności i nieuchronności czekającej ją zagłady. Druga, bezpośrednio wynikająca z pierwszej, ma związek ze szczególnym typem bohatera literackiego, który Kazimierz Mrówka, znawca tematyki weneckiej, określa łacińską frazą *homo moribundus* — człowiek umierający. Mrówka o specyficznej więzi łączącej człowieka umierającego z Wenecją, więzi, której istotą jest ciągła walka ze śmiercią, chwiejne, niepewne zawieszenie pomiędzy istnieniem i unicestwieniem. Ten stan tragicznego trwania na styku karnawałowej radości życia i chaosu śmierci interpretuje on w odniesieniu do heraklitejskiej jedności przeciwieństw: „zmagające się ze sobą przeciwieństwa nadają sobie nawzajem blasku — śmierć i życie nabierają w Wenecji pełni, wyrazistości, dosadności, podobnych do intensywności weneckiego światła

¹¹ Muzykolog Raymond Murray Schafer zapoczątkował w latach 70. badania nad szeroko pojętym środowiskiem dźwiękowym. Jest twórcą takich pojęć jak *soundscape* (krajobraz / pejzaż dźwiękowy), *earwitness* (autor wiarygodnego opisu pejzażu dźwiękowego) czy *soundmark*. Zob. R. Murray Schafer, *The Soundscape. Our Sonic Environment and the Tuning of the World*, Destiny Books, Rochester, Vermont 1994.

uwodzącego umysł artysty”¹². Odpowiada to tradycji literackiej, zgodnie z którą Wenecja przedstawiana jest jako miejsce, do którego na pewnym etapie podróży, często końcowym, trafiają osoby zagubione, w taki czy inny sposób nieszczęśliwe: tułacze, uciekinierzy, ludzie chorzy, starzy lub samotni:

Этот город близок и понятен уставшим, утратившим цель и смысл жизни, тем, кому остались только воспоминания о прошедшем, потому что и сама Венеция — тоже воспоминанье¹³.

Miasto, niczym swego rodzaju „lustro psychologiczne”¹⁴, odzwierciedla przeżycia tych, którzy utracili wiarę w przyszłość i szukają ukojenia. Można w tym kontekście przywołać postać rewolucjonisty Insarowa z powieści *W przededniu* (*Накануне*, 1860) Iwana Turgiriewa, Milly Theales, bohaterkę *Skrzydeł gołębiczy* (*The Wings of the Dove*, 1902) Henry’ego Jamesa, Gustava Aschenbacha ze *Śmierci w Wenecji* (*Der Tod in Venedig*, 1913) Tomasza Manna, a z literatury najnowszej — trójkę outsiderów z powieści *Смерть современных героев* (1992) Eduarda Limonowa czy poetę Stasa Perfeckiego z utworu Jurija Andruchowycza *Perwersja* (*Перверзия*, 2004). W literaturze rosyjskiej tego rodzaju sposób przedstawiania Wenecji zaczyna kształtować się już w połowie XIX wieku i dominuje w liryce¹⁵. Lew Łosiew zauważa, że „старость, воспоминания о утратах, близость конца” to motywy charakterystyczne dla późnych utworów weneckich Piotra Wiaziemskiego¹⁶. Z kolei autorzy artykułu *Венеция в русской поэзии XIX — XX веков* za pierwszy utwór, w którym w pełni ujawnia się korelacja między obrazem miasta a stanem emocjonalnym i losem bohatera lirycznego, uważają wiersz Apollona Grigoriewa *Venezia la bella* (1857)¹⁷. Źródeł tego modelu obrazowania miasta należy szukać w sposobie, w jaki Wenecja oddziaływała i wciąż oddziałuje na przybysza, budząc w nim uczucie melancholii, wzruszając widokiem więdnącego piękna i zgasłej potęgi, prowokując myśli o śmierci.

Otoczająca Wenecję mistyczna aura wabi nad lagunę Insarowa z powieści Turgiriewa, postaci wykreowane przez Manna, Jamesa,

¹² K. Mrówka, *Wenecja*, Wydawnictwo Formicula, Kraków 2009, s. 125.

¹³ М. Гладышева, А. Криницын, *Венеция в русской поэзии XIX — XX веков*, „Litera” 2018, nr 1, https://www.e-notabene.ru/fil/article_25264.html (27.03.2019).

¹⁴ Н. Е. Меднис, *Венеция в русской...*

¹⁵ М. Гладышева, А. Криницын, *Венеция в русской поэзии...*

¹⁶ Л. Лосев, *Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского...*

¹⁷ М. Гладышева, А. Криницын, *Венеция в русской поэзии...*

a także parę zakochanych z opowiadania *Biała noc miłości* Gustawa Herlinga-Grudzińskiego oraz bohaterów utworów Lecha Majewskiego, Jurija Andruchowycza czy Eduarda Limonowa. Powieść *Metafizyka* Majewskiego oraz będący przedmiotem niniejszej analizy utwór *Высокая вода венецианцев* Diny Rubiny wykorzystują podobny schemat fabularny — oba teksty przedstawiają wędrówkę po Wenecji jako swego rodzaju rytuał odejścia, inicjację w śmierć. Zasadniczą oś tematyczną tych dzieł stanowi duchowy związek umierającego człowieka z umierającym miastem. Bohaterki obu tekstów chorują na raka i pod wpływem odbierającej nadzieję diagnozy postanawiają udać się do Wenecji. Przebywanie i poruszanie się po tej jakby zawieszonyj między światami, widmowej, fantasmagorycznej krainie przynosi ukojenie, pociesza, przygotowuje do tego, co nieuchronne. Katarzyna Szalewska nazywa ten sposób przemieszczania się bohatera literackiego po mieście „pielgrzymowaniem”. Przeciwstawia je dryfowaniu, które z założenia jest bezcelową włóczęgą, błędzeniem. Pielgrzymowanie zaś zakłada cel — jest wędrowaniem ku śmierci¹⁸. W utworze Rubiny ważną rolę w tym osobliwym misterium śmierci pełni sfera dźwięków, będąca swego rodzaju medium, za pomocą którego miasto porozumiewa się z bohaterką.

Opowieści *Высокая вода венецианцев* charakteryzuje się nietypową dla tekstu weneckiego zmysłową różnorodnością. Świat przedstawiony utworu, w równym stopniu co kształty i kolory, wypełniają dźwięki. Nierzadko pojawiają się w nim zapachy. Sfera akustyki przestrzeni weneckiej jest szczególnie bogata. Bohaterka utworu, postać sensualnie i estetycznie wrażliwa, zwraca uwagę na pojawiające się w jej otoczeniu dźwięki: śpiew i okrzyki gondolierów, bicie dzwonów, muzykę organową, odgłosy codzienności. Synergia wrażeń wizualnych i dźwiękowych wywołuje silną reakcję emocjonalną podmiotu percepcji, spotęgowaną dodatkowo świadomością zbliżającej się śmierci. Sytuacja psychologiczna, w której znajduje się kobieta, zmienia sposób odbierania bodźców sensualnych. Można przypuszczać, że doświadczenie Wenecji, w tym jej audiosfery, w innych okolicznościach, nie naznaczonych widmem choroby, miałoby zgoła inny charakter, bardziej powierzchowny, konwencjonalny, pozbawiony głębszego znaczenia, chciałoby się rzec rozrywkowy, „turystyczny”. Dotyczy to zwłaszcza pieśni wykonywanych przez gondolierów. Istnienie profesji gondoliera w czasach współczesnych nie wiąże się

¹⁸ K. Szalewska, *Urbanalia — miasto i jego teksty*, Słowo/obraz terytoria, Gdańsk 2017, s. 73–74.

w żaden sposób z realnymi potrzebami mieszkańców miasta. Z powodzeniem zastępują oni gondole motorówkami i tramwajami wodnymi. Śpiew gondoliera, służący obecnie jedynie celom komercyjnym, jest więc niekiedy postrzegany jako zjawisko trywialne, uwłaczające wyrafinowanym gustom.

Над водой разносилась надрывная «Бесамемучо»... — О-и! — крикнул gondolier перед тем, как завернуть за угол дома напротив, оттолкнулся от стены ногой в крассовке и, выровняя гондолу, запел еще надрывнее — работал на туристов¹⁹.

Wzmianka o sportowym obuwiu gondoliera, niewspółgrającym z potocznym, „romantycznym” wyobrażeniem o nim, ujawnia zdystansowany, a nawet nieco pobłażliwy stosunek bohaterki utworu do tego faktu. Podobną funkcję mają słowa „работал на туристов”, które jednoznacznie sugerują, że „przejmujący śpiew” wioślarza, jest według kobiety jedynie sposobem przyciągnięcia uwagi potencjalnych klientów. Analizując kolejne zdania utworu, można jednak zauważyć, że o ile ten komentarz cechuje pewna ironia, to następująca po nim gwałtowna, emocjonalna reakcja postaci stoi w całkowitej sprzeczności z postawą prześmiewcy czy choćby trzeźwego obserwatora:

Она отпрянула от окна, сказав себе: — Нет, этого не может быть! Дикая мысль, что ее послали сюда затем чтобы... ступить, шагнуть с подоконника посреди этих оперных декораций — уйти на дно лагуны, раствориться в гобеленовой пасторали лодочек и гондол, исчезнуть ... словом, отколоть номерок²⁰.

Gwałtowna reakcja emocjonalna bohaterki stoi w opozycji do charakteru postrzeganych przez nią elementów otoczenia. W obrazowaniu dominuje pierwiastek prześmiewczy, o czym świadczy użycie wyrażen „оперные декорации” i „гобеленовая пастораль лодочек и гондол”, sugerujących, z jednej strony, pewną teatralność, czy nawet pretensjonalność, z drugiej, naiwną idylliczność obserwowanej sceny. Jednocześnie słyszane dźwięki nieoczekiwanie dla samej bohaterki silnie oddziałują na jej uczucia, co ma niewątpliwie źródło w trawiącym ją lęku tanatycznym. W obliczu śmierci podziały na to, co wyrafinowane i eleganckie oraz to, co pospolite i nieoryginalne,

¹⁹ Д. Рубина, *Высокая вода венецианцев*, Litres, Москва 2017 (цифровое издание).

²⁰ Тамże, s. 15.

tracą sens. Pieśń gondoliera nie jest więc odbierana przez pryzmat „dobrego smaku”, lecz poprzez zawarty w niej ładunek emocjonalny. Popularna piosenka siłą oddziaływania wyzwala tłumioną rozpacz, a następnie przynosząc ulgę, oczyszczając, sugeruje remedium — samobójstwo, szybkie i łatwe pozbycie się psychicznej udręki, jaką jest świadomość długiego i upokarzającego umierania.

Podobną, być może nawet silniejszą reakcją emocjonalną bohaterki wywołuje wykonywane na organach kościoła San Giorgio Maggiore *Preludium* Bacha:

И вдруг вся мощь басов тридцатидвухфутовых труб органа потрясла церковь от купола до каменных плит пола: ошалелый восторг, слезный спазм, дрожь перед чем-то непроизносимо великим, как воды, прорвавшие дамбу, — обрушились на нее, и в какой-то миг этого разрывавшего ее счастья она поняла, что мечтает сейчас же, немедленно уйти на дно лагуны, сидя на этой вот скамье, в этой церкви, вместе с ее великолепным куполом и колокольней, статуями, картинами Тинторетто...²¹

Towarzyszące słuchaniu organów uczucie zostaje zestawione z obrazem rzeki przerywającej tamę. Woda, przez wielu pisarzy przedstawiana jako istota Wenecji i jednocześnie jej największy wróg, jest kluczowym symbolem tanatycznym światowej weneccjany. Jej ciemną otchłań Paweł Muratow nazwał wodami Lety — wodami zapomnienia²². Peter Ackroyd dostrzega w niej źródło owej „fatalnej siły przyciągania”, która sprawia, że do Wenecji przybywają ci, którzy szukają ucieczki, azylu i pocieszenia w obliczu śmierci²³. Kazimierz Mrówka pisze, że woda jest zwierciadłem, w którym Wenecja przegląda się, „kontemplując kostuchę”²⁴. W utworze Rubiny woda występuje pod postacią *aqua alta*, cyklicznej powodzi, zwiastującej miastu los mitycznej Atlantydy. Bohaterce utworu wizja potopu jawi się, z jednej strony, jako zjawisko fascynujące, a nawet urzekające, z drugiej zaś, jako budzący grozę apokaliptyczny chaos. „Ошалелый восторг, слезный спазм, дрожь перед чем-то непроизносимо великим”²⁵ — takimi słowami opisuje ona uczucie wywołane dźwiękami utworu Bacha, które, przywołując obraz rozszalałego żywiołu, po raz kolejny wzywają do „pogrążenia się w wody laguny”. Myśl

²¹ Tamże, s. 23.

²² P. Muratow, *Obrazy Włoch. Wenecja*, przeł. P. Hertz, Zeszyty Literackie, Warszawa 2009, s. 11.

²³ P. Ackroyd, *Wenecja. Biografia*, przeł. T. Bieroń, Zysk i S-ka, Poznań 2015, s. 344.

²⁴ K. Mrówka, *Wenecja...*, s. 113.

²⁵ Д. Рубина, *Высокая...*, s. 23.

o połączenia własnego losu z losem umierającego miasta podnosi na duchu, kusi uniknięciem tego, co w śmierci najbardziej przerażające — samotności.

Należy zauważyć, że zarówno w kontekście pieśni gondoliera, jak i *Preludium* pojawia się wzmianka sugerująca związek omawianych zdarzeń akustycznych z mistycznym, nadprzyrodzonym oddziaływaniem Wenecji na człowieka umierającego, którego miasto zdaje się wzywać do siebie, przyciągać, mamić. „Мысль, что ее послали сюда” niepokoi bohaterkę obserwującą scenę z gondolierem. Ponownie refleksja ta nawiedza ją kościele San Giorgio Maggiore:

а может быть, ее приволокли сюда именно из сострадания — показать райские картины, подать некий успокаивающий, уливающийся знак: мол, не бойся, не бойся, дорогая²⁶.

Poczucie związku duchowego łączącego chorą kobietę ze skazanym na zagładę miastem najsilniej ujawnia się jednak w porze uaktywnienia się dzwonnicy weneckich kościołów.

Wzmianki o dźwięku dzwonów pojawiają się w opowieści kilka razy. Na zasadzie kontrastu ze „statecznymi”, „potężnymi” dzwonami Amsterdamu, dźwięk ten zostaje określony jako iluzoryczny, nierealny, który w zestawieniu z wodą — drżącym zwierciadłem ukazującym jakby inną rzeczywistość — wpisuje się w obraz „miasta nie z tego świata”, miasta fantasmagorii:

Странно отличается здешний колокольный звон от такового в Амстердаме. Там — устойчивость, могучая основательность бюргеров. Здесь — мираж, отражение в воде канала, вопрошающий гул рока...²⁷

Wieczne bicie weneckich dzwonów zostaje nazwane *pieriezwo-nem*. W tradycji cerkiewnej terminem tym określa się kolejne uderzenia w różnej wielkości dzwony, które rozbrzmiewając, wygrywają szczególnie koncert. Wenecki *pieriezwon* jest jednakże polirytmiczny, sprawia wrażenie kakofonii:

Опять заговорили жалобно, перебивая друг друга, колокола соседних церквей, им отвечал с Сан-Марко ровный гуд, на фоне которого всплескивали верхние колокола²⁸.

²⁶ Tamże, s. 25.

²⁷ Tamże, s. 30.

²⁸ Tamże, s. 38.

Сначала ударили на колокольне Сан-Марко, и минуты две на одной гудящей ноте гул раскачивал сам себя, потом с колокольни одной из соседних церквей — Сан Джулиано, или Санта-Мария Формоса стали выпадать равномерные густые басы, иногда роняя невпопад какие-то случайные бимы и бомы²⁹.

Na nieuporządkowany charakter melodii dźwięków wskazują epitetu „случайный” oraz „невпопад”. Przymiotnik sugeruje przypadkowość i nieprzewidywalność zdarzenia akustycznego, przysłówki zaś jego nietrafność, omyłkowość lub też niestosowność. Podobną funkcję pełnią sformułowania „колокола заговорили, перебивая друг друга” i „колокола всплескивали”, które pogłębiają metaforyczność opisu. Imiesłów „перебивая” w zestawieniu z czasownikiem „заговорили”, nawiązując do rozmowy prowadzonej w sposób emocjonalny, gwałtowny i chaotyczny, odnosi się do grupy dźwięków możliwych do zaobserwowania jedynie w obszarze działalności człowieka. Słowo „всплескивать” ma związek z odgłosami wydawanymi przez wodę lub inną substancję ciekłą w momencie zaburzenia statyczności jej powierzchni, wskazuje więc na zakłócenie pewnej równowagi czy też utratę płynności.

W tym kontekście warto zaznaczyć, że na kakofoniczny charakter weneckiego *pieriezwonu* zwrócił uwagę także Jarosław Iwaszkiewicz. W *Opowiadaniu z kotem* (1964) zawarł opis wieczornego „koncertu” dzwonów, zaznaczając, że chaotyczność dźwięków dochodzących z dzwonnicy Wenecji wyróżnia to miasto na tle innych:

W tej chwili uderzyły dzwony. Jak to w Wenecji, nie jednocześnie i nieporządnie. Miedziany głos u prawosławnego świętego Jerzego, potem u świętego Marka, jak sygnaturka, a potem wszystkie. Ale nie były razem, akordami, lecz odzywały się do siebie jak kukułki w lesie, to tu, to ówdzie. W dali uderzył potężny ton raz jeden, a bliżej dzwony dzwoniły w rozsypanego³⁰.

Wielowarstwowość opisu sfery fonicznej, zawierającego chociażby rozróżnienie dźwięku dzwonów poszczególnych kościołów, wyraźna jest w utworach obojga pisarzy. Ma to niewątpliwie związek z faktem, że zarówno Rubina, jak i Iwaszkiewicz otrzymali wykształcenie muzyczne³¹, co uwrażliwiło tych twórców na nieuchwytnie dla prze-

²⁹ Tamże, s. 27.

³⁰ J. Iwaszkiewicz, *Opowiadanie z kotem*, w: tegoż, *O psach, kotach i diabłach*, Czytelnik, Warszawa 1968, s. 37.

³¹ Jarosław Iwaszkiewicz pobierał pierwsze lekcje gry na fortepianie już we wczesnym dzieciństwie. W latach 1912–1918 studiował w konserwatorium w Kijowie.

ciężnego człowieka subtelności obecne w przestrzeni dźwiękowej. W utworach Josifa Brodskiego, który poświęcił Wenecji znaczną część swojej twórczości, opisy niedzielnego *pieriezwonu*, mimo ich obrazowości, nie są już tak szczegółowe „muzykologicznie”. Podmiot liryczny w wierszu *Лагуна* (1973) nie słyszy pojedynczych dźwięków, lecz odbiera je jako brzęczącą, wibrującą całość — i to właśnie ta całość wpływa na jego stan emocjonalny. Dina Rubina natomiast zwraca uwagę nie tylko na psychoakustyczne oddziaływanie dźwięków dzwonu na podmiot percepcji, ale także na ich barwę, wysokość czy współbrzmienie. W opisach tych łączy terminologię muzyczną z obrazowaniem poetyckim, aby przekonująco przedstawić stan uczuciowy bohaterki:

звонарь Сан-Марко, торопясь, перебрал подряд все колокола вверх и в обратном порядке — по малым терциям, да по малым септимальм, — терзая сердце жалобными протяжными вопросами³².

W *Opowiadaniu z kotem* Iwaszkiewicz akcentuje chaotyczność dźwięku dzwonów poprzez porównanie ich do odgłosów wydawanych przez kukułki, w utworze Rubiny bicie dzwonów zostaje nazwane rozmową, w związku z czym można mówić nawet o personifikacji idiofonu („колокола заговорили”), a nawet całej dzwonnicy:

И долго разговаривали колокольни окрестных церквей, перебивая друг друга, вскрикивая, захлебываясь лепетом маленьких колоколов, увязая, как в киселе, в тревожном густом гуле³³.

Fragment ten stanowi rozbudowaną metaforę, której celem jest przedstawienie zależności znaczeniowej między weneckim *pieriezwonem* i gwałtowną, emocjonalną, żywiołową dyskusją. Wskazuje na to użycie imiesłowów „перебивая”, „вскрикивая” i „захлебываясь”, a także rzeczownika „лепет”, oznaczającego mowę niewyraźną, niezrozumiałą, bełkotliwą lub gaworzenie niemowlęcia.

Obdarzanie dzwonów cechami ludzkimi jest dość częstym zabiegiem literackim, wywodzącym się z wierzeń ludowych. Dzwonom

Zob. G. Piotrowski, *Fortepian ze Sławska. Muzyka w prozie fabularnej Jarosława Iwaszkiewicza*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2010, s. 22–24. Dina Rubina ukończyła Specjalistyczną Szkołę Muzyczną przy taszkienckim konserwatorium, w której uczyła się gry na fortepianie. Zob. <http://www.dinarubina.com/biography.html> (28.03.2019).

³² Д. Рубина, *Высокая...*, s. 27.

³³ Tamże, s. 27.

przypisywano właściwości apotropaiczne, uważano je za istoty uduchowione, władające mocą magiczną, zdolne przepędzić zło. Źródłem takiej antropomorfizacji można doszukiwać się również w tradycji chrześcijańskiej, zgodnie z którą nowo odlany dzwon chrzczono i nadawano mu imię, jego dźwięk zaś nazywano głosem lub mową³⁴. Inskrypcje umieszczane na dzwonach kościelnych sugerowały, że autorem przekazu jest sam dzwon: „Chwałę prawdziwego Boga, zwołuję lud, gromadzę duchownych, oplakuję zmarłych, oddalam zarazę, zdobię świat, głos mój jest postrachem wszelkich demonów”³⁵.

W utworze Rubiny takie sformułowania jak „жалобный, протяжный вопрос”, „вопрошающий гул рока”, „вопросительный протяжный стон” określają intonację „głosu dzwonów”. W tych przypadkach zastosowanie zabiegu antropomorfizacji wskazuje na rodzaj relacji między narratorem i bohaterem. Mimo że narracja prowadzona jest w trzeciej osobie, podmiotem percepcji jest bez wątpienia postać doktor Łurie, a opisywane dźwięki można uznać za projekcję jej uczuć. Postrzeganie przez bohaterkę dźwięku dzwonu jako wypowiedzi człowieka, który pyta, prowokuje i wzywa, wynika z jej stanu emocjonalnego i potrzeby refleksji egzystencjalnej. Przyjazd do Wenecji ma bowiem ułatwić znalezienie odpowiedzi na pytania jak zachować się w obliczu ciężkiej choroby i prawdopodobnej śmierci, jak poradzić sobie ze strachem i bólem, jak przygotować bliskich na swoją śmierć. Atmosfera „miasta śmierci” sprzyja takim przemyśleniom, co w omawianym utworze wyraźnie widać także w momentach uaktywnienia się przestrzeni dźwiękowej. Słuchanie śpiewu gondolierów, wykonywanego na organach *Preludium* Bacha oraz wieczornego „koncertu” dzwonów wpływa na stan psychiczny bohaterki, potęgując jej reakcję emocjonalną: z jednej strony rodzi uczucie zachwyty i wzruszenia pięknem, z drugiej wywołuje przerażenie i rozpacz.

W opowieści dzwony Wenecji mają zdolność przywoływania widm przeszłości, ożywiania wspomnień, wyrażają rozpacz, strach i tęsknotę, co potwierdza barwa ich dźwięku, opisana za pomocą epitetów „густой”, „гудящий”, „жалобный”, „тревожный”, „изматывающий”, „терзающий сердце”. Dźwięk dzwonów oplata miasto niewidzialną siecią, wypełnia je, faluje, płynie, innymi słowy zdaje się konkretyzować pod postacią płynnego żywiołu, co może mieć związek

³⁴ G. Guźlak, *Dzwony. Ich funkcje kulturowe w literaturze i obyczajach XIX–XX wieku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz 2011, s. 59, 62.

³⁵ J. Nowiński, *Dzwon w tradycji i kulturze Europy*, „Seminare” 1995, nr 11, s. 203.

z multisensorycznym postrzeganiem rzeczywistości przez człowieka, który odbiera świat holistycznie, nie oddzielając wrażeń słuchowych od wzrokowych. Ponieważ w utworze Rubiny źródło dźwięku (dzwony), nie jest widoczne, podmiot percepcji zastępuje jego obraz, podobnie jak podczas słuchania organów, wizją wody, również silnie naznaczonej symboliką tanatyczną:

Он качался и плыл в колеблющихся сумерках, как тяжелая вода каналов³⁶, раскачивалась невидимая сеть, опутывала шпили, крыши, купола, каналы...³⁷

Powyższe oraz cytowany wcześniej fragmenty, mówiące o dzwonnicy Santa Maria-Formosa, z której „wypadały” gęste basy, „upuszczające” przypadkowe „bimy i bomy”, potwierdzają tezę o synestezyjnym odbieraniu bodźców zmysłowych przez podmiot percepcji, który postrzega dźwięk nie tylko jako wrażenie słuchowe, ale także jako przedmiot widzialny i posiadający odczuwalny przez człowieka ciężar.

Zastosowane przez autorkę zabiegi miały najwyraźniej na celu nadanie Wenecji rangi równoprawnego bohatera utworu, potraktowanie jej jako istoty ożywionej, posiadającej głos, lecz będącej jednocześnie swego rodzaju eksterioryzacją rozterek duchowych postaci literackiej. „Głos Wenecji”, ujawniający się jako dźwięk dzwonów, wydaje się wzywać bohaterkę, nawoływać ją, dręczyć, nakłaniać do zaakceptowania własnego losu, który okazuje się zbieżny z losem miasta:

Этот город [...] был так же обречен, как и она, а разница в сроках — семь месяцев или семьдесят лет — ... такая чепуха для бездушного, безграничного времени! И это предощущение нашей общей гибели, общей судьбы, вот что носится здесь, над водой каналов³⁸.

Analiza motywów tanatycznych i wybranych elementów krajobrazu dźwiękowego Wenecji w opowieści Diny Rubiny *Высокая вода венецианцев* potwierdza postawione na wstępie hipotezy.

Przestrzeń Wenecji jest przestrzenią „wzrokocentryczną”. Świadczy o tym nie tylko fakt, że piszący o Wenecji nie konstruują szczegółowych opisów audiosfery, ale również opinie i refleksje wielu z nich,

³⁶ Д. Рубина, *Высокая...*, s. 27.

³⁷ Там же, s. 38.

³⁸ Там же, s. 38.

mówiące o dominacji zmysłu wzroku w postrzeganiu przestrzeni miasta i szczególnego rodzaju „malarzkości” Wenecji, skłaniającej obserwatora do spoglądania na nią oczami artysty malarza. Wyjątkami są pisarze szczególnie wrażliwi na sensoryczną różnorodność przestrzeni, z reguły posiadający zawodowe kompetencje związane z używaniem jednego ze zmysłów. Dina Rubina, posiadająca, podobnie jak Jarosław Iwaszkiewicz, wykształcenie muzyczne, przywiązuje większą wagę do zjawisk dźwiękowych niż inni autorzy tekstów o tematyce weneckiej.

Wenecja w utworze przedstawiona została zgodnie z tradycją literacką, w której miasto kojarzone jest z takimi zjawiskami jak „śmierć”, „choroba”, „przemijanie”. Również percepcja przestrzeni dźwiękowej przez podmiot, czyli bohaterkę opowieści, ukształtowana została przez tego rodzaju kod kulturowy. Pejzaż dźwiękowy, będący źródłem ważnych bodźców sensorycznych, wywołuje silną reakcję emocjonalną bohaterki. Pełni również rolę „głosu miasta”, w którym wyraża się specyficzna więź umierającej kobiety z „umierającą” Wenecją.

Analiza opisów dźwięków umieszczonych w tekście Rubiny nasuwa jeszcze jeden wniosek:

wrażeniom akustycznym towarzyszą w utworze wrażenia wizualne, a nawet dotykowe. Ludzkie sensorium działa bowiem holistycznie: człowiek często reaguje na poszczególne zjawiska wszystkimi zmysłami. Można więc mówić o specyficznej polisensoryczności przedstawionych w utworze sonotopografii.

REFERENCES

- Ackroyd, Peter. *Wenecja. Biografia*. Trans. T. Bieroń. Poznań: Zysk i S-ka, 2015.
- Brodski, Josif. *Znak wodny*. Trans. S. Barańczak. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2016.
- Czaja, Dariusz. „Szmary, szept, krzyki. Muzyka wenecka.” 57–69. *Prace Kulturoznawcze* 2012, no. 13.
- Gładysheva, Mariya, and Krinitsyn, Aleksandr. “Venetsiya v russkoy poezii XIX — XX vekov.” *Litera* 2018, no. 1. 27 March 2018 <https://www.e-notabene.ru/fil/article_25264.html> [Гладышева, Мария, Криницын, Александр. “Венеция в русской поэзии XIX — XX веков”, *Litera* 2018, no. 1. 27.03.2109 <https://www.e-notabene.ru/fil/article_25264.html>].
- Górny, Konrad. “Antropologia, współczesności czy kultury?” *Zeszyty Etnologii Wrocławskiej* 2016, no. 1.
- Guźlak, Gerard. *Dzwony. Ich funkcje kulturowe w literaturze i obyczajach XIX–XX wieku*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2011.
- Iwaszkiewicz, Jarosław. “Opowiadanie z kotem.” Idem. *O psach, kotach i diabłach*. Warszawa: Czytelnik, 1968.

MOTYWY TANATYCZNE I AUDIALNE...

- Iwaszkiewicz, Jarosław. *Podróże do Włoch*. Warszawa: PIW, 1997.
- Losev, Lew. "Real'nost' zazerkal'ya: Venetsiya Iosifa Brodskogo." *Inostrannaya literatura* 1996, no. 5, 28 March 2019 <<http://magazines.russ.ru/inostran/1996/5/losev.html>> [Лосев, Лев. "Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского." *Иностранная литература* 1996, no. 5. 28.03.19. <<http://magazines.russ.ru/inostran/1996/5/losev.html>>].
- Mednis, Nina. *Venetsiya v russkoy literature*. Novosibirsk 1999 <<https://libking.ru/books/sci-/sci-philology/457906-nina-mednis-venetsiya-v-russkoy-literature.html>> [Меднис, Нина. *Венеция в русской литературе*, 12.11.2019 <<https://libking.ru/books/sci-/sci-philology/457906-nina-mednis-venetsiya-v-russkoy-literature.html>>].
- Mrówka, Kazimierz. *Wenecja*. Kraków: Wydawnictwo Formicula, 2009.
- Muratow, Paweł. *Obrazy Włoch. Wenecja*. Trans. P. Hertz. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2009.
- Nowiński, Janusz. "Dzwon w tradycji i kulturze Europy." *Seminare* 1995, no. 11.
- Piotrowski, Grzegorz. *Fortepian ze Sławska. Muzyka w prozie fabularnej Jarosława Iwaszkiewicza*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2010.
- Rubina, Dina. *Vysokaya voda venetsiantsev*. Moskva: Litres, 2017 (digital edition) [Рубина, Дина. *Высокая вода венецианцев*, Москва: Litres, 2017 [цифровое издание].
- Rybicka, Elżbieta. "Od poetyki przestrzeni do polityki miejsca. Zwrot topograficzny w badaniach literackich." Eadem. *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Universitas, 2014.
- Schafer, Raymond Murray. *The Soundscape. Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester, Vermont: Destiny Books, 1994.
- Smirnov, Gleb. *Metafizika*. Moskva: OGI, 2017 [Смирнов, Глеб. *Метафизика*. Москва: ОГИ, 2017]
- Szalewska, Katarzyna, *Urbanalia — miasto i jego teksty*. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 2017.
- Tsiv'yan, Tat'yana. "'Zolotaya golubyatnya u vody...' Venetsiya Akhmatovoy na fone drugikh russkikh Venetsiy." Eadem. *Semioticheskiye puteshestviya*. Sankt-Peterburg: ID Ivana Limbakha, 2001: 40–50. [Цивьян, Татьяна. "'Золотая голубятня у воды...' Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций. Eadem. *Семиотические путешествия*, Санкт-ПетербургИ: ИД Ивана Лимбаха, 2001: 40–50.]

ТАТЬЯНА ПЕТРОВА

Харьковский национальный аграрный университет имени В.В. Докучаева, Украина

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9534-9891>

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МЕТАЯЗЫКЕ СЛАВЯНСКОЙ ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

TERMINOLOGICAL PARALLELS IN THE METALANGUAGE OF SLAVIC TERMINOGRAPHIC CRITICISM

The article deals with the issues related to the formation of terminographic criticism as an independent section of terminography. There are no clear boundaries in the metalanguage of terminographic criticism. We conclude that the terminological parallels in the synchronously compared Slavic metalanguages of this direction are formally identical, with absolutely the same semantic structures. It is established that Ukrainian and Belarusian meta-units more often coincide in form than Russian and Polish terms do. In the metalanguage of Slavic criticism, which is under consideration, foreign units prevail. The metalanguage of Ukrainian criticism is rich in synonyms; it is characterized by single intralinguistic homonymy. The identity of the Ukrainian metalanguage, in contrast to the Russian and Belarusian languages, tends to preserve the traditions of national term formation and to adapt borrowed units.

Keywords: terminological parallels, terminographic criticism, terminography, metalanguage, meta-unit, metalanguage of slavic terminographic criticism.

Исследованию различных аспектов критики лексикографических изданий посвящаются международные научные конференции, регулярные заседания Комиссии по лексикологии и лексикографии Международного комитета славистов, а также научные сборники, журналы и т.д. В частности, на страницах издания *Критика у слов'янській лексикографії* (Киев, 2013) ученые Украины, Белоруси, Польши, России, Сербии, Словении, Хорватии подробно информируют о результатах исследований, касающихся (а) критики неспециальных словарей в диахронии и синхронии, а также (б) методов и принципов оценивания разных типов словарей.

В зарубежном международном ежегоднике по лексикографии *Wörterbuchkritik — Dictionary Criticism. Series: Lexicographica*

(Berlin–Munich–Boston, 2017) ученые Польши, Германии, Дании и других стран также обсуждают вопросы, связанные с выяснением достоинств и недостатков общеязыковых словарей, т.е. лексикографической критики. Так, Руфус Х. Гоус рассматривает словарную критику («dictionary criticism») в более широком контексте критики как жанр, а также как компонент общей теории лексикографии, утверждая, что цель словарной критики — оценивать и положительные, и отрицательные стороны словарей. По его мнению, особенно важно, что словарная критика должна стать частью всесторонней словарной культуры («dictionary culture»)¹.

Ева Мырчек-Кадлубицкая проанализировала содержание рецензий на словари в польских научных лингвистических журналах за последние 15 лет и пришла к выводу, что большинство критических публикаций посвящены специальным одноязычным словарям, оценивая которые, польские рецензенты в основном применяют критерий правильности («criterion of correctness»)².

Терминографическая критика, как видим, все еще не стала объектом изучения широких научных кругов, что свидетельствует о необходимости обращения на нее должного внимания.

Становление терминографической критики как самостоятельного научного направления непосредственно связано с развитием терминологической лексикографии, т.е. терминологии, из лона которой она вышла. Вне сомнения, ее формирование обусловлено эволюцией и продвижением научного знания как в целом, так и в области терминоведения, лексикографии, критики и под.

Напомним, что терминографическая критика — это интегральное, междисциплинарное научное направление, сформированное одновременно на базе научной критики, научной коммуникации и др., объединившее их особенности и допускающее научную дискуссию. Одновременно это и самостоятельный раздел терминологии, в пределах которого изучают специфику конкретных терминологических словарей, а также формы

¹ R. H. Gouws, *Dictionary criticism and dictionary critics*, «Wörterbuchkritik — Dictionary Criticism. Series: Lexicographica», ред. M. Bielińska, S. J. Schierholz, 2017, с. 33–50.

² E. Myrcek-Kadlubicka, *A survey of dictionary reviews in Polish learned journals of linguistics*, «Wörterbuchkritik — Dictionary Criticism. Series: Lexicographica», ред. M. Bielińska, S. J. Schierholz, 2017, с. 263–282.

и способы лексикографической репрезентации и упорядочения терминологического материала³. Терминографическая критика имеет развитую структуру (теория, история и практика терминографической критики), методы (лексикографического, количественного, сравнительного анализа и др.), задачи (экспертирование словарей по основным критериям их оценивания), объект (терминологический словарь), предмет (критика терминографических изданий), базовый жанр (рецензия на терминологический словарь), а также собственный понятийно-терминологический аппарат, то есть метаязык, теоретическое осмысление которого еще не было предметом специального изучения.

Исследование метаязыка современных терминосистем славянской терминографической критики начала XXI ст. является важным сегментом современных лингвистических учений в глобализованном междисциплинарном контексте.

Цель предлагаемой статьи — сравнить опорные единицы метаязыка украинской, русской, белорусской, польской терминографической критики в синхроническом измерении (начало XXI ст.), что позволит отследить национальную самобытность терминообразования и определить механизмы взаимодействия глобального и локального, универсального и самобытного, влияющие на формирование идентичности национального языка.

Развитие украинской терминографической критики как одного из разделов украинской терминографии основывается, естественно, на опыте лексикографической работы в СССР. После его распада и провозглашения в 1991 г. независимости стран этого союза (в частности Украины, Белоруси, России и др.) украинская, белорусская, российская критика словарей развивалась, с одной стороны, в едином русле, опираясь на выработанные положения до 1991 г. и придерживаясь традиций, а с другой, — отражая накопленные (за практически тридцатилетний период развития) собственные научные знания с учетом культурной самобытности национального языка науки.

Для интенсивного развития каждого научного направления, в частности и терминографической критики, необходимо систематизировать имеющиеся научные теоретические и практические знания. Мощным двигателем развития терминографиче-

³ Т.О. Петрова, *Українська термінографічна критика: від витоків до сучасності*, «Науковий вісник Нац. ун-ту біоресурсів і природокористування України. Серія: Філологічні науки» 2018, вип. 292, с. 210.

ской критики, вне сомнения, является деятельность научных школ, которые имеют разные типологические формы:

- а) научно-образовательная школа, то есть высшая школа; б) исследовательский коллектив; в) научное направление, имеющее при определенных социально-исторических условиях национальный или интернациональный характер»⁴.

Безусловно, существуют научные национальные терминологические школы и в Украине (например, это касается таких ученых, как Ирина Кочан, Тамила Панько, Виктория Иващенко, Людмила Симоненко и др.), и в России (к примеру, школы Бориса Головина, Сергея Гринева-Гриневича, Валерия Даниленко, Владимира Лейчика, Александры Суперанской, Сергея Шелова и др.), и в Белоруси (Любови Антонюк, Виктора Краснея, Марии Конюшкевич, Вячеслава Щербина, Светланы Шаховской и др.), и в Польше (Станислава Гайды, Марека Лукашика, Пшемислава Южвикевича, Лицины Янковяк и др.). Однако, как представляется, необходимо способствовать объединению талантливых ученых, исследователей и единомышленников в глобальную научную школу терминографической критики, весомые достижения которой будут приумножаться, сохраняя лучшие традиции. В Украине центральным руководящим органом мог бы стать Институт украинского языка, в частности отделение лексикологии и лексикографии, занимающееся сегодня актуальными вопросами терминографии.

Междисциплинарный характер взаимосвязи научных отраслей в период тотальной глобализации, синкретизм основных положений методологии и методики, спроецированных на пересечении проблем смежных наук, в частности терминографической критики и терминоведения (отслеживание соблюдения норм в терминологии и т. д.), терминографии (репрезентация синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии; описание дефиниции; упорядочение терминов отрасли и т. д.), лингвоаксиологии (категория оценки положена в основу критического изучения словаря), лингвистической экспертологии (разработка приемов и методов оценивания разных уровней структуры специального словаря — мега- (общего его построения), макро- (реестра тер-

⁴ Т. Космеда, *Функційне навантаження наукової мовознавчої школи в сучасному просторі університетської системи*, «Лінгвістичні студії» 2017, вип. 34, с. 177 (перевод — Т. П.).

минов) и микроструктуры (терминологической статьи) и др. обуславливают привлечение терминов этих смежных наук, а соответственно, отсутствие четких границ ее собственного метаязыка.

Вопрос изучения метаязыка описания объекта исследования — чрезвычайно важный и сложный, поскольку от точности определения содержания специального понятия и соответствующего его наименования, а также его узнаваемости зависят качество и ценность выполненной научной работы. Понятие метаязыка остается одним из наиболее важных в современной логике, математике, философии, методологии науки, семиотики и лингвистики. Феномен метаязыка находится в центре внимания и украинских, и зарубежных современных исследователей. Например, польский ученый Артур Вишневецкий в статье *Kilka uwag na temat obiektów odniesienia wyrażenia metajęzyk* справедливо отмечает, что «использование названия метаязык без определения способа его понимания, может привести к недоразумениям»⁵. Современная украинская лингвистика объясняет понятие «метаязык» как

язык научного или философского исследования, рассматривающий другой язык; «язык» другого порядка, особенная семасиологическая система, употребляемая в том случае, когда язык выступает как язык-объект изучения, как объект анализа; искусственный язык, утверждающий другой язык, служащий для описания языка как объекта исследования⁶ (перевод автор. — Т. П.).

В русской и польской научной литературе метаязык также, естественно, определяется как язык «второго порядка», то есть язык, служащий для описания языка-объекта. В этом случае объектом является содержание и выражения другого языка⁷. Составители польского *Małego słownika terminów teorii tekstu*

⁵ A. Wiśniewski, *Kilka uwag na temat obiektów odniesienia wyrażenia metajęzyk*, «Prace Językoznawcze Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie» 2014, z. XVI/3, s. 74. Здесь и дальше, если переводчик не указан, перевод — Т. П.

⁶ А. Загнітко, *Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни*. ДонНУ, Донецьк 2012, т. 2, с. 176.

⁷ См.: О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, 2-е изд., стер., УРСС, Едиториал УРСС, Москва 2004, http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm (12.04.2020); J. Lyons, *Semantyka*, т. 1, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1984, с. 15; *Encyklopedia PWN. Nauki ścisłe. Metajęzyk*, <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/metajęzyk;3939988.html> (17.03.2020).

Катаржина Вьрвас и Катаржина Суйковская-Собиш подчеркивают, что лингвистика адаптировала этот термин, введя его в дополнение такие единицы, как метатекст, функция метатекста, выражения метатекста и др.⁸. Отметим также, что со второй половины XX ст., со времени возникновения понятия «метатекст», вокруг него постоянно возникают научные дискуссии: обсуждаются разные подходы к его осмыслению (Анна Вежбицкая, Михаил Бахтин, Роман Якобсон и др.). Например, размышляя о термине метатекст, Анна Вежбицкая утверждает, что в каждом тексте имеется метатекст, ср.:

В высказывании переплетается текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда — нет⁹.

Проецируя приведенный тезис на исследуемую в этой статье проблему метаязыка терминографической критики, термин метатекст понимаем как специальный текст критической публикации — рецензии, написанный о терминологическом словаре метаязыком терминографической критики, с четкой композицией. Поскольку метаязык науки реализуется в ее метатексте, соответственно метатекст создают его метаединицы — терминологические единицы (термины-слова и термины-словосочетания), служащие для описания специального языка данного научного направления, то есть языка терминографической критики, и обозначающие ее метапонятия.

По наблюдениям автора этой статьи, изучение метаязыка терминографической критики усложняется фактом отсутствия словарей, которые бы содержали определенные метаединицы и их метапонятия. И в украинской, и в зарубежной терминографии, как представляется, возникла острая необходимость создания словаря терминографической критики. В связи с отсутствием справочных изданий по изучаемому научному направлению, материалом для анализа метаязыка послужили метатермины, изъятые из метатекстов — текстов научных статей (30 работ)

⁸ K. Wyrwas, K. Sujkowska-Sobisz, *Mały słownik terminów teorii tekstu*, Oficyna Wydawnicza Rytm, Katowice–Warszawa–Kraków 2005, с. 105.

⁹ А. Вежбицкая, *Метатекст в тексте*, «Новое в зарубежной лингвистике», 1978, вып. VIII: Лингвистика текста, с. 421.

и рецензий на терминологические словари на украинском, русском, белорусском и польском языках (50 публикаций)¹⁰.

Предположим, что терминологические поля терминографической критики разных языков являются параллельными, поскольку они развиваются в едином русле. Соответственно, предметом рассмотрения этой статьи является именно национально-культурное своеобразие метаязыка украинской терминографической критики. Отследить это позволит анализ терминологических параллелей в метаязыке терминографической критики славянских языков, представляющих собой лингвокультурный феномен и объединяющихся в одну систему лексическо-семантических сходств и отличий национальных языков.

Терминологические параллели в различных языках изучают современные украинские ученые (например, Елена Константинова — на материале англо-украинской терминологии налогообложения¹¹; Галина Наконечная — украинско-польско-русской

¹⁰ См. об этом, напр.: Т.А. Космеда, *Збагачення української лінгвістичної термінологічної лексикографії. Рец. на словник: Загнітко А.П. Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни (Текст) / Анатолій Панасович Загнітко: у 4 т., ДонНУ, Донецьк 2012. «Лінгвістичні студії», 2014, вип. 28, с. 194–198; Т.А. Космеда, *Новый учебный словарь (Kozdra M., Dubichynskiy W. Dydaktyczny słownik tematyczny rosyjsko-polskich paraleli leksykalnych. Leksyka kulinarna (rzeczownik). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 202 s. / Коздра М., Дубичинский В. Учебный тематический словарь русско-польских лексических параллелей. Кулинарная лексика (имена существительные). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 202 с.), «Лінгвістичні дослідження», 2020, вип. 52, с. 236–241; Т. О. Петрова, *Теоретико-практичне значення рецензій на українські термінологічні словники кінця ХХ ст. — поч. ХХІ ст. «Проблеми загального і слов'янського мовознавства» 2019, № 3, с. 96–106; М. И. Чернышева, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Материалы для словаря Древнерусского языка» И. И. Срезневского (критический анализ), «Критика у слов'янській лексикографії. Паламарчуку Леоніду Сидоровичу», І.С. Гнатюк (упорядн.), 2012, с. 309–316; С.Д. Шелов, Л.В. Рычкова, *Об одном типе терминологических словарей и справочников, «Русский язык в научном освящении» 2017, № 2 (34), с. 250–273; В. Шчербин, *Асноўныя крытэрыі ацэнкі тлумачальных слоўнікаў (на матэрыяле беларускіх слоўнікавых рэцэнзій), «Критика у слов'янській лексикографії. Паламарчуку Леоніду Сидоровичу», І.С. Гнатюк (упорядн.), 2012, с. 433–439; М. Łukasik, *Polska szkoła terminograficzna, «Polskie i europejskie nurty terminologiczne» 2017, s. 26–69.******

¹¹ О. Константинова, *Англо-українські термінологічні паралелі в галузі оподаткування. «Studia slawistyczne. Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa», 2016, II, т. 3, с. 209–219.*

религиозной терминологии¹² и др.) и зарубежные лингвисты (например, Оксана Супринович — на материале белорусско-немецкой терминологии науки и техники, политики, культуры, искусства¹³; Динар Хайрутдинов — арабско-русско-английской географической терминологии¹⁴ и др.).

Терминологические параллели — внешне совпадающие терминологические единицы (термины, терминологические элементы) с совпадающими-несовпадающими семантическими структурами двух и более синхронически сравниваемых языков¹⁵. Терминологические параллели могут быть (а) полными (внешне совпадающие терминологическими единицами с абсолютно сходными семантическими структурами либо единичным совпадающим значением), (б) неполными (частичные совпадения семантической структуры) и (в) ложными (сходные по внешней форме единицы, но семантически не совпадающие с учетом всех терминологических и нетерминологических значений семантической структуры). Совпадающие в разных языках терминологические значения, как известно, называются интертерминами, а национально-специфические терминологические значения семантических структур сравниваемых терминологических параллелей — идиотерминами. Полные и неполные терминологические параллели можно отнести к интертерминам — это внешне сходные до степени отождествления терминологические единицы двух и более синхронически сопоставляемых языков — и близкородственных, и родственных, и неблизкородственных с полным или частичным совпадением семантических структур или единственным совпадающим терминологическим значением¹⁶. Фактически в ракурсе исследуемой проблемы ав-

¹² Г. Наконечна, *Українсько-польсько-російські термінологічні паралелі (на матеріалі релігійної літератури)*, «Вісник Нац. ун-ту 'Львівська політехніка'. Серія 'Проблеми української термінології'», 2002, № 453, с. 357–360.

¹³ О. Г. Супринович, *Лексические параллели в белорусском и немецком языках*, «Вестник Полоцкого государственного университета». Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание» 2014, № 10, с. 116–120.

¹⁴ Д. Р. Хайрутдинов, *Географическая терминология: арабские, русские, английские параллели*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических: 10.02.20, Казань, 2009.

¹⁵ В. В. Дубичинский, Т. Ройтер, *Теория и лексикографическое описание лексических параллелей*, Изд-во «Підручник НТУ «ХПИ»», Харьков 2015, с. 115.

¹⁶ Там же, с. 115.

тор статьи фокусирует внимание, прежде всего, на совпадающих терминологических параллелях в аспекте семантики, поскольку по формальным признакам, графической оболочке было бы не совсем корректно и целесообразно проводить полные параллели между украинскими, русскими и белорусскими терминами, с одной стороны, и польскими терминологическими единицами, с другой, ибо, как известно, имеем дело с разными алфавитами — кириллицей (в разных национальных вариантах русского, украинского и белорусского языков) и польской латиницей.

Для исследования терминологических параллелей в метаязыке славянской терминографической критики основным языком их подбора избран украинский. Вследствие анализа терминологии украинской критики специальных словарей было выделено около 100 параллелей ядерных и периферийных единиц в метаязыке славянской критики. Их незначительное количество свидетельствует о незавершённом формировании ее понятийно-терминологического аппарата. В рамках позвольительного объёма статьи, к сожалению, мы сможем рассмотреть только параллели опорных терминологических единиц данного направления. Анализ параллелей периферийных терминов определяет перспективу проведения дальнейших исследований по этой теме.

Понятийное ядро терминологического поля метаязыка описываемой научной отрасли формируют ее базовые термины (около 80 единиц), входящие в состав таких термино-семантических групп, как, например: «терминологические словари и их типы» (*термінологічний перекладний словник, термінологічний дефінітивний словник, енциклопедія, словник-довідник* и др.), «исполнитель рецензии на терминологический словарь» (*критик, рецензент, експерт*), «автор терминологического словаря» (*укладач словника, упорядник словника*), «рецензия на терминологический словарь» (*рецензія на термінологічний словник, критична публікація, критична стаття*), «процессы, действия» (*дефініювання, кодифікування, нормування, оцінювання, рецензування* и др.), «параметры инвариантной модели терминологического словаря» (*передмова, реєстр термінів, термінологічна стаття /заголовний термін, дефініція, етимологічна довідка, гіперо-гіпонімні відношення, синонімні й антонімні відношення/* и др.), «критерии оценивания параметров терминологического словаря» (*критерій оцінювання концепції словника, критерій оцінювання кількості інформації*

у виданні, критерій оцінювання якості інформації у словнику, критерій оцінювання ефективності репрезентування інформації у виданні и др.).

Сразу, однако, отметим, что экспертизирование терминологических параллелей в метаязыке этого научного направления усложнено, как показывает анализ, недостаточной степенью разработанности метаязыка терминографической критики в предлагаемых для анализа славянских языках. Позволим себе заявить, что, и в украинской лингвистической науке, вероятно, и в других национальных науках эта отрасль требует официального признания как самостоятельного научного направления в составе терминографии. Например, отслеживаем такие параллели специального наименования критической деятельности относительно оценки терминологических словарей:

Таблица 1

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>критика термінологічних словників</i>	<i>критика терминологических словарей</i>	<i>крытыка тэрміналагічных слоўнікаў</i>	<i>krytyka słowników terminologicznych</i>

В украинском метаязыке имеют место синонимы этой метаединицы (*термінографічна критика, критика термінологічних словників*), свидетельствующие об активном изучении исследуемого направления и поиске оптимального варианта ее названия. Кроме того, в украинском, белорусском и польском метаязыках терминографической критики в составе аналитического метатермина используется компонент *словник/слоўнік/słownik*, образованный с помощью славянского суффикса *-ник / -нік / -nik* (ср., в украинском языке — *азбуковник, довідник, записник, словник* и др.; белорус. — *даведнік, слоўнік* и др.; поль. — *notatnik, słownik* и др.), что подчеркивает сходство между указанными метаязыками на словообразовательном уровне. Анализированный компонент русского метатермина образован с помощью суффикса *-арь* (ср., *букварь, словарь* и т. д.), чем он и отличается от вышеуказанных.

В метаязыке украинской и русской терминографической критики используется термин *словник / словник*, означающий перечень специальных слов, его синонимом является словосочетание *реестр терминов словаря*, ср.: «СЛОВНИК англ. word-list.

Список слов, подлежащих словарной обработке; совокупность заголовочных слов в словаре. Словник нормативный. Словник типовой»¹⁷. Здесь прослеживаем несколько лингвистических явлений: 1) внутриязыковая омонимия в метаязыке украинской терминографии — появились омографы (*сłówник* и *словнік*); 2) терминологическая параллель с абсолютным сходством только двух метаединиц — украинской *сло́вник* и русской *сłówник*.

Ключевой термин, обозначающий базовый жанр терминографической критики, а также итог критического экспертизирования специального справочного издания и публикацию критического характера, имеет такие терминологические параллели:

Таблица 2

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>рецензія на термінологічний словник</i>	<i>рецензия на терминологический словарь</i>	<i>рэцэнзія на тэрміналагічны слоўнік</i>	<i>recenzja na słownik terminologiczny</i>

Параллельные метаединицы функционируют в славянских языках для обозначения объекта специальной критики — терминологического словаря. Отличие находим только в образовании русского компонента термина, что представлено ниже:

Таблица 3

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>термінологічний словник</i>	<i>терминологический словарь</i>	<i>тэрміналагічны слоўнік</i>	<i>słownik terminologiczny</i>

В терминологических параллелях наименований типов и подтипов специальных словарей в украинском, русском и белорусском метаязыках компоненты *галузевий / вузькогалузевий, отраслевой / узкоотраслевой, галіновы / вузкагаліновы* не тождественны формально (фонетически и графически), но семантически полностью совпадают, и указывают на самобытность и своеобразие каждого метатермина, ср.:

¹⁷ О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, 2-е изд., стер., УРСС, Едиториал УРСС, Москва 2004, http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm. (23.04.2020).

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ...

Таблица 4

укр.	рус.	белорус.
<i>галузевий термінологічний словник</i>	<i>отраслевой терминологический словарь</i>	<i>галіновы тэрміналагічны слоўнік</i>
<i>вузькогалузевий термінологічний словник</i>	<i>узкоотраслевой терминологический словарь</i>	<i>вузкагаліновы тэрміналагічны слоўнік</i>

Для обозначения рецензии на нетерминологический словарь, по авторским наблюдениям, часто используются термины лексикографической критики, а не критики терминографической, ср.:

Таблица

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>рецензія на словник, критична публікація, критична стаття, критичний аналіз словника</i>	<i>рецензия на словарь, словарная рецензия, критический анализ, критическая публикация</i>	<i>слоўнікавая рэцэнзія, крытычны водгук, крытычны разгляд, крытычны аналіз слоўніка</i>	<i>recenzja słownika</i>

Анализ приведенной терминологической параллели показывает, что в украинском, русском и белорусском метатекстах количественно представлены варианты и синонимы данной метаединицы, свидетельствующие о глубоком научном интересе критиков и ученых к качеству современной терминографической продукции.

Создание терминологических словарей — это, безусловно, сложная многоэтапная работа, включающая и отбор терминологического материала, и составление реестра терминов, и описание специальной лексики по лексикографическим параметрам, и редактирование, оформление словаря в соответствии с требованиями. В метаязыке славянской терминографической критики для обозначения деятельности, связанной с созданием терминологических словарей, выделяем такие терминологические параллели:

Таблица 6

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>практика створення/укладання термінологічних словників</i>	<i>практика создания терминологических словарей</i>	<i>практыка стварэння тэрміналагічных слоўнікаў</i>	<i>praktyka tworzenia słownikuw terminologicznych</i>

В украинском, белорусском и польском терминологических словосочетаниях находим сходство в использовании компонента славянского происхождения *створення/стварэння/tworzenia* и отличие в русской единице — компонент *создание*, мотивированный глаголом старославянского языка *създати, съзидж оікодомеіѵ*¹⁸. В украинском метаязыке термин *практика створення термінологічних словників* имеет термины-синонимы *словникарство, спеціальне словникарство*. В русском и белорусском метаязыках не обнаружены вышеприведенные термины. В польском метаязыке также функционирует термин *słownictwo specjalistyczne*, но со значением ‘специальная лексика’, поэтому между украинской и польской метаединицами *спеціальне словникарство /słownictwo specjalistyczne* устанавливаем параллель, совпадающую семантически лишь частично: дефиниция украинского термина шире, чем польского, что и определяет наличие межязыковых гиперо-гипонимических отношений, но это все-таки не дает оснований считать данную параллель семантически ложной.

Для обозначения процесса определения специального значения термина, связанного с репрезентацией лексикографического параметра ‘дефиниция’ имеет место такая терминологическая параллель:

Таблица 7

укр.	рус.	поль.
<i>дефініювання терміна</i>	<i>дефинирование термина</i>	<i>definiowanie terminu</i>

В рассматриваемой параллели все компоненты аналитических терминов заимствованы из латинского языка. В украинско- и поль-

¹⁸ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка: в 4 томах*, Н. Трубачев (перевод с нем. и доп.), Б.А. Ларин (ред. и предисловие). 2-е изд., Прогресс, Москва 1986, <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&bc=%F1&book=vasmer> (23.04.2020).

скоязычных терминах в элементе *дефініювання/ definiowanie*, обозначающем процесс, выделяем идентичные суффиксы общеславянского происхождения *-юва-ни(я)* и *-owan(ie)*. Это свидетельствует о стремлении «национализировать», то есть «украинизировать», «полонизировать» заимствованные элементы в соответствии с правилами словообразования каждого отдельного языка. В анализированном термине русского языка использованы продуктивные русские глагольные суффиксы *-иров-а-ни(е)*, используемый для «русификации» иноязычных глагольных основ. Проиллюстрированное выше свидетельствует о наличии тенденции, проявляющейся на словообразовательном уровне, — стремление адаптировать компоненты иноязычного происхождения к национальным компонентам языка-реципиента.

В следующем примере аналитических метаединиц, в частности в структуре украинского термина *основні критерії оцінювання словників*, прослеживаем стремление искоренить результаты глобальной «русификации» славянских языков, начатой в 30-е гг. XX ст., и использовать национальные аффиксальные ресурсы, разграничивая употребление суффикса *-ни-* для образования терминов со значением процесса, действия (укр. *оцінювання*) и *-к-* — для обозначения опредмеченного действия (укр. *оцінка*). Напротив: в белорусском компоненте *ацэнка* используется суффикс *-к-*, как и в русском *оценка*, что показывает, как представляется, приверженность к «русификации».

Таблица 8

укр.	рус.	белорус.
<i>основні критерії оцінювання словників</i>	<i>основные критерии оценки словарей</i>	<i>асноўныя крытэрыі ацэнкаў слоўнікаў</i>

Каждый терминологический словарь начинается, как известно, с предисловия. Это мегаструктурный параметр, раскрывающий наиболее важную информацию о принципах построения словаря. Критик руководствуется положениями, изложенными в предисловии, отслеживая заявленные качества и параметры словаря относительно их соответствия реализованным практически. Терминологические наименования для обозначения этого важного параметра в приведенной ниже параллели указывают, что их компоненты укр. *передмова* и рус. *предисловие* отлича-

ются фонетически и графически, однако совпадают семантическими структурами, соответственно они представляют собой неполные параллели. В данном случае прослеживаем самобытность сравниваемых языков. Кроме этого, имеет место факт сходства украинской, белорусской и польской метаединиц, ср.:

Таблица 9

укр.	рус.	белорус.	поль.
<i>передмова словника</i>	<i>предисловие словаря</i>	<i>прадмова слоўніка</i>	<i>przedmowa/ przedślowia słownika</i>

Нижеприведенные терминологические параллели в метаязыке терминографической критики представляют понятийную оппозицию ‘автор рецензии’ и ‘автор словаря’:

Таблица 10

укр.	рус.	белорус.
<i>автор рецензії, критик словника, рецензент словника, експерт словника</i>	<i>автор рецензии, критик словаря, рецензент словаря</i>	<i>аўтар рэцэнзій</i>
<i>автор / укладач словника</i>	<i>автор / составитель словаря</i>	<i>аўтар / складальнік слоўніка</i>

В названных терминологических наименованиях компоненты укр. *укладач* и рус. *составитель* совпадают по значению, но отличаются формально. Эта терминологическая параллель (*автор / укладач словника — автор / составитель словаря — аўтар / складальнік слоўніка*) является неполной и свидетельствует о факте одновременного использования заимствованных и исконных единиц в структуре терминов, а также о наличии синонимов, в большей мере это прослеживается в украинском и русском метаязыках терминографической критики.

Таким образом, (1) описанные терминологические параллели в метаязыке терминографической критики представляют собой преимущественно полные параллели (тождественны семантически и формально), (2) они являются интертерминами в таких славянских языках, как украинский, русский, белорусский и польский. (3) При сопоставлении опорных метаединиц отрасли в близкородственных и родственных языках прихо-

дим к выводу, что метаязык украинской специальной критики достаточно развит и разнообразен: это выражается в наличии синонимов, свидетельствующих об активном поиске оптимального специального наименования. Кроме этого, ей свойственна внутриязыковая омонимия (*слóвник* и *словнік*). (4) Чаще прослеживаем полные терминологические параллели — тождество и по форме, и по значению украинских и белорусских метаединиц, несколько реже встречаются неполные терминологические параллели русских и польских терминов, зафиксирован единственный пример частично совпадающей семантически параллели украинской и польской терминологии. (5) Метаязык терминологической критики формируется в основном на базе иноязычных (неславянских) метаединиц. (6) Самобытность терминологического образования украинского, русского, белорусского и польского метаязыков проявляется в использовании единиц славянского происхождения, а также национальных ресурсов (основ, аффиксов). (7) Национальное своеобразие украинского метаязыка, в отличие от языков русского и белорусского, также обнаруживается в противостоянии политики «русификации», актуализированной с 30-х гг. XX ст., и (8) следовании старым украинским словообразовательным традициям, проявляющимся в частности и в разграничении суффиксов, служащих, с одной стороны, для обозначения процесса (-*ни*-) и, с другой стороны, его результата, опредмеченного действия (-*к*-).

Полученные результаты проведенного исследования позволяют сделать несколько выводов.

1. Терминологическая критика является самостоятельным разделом терминологии, а также междисциплинарным направлением, которое интегрирует научные знания терминоведения, терминологии, лингвоаксиологии, лингвистической экспертологии и др.

2. Метаязык терминологической критики не имеет четких границ, его формируют метаединицы смежных наук и, конечно, собственные, исконные, создающие его понятийное ядро.

3. Рассмотренные терминологические параллели в синхронически сравниваемых славянских метаязыках терминологической критики чаще являются полными, то есть формально тождественными и с полностью совпадающими семантическими структурами. По форме в большей степени совпадают украинские и белорусские метаединицы, в меньшей, — русские и поль-

ские термины. В специальном языке изучаемой критики преобладают иноязычные (неславянские) единицы, что подтверждает факт взаимодействия глобального и локального, универсального и самобытного.

4. Метаязык украинской специальной критики богат синонимами, ему свойственна внутрисистемная омонимия. Самобытность, оригинальность украинского метаязыка, в отличие от русского и белорусского, проявляется в стремлении (а) сохранить традиции национального терминообразования, (б) адаптировать заимствованные единицы при мощном противодействии политике «русификации».

Перспективным считаем изучение семантической структуры терминологических параллелей метаязыка терминографической критики, что можно осуществить при наличии словаря, упорядочив и систематизировав метатермины и метапонятия рассматриваемой отрасли.

REFERENCES

- Akhmanova, Ol'ga. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*, 2-ye izd., ster., Moskva: URSS: Yeditorial URSS, 2004 [Ахманова, Ольга. *Словарь лингвистических терминов*, 2-е изд., стер., Москва: УРСС: Едиториал УРСС, 2004] <http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/__.htm>.
- Chernysheva, Marina. ««Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.» i «Materialy dlya slovarya Drevnerusskogo yazyka» I.I. Sreznevskogo (kriticheskiy analiz)». *Kritika u slov'yans'kiy leksikografii. Palamarchuku Leonidu Sidorovichu*. Uporядn. I. S. Gnatyuk, 2012: 309–316 [Чернышева, Марина. ««Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Материалы для словаря Древнерусского языка» И.И. Срезневского (критический анализ)». *Критика у слов'янській лексикографії. Паламарчуку Леоніду Сидоровичу*. Упорядн. І. С. Гнатюк, 2012: 309–316].
- Dubichinskiy, Vladimir, Royter T. *Teoriya i leksikograficheskoye opisaniye leksicheskikh paralleley*. Khar'kov: Izd-vo "Pidruchnik NTU 'KHPI'", 2015 [Дубичинский, Владимир, Ройтер Т. *Теория и лексикографическое описание лексических параллелей*. Харьков: Изд-во "Підручник НТУ "ХПІ", 2015].
- Encyklopedia PWN. Nauki ścisłe. Metajęzyk* <<https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/metajezyk;3939988.html>>.
- Fasmer, Maks. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*: v 4 tomakh. Perevod s nem. i dop. O.N. Trubacheva. Pod red., predisloviye V.A. Larina. 2-ye izd. Moskva: Progress, 1986 [Фасмер, Макс. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 томах. Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред., предисловие В. А. Ларина. 2-е изд. Москва: Прогресс, 1986] <<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&abc=%F1&book=vasmer>>.

- Khayrutdinov, Dinar Rafisovich. *Geograficheskaya terminologiya: arabskiye, russkiye, angliyskiye paralleli*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kazan', 2009 [Хайрутдинов, Динар Рафисович. *Географическая терминология: арабские, русские, английские параллели*: диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических. Казань, 2009].
- Konstantinova, Olena. "Anglo-ukraïns'ki terminologichni paraleli v galuzi opodatkuvannya." *Studia slawistyczne. Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa*, II, т. 3, 2016: 209–219 [Константинова, Елена. "Англо-українські термінологічні паралелі в галузі оподаткування." *Studia slawistyczne. Etnolingwistyka i komunikacja międzykulturowa*, II, т. 3, 2016: 209–219].
- Kosmeda, Tetyana "Zbagachennya ukraïns'koï lingvistichnoï terminologichnoï leksikografii. Rets. na slovník: Zagnitko A. P. Slovník suchasnoï lingvistiky: ponyattya i termini (Tekst)/Anatoliy Panasovich Zagnitko: u 4 t. Donets'k: DonNu, 2012." *Lingvistichni studii*, vip. 28, 2014: 194–198 [Космеда, Тетяна "Збагачення української лінгвістичної термінологічної лексикографії. Рец. на словник: Загнітко А. П. Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни (Текст)/Анатолій Панасович Загнітко: у 4 т. Донецьк: ДонНУ, 2012." *Лінгвістичні студії*, вип. 28, 2014: 194–198].
- Kosmeda, Tetyana. "Funktsiynе navantazhennya naukovoï movoznavchoï shkoli v suchasnomu prostori universitets'koï sistemi." *Lingvistichni studii*, vip. 34, 2017: 176–83 [Космеда, Тетяна. "Функційне навантаження наукової мовознавчої школи в сучасному просторі університетської системи." *Лінгвістичні студії*, вип. 34, 2017: 176–83].
- Kosmeda, Tetyana. "Novyyu uchebnyy slovar' (Kozdra M., Dubichynskiy W. Dydaktyczny słownik tematyczny rosyjsko-polskich paraleli leksykalnych. Leksyka kulinarna (rzeczownik). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019." *Lingvistichni doslidzhennya*, vip. 52, 2020: 236–241 [Космеда, Тетяна. "Новый учебный словарь (Kozdra M., Dubichynskiy W. Dydaktyczny słownik tematyczny rosyjsko-polskich paraleli leksykalnych. Leksyka kulinarna (rzeczownik). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 202." *Лінгвістичні дослідження*, вип. 52, 2020: 236–241].
- Nakonechna, Galina. "Ukraïns'ko-pol's'ko-rosiys'kiterminologichni paraleli (na materiyali religiynoï literaturi)." *Visnik Natsional'nogo universitetu "L'vivs'ka politekhnikha."* Seriya "Problemiukraïns'koï terminologii" no. 453, 2002: 357–360 [Наконечна, Галина. "Українсько-польсько-російські термінологічні паралелі (на матеріалі релігійної літератури)." *Вісник Національного університету "Львівська політехніка."* Серія "Проблеми української термінології" no. 453, 2002: 357–360].
- Petrova, Tetyana. "Teoretiko-praktichne znachennya retsenziy na ukraïns'ki terminologichni slovníki kintsya XX st. — poch. XXI st." *Problemi zagal'nogo i slov'yuans'kogo movoznavstva*, 2019, no. 3: 96–106 [Петрова, Тетяна. "Теоретико-практичне значення рецензій на українські термінологічні словники кінця XX ст. — поч. XXI ст." *Проблеми загального і слов'янського мовознавства* 2019, no. 3: 96–106].
- Petrova, Tetyana. "Ukraïns'ka terminografichna kritika: vid vitokiv do suchasnosti." *Naukoviy visnik Nats. un-tu bioresursiv i prirodokoristuvannya Ukraini. Seriya: Filologichni nauki*, vip. 292, 2018: 208–217 [Петрова, Тетяна. "Українська термінографічна критика: від витоків до сучасності." *Науковий вісник Нац.*

- ун-ту біоресурсів і природокористування України. Серія: Філологічні науки, вип. 292, 2018: 208–217].
- Shcherbin, Vyacheslav. “Asnoŭnyya kryteryi ats-nki tлумachal’nykh sloŭnikaŭ (na materyyale belaruskikh sloŭnikavykh retsenziy).” *Kritika u slov’jans’kij leksikografii. Palamarchuku Leonidu Sidorovichu*. Uporyadn. I. S. Gnatyuk, 2012: 433–439 [Шчербин, Вячеслав. “Асноўныя крытэрыі ацэнкі тлумачальных слоўнікаў (на матэрыяле беларускіх слоўнікавых рэцэнзій).” *Крытыка у слов’янскай лексікаграфіі. Паламарчуку Леоніду Сідоровічу*. Упорядн. І. С. Гнатюк, 2012: 433–439].
- Shelov, Sergey, and Rychkova, Lyudmila. “Ob odnom tipe terminologicheskikh slovarey i spravochnikov.” *Russkiy yazyk v nauchnom osvuyashchenii* 2017, no. 2 (34): 250–273 [Шелов, Сергей и Рычкова, Людмила. “Об одном типе терминологических словарей и справочников.” *Русский язык в научном освящении* 2017, no. 2 (34): 250–273].
- Suprinovich, Oksana Yevgen’evna. “Leksicheskiye paralleli v belorusskom i nemetskom yazykakh.” *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnyye nauki. Yazykoznanіye* 2014, no. 10: 116–120 [Супринович, Оксана Евгеньевна. “Лексические параллели в белорусском и немецком языках.” *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языковедение* 2014, no. 10: 116–120].
- Vezhbitskaya, Anna. “Metatekst v tekste.” *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, вып. VIII: Lingvistika teksta [Вежбицкая, Анна. “Метатекст в тексте.” *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. VIII: Лингвистика текста, 1978: 402–421].
- Zahnytko, Anatoliy. *Slovník suchasnoї lingvistiky: ponyattya i termini*. Donetsk: DonNU, 2012, t. 2 [Загнітко, Анатолій. *Словник сучасної лінгвістики: поняття і терміни*. Донецьк: ДонНУ, 2012, т. 2].
- Gouws, Rufus H. “Dictionary criticism and dictionary critics.” *Wörterbuchkritik – Dictionary Criticism. Series: Lexicographica*, Ed. Monika Bielińska, Stefan J. Schierholz, Series Maior, 152, 2017: 33–50.
- Łukasik, Marek. “Polska szkoła terminograficzna.” *Polskie i europejskie nurty terminologiczne*, 2017: 26–6.
- Lyons, John. *Semantyka*. T. 1 Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.
- Myrczek-Kadłubicka, Ewa. “A survey of dictionary reviews in Polish learned journals of linguistics.” *Wörterbuchkritik – Dictionary Criticism. Series: Lexicographica*, Ed. Monika Bielińska, Stefan J. Schierholz, Series Maior, 152, 2017: 263–282.
- Skudrzykova, Aldona, Urban, Krystyna. *Mały słownik terminów z zakresu socjolingwistyki i pragmatyki językowej*. Kraków; Warszawa: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego: Spółka Wydawniczo-Księgarska, 2000.
- Wiśniewski, Artur. “Kilka uwag na temat obiektów odniesienia wyrażenia metajęzyk.” *Prace Językoznawcze Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie*, 2014, z. XVI/3: 73–83.
- Wyrwas, Katarzyna, Sujkowska-Sobisz, Katarzyna. *Mały słownik terminów teorii tekstu*. Katowice–Warszawa–Kraków: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2005.

MACIEJ LABOCHA

Uniwersytet Śląski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8763-2187>

STRUKTURA SEMANTYCZNA ARTYKUŁU HASŁOWEGO W SŁOWNIKU PRZEKŁADOWYM (LEKSEM *ПРЕЙСЬ* ORAZ JEGO ROSYJSKIE ODPOWIEDNIKI)

REFLECTIONS ON SEMANTIC STRUCTURE OF A DICTIONARY ENTRY
(POLISH LEXEME *ПРЕЙСЬ* AND ITS RUSSIAN EQUIVALENTS)

The article is devoted to a contrastive analysis of lexical (dictionary) meanings of the Polish lexeme *przejsić* and its Russian equivalents *поѹму* and *непеѹму*. The analysis also provides verification of its findings with the register of the three major Polish-Russian dictionaries. The purpose of the analysis is to establish a correct sequence of meanings of the Polish lexeme along with appropriate translation counterparts and suggest how to create a system-readable and pragmatically useful structure of dictionary entries for all the three lexemes.

Keywords: lexicography, dictionary entry, dictionary

WSTĘP (ZAŁOŻENIA BADAWCZE I PRAKTYCZNE)

Proponowany artykuł jest jednym z czterech z serii poświęconej strukturze semantycznej artykułu hasłowego w słownikach przekładowych polsko-rosyjskich na przykładzie polskich leksemów z przedrostkiem *пре-* oraz ich rosyjskich odpowiedników przekładowych z przedrostkami *по-* oraz *не-*.

Podstawowym założeniem badania (część 2. artykułu) jest przegląd wyodrębnionych w słownikach jednojęzycznych znaczeń niemetaforycznych leksemu *прейсӣ* oraz jego rosyjskich odpowiedników *поѹму* i *непеѹму*, a także ich odpowiednia korelacja semantyczna, pozwalająca na zsekwencjonowanie filiacji (podział na znaczenia) w słownikach przekładowych. Jednocześnie dokonywana jest analiza rozwiązań dotyczących doboru ekwiwalentów, semantyzacji (wskazówki dotyczące użycia) i filiacji zastosowanych w trzech

wielkich słownikach przekładowych rosyjsko-polskich (część 3. artykułu):

Wielkim słowniku polsko-rosyjskim Wiedzy Powszechnej (dalej – *WSPR WP*),

Wielkim słowniku polsko-rosyjskim [i] rosyjsko-polskim REA (dalej – *WSPR[i]RP REA*),

Wielkim słowniku polsko-rosyjskim i rosyjsko-polskim PWN (dalej w tekście – *WSPRiRP PWN*)¹.

Wzięcie pod uwagę jedynie znaczeń niemetaforycznych uzasadnione jest potrzebą czytelnego przedstawienia bazowych rozwiązań redakcyjnych oraz zjawisk związanych z interpretacją samego materiału.

Wybór jednostek podyktowany jest dwoma zasadniczymi czynnikami: jednostki z ww. przedrostkami sprawiają niejednokrotnie istotną trudność w procesie dydaktycznym (opanowanie dyferencjacji znaczeń w oparciu o prefiksy); mamy do czynienia z wielością znaczeń w maksymalnie ograniczonej liczbie form leksykalnych (jedna jednostka wejściowa, dwie jednostki wyjściowe).

Założeniem wyjściowym (część 4. artykułu) jest opracowanie takiej formy opisu hasłowego, która byłaby zgodna z filiacją słowników jednojęzycznych (objaśniających) użytkownika docelowego oraz jednocześnie czyniła zadość niektórym elementom tradycji leksykografii przekładowej, do której ów użytkownik jest przyzwyczajony.

Artykuł ten wpisuje się w nabierający znaczenia nurt leksykograficzny w polskiej rusycystyce, do której w ostatniej dekadzie wiele wniosły przede wszystkim prace teoretyczne i materiałowe pod redakcją Wojciecha Chlebdy, w których brali udział tacy badacze jak Tadeusz Piotrowski, Halina Bartwicka, Andrzej Bogusławski, Roman Lewicki, Jan Wawrzyńczyk, Milena Hebal-Jezierska, Mirosław Bańko i in.²

O ile w polskiej myśli teoretycznej, odnoszącej się do leksykografii już od kilku dekad można zauważyć zwrot pragmatyczny wobec

¹ Pełne dane bibliograficzne wskazanych słowników to: (1) D. Hessen, R. Stypuła, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Wyd. VII, Wiedza Powszechna, Warszawa 2004, (2) S. Chwatow, M. Timoszuk, *Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski*, Wydawnictwo REA, Warszawa 2008, (3) J. Wawrzyńczyk (red.), *Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski* (wersja elektroniczna 2.0 na płycie CD, PWN, 2007).

² Zob. W. Chlebda (red.), *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2010; W. Chlebda (red.), *Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2011; W. Chlebda (red.), *Na tropach korpusów. W poszukiwaniu optymalnych zbiorów tekstów*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2013.

opisu słownikowego³, a więc zwrócenie uwagi na przemyślany, szeroki i przekładowo poprawny opis jednostek leksykalnych, to w metaleksykografii poza Polską orientacja ta, jak się wydaje, przyjęła jeszcze jeden zauważalny postulat, a mianowicie przyjazność dla użytkownika i efektywność wykorzystania danych słownikowych przy tworzeniu tekstu⁴. Podejście to jest co najmniej w pewnej części zbieżne z myślą przewodnią prac pod redakcją Chlebdy. Stąd między innymi założenia niniejszego artykułu ogniskują się właśnie na tych elementach.

ANALIZA ZNACZEŃ W SŁOWNIKACH OBJAŚNIAJĄCYCH

Polski czasownik *przejsć* w *Słowniku języka polskiego PWN*⁵ posiada aż dwadzieścia wyodrębnionych znaczeń, spośród których interesować nas będą cztery. Ich *genus proximum* posiada znaczenie ‘przemieszczać się na nogach’ (względnie, o zwierzętach, ‘przemieszczać się na łapach’ lub wręcz ‘przejsć na kończynach’), a więc znaczenia o charakterze niemetaforycznym:

- (1) idąc, przebyć jakąś drogę,
- (2) idąc, przedostać się na drugą stronę czegoś,
- (3) pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia,
- (4) idąc, minąć kogoś lub coś.

Wymienionym znaczeniom odpowiadają kolejno leksemy rosyjskie i ich poszczególne znaczenia, wyodrębnione w słowniku *Большой толковый словарь русского языка* Siergieja Kuzniecowa:

³ Zob. A. Bogusławski, *Dwujęzyczny słownik ogólny. Projekt instrukcji z komentarzami*, w: Z. Saloni (red.), *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, Wrocław 1988, s. 19–65; J. Mędelska, J. Wawrzyńczyk, *Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych*, Wydawnictwo Szumacher, Kielce 1992, s. 9.

⁴ Zob. np. K. Varantola, *The Dictionary User as a Decision Maker*, w: W. Martin i in. (red.), *Euralex 1994. Proceedings* [s.p.], Amsterdam s. 606–611; S. Atkins, *Bilingual Dictionaries: Past, Present and Future*, w: M. Gellerstam i in. (red.), *Euralex '96 Proceedings* [s.p.], Göteborg, s. 515–546. Por. M. B. Влавацкая, «User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря, „Вопросы лексикографии” 2013, nr 2 (4), s. 32–40.

⁵ Wszystkie definicje polskojęzyczne pochodzą z internetowego *Słownika języka polskiego PWN*, www.sjp.pwn.pl (14.11.2018). Definicje rosyjskojęzyczne pochodzą z internetowej wersji słownika *Большой толковый словарь русского языка* (autor: С.А. Кузнецов) pozostającego w zasobach portalu Грамота.ру (14.11.2018).

- (1) *пройти* ('преодолеть какое-л. пространство, расстояние'),
 (2) *перейти* ('идя, переместиться через что-л., на другую сторону чего-л.'),
 (3) *пройти* ('преодолеть какое-л. пространство, расстояние'),
перейти ('переместиться из одного места в другое'),
 (4) *пройти* ('идя, совершить путь мимо кого-л., чего-л., куда-л. или где-л.').

Aby zweryfikować odpowiedniość pomiędzy eksplikacjami polskimi i rosyjskimi, porównajmy użycia poszczególnych leksemów w analogicznych kontekstach:

- (1) *przejsć* — *пройти* (iść, przebyć jakąś drogę — преодолеть како-л. пространство, расстояние)

Nigel Jardine przeszedł aż 30 kilometrów po rozbitych sztybach. Wyczyn miał zwrócić uwagę na cierpienie dzieci prześladowanych w domu i szkole⁶.

Житель Томской области прошел пешком 18 километров по тайге, чтобы заплатить алименты⁷.

- (2) *przejsć* — *перейти* (iść, przedostać się na drugą stronę czegoś — идя, переместиться через что-л., на другую сторону чего-л.)

Funkcjonariusze zakuli schorowanego emeryta w kajdanki i zawieźli na komisariat. Powód? Przeszedł przez ulicę w niedozwolonym miejscu!⁸

Мужчина попросту перешел улицу Блюхера не по пешеходному переходу и был избит водителем проезжавшей машины⁹.

- (3) *przejsć* — *пройти/перейти* (pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia — преодолеть какое-л. пространство, расстояние; переместиться из одного места в другое)

Następne dwa uderzenia zadał, gdy pokrzywdzony przeszedł do przedpokoju, kolejne, gdy upadł na podłogę¹⁰.

⁶ wiadomosci.dziennik.pl (01.01.2019).

⁷ echo.msk.ru (01.01.2019).

⁸ fakt.pl (01.01.2019).

⁹ omskinform.ru (01.01.2019).

¹⁰ lodz.wyborcza.pl (01.01.2019).

STRUKTURA SEMANTYCZNA...

Затем как бы в растерянности прошел в переднюю и, продолжая отступать, пятиться, оказался в большой комнате¹¹.

Я взял секретную тетрадь, перешел в большую комнату, нашу, так сказать, гостиную и, пристроившись на подоконнике, где было светлее, стал лихо-радочно записывать¹².

(4) *przejsć* – *пройти* (iść, minąć kogoś lub coś – идя, совершить путь мимо кого-л., чего-л., куда-л. или где-л.)

Strażnicy miejsca ustawieni byli w różnych miejscach: jeden najpierw stał obok delikatesów, a później przeszedł obok Muzeum Dialogu Kultur¹³.

Ирина стояла полчаса и поняла, что Кямал не придёт. Вернее, он был, но прошёл мимо¹⁴.

Jak widać z podanych wyżej przykładów użycia, ustanowione przez nas pary przekładowe są dopasowane pod względem wyodrębnionych w słownikach znaczeń (za punkt odniesienia wzięliśmy podział w słowniku polskim, bowiem ten będzie, jak należy sądzić, dla użytkownika polskiego podziałem pierwotnym) oraz potwierdzone przykładami kontekstowymi. Ustanowione w ten sposób ekwiwalenty posłużą do analizy rozwiązań, zastosowanych w trzech wielkich słownikach polsko-rosyjskich, a następnie wykorzystamy je do zbudowania każdego z modelowych artykułów hasłowych.

ANALIZA ROZWIĄZAŃ LEKSYKOGRAFICZNYCH W SŁOWNIKACH PRZEKŁADOWYCH

Zestawmy powyższe ustalenia z zawartością artykułów hasłowych w badanych słownikach przekładowych:

Wielki słownik rosyjsko-polski WP

[*przejsć*]

1. перейти; пройти; ~ przez ulicę перейти улицу (через улицу); ~ granicę перейти (пересечь) границу; ~ przez przedpokój пройти через переднюю; ~ przez drzwi пройти в дверь; ~ obok *kogoś*, *czegoś* пройти мимо *кого-л.*, *чего-л.*; ~ kilka kroków пройти несколько шагов; ~ całą drogę pieszo пройти всю дорогу пешком;

¹¹ ruscorpora.ru (01.01.2019)

¹² ruscorpora.ru (01.01.2019)

¹³ kielce.wyborcza.pl (01.01.2019)

¹⁴ ruscorpora.ru (01.01.2019)

Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski REA

[przejść]

1. пройти; 2. перейти (через что-л.); [...]

Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski PWN

[przejść]

1. пройти 2. (w poprzek; z jednego miejsca na drugie; od jednej rzeczy do drugiej; od starego stanu, sytuacji do nowego stanu, sytuacji) перейти [...]

Co zaskakujące, *WSRP WP* zupełnie nie dzieli znaczeń na poszczególne części artykułu hasłowego. Umieszczenie obu leksemów *пройти* i *перейти* w tym samym punkcie artykułu hasłowego sugerowałoby więc, że są one synonimami, co ma miejsce — przypomnijmy — jedynie przy znaczeniu ‘pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia’, choć również tu wymiennosc jest ograniczona, a element znaczenia naddany poprzez prefiksy *про-* oraz *пере-* nie jest w istocie zupełnie tożsamy, ponieważ w przypadku pierwszym mamy do czynienia ze znaczeniem ‘przemieścić się w jakimś kierunku’, w drugim — akcent kładziony jest na ‘ruch z punktu A do punktu B poprzez przestrzeń [czasem przez przedmiot — przyp. M.L]’. Za próbę definiowania znaczenia, można uznać wiele przykładów użycia, stanowiących ilustrację hasłową. Jednak i tu mamy do czynienia z zapisami wprowadzającymi niejasność — weźmy np. pod uwagę użycie przyimka *через*, który wskazuje m.in., że czynność (najczęściej ruch) odbywa się przez jakieś „miejsce, przestrzeń lub obiekt” oraz — zwykle — wskazuje, że czynność ta (najczęściej ruch) odbywa się „z jednej strony na drugą” lub „na określonym odcinku” (a więc w określonych ramach przestrzennych). Przykłady w postaci *перейти улицы* (*через улицы*) oraz *пройти через переднюю* stają się niejasne i sprawiają wrażenie, że oba leksemy — *пройти* oraz *перейти* — są wymienne. Aby używać obu leksemów poprawnie użytkownik musiałby nauczyć się, jeśli nie wszystkich, to szczególnie typowych, ale i wystarczająco obrazowych przykładów użycia i stosować je, wymieniając łączące się z nimi wyrazy czy grupy wyrazów intuicyjnie, lecz bez pewności co do poprawności zastosowania.

WSPR[i]RP REA czyni w dyferencjacji znaczeń leksemów *пройти* i *перейти* znaczący postęp w stosunku do słownika poprzedniego. Redaktorzy zauważają różnicę znaczeniową, jednak w żaden sposób nie jest ona skomentowana, a więc brakuje wskazówek w odniesieniu do jakiej sytuacji należy obu leksemów używać, a jak już wspomnieliśmy — można ich używać zamiennie zasadniczo tyl-

ko w jednym przypadku. Zmiana jest więc tylko częściowa, a może nawet pozorna. Wprawdzie przy leksemie *nepeŭmu* podany jest dodatkowo w nawiasie przyimek *чез* podpowiadający, że czynność (ruch) odbywa się ‘z jednej strony na drugą’ jakiegoś obiektu, jednak, po pierwsze, sam leksem *nepeŭmu* może zostać użyty bez ww. przyimka, a po drugie — przyimek *чез* może być stosowany również wraz z leksemem *npouŭmu*.

WSPRiRP PWN opisuje ekwiwalencję *przejsć* — *npouŭmu* oraz *przejsć* — *nepeŭmu* chyba najlepiej, najlogiczniej oraz najzwięźlej, unikając nadmiaru informacji, która jedynie utrudnia interpretację artykułu hasłowego, jak to ma miejsce w *WSRP WP*. Logiczność zapisu i jego łatwość interpretacyjną można zawrzeć w formule „jeśli nie X, to Y”. Mamy zatem dosyć precyzyjny opis semantyczno-użalny przy leksemie *nepeŭmu* (*w poprzek; z jednego miejsca na drugie; od jednej rzeczy do drugiej; od starego stanu, sytuacji do nowego stanu, sytuacji*), dzięki któremu możemy zakładać, że w każdym kontekście nieobjętym ww. opisem należy stosować leksem *npouŭmu*. Brakuje tu jednak, jak się wydaje, ilustracji frazeologicznej, która pokazałaby użytkownikowi zarówno znaczenia dosłowne, jak i przenośne (metaforyczne). Nie mamy również nadal podstawowego dla polskiego użytkownika podziału na co najmniej cztery podane wyżej elementarne znaczenia niemetaforyczne polskiego leksemu *przejsć*.

Porównajmy informacje, które uzyskuje użytkownik, gdy wyszuka odpowiednie wyrazy hasłowe w części rosyjsko-polskiej badanych słowników:

Wielki słownik rosyjsko-polski WP

[пройти]

1. przejsć; ~ вперед przejsć do przodu; ~ через лес przejsć przez las; ~ несколько шагов przejsć kilka kroków; ~ к выходу przejsć (udać się) do wyjścia; ~ мимо przejsć obok; над городом ~шла гроза nad miastem przeszła burza; лёд ~шёл лёд spłynął; шкаф не ~шёл в дверь szafa nie przeszła przez drzwi; нефтепровод ~йдёт под водой rurociąg naftowy przejdzie pod wodą; ~ регистрацию przejsć rejestrację; ~ (через) цензуру przejsć przez cenzurę; ~ ряд изменений przejsć szereg zmian; ~ через многие руки przejsć przez wiele rąk; ~ (через) все инстанции przejsć przez wszystkie instancje; ~ через много страданий przejsć wiele cierpień; предложение не ~шло пропозиycja nie przysła; кто-л. ~шёл в штат ktoś przeszedł (został przyjęty) na etat; спектакль ~шёл с успехом przedstawienie przeszło z sukcesem; высадка десанта ~шла без выстрела lądowanie desantu odbyło się bez strzału; как ~шли экзамены? jak poszło na egzaminach?; 2. (*преодолеть какое-л. расстояние*) przejsć, przebyć; поконаć; ~ всю дорогу пешком przebyć całą drogę piechotą; бегун хорошо ~шёл дистанцию biegacz pokonał trasę (dystans) w dobrym czasie; [...]

[перейти]

1. przejść; ~ granicę przejść (przez) granicę, przekroczyć granicę; ~ reku wброд przejść (przebyć) rzekę w bród; ~ в следующий класс przejść do następnej klasy; ~ в католичество przejść na katolicyzm; ~ на сторону противника przejść na stronę przeciwnika; ~ на французский язык przejść na język francuski; ~ на диету przejść na dietę; ~ на «ты» przejść na «ty»; ~ от обороны к наступлению przejść od obrony do natarcia; ~ к другой теме przejść do innego tematu, zmienić temat; [...]

Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski REA

[пройти]

1. przebyć; 2. (*преодолеть какое-л. расстояние*) przebyć, przejść, przemierzyć; [...]

[перейти]

1. (*через кого, через что*) przejść, przekroczyć; 2. (*к кому, к чему*) przejść do kogo, do czego

Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski PWN

[пройти]

1. (*что*) przejść przez co 2. (*оставить позади*) minąć [...] 6. (*пойти*) pójść [...] 10. (*преодолеть какое-либо расстояние, безотносительно к способу передвижения*) przebyć / pokonać ...

[перейти]

1. przejść 2. (*границу*) przekroczyć [...].

Jak można zauważyć, artykuł hasłowy czasownika *пойти* w *WSRP WP* jest w porównaniu z zapisami z pozostałych słowników niezwykle obszerny. Uwzględnia też dwa interesujące nas ekwiwalenty, przy czym nie jest jasna zasadność takiego podziału. Przy ekwiwalencie z numerem 2 podane jest wprawdzie znaczenie (*преодолеть какое-л. расстояние*), lecz przykłady użycia przy ekwiwalencie z numerem 1 (*прейść przez las, przejść kilka kroków*) korespondują z taką semantyzacją i w konsekwencji utrudniają interpretację oraz dyferencjację podanych informacji. Mamy więc zbędny podział na dwa ekwiwalenty w znaczeniu niemetaforycznym, przy czym dodatkowo interpretację artykułu w części 1. utrudnia fakt, że podane przykłady dotyczą zarówno znaczenia niemetaforycznego, jak i metaforycznego (por. np. *пойти несолько шагов* oraz *пойти через все инстанции*). W części 1. artykułu hasłowego w *WSRP WP* mamy w istocie do czynienia z co najmniej następującymi znaczeniami, wyodrębnianymi w słowniku jednojęzycznym:

- (1) 'преодолеть какое-л. пространство, расстояние (ходьбой, передвижением на каком-л. транспорте; о самом транспорте' (*пройти несколько шагов*),
- (2) 'идя, переместиться, проследовать мимо кого-л., чего-л.; идя, миновать, оставить в стороне или позади' (*пройти через лес; пройти мимо*),
- (3) 'продвинуться, пробыться, просочиться и т.п. через что-л., сквозь что-л.; оказаться где-л.' (*шкаф не прошёл в дверь*),
- (4) 'что или через что. подвергнуться чему-л., испытать, пережить; претерпеть что-л.' (*пройти через много страданий*),
- (5) 'протечь, миновать (о времени, событиях, чувствах и т.п.); прекратиться, кончиться' (*как прошли экзамены?*).

Część druga artykułu jest zaś uzupełniona o synonimy dopełniające semantyzację '*преодолеть какое-л. расстояние*', a mianowicie *преjść, przebyć; pokonać*.

Leksem *перейти* w *WSRP WP* w interesującej nas części artykułu hasłowego jest opisany podobnie jak *пройти*, tj. bez jasnego opisu znaczenia — rolę dookreślającą pełną przykłady użycia, z których można wnioskować o kontekstach jego stosowania. W jednym tylko punkcie artykułu hasłowego wymieszane są następujące znaczenia, wskazane w słowniku jednojęzycznym:

- (1) 'идя, переместиться через что-л., на другую сторону чего-л.' (*перейти границу*),
- (2) 'окончив какой-л. класс, курс, стать учащимся следующего класса, курса' (*перейти в следующий класс*),
- (3) 'покинув кого-л., примкнуть к кому-л. другому. // во что. переменить вероисповедание, принять другое вероисповедание' (*перейти в католичество*),
- (4) 'начать применять вместо одного что-л. другое' (*перейти на диету*),
- (5) 'кончив или оставив одно, приступить к чему-л. другому' (*перейти к другой теме*).

Należy jednak przyznać, że pomimo braku dyferencjacji znaczeń w artykułach hasłowych leksemów *пройти* oraz *перейти* w części rosyjsko-polskiej słownika oraz wrażenia ogólnego chaosu liczba przykładów użycia może użytkownikowi wystarczyć do poprawnego stworzenia tekstu w języku docelowym. Nie jest natomiast jasne, czy użytkownik skorzysta z części rosyjsko-polskiej w sytuacji, gdy po stronie polsko-rosyjskiej brakuje rozróżnienia semantycznego pomiędzy oboma leksemami. Należy również zwrócić uwagę na fakt czasochłonnej interpretacji takich opisów przez użytkownika, która wydaje się niewspółmierna w stosunku do efektywności.

W nieco inny sposób opisuje oba leksemu *WSRP[i]RP REA*, przede wszystkim rezygnując z podawania przykładów użycia i podając opis

semantyzujący tylko przy jednym ze znaczeń, co znacznie zubaża treść artykułów hasłowych. W przypadku leksemu *пройти* autorzy słownika wyodrębniają dwa znaczenia niemetaforyczne, z których trudno wywnioskować, jaka jest pomiędzy nimi różnica (por. *przebyć* vs. szereg synonimiczny *przebyć, przejść, przemierzyć*). Semantyzacja podana w nawiasie (*преодолеть какое-л. расстояние*) wydaje się mało pomocna. Leksem *перейти* pozbawiony jest zaś zarówno przykładów użycia, jak i opisu znaczenia — ich rolę częściowo przejmują synonimy oraz informacja składniowa (por. *przejść, przekroczyć* oraz *przejść do kogo, do czego*). Leksem *прекroчыть* jasno wskazuje na czynność przechodzenia. Dodatkowo informacja składniowa przy znaczeniu pierwszym (*через кого, через что*) sugeruje, że leksem ten stosowany jest zawsze ze wskazanymi przyimkami. Podobnie w błąd może wprowadzić informacja składniowa w drugim wyodrębnionym znaczeniu (*к кому, к чему — do kogo, do czego*). Być może drugie z wyodrębnionych przez autorów słownika znaczeń miało w zamierzeniu odnosić się *de facto* do znaczenia metaforycznego — ‘кончив или оставив одно, приступить к чему-л. другому’. Deskrypcja obu leksemów jest więc na tyle lakoniczna w kwestii znaczenia i użycia, że w razie próby utworzenia sensownej wypowiedzi użytkownik musi właściwie zdać się na intuicję.

WSPRiRP PWN przy leksemie *пройти* podaje cztery wyodrębnione znaczenia niemetaforyczne (choć co najmniej w odniesieniu do znaczenia 1. użytkownik może mieć wątpliwości co do niemetaforyczności). Jednak tylko dwa z nich — znaczenie 2. oraz 10. — wydają się dostatecznie czytelne dzięki jasnym ekwiwalentom i semantyzacji, które łatwo wskazują użytkownikowi kontekst użycia nawet bez ilustracji materiałowej (*оставить позади — minąć; преодолеть какое-либо расстояние, бозотносительно к способу передвижения — przebyć / pokonać*). Dwa pozostałe — 1. oraz 6. — ze względu na wielość możliwych interpretacji, w tym niepoprawnych kontekstowo i uzualnie, wydają się przykładem niedostatecznego opisu. Przy znaczeniu pierwszym autorzy słownika podają partykułę pytajną *что* w nawiasie okrągłym jako wskaźnik syntaktyczny oraz jej sugerowany odpowiednik polski *przez co*: [пройти] 1. (что) *przejść przez co* [...]. Taki zapis po stronie ekwiwalentu polskiego podpowiada następujące sytuacje użycia niemetaforycznego: *przejść przez ulicę, przejść przez most* etc. Podanym związkom wyrazowym odpowiadają jednak w języku rosyjskim następujące konstrukcje: *перейти (через) улицу, пройти по мосту* (w znaczeniu ‘pokonać jakąś odle-

głość'), *пеpeйтu по мосту* (w znaczeniu 'przejsć z jednej strony na drugą', np. przejść po moście nad rzeką / przez rzekę). W żadnym z nasuwających się przykładów użycia nie mamy więc do czynienia ze strukturą składniową, wskazaną jedynie przez partykułę *что*. Podział znaczeń w słowniku jednojęzycznym Kuzniecowa w przypadku wskazanej w *WSPRiRP PWN* dopełnieniowej składni bezprzyimkowej wskazuje następujące znaczenia niemetaforyczne leksemu *пройтu*:

2. (*что*). Преодолеть какое-л. пространство, расстояние (ходьбой, передвижением на каком-л. транспорте; о самом транспорте). П. *немного*. Прошёл всю дорогу пешком. П. *несколько шагов*. П. *два километра до станции*. П. *стометровку*. Лыжник прошёл всю дистанцию за сорок минут. П. *половину пути*. По реке прошёл катер. Самолёт прошёл над лесом. Пароход прошёл Саратов. П. *на бреющем полёте*. Машина прошла вдоль берега. // Протанцевать. П. *круг вальсом, в вальсе*.

3. *что*. Идя, переместиться, проследовать мимо кого-л., чего-л.; идя, миновать, оставить в стороне или позади. П. *лес, поле*. П. *больницу*. П. *детскую площадку*. П. *мимо парка*. // Идя, пропустить нужное место, не остановиться, не повернуть там, где нужно. П. *поворот дороги*. П. *свой дом*. П. *по ошибке, по рассеянности, нечаянно*. [...]

Zapis w *WSPRiRP PWN* okazuje się więc błędny. Podane wskazówki składniowe w pewnym sensie bowiem przeczą sobie nawzajem. Jeśli uznać, że błędem w fazie tworzenia tej części artykułu hasłowego było jedynie podanie niewłaściwej wskazówki składniowej w języku polskim (*przejść* nie „przez co”, lecz *przejsć* „co”), to okaże się, że wyodrębnione w *WSPRiRP PWN* znaczenie pierwsze może być interpretowane jako tożsame z wyodrębnionymi w tym samym artykule hasłowym znaczeniami:

2. (*оставить позади*),
10. (*преодолеть какое-либо расстояние, безотносительно к способу передвижения*),

a więc podział taki może wydawać się zbędny, a co najmniej wysoce niejasny. Forma prezentacji wyodrębnionego znaczenia pierwszego wydaje się możliwa do uzasadnienia tylko wobec znaczenia metaforycznego. Znaczenie takie nie jest jednak główne.

Podobny problem występuje w wyodrębnionym w artykule hasłowym znaczeniu 6. Zapis jest następujący: [...] 6. (*пойтu*) *пойсć* [...].

Leksem *пойсć* w języku polskim przede wszystkim konotuje, jak się wydaje, sytuację przemieszczania się *докąдs* i odpowiednio nasuwa na

myśl konstrukcję składniową z przyimkiem *do*, a więc frazy typu *pójść do domu*, *pójść do kina* etc. W *WSPRiRP PWN* autorzy ograniczają się jednak do podania lakonicznego *ноўму* (w nawiasie okrągłym) oraz ekwiwalentu polskiego — *pójść*. Znaczenie to można chyba przypisać jedynie następującym eksplikacjom w języku polskim oraz rosyjskim: ‘pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia’ oraz ‘идя, совершить путь мимо кого-л., чего-л., куда-л. или где-л.’. Jednak *WSPRiRP PWN* nie pozwala na taką jednoznaczną interpretację, o ile użytkownik nie posiada już pewnej wiedzy na temat leksemu *ноўму* w odpowiednich kontekstach, a jak zauważyliśmy wcześniej — po stronie polsko-rosyjskiej autorzy tego słownika notują lakonicznie: [przejść] 1. пройти 2. (w poprzek; z jednego miejsca na drugie; od jednej rzeczy do drugiej; od starego stanu, sytuacji do nowego stanu, sytuacji) перейти [...]. Mamy więc po raz kolejny do czynienia z rozwiązaniem, którego właściwe zrozumienie jest trudne lub wręcz niemożliwe.

Wyraz hasłowy *непейму* w *WSPRiRP PWN* również sprowadzony został do *minimum minimorum*, podano bowiem dwa ekwiwalenty (dwa znaczenia) bez szerszej informacji interpretacyjnej:

1. przejść
2. (*границу*) przekroczyć.

Oba ekwiwalenty mogłyby znaleźć się w jednym punkcie, przy czym leksem *przekroczyć* stanowiłby synonimiczną semantyzację dla leksemu *przejść*. Brak semantyzacji może w tym przypadku bezspornie prowadzić do błędnego użycia leksemu *непейму*. Zastanawia również fakt semantyzacji przy jednostce *przekroczyć* ograniczającej się do wyrazu *границу*, który chyba należy traktować jako wadę wynikającą z „tradycji” słownikarskiej, a mianowicie derywacji.

Jak zauważamy, największe słowniki przekładowe polsko-rosyjskie niejednokrotnie rejestrują badane jednostki w sposób utrudniający ich jasną interpretację kontekstową, co oznacza, że o ile słowniki te mogą być i zapewne są pomocne przy odczytaniu tekstu, to raczej nie sprzyjają tworzeniu poprawnego gramatycznie i semantycznie tekstu nowego.

PROPOZYCJA WYJŚCIOWA MODELOWYCH ARTYKUŁÓW HASŁOWYCH W SŁOWNIKU PRZEKŁADOWYM

W tej części artykułu proponujemy modelowe artykuły hasłowe, łączące rozwiązania stosowane w słownikach jednojęzycznych oraz

przekładowych, przy czym podstawę podziału znaczeń stanowi filiacja słownika języka polskiego, a każdemu znaczeniu przypisany jest jeden ekwiwalent z jednoznaczną, a przynajmniej dążącą do jednoznaczności ilustracją kolokacyjną. Staramy się w tym miejscu unikać wad badanych wcześniej słowników przekładowych, a mianowicie wszelkich niejasności wynikających z lakoniczności opisu, braku niezbędnych wskazówek semantycznych i składniowych, niedostatecznej separacji znaczeń i użyć, a także utrudniającej interpretację ilustracji hasłowej. Artykuły hasłowe w części rosyjsko-polskiej oparte są o materiał części polsko-rosyjskiej, co powinno pozwolić użytkownikowi na lepszą orientację w tekście słownika.

Poniżej przedstawiamy próbę budowy odpowiednich artykułów hasłowych:

[przejść]

- 1) (*idąc, przebyć jakąś drogę; przejść, przebyć, pokonać; przejść wzdłuż*) пройти (*что; куда; в каком направлении*); ~ kilka kroków пройти несколько шагов; ~ pieszo 18 kilometrów пройти пешком 18 километров; ~ do wyjścia пройти к выходу; ~ do przodu пройти вперед; ~ wzdłuż ulicy пройти улице;
- 2) (*idąc, przedostać się na drugą stronę czegoś*) перейти (*что; через кого, что*) ~ przez ulicę перейти (через) улице; ~ (przez) granicę перейти границу; ~ rzekę w bród перейти реку вброд;
- 3) (*pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia*) пройти / перейти (*куда*); ~ do przedpokoju пройти / перейти в прихожую;
- 4) (*idąc, minąć kogoś lub coś*) пройти (*что; мимо кого, чего*); ~ (minąć) centrum miasta пройти центр города; ~ (minąć) *jakąś* ulicę пройти *какую-л.* улице; ~ obok пройти мимо; minąć *kogo, co* пройти мимо *кого, чего*;

[пройти]

- 1) (*idąc przebyć jakąś drogę*) przejść, przebyć, pokonać; przejść wzdłuż; ~ kilka kroków пройти несколько шагов; ~ pieszo 18 kilometrów пройти пешком 18 километров; ~ do wyjścia пройти к выходу; ~ do przodu пройти вперед; ~ wzdłuż ulicy пройти улице;
- 2) (*pójść dokądś; zwykle do innego pomieszczenia*) przejść; wejść; ~ do przedpokoju пройти (też: перейти) в прихожую;
- 3) (*idąc, minąć kogoś lub coś*) przejść, minąć; ~ (minąć) centrum miasta пройти центр города; ~ (minąć) *jakąś* ulicę пройти *какую-л.* улице; ~ obok пройти мимо; minąć *kogo, co* пройти мимо *кого, чего*;

[перейти]

- 1) (*idąc, przedostać się na drugą stronę czegoś*) przejść, przekroczyć; przedostać się; ~ przez ulicę перейти (через) улице; ~ (przez) granicę перейти границу; ~ rzekę w bród перейти реку вброд;
- 2) (*pójść dokądś, zwykle do innego pomieszczenia*) przejść; wejść; ~ do przedpokoju перейти (też: пройти) в прихожую;

PODSUMOWANIE

Tak skonstruowane artykuły hasłowe — jak się wydaje — czynią zadość tradycji leksykograficznej (zasadnicza konstrukcja artykułu hasłowego), ale też praktyce użytkownika słowników (rozumianej jako *usability* bądź *user-friendliness*) oraz holistycznemu rozumieniu znaczenia obejmującemu zarówno elementy referencjalne, jak i areferencjalne. Nade wszystko jednak za element kluczowy znaczenia uznane jest w ww. podejściu użycie jednostki leksykalnej, a więc bycie, odnosząc się do tradycyjnej Saussure’owskiej dychotomii, przede wszystkim elementem *parole*, a dopiero w drugiej kolejności elementem *langue*. Podejście takie koresponduje zresztą z rozumieniem znaczenia jako umiejętności, o którym wspomina Piotrowski, ale też z Wittgensteinowskim-Ryle’owskim rozumieniem znaczenia jako użycia. W ujęciach tych zwraca się uwagę na to, że „znać znaczenie wyrażenia to znać zasady jego użycia”¹⁵, a „aby stworzyć tekst w obcym języku, należy umieć właściwie używać wyrazów w odpowiednich dla nich kontekstach”. Co zaś tyczy się kolokacji, o ile są one dla rodzimego użytkownika języka czytelne, to „dla innego użytkownika każde połączenie jednostek leksykalnych może być nieprzejrzyste”¹⁶. Świadomość taka oraz przyjęcie perspektywy użytkownika na pewno mogłyby wpłynąć korzystnie na nowe, nowoczesne i nastawione na efektywność słownictwo.

REFERENCES

- Atkins, Sue. “Bilingual Dictionaries: Past, Present and Future.” *Euralex '96 Proceedings*. (Ed.) Gellerstam, Martin i in. Göteborg. 515–546.
- Bogusławski, Andrzej. “Dwujęzyczny słownik ogólny. Projekt instrukcji z komentarzami.” *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. Red. Saloni, Zygmunt. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1988. 19–65.
- Bralczyk, Jerzy (Ed.). *Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005.
- Chlebda, Wojciech (Ed.). *Na tropach korpusów. W poszukiwaniu optymalnych zbiorów tekstów*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2013.
- Chlebda, Wojciech (Ed.). *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010.

¹⁵ Zob. R. Grzegorzczkowska, *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002, s. 22.

¹⁶ Por. T. Piotrowski, *Z zagadnień leksykografii*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1994, s. 143–148.

STRUKTURA SEMANTYCZNA...

- Chlebda, Wojciech. (Ed.). *Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011.
- Chwatow, Sergiusz and Timoszuk, Mikołaj (Eds.). *Wielki słownik polsko-rosyjski [i] rosyjsko-polski*. Warszawa: Wydawnictwo REA, 2008.
- Grzegorzczkova, Renata. *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
- Hessen, Dymitr and Stypuła, Ryszard. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Wyd. VII. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2004.
- Kuznetsov, Sergey. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint, 1998 [Кузнецов, Сергей. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 1998].
- Mędelska, Jolanta. Wawrzyńczyk, Jan. *Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych*. Kielce: Wydawnictwo Szumacher, 1992.
- Mirowicz, Anatol. Dulewiczowa, Irena. Grek-Pabis, Iryda. Maryniakowa, Irena. *Wielki słownik rosyjsko-polski*. Wyd. VIII. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2004.
- Piotrowski, Tadeusz. *Z zagadnień leksykografii*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994.
- Varantola, Krista. "The Dictionary User as a Decision Maker." *Euralex 1994 Proceedings*. (Ed.) Martin, Willy et al. Amsterdam. 606–611.
- Vlavatskaya, Marina. "«User's needs» как trebovaniya k sostavleniyu anglo-russkogo uchebnogo kombinatornogo slovarya" *Voprosy leksykografii* 2013, no. 2(4): 32–40 [Влавацкая, Марина. "«User's needs» как требования к составлению англо-русского учебного комбинаторного словаря" *Вопросы лексикографии*, 2013, no. 2 (4): 32–40].
- Wawrzyńczyk, Jan (Ed.). *Wielki słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007 [wersja elektroniczna 2.0 na płycie CD].

SVETLANA AHLBORN

Goethe-Universität Frankfurt

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8052-9323>**WOJCIECH SOSNOWSKI**

Instytut Slawistyki PAN

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-4505>

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE

IN THE CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE OUTSIDE OF RUSSIA

The article presents the analysis of etiquette formulas (forms of address, greetings and farewells) used between teachers of Russian as a foreign language and students studying Russian outside Russia. The survey was conducted among 100 teachers of Russian as a foreign language from 30 countries. The authors also analyze examples of the use of speech etiquette in parallel corpora and validate the pragmatics against a number of well-established dictionaries of the Russian language. The authors conclude that during speech acts, different linguistic pictures of the world and the norms of language politeness of teachers and students influence each other. The authors observed the culturally conditioned lacunarity of the forms of address and cases of substitution of speech etiquette. The obtained results of the study can be explained by the dynamic development of Russian speech etiquette and the lack of stable norms that can be offered to students in the teaching process.

Keywords: lacunarity, substitution, speech etiquette, parallel corpora, forms of address

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Установление и сохранение желаемого контакта с помощью средств этикета — это важнейший элемент межлического общения. Потребностью любого человека является проявление уважения к нему и его родной культуре на уровне вербальной и невербальной коммуникации. В связи с этим изучение темы речевых актов привлекало и привлекает многих ученых¹. Этот

¹ J. L. Austin, *How to Do Things with Words*, Harvard University Press, Cambridge 1962; P. Brown, S. C. Levinson, *Politeness. Some universals in language usage*

вопрос встает не только перед исследователями-теоретиками, но также перед преподавателями-практиками иностранных языков. Общеизвестно, что изучение и усвоение лексико-грамматического уровня языка не дает гарантии успешной коммуникации, так как за любым естественным языком в первую очередь стоит национальная культура, продуктом которой и является язык. Поэтому перед изучающим иностранный язык стоит более сложная задача, так как в процессе обучения происходит столкновение двух разных языковых картин мира — родной и чужой. Только постепенное, даже искусственным путем, принятие и усвоение чужой картины мира может обеспечить и приблизить пользователя языка к естественной и успешной коммуникации.

1.2. Предметом нашего исследования стал выбранный фрагмент языковой картины мира — этикетные формулы (точнее приветствия и прощания), а также формы обращения между преподавателями русского языка как иностранного и учащимися², проживающими и изучающими русский язык за пределами языковой среды, в данном случае России. Исследование вызвано тем, что в последнее время наблюдается огромный интерес к таким научным дисциплинам как лингвокультурология и лингвострановедение, что в свою очередь объясняет актуальность необходимости изучения языка с его полной кумулятивной и культураносной функцией.

1.3. Особой трудностью в преподавании и изучении русского языка как иностранного является, во-первых, динамика развития современного русского этикета, во-вторых, отсутствие устоявшейся системы, готовой матрицы, которую можно преподавать и закрепить у иностранного учащегося. На протяжении последних 30-ти лет в русском речевом этикете

(17 ed.), Cambridge University Press, Cambridge 2008; Ю.Д. Апресян, *Перформативы в грамматике и в словаре*, «Известия РАН. Серия литературы и языка» 1986, т. 45, по. 3, с. 208–223; Л.П. Рыжкова, *Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореферат дис. к.ф.н.*, Москва 1982; Л.В. Кожухова, *Речевой акт обращения*, «Вестник Ставропольского государственного университета» Ставрополь 2007, вып. 48, с. 80–85; K. Wiczorek, *O tak zwanych pośrednich aktach mowy*, «Edukacja Filozoficzna» 1997, vol. 24, с. 215–226; K. Wiczorek, *Skuteczność komunikacji w perspektywie teorii aktów mowy*, maszynopis pracy doktorskiej, Katowice 1999.

² В данной статье употребляем равноправно определения: ученик, студент, учащийся. Опрашиваемые нами преподаватели работают исключительно со взрослой аудиторией (18+) и со студентами в вузах, слушателями на курсах, учениками на индивидуальных занятиях.

происходят невероятные изменения. Отдельные исследователи указывают на факт сдвига русского речевого этикета в сторону европейского³. Огромной проблемой является историческая утрата после 1917 года сложившейся веками системы обращений и неудачные попытки восстановления той же системы после распада СССР. А обращения — это закрепившиеся, повторяемые в определенных ситуациях выражения, реализующие общественную модель поведения. Все эти факторы затрудняют процесс обучения русскому языку как иностранному.

1.4. Просмотр и анализ учебных пособий по русскому языку как иностранному, изданных после 1991 года, отражает сумбурность самого явления, каким является речевой этикет в России. Если в девяностых годах XX века преподаватели русского языка с радостью учили «восстановленным» формам «господин», «госпожа», то уже в начале XXI века стало понятно, что эти искусственные формы не сработают в речевых актах иностранца с россиянами. Другой случай — это когда на месте устоявшегося «здравствуйте» появляется «добрый день» или вместо «до свидания» или «пока» — «хорошего (вам) дня, вечера» и т.д.

Большинство учащихся из самых разных стран ожидает, что преподаватель русского языка обучит его одной, готовой и работающей в любой ситуации модели. Действительность показывает, что это невозможно. Вся картина усложняется тем, что при преподавании русского языка как иностранного за пределами России, друг на друга накладывается несколько фоновых пластов. Во-первых, это родная культура преподавателя (который не всегда является русским), во-вторых, родная культура учащегося (которая далеко не всегда совпадает с родной культурой преподавателя) и, наконец, объект самого изучения — русский язык и русская культура.

Учебники и пособия по русскому языку как иностранному дают некоторые указания на формирование речевого этикета у учащегося, но на практике только сам преподаватель и его ученик устанавливают отношения чисто интуитивным способом, используя все возможные ресурсы русского языка. Это вызвано, кроме прочего, отсутствием универсальной модели речевого этикета в русском языке.

³ М.А. Кронгауз, *Русский речевой этикет на рубеже веков*, «Russian Linguistics» 2004, no. 28, с. 163–178; М.А. Кронгауз, *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология*, «Доклады международной конференции Диалог» 2004, <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (28.08.2019).

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

2.1. Объектом исследования стали обращения, приветствия и прощания. Обращение относится к самым важным языковым средствам, с помощью которых участники интеракции налаживают и устанавливают отношения, возникшие между ними⁴. Обращения вместе с другими этикетными формулами входят в состав так называемой категории вежливости⁵. Под понятием «обращения» понимаем такие высказывания, которые с помощью прономинальных форм или их эквивалентов, междометий, номинальных и атрибутивных форм (некоторые притяжательные местоимения, прилагательные), используются для установления языкового контакта с адресатом/адресатами, поддержания контакта, а также для определения общественного статуса автора высказывания по отношению к адресату/адресатам согласно общественным культурным нормам, устанавливающим степень и характер дистанции между партнерами речевого акта⁶. Основная цель обращений заключается также в их фатической функции. Соответственно их задача — поддержать уже существующий контакт⁷. Под понятием «этикет» понимаем такие способы речевого поведения, которые заключаются в установлении личностных отношений с собеседником (приветствие, прощание и др.), а не в вербальном сообщении информации. С помощью слова «здравствуйте» мы ничего не сообщаем, мы устанавливаем контакт с другим человеком (к которому обращаемся на «Вы»!). Сигналом перехода к более близким отношениям будет слово «привет» (из интервью с Максимом Кронгаузом). Таким образом, этикетные формулы помогают установить отношения между людьми или возобновить их.

Следует подчеркнуть, что обращения и другие вербальные элементы этикета относятся к группе перформативных высказываний. Соответственно, эти высказывания не проверяются логическими категориями истины или лжи. К ним следует при-

⁴ C. Kerbrat-Orecchioni, *Le discours en interaction*, Armand Colin, Paris 2005.

⁵ P. Brown, S. C. Levinson, *Politeness. Some universals in language usage* (17 ed.), Cambridge University Press, Cambridge 2008.

⁶ E. Tomiczek, *System adresatywny współczesnego języka polskiego i niemieckiego: socjolingwistyczne studium konfrontatywne*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1983.

⁷ A. Zwicky, *Hey, whats your name!*, «Chicago Linguistics Society» 1974, no. 10, с. 787–801.

менять категорию уместности употребления. Это высказывания, в которых говорящий или пишущий не сообщает нечто, а совершает некоторое действие. Обращение является центральным понятием в теории речевых актов.

2.2. Для обращений и других этикетных формул характерна определённая степень автоматизации. Она вырабатывается разными путями. Во-первых, путем усвоения родного языка и культуры, а также норм вежливости, принятых в данном обществе. Чаще всего это происходит подсознательным путем, который, конечно, корректируется в ходе воспитания и обучения в школе. Во-вторых, это сознательное овладение правилами этикета в процессе обучения иностранному языку, которое корректируется преподавателем и жизненной практикой. В нашем исследовании имеем дело со вторым случаем. Источником обучения этикету является изначально преподаватель и те пособия, которые он использует в ходе занятий.

2.3. Формы обращений и другие этикетные формулы играют важнейшую роль в общении. От них зависит как дальнейшее развитие диалога, так и развитие отношений между собеседниками. Выбранные нами для анализа роли участников коммуникативного акта (преподаватель–студент) заранее предполагают вежливое и формальное общение, направленное на достижение успеха, компромисса при желании обеих сторон диалога выражать уважение друг к другу и к родной культуре.

2.4. Обращения относят к группе безэквивалентной лексики⁸, где «безэквивалентная единица — та, которая есть в одном языке и отсутствует в другом языке или языках»⁹. Если учесть факт, что к этой группе относятся так называемые реалии, то к безэквивалентным единицам русского языка следует отнести обращение по имени и отчеству. Именно такая форма обращения принята в русской официальной культуре и российской системе образования по отношению к учителю.

Хотя обращения по имени-отчеству в официальном общении являются в русском этикете нормой, в настоящее время наблюдается постепенное вытеснение отчеств во многих де-

⁸ M. Jaskot, W. Sosnowski, *Категория обращения как пример безэквивалентной лексики // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры*, МАПРЯЛ, Гранада 2015, с. 511–515.

⁹ Ю.А. Москвин, *Большой словарь иностранных слов*, Издательство Центрполиграф, Москва 2003.

ловых коллективах России. Как отмечает Кронгауз, «эта тенденция действует в тех сферах общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию. Можно утверждать, что в основном она имеет место в речевых рамках современного бизнессообщества»¹⁰. Смещение двух систем, а именно употребление имени и отчества или просто имени имеет место и в ряде телевизионных программ¹¹.

Однако, к преподавателю вузов и других учебных заведений принято всё ещё обращаться как устно, так и письменно по имени-отчеству. Помимо этого, отмечается повышенная частотность обращений. По словам Кронгауза, «в разговоре студента с профессором вежливый студент, как правило, повторяет время от времени имя отчество профессора»¹². Повторение обращения способствует поддержанию и подтверждению контакта с адресатом. Наталья Формановская отмечает, что использование имени и отчества «следует всячески поддерживать, так как русисты многих стран на уроках русского языка действуют по правилам речевого поведения в родном языке и нарушают русский узус»¹³. Отклонение от стандартной нормы обращения объясняется, с одной стороны, иным способом употребления отчеств в других странах. Так, несмотря на наличие трёх официальных паспортных имён в Болгарии, например, Лиана Димитрова Пеева, использование имени-отчества по русскому образцу затруднено. В Болгарии употребление имени отца отличается от русского отчества, так как оно выступает скорее в качестве второй фамилии¹⁴. С другой стороны, в подавляющем большинстве культур отчества отсутствуют.

При описании данного явления в российских исследованиях больше всего используется слово «лакуна» (от лат. *lacuna* — углубление) — это пробел, пропуск, отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при ее наличии в другом языке или языках»¹⁵. Языковую лакуну можно выявить только при сопоставлении двух или большего количества языков и ми-

¹⁰ М. А. Кронгауз, *Русский речевой этикет...*, с. 186.

¹¹ М. Кронгауз, *Русский язык на грани нервного срыва...*

¹² М. А. Кронгауз, *Русский речевой этикет...*, с. 173.

¹³ Н. И. Формановская, *Русский речевой этикет: Лингвистический и методические аспекты*, Изд. 5-е, ЛЕНАНД, Москва 2015, с. 89.

¹⁴ Там же, с. 150.

¹⁵ А. А. Сименюк, И. А. Городецкая, *Лексические трудности русского языка*, Русский язык, Москва 1999.

нимум при двух языковых картинах мира. В связи с этим имеем дело с двусторонней лакунарностью. Для русского языка лакуной будут этикетные формулы: pan, pani, Herr, Frau, best regards, szanowny и т.д. Для иностранных учащихся лакуной будет отчество. Теоретически отчество можно было бы отнести к эквивалентным единицам, так как возможно его образование в любом языке. Однако опыт показывает, что иностранный преподаватель русского языка не представляется по имени-отчеству по ряду причин. Во-первых, в его культуре отсутствует такая форма и он предпочел бы представиться, например, двумя именами, как это принято в большинстве европейских стран. Во-вторых, искусственное образование отчеств может привести к комическим образованиям (Жан-Луи Пьерович, Войцех Збигневович). И наконец, в-третьих, такое обращение не принято в системе образования данной страны.

3. ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ В КОРПУСАХ И СЛОВАРЯХ

3.1. В настоящее время огромное значение в преподавании иностранных языков придается языковым корпусам, как национальным, монолингвальным, так и параллельным, полилингвальным, как письменным, так и устным. Обзор этих инструментов, проведенный для этого исследования, показал, что корпусные данные могут всего лишь предложить один из вариантов форм обращений, но не решат за говорящего проблему правильного высказывания в данной обстановке. В качестве иллюстрации хотим представить выбранные нами примеры из параллельных немецко-русских и польско-русских корпусов.

<p>— Леонид Андрейч! — пролепетала Маша, и я понял, что она сильно влюблена в Кулика. [В. Г. Сорокин, <i>Путь Бро</i> (2004)]</p>	<p>» Herr Kulik! «, stammelte Mascha. Man merkte sofort, wie sehr sie in ihn verliebt war. [V. Sorokin, <i>Bro</i> (A. Tretner, 2007)]</p>
<p>— Коллега, если вы пошли с нами, чтобы мешать, я вас отправлю назад [В. Г. Сорокин, <i>Путь Бро</i> (2004)]</p>	<p>Herr Kollege, wenn Sie nur mitgekommen sind, um zu stänkern, dann schicke ich Sie retour [V. Sorokin, <i>Bro</i> (A. Tretner, 2007)]</p>

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ...

Der Lehrjunge hatte frei und Herr Fusi war allein. [М. Ende, <i>Момо</i> (1973)]	Ученика он отпустил и теперь был один. [Михаэль Энде, <i>Момо</i> (Ю. И. Коринец, 1982)]
Генеральные консулы РФ — в Мюнхене: Андрей Юрьевич Грозов, и в Зальцбурге: Борис Георгиевич Красовский — присутствовали на Божественной литургии и личной беседе с архиеп [«Вестник Германской епархии РПЦЗ» 2011, no. 1 (ABBYU LingvoPRO)]	Die beiden Generalkonsuln — von München: Andrej Grozov, und von Salzburg: Boris Krassovskij — nahmen zwar an der Göttlichen Liturgie teil [«Der Bote» 2011, no. . 1]

Источник: <http://www.ruscorporora.ru>

— Panie profesorze, ten doktor Rührtgard z oddziału chorób zakaźnych szarogęsi się i wydaje mi polecenia względem tego [...] [М. Krajewski, <i>Widma w mieście</i>].	— Господин профессор, этот доктор Рютгард с отделения заразных болезней возомнил о себе и дает мне указания насчет [...] [М. Краевский, <i>Призраки Бреслау</i>]
--	--

— Panie profesorze, mamy nowego ucznia [...] [S. Żeromski, <i>Szyfowe prace</i>]	— Господин учитель, у нас новый ученик. [С. Жеромский, <i>Сизифов труд</i>]
--	---

«Newsweek»: Panie profesorze, ostatnio Rosja ociepla wizerunek, rezygnuje z retoryki siły, rusza do ofensywy dyplomatycznej. [Z. Brzeziński, <i>Nadszedł czas Polski</i> (rozm. T. Deptuła)]	«Newsweek»: В последнее время Россия делает свой имидж более теплым, отказывается от риторики силы, идет в дипломатическую атаку З. Бжезински Збигнев, . [<i>Поляки стали по-другому относиться к России</i> (инт. Т. Дептула)]
---	---

Источник: <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/>

Przepraszam, pani profesor , ale nie będę opowiadał kłamstw.	Простите, профессор. Но я не должен лгать.
Ale my jesteśmy otwarci, panie profesorze .	И мы готовы пойти вам навстречу, господин профессор.

— Dlaczego tak gniewnie, panie profesorze?	— Зачем же так сердито, профессор?
Dziękujemy, panie doktorze.	Спасибо, доктор.

Источник: <https://kontext.clarin-pl.eu>

Итак, следует сделать вывод о том, что параллельные корпусы не дают достоверной информации об обращениях и демонстрируют лакуарность или субституцию речевых эквивалентов. Корпусные данные демонстрируют стремление переводчиков передать формы речевого этикета путем их замены на культурнообусловленные эквиваленты. Так, например, как в русско-немецком корпусе, так и польско-русском отчества в немецком или польском переводе либо опускаются, либо заменяются на форму «господин и фамилия» и т.д. Таким образом, материалы параллельных корпусов могут быть лишь вспомогательным инструментом, указанием, намеком на какое-то употребление, но не разрешают проблему обучения этикету в иностранной аудитории.

3.2. Одно-, дву- и многоязычные словари продолжают оставаться главным источником информации о семантике, прагматике и стилистике языковых средств. Это касается как изучения родного, так и иностранного языка и перевода с родного и на родной язык. Анализ словарей¹⁶ с точки зрения описания форм обращений, позволяет сделать вывод, что нет идеальной лексикографической разработки, которая бы полностью решала прагматическую функцию, так как «полной словарной статьей была бы такая, в которой учитывались бы следующие факторы:

1. К кому и в какой коммуникативной ситуации можно употребить то или иное обращение (напр., при обращении к преподавателю вуза).

2. В каких коммуникативных ситуациях может быть употреблена данная форма обращения (напр., формальная ситуация: Товарищ генерал! и неформальная: Дорогой Стас!).

3. Какова дистанция между собеседниками (личная ситуация): любимая сестричка; или общественная дистанция: (мед) сестра! (к медсестре).

¹⁶ W. Sosnowski, *Kategoria adresatywności w bułgarskich, polskich i rosyjskich opracowaniach leksykograficznych. Problemy i rozwiązania* // B. Borkowska-Kępska, G. Gwóźdź (ред.), *LSP Perspectives 2. Języki specjalistyczne — nowe perspektywy 2*, Wyższa Szkoła Biznesu w Dąbrowie Górniczej, Dąbrowa Górnicza 2017, с. 129–140.

4. В каких отношениях должны находиться собеседники (симметричные/равноправные): — Анна Степановна — Игорь Васильевич (коллеги на работе на одинаковых должностях) или (асимметричные/неравноправные): Господин профессор! — Танечка (научный руководитель и аспирант).

5. Какие чувства сопровождают говорящего по отношению к адресату во время речевого акта (напр., любовь: — Ласточка, — Котёнок, — Зайка; дружба: — Братан, — Стёпа, — Дружище, чувство превосходства: — Жмот, — Недоучка¹⁷).

В случае последнего фактора имеем уже дело с обращением как дискретным модальным оператором¹⁸. Картина намного усложняется, если ко всем этим обращениям добавить этикетные формулы прощаний и приветствий.

Итак, ни один из словарей не решит за нас проблему построения правильного прагматически высказывания, уместного в данном речевом акте.

4. Необходимость данного исследования вызвана многими факторами. Во-первых, как было сказано выше, учебники, пособия, корпуса и словари не окажут нам достаточной помощи в обучении навыкам устного и письменного общения между преподавателем и студентом. Во-вторых, во время многочисленных научно-практических семинаров иностранные преподаватели советовались с российскими коллегами по этому вопросу и не получили однозначного ответа. В-третьих, авторам хотелось с помощью анкетирования обнаружить некоторые закономерности в существующем на данный момент этикете преподавателей и студентов, изучающих русский язык за рубежом.

Поэтому в данном исследовании нами была создана одна конкретная ситуация общения в определенной социокультурной обстановке: 1. Четко определен статус участников речевого акта. Формальная ситуация преподаватель—студент; 2. Устная и письменная формы общения; 3. Русский язык как форма общения.

5. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

5.1. Данная работа основана на результатах опроса, целью которого было исследование обращений, приветствий и прощаний

¹⁷ Там же, с. 139.

¹⁸ W. Sosnowski, *Forms of address as discrete modal operators*, «Cognitive Studies»/«Études cognitives» 2016, vol. 16, с. 23–32.

в устной и письменной форме на занятиях по русскому языку как иностранному, проводимых вне языковой среды. При этом были исследованы, с одной стороны, используемые формы обращения в устной речи со стороны студентов к преподавателю русского языка, а с другой стороны, — используемые формы приветствия и прощания при переписке между преподавателями и студентами.

В анкетировании приняло участие более 100 преподавателей русского языка из 30 стран: из Австралии, Австрии, Азербайджана, Армении, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Кипра, Латвии, Литвы, Мексики, Перу, Польши, Никарагуа, США, Сербии, Словакии, Украины, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Южной Кореи (рис. 1 и 7).

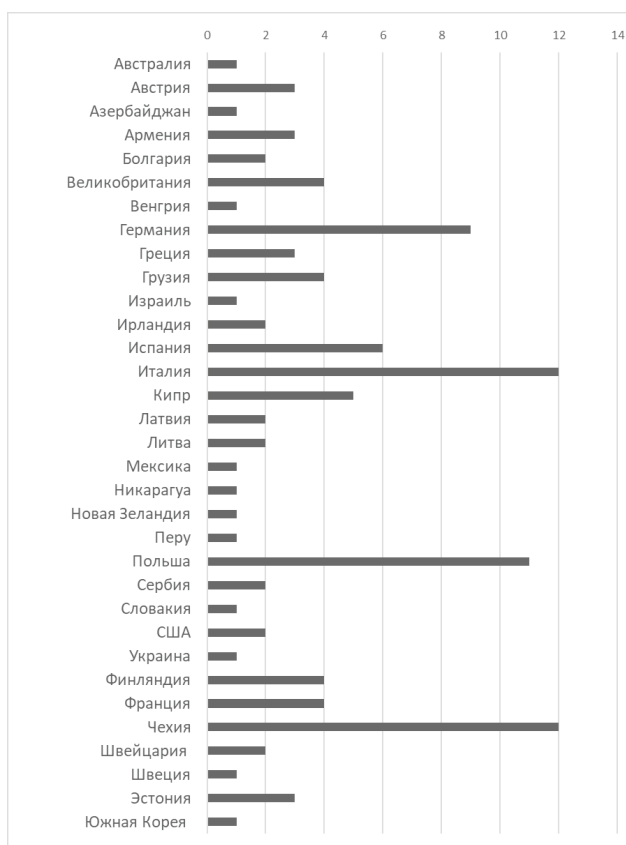

Рисунок 1: Страны-участники опроса

Опрошенные преподаватели работают на лингвистических факультетах университетов, в языковых центрах при университете, в независимых языковых центрах или дают частные уроки (рис. 2).

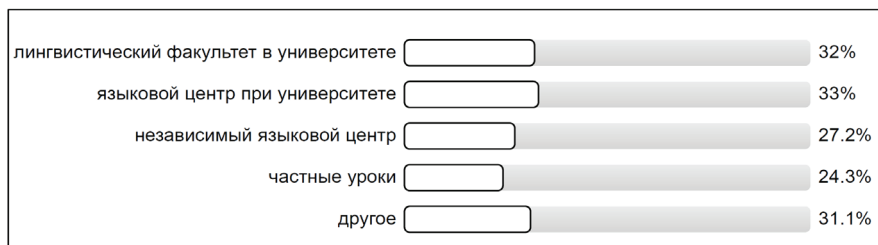

Рисунок 2: Место работы информантов

Целевой аудиторией являются студенты самых разных национальностей: американцы, англичане, вьетнамцы, итальянцы, китайцы, корейцы, литовцы, молдаване, немцы, поляки, русские немцы, сербы, турки, финны, французы, чехи, шведы и т.д. 75% из них в возрасте 19–25 лет, 13% в возрасте 25–30, 12 % от 30 лет и старше.

5.2. АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В УСТНОЙ ФОРМЕ

5.2.1. ОБРАЩЕНИЯ ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ: ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обратимся к результатам опроса об употреблении студентами имени и отчества преподавателя при устной форме общения. При этом в анкете были сформулированы два вопроса: обращение к преподавателю вне аудитории и обращение на занятии по уровням.

5.2.2. ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕПОДАВАТЕЛЮ (ПРИ НАЛИЧИИ ОТЧЕСТВА) ВНЕ АУДИТОРИИ

Несмотря на то, что среди опрошенных преподавателей 70,7% имеют отчества, вне занятий к 57,3% преподавателей студенты обращаются по имени и только к 17,5% — по имени и отчеству. При этом наблюдается использование обращения по имени или имени и отчеству в зависимости от того, как сами преподаватели обращаются к своим коллегам. Студенты выбирают форму, которую они слышат (рис. 3–4, 5–6).

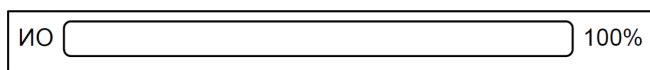

Рисунок 3: Форма обращения со стороны студентов вне аудитории по ИО

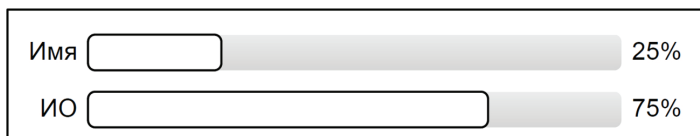

Рисунок 4: Обращение к другому преподавателю по ИО в присутствии студентов

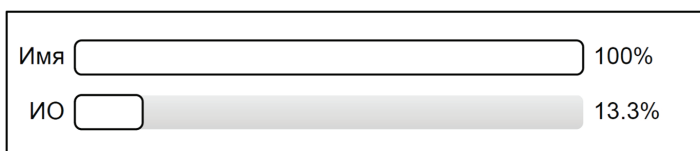

Рисунок 5: Форма обращения со стороны студентов вне аудитории по имени

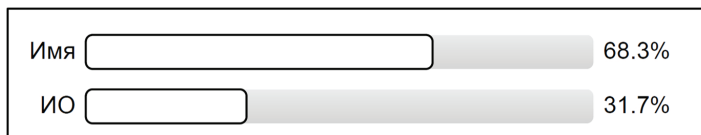

Рисунок 6: Обращение к другому преподавателю по имени в присутствии студентов

В остальных случаях имеет место либо лакунарность обращений: студенты обращаются без имени и сразу переходят к вопросу или просьбе, либо калькирование: при этом используются нестандартные для русского узуса формы обращения, как, например: Frau Ahlborn, Miss, Miss Novikova, Ma'am, Professore/prof., Señora Elena, Фрау Светлана, Пани Анна, госпожа учительница, дорогой преподаватель, преподаватель, господин, Фрау профессор.

5.2.3. ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕПОДАВАТЕЛЮ (ПРИ НАЛИЧИИ ОТЧЕСТВА) НА ЗАНЯТИЯХ ПО УРОВНЯМ

Если рассматривать обращения к преподавателю в зависимости от языкового уровня А1–С2, то только в единичных случаях сту-

дентами употребляется обращение по имени и отчеству. Данная форма тогда отдельно обрабатывается и репетируется хором. Употребление обращения по имени и отчеству наблюдается, начиная от уровня А2 и, как правило, обосновывается 3–4-месячной языковой практикой в России. В отдельных случаях, начиная от уровня В1, 70–80% обращаются по имени и отчеству, 10–15% по имени, 15% – без обращения.

Общим обращением для всех преподавателей является использование полной формы имени и обращение на «Вы». Исключением является Финляндия, где к преподавателю обращение на «ты» является вежливой формой обращения, поэтому при обращении возможно «скажи» вместо «скажите».

5.2.4. ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕПОДАВАТЕЛЮ (ПРИ ОТСУТСТВИИ ОТЧЕСТВА) ВНЕ АУДИТОРИИ И НА ЗАНЯТИЯХ ПО УРОВНЯМ

Среди опрошенных преподавателей 29,3% составляют преподаватели из Италии, Польши и Чехии, у которых отчества отсутствуют.

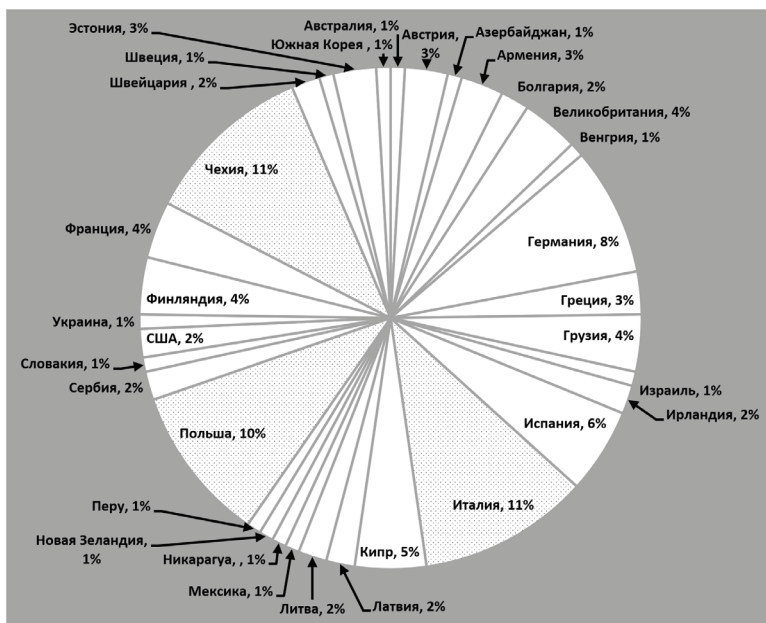

Рисунок 7: Страны, в которых среди опрошенных преподавателей отсутствуют отчества

Вне аудитории студенты также сразу либо переходят к вопросу, либо используют способы привлечения внимания без номинации адресата (извините, скажите, мне нужно/мне надо и т.д.), обращаясь на Вы, либо используют характерные для этих стран обращения по степени (званию) и фамилии: Panie Doktorze, Panie Profesorze, Proszę Pana, Professor, Mr Sosnowski, Professor Sosnowski, Professore, professor Sabbatini, Профессор, господин Сосновский, Pani doktorko (госпожа доктор), Pani magistro, доктор Новакова. Эта же тенденция наблюдается на занятиях всех языковых уровней.

5.2.5. ВЫВОДЫ: АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В УСТНОЙ ФОРМЕ

Формы обращения являются важным средством установления контакта между преподавателем и студентами. Наблюдаемые формы обращения диктуются ситуацией, социальными, а также культурными свойствами коммуникантов. Наше исследование показало, что используемые формы обращений находятся под сильным влиянием правил речевого этикета соответствующей страны. Так, наблюдается субституция обращений к преподавателям. К работающим в Германии преподавателям используется обращение Frau + имя, Herr + имя; к преподавателям в Польше: пани, пан, proszę pani, pana; к преподавателям в Чехии: pani doktorko, magistro; к преподавателям в Англии: Miss, Ma'am; к преподавателям в Швеции — обращение по имени и т.д.

В.В. Высоцкая, исследовавшая систему русских обращений в историческом аспекте на материале художественных текстов, отмечает, что для каждого периода существует типичный набор обращений, который меняется как в качественном, так и в количественном отношении¹⁹. Встает вопрос о том, является ли необходимым использование традиционных для России форм обращений на занятиях, проводимых вне языковой среды. Подчеркнем, следуя за Сакмарой Ильенко, что обращения являются наиболее очевидным средством установления межличностных отношений, в данном случае между преподавателем и студен-

¹⁹ В.В. Высоцкая, *Система русских обращений в историческом аспекте: конкурирующие тенденции* // Л.Л. Федорова (ред.), *Конкуренция в языке и коммуникации*, Российский государственный гуманитарный, Москва 2017, с. 78.

том²⁰. Использование культурно обусловленных, привычных для студентов форм обращений удобно и естественно. Одна преподаватель из Чехии отметила в опросе, что она пыталась подтолкнуть студентов к тому, чтобы они к ней обращались на русском языке по имени, но эта форма обращения была не принята чешскими студентами, так как в академической среде в Чехии обращаются по степени (званию) и фамилии. Обращения по имени-отчеству к преподавателям русского языка, у которых отсутствуют отчества, например, полякам, создают неестественную форму общения и для преподавателей.

Всё же, независимо от страны преподавания, студентов необходимо познакомить с правилами, нормой (и также её отклонениями) речевого поведения при обращении, представить систему стандартных форм обращений, приветствий, прощаний в устной и письменной речи. Для этой цели следует предложить ряд упражнений, диалогов, а также продемонстрировать использование обращений на примере текстов и фильмов.

Хочется также отметить, что проведенный опрос заставил некоторых преподавателей еще раз задуматься над темой обращений на занятиях по русскому языку. Некоторые отметили в опросе, что хотят теперь провести эксперимент и попробовать ввести отчество для обращения к преподавателю.

5.3. АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ

Все опрошенные преподаватели активно общаются со студентами в письменной форме, при этом, у 19,4 % письменное общение происходит на русском языке и у 80,6 % — на смешанном. Общение происходит преимущественно по имейлу (85,4%) или через онлайн-платформу (43,7%):

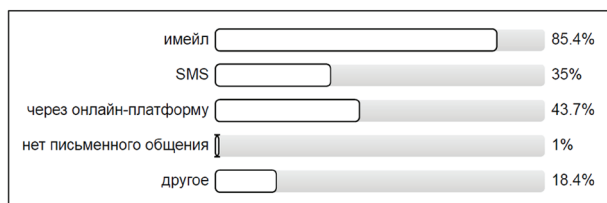

Рисунок 8: Каналы письменного общения

²⁰ С.Г. Ильенко, *Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка*, Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург 2009.

Некоторые преподаватели разделяют каналы письменного общения в зависимости от уровня. Так, на начальном уровне переписка происходит по имейлу, а на продвинутых — через Ватсап или Фейсбук.

При этом отмечается преобладающая форма обращения на Вы (71,4%):

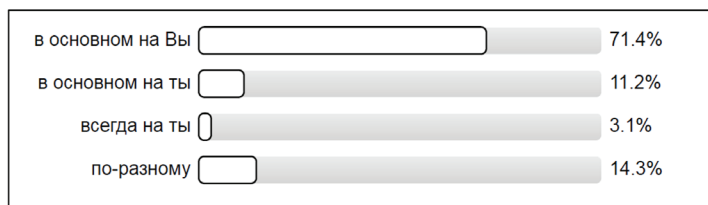

Рисунок 9: Обращение студентов к преподавателю на Вы в письменной форме

Форма письменного общения зависит от таких факторов, как возраст, пол, национальность, степень знакомства, личные взаимоотношения, специфика места преподавания. Процентное распределение этих факторов продемонстрировано на следующем графике (рис. 10):

Рисунок 10: Факторы зависимости формы письменного общения

Перейдем к рассмотрению используемых письменных форм при приветствии и прощании.

5.3.1. ПРИВЕТСТВИЯ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К СТУДЕНТУ

При помощи нашего опроса хотелось также выяснить, каковы, с одной стороны, начальные формы письма при первом обращении преподавателя к отдельному студенту или к группе студентов, а с другой стороны, — какие формы встречаются при регулярной переписке.

Так, при первом обращении к отдельному студенту используются приветствия «Добрый день, доброе утро, добрый вечер» и «Здравствуйте». За ними следуют по частотности употребления «Уважаемый», «Уважаемый + имя», «Уважаемый + господин/госпожа + фамилия». Употребляется также приветствие «Привет!» и обращение «Дорогой, дорогая» (рис. 11).

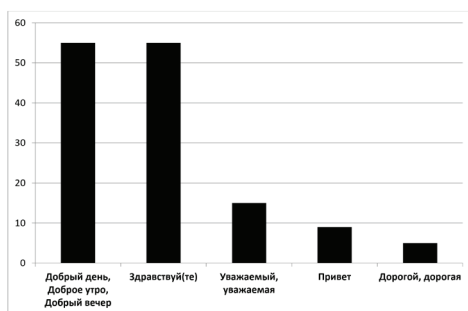

Рисунок 11: Приветствия в письменной форме от преподавателя к отдельному студенту при первом обращении

При регулярной переписке с отдельным студентом часто добавляется имя: «Добрый день + имя», «Здравствуйте + имя». При этом появляется использование формы «дорогой/дорогая»: «Здравствуйте, дорогой/дорогая + имя», «Дорогой, дорогая + имя».

Нужно заметить, что приветствие «Здравствуйте» преобладает над приветствием «Добрый день» при первом обращении к группе студентов по сравнению с обращением к отдельному студенту: «Здравствуйте», «Здравствуйте, дорогие студенты», «Здравствуйте, дорогие участники курса», «Добрый день, дорогие студенты»:

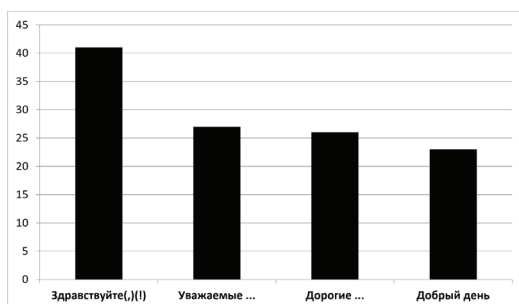

Рисунок 12: Приветствия-обращения в письменной форме от преподавателя к группе студентов при первом обращении

Формы «Уважаемые студентки, уважаемые студенты» и «дорогие...» употребляются равномерно, и, по всей вероятности, находятся в зависимости от культурнообусловленных форм. Рассмотрим эти случаи субституции внимательнее.

Результаты опроса показали, что форма «Уважаемый, уважаемые» при первом письменном обращении как к отдельному студенту, так и к группе студентов используется практически без исключения преподавателями Польши, Чехии и Германии. Это объясняется принятыми формами обращения к преподавателю и студенту в письменной форме в стране проживания при приветствии: польск. Szanowny Panie Doktorze, Уважаемый господин доктор; Szanowny Panie, Уважаемый господин; чеш. Vážený paní magistro + фамилия, paní + фамилия/уважаемая госпожа магистр + фамилия, госпожа + фамилия; нем. Sehr geehrte Frau Professor, ...Sehr geehrter Herr Professor, Глубокоуважаемая госпожа профессор, Глубокоуважаемый господин профессор.

5.3.2. ПРИВЕТСТВИЯ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ ОТ СТУДЕНТА К ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

При письменном обращении со стороны студентов форма «Добрый день» не является преобладающей по сравнению с ее употреблением преподавателями. Используются следующие формы, которые часто дополняются фамилией преподавателя: «Здравствуйте», «Уважаемая госпожа + фамилия», «Уважаемый господин + фамилия», «Добрый день», «Привет»:

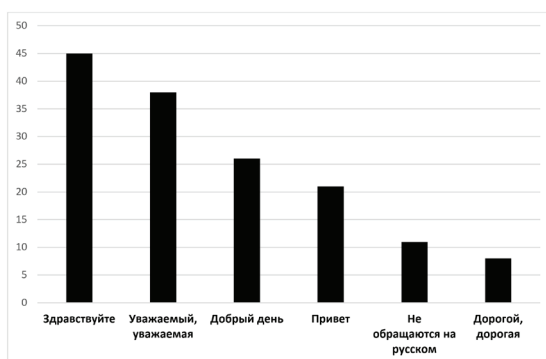

Рисунок 13: приветствия-обращения в письменной форме от студента к преподавателю.

5.3.3. К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРИВЕТСТВИЙ «ЗДРАВСТВУЙТЕ» И «ДОБРЫЙ ДЕНЬ»

Итак, результаты опроса демонстрируют использование в письменной форме приветствий «Здравствуйте» у студентов, «Здравствуйте» и «Добрый день» у преподавателей при первом обращении к отдельному студенту и «Здравствуйте» у преподавателей при первом обращении к группе студентов. Как показывают исследования, эти формы приветствия являются наиболее употребительными и стилистически нейтральными для русского узуса²¹. Данные русского национального корпуса, отражающие данные устной и письменной речи, позволяют проследить использование этих приветствий: в то время как «здравствуйте» активно используется на протяжении последних 200 лет (рис. 14), приветствие «добрый день» становится резко высокочастотным только в последние годы (рис.15)

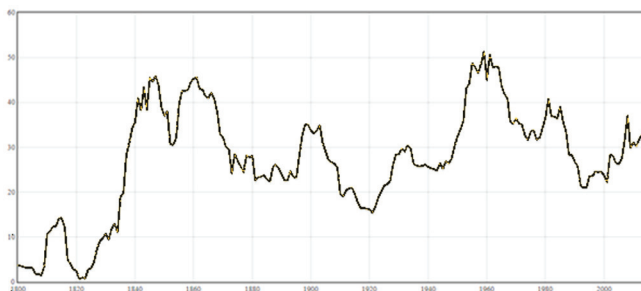

Рисунок 14: Развитие употребления приветствия «Здравствуйте» (1800–2000+)

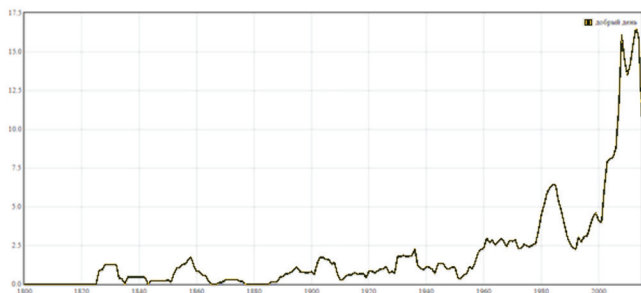

Рисунок 15: Развитие употребления приветствия «Добрый день» (1800–2000+)

²¹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Этикет русского письма*, Ленанд, Москва 2005.

Наблюдаемая повышенная частотность приветствия «Добрый день» объясняется, по-видимому, стилистически более нейтральной формой, так как по сравнению со «Здравствуйте» в этом приветствии отсутствует грамматическое указание на обращение на ты или Вы. В особых случаях «Добрый день» становится даже обязательной формой употребления. Так, в справочном отделе на сайте new.gramota.ru был задан следующий вопрос:

Здравствуйте! С приходом нового руководителя в наше медицинское учреждение неизбежно последовали изменения. Одно из первых — это правило приветствия пациентов, а именно: *не допускается приветствие «Здравствуйте!» (выделено авторами)*. А в зависимости от времени суток вводится приветствие «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер». Соответственно, возник вопрос: до которого часа говорить утро, до которого — день и т.д.? Возможно, мой вопрос произведет нелепое впечатление, но для нас это очень серьезно, *т.к. нарушения будут караться материально. (выделено авторами)*. Благодарю! С уважением, xxx²².

В какой мере, в каких социальных областях прослеживается данная тенденция употребления приветствия, является темой дальнейшего исследования.

5.3.4. ПРОЩАНИЯ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К СТУДЕНТУ, ОТ СТУДЕНТА К ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

В большинстве случаев в качестве конечной формулы наблюдается использование преподавателями «С уважением», «Всего доброго» и «До свидания». Иногда также употребляются характерные для писем формы прощания, как «До понедельника и т.д.», «До скорого», «До завтра» (см. рис. 16 на следующей странице).

Однородное использование стандартной конечной формулы можно объяснить сложностью калькирования принятых в стране проживания форм таких, как фин. *ystävällisin terveisin* («с дружеским приветом»), нем. *Hochachtungsvoll* («С глубоким уважением»), *Mit freundlichen Grüßen* («С дружескими приветствиями»), *Viele Grüße* («Большие приветствия»), *Liebe Grüße* («Дорогие приветствия»), ан. *Kind regards* («С добрыми пожела-

²² new.gramota.ru (23.08.2019).

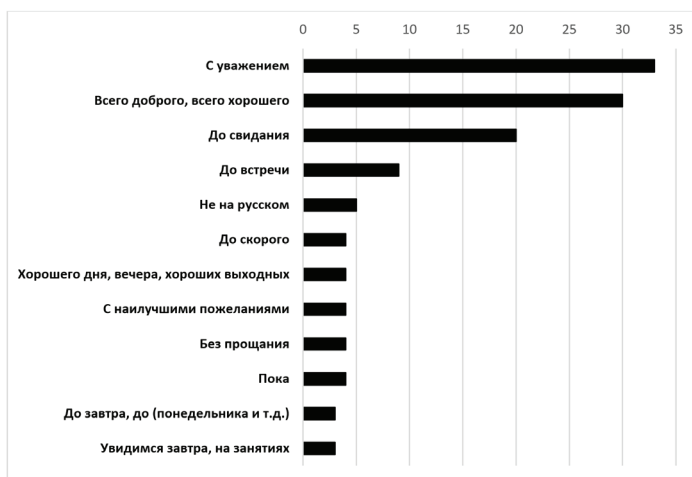

Рисунок 16: Формы прощания у преподавателей

ниями»), Best regards («С наилучшими пожеланиями»), See you later! («До скорого!» — неформально), чеш. S pozdravem («С наилучшими пожеланиями»). Только в некоторых случаях в языках находим похожие формулы, например, польск. Z poważaniem, С уважением, англ. All the best («Всего хорошего»).

Студенты при прощании употребляют формы «До свидания», «С уважением», «Пока», как в первом письме, так и при регулярном письменном общении. Таким образом, можно сделать вывод, что регулярность общения не влияет на регистр общения со стороны студентов:

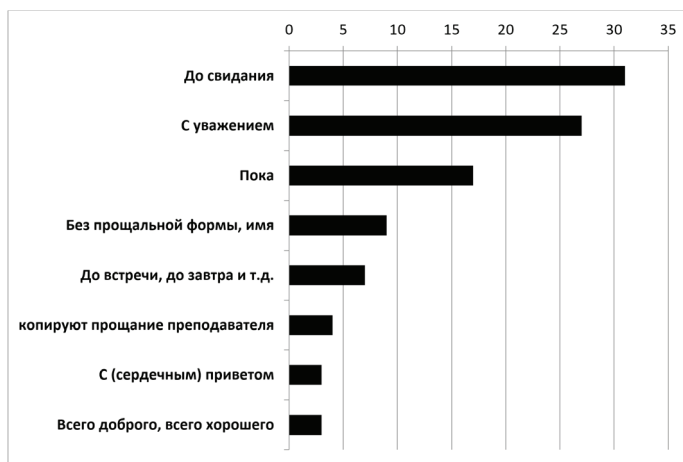

Рисунок 17: Формы прощания у студентов в первом письме

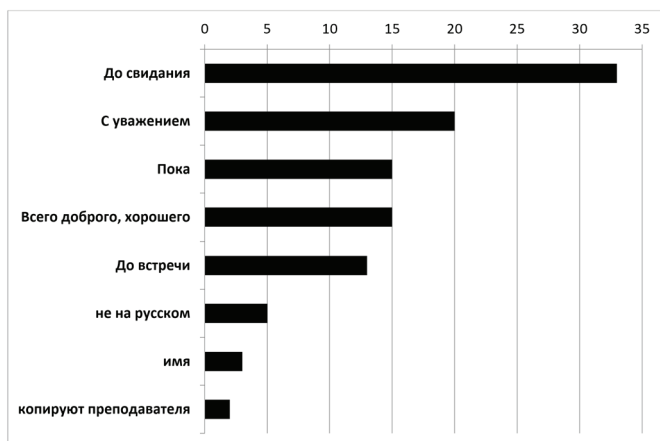

Рисунок 18: Формы прощания у студентов при регулярной переписке

5.3.5. УКАЗАНИЕ ИМЕНИ В КОНЦЕ ПИСЬМА

В заключение рассмотрим, как подписывают преподаватели свои письма. От этого зависит форма обращения к преподавателю в следующем письме. При этом возможны следующие варианты: имя, имя и фамилия или имя, отчество и фамилия. В университетской среде в России принято при первом письменном контакте писать фамилию, имя, отчество и добавлять степень, должность (например, д.ф.н., доцент + название кафедры) и номер мобильного телефона. Если имя и отчество уже известны, то распространено использование сокращения имени и отчества, например, С.О.

Среди опрошенных преподавателей отсутствует однозначное использование подписи. Преподаватели подписываются полным именем, именем и фамилией, именем и отчеством, редко инициалами.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наше исследование показало, что в устном общении наблюдается субституция этикетных форм: используемые формы обращений находятся под сильным влиянием правил речевого этикета соответствующей страны работы, независимо от факта, имеют ли преподаватели отчество или нет. Это объясняется тем, что

в данном случае накладываются три-четыре этикета и языковые картины мира: родная культура и речевое поведение преподавателя, родная культура и речевое поведение учащегося, русская культура и русское речевое поведение посредством преподаваемого языка, культура и речевое поведение страны преподавания.

При письменном общении используются формы, характерные как для эпистолярного жанра, так и формы, заимствованные из устной речи русского языка. В письменной форме при первом обращении к отдельному студенту наблюдается преобладание приветствий «Добрый день» и «Здравствуйте». По частотности употребления за ними следуют «Уважаемый», «Привет», «Дорогой, дорогая». При письменном обращении со стороны студентов форма «Добрый день» не является преобладающей по сравнению с преподавателями. Используются следующие формы, которые часто дополняются фамилией преподавателя: «Здравствуйте», «Уважаемая госпожа + фамилия», «Уважаемый господин + фамилия», «Добрый день», «Добрый вечер», «Привет» или обращения и приветствия, отсутствующие в русском языке.

При прощании в письменной форме преподаватели используют формы «С уважением», «Всего доброго», «До свидания», «До встречи», а студенты — «До свидания» и «С уважением».

В заключение отметим, что у преподавателей отсутствует однозначное использование подписи. Распространено указание имени и фамилии, что, при наличии отчества, не соответствует стандартным нормам русского этикета и находится под влиянием этикета соответствующей страны проживания. Кроме того, от указываемого имени зависит форма обращения к преподавателю в следующем письме.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как изначально предполагалось, в исследовании с помощью опроса удалось обнаружить некоторые закономерности употребления обращений, приветствий, прощаний, используемых в устной и письменной речи преподавателями и студентами, изучающими русский язык за пределами России. Во-первых, было обнаружено, что во всех случаях на обращениях сказываются этикетные правила страны учащегося вплоть до попытки

перевода формул, что приводит к языковой субституции. Во-вторых, в связи с культурообусловленной лакунарностью анализируемых этикетных формул учащиеся и преподаватели разными способами пытаются найти компромисс, чтобы установить и поддержать вежливый контакт друг с другом. В-третьих, на взаимном этикете студента и преподавателя сказываются традиционные формулы, принятые в стране проживания с особым учетом академической среды, вплоть до калькирования²³ иностранных формул средствами русского языка. Анализ также показал, что доступные и устоявшиеся в русском языке этикетные формулы, как правило, употребляются правильно. Анализ нашего исследования подтверждает наблюдения Максима Кронгауза о том, что

традиционный русский речевой этикет в сравнении с условным «европейским» подразумевает, с одной стороны, большую дистантность и анонимность в ситуациях с отсутствием коммуникации или с формальной коммуникацией, с другой стороны, — большую контактность и открытость в ситуациях неформального, полноценного общения²⁴.

REFERENCES

- Akishina, Alla, Formanovskaya, Nataliya. *Etiket russkogo pis'ma*. Moskva: Lenand, 2005 [Акишина, Алла, Формановская, Наталия. *Этикет русского письма*. Москва: Ленанд, 2005].
- Aprésyan, Yuriy. "Performativny v grammatike i v slovare." *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* 1986, т. 45, no. 3, 208–223 [Апресян, Юрий. "Перформативы в грамматике и в словаре." *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 1986, т. 45, no. 3, 208–223].
- Austin, John. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
- Balakaу, Anatoliy. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa*. Moskva: AST-PRESS, 2001 [Балакай, Анатолий. *Словарь русского речевого этикета*. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2001].
- Braun, Friederike. *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1988.
- Brown, Penelope, Levinson, Stephen. *Politeness. Some universals in language usage* (17^a ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Dobrovol'skiy, Dmitriy. "Russkiye obrashcheniya v parallel'nykh korpusakh (k voprosu kul'turnoy spetsifiki nekotorykh leksicheskikh klassov)." *Die Welt der*

²³ В нашем исследовании калькирование рассматриваем как вариант субституции.

²⁴ М. Кронгауз, *Русский речевой этикет...*, с. 163–178; тот же, *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология...*

- Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik.* München/Berlin, 2014. 1–21, http://www.ruscorpora.ru/old/rus_ger_papers/russian_vocatives_in_parcor.htm (28.08.2019) [Добровольский, Дмитрий. “Русские обращения в параллельных корпусах (к вопросу культурной специфики некоторых лексических классов).” *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik.* München/Berlin, 2014. 1–21, http://www.ruscorpora.ru/old/rus_ger_papers/russian_vocatives_in_parcor.htm (28.08.2019)].
- Formanovskaya, Natal'ya. *Russkiy rechevoy etiket: Lingvisticheskiy i metodicheskiye aspekty.* Izd. 5-ye. Moskva: LENAND, 2015 [Формановская, Наталья. *Русский речевой этикет: Лингвистический и методические аспекты.* Изд. 5-е. Москва: ЛЕНАНД, 2015].
- Goł'din, Valentin. *Obrashcheniye: teoreticheskiye problemy.* Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1987 [Гольдин, Валентин. *Обращение: теоретические проблемы.* Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987].
- Goł'din, Valentin. *Rech' i etiket.* Moskva: Prosveshcheniye, 1983 [Гольдин, Валентин. *Речь и этикет.* Москва: Просвещение, 1983].
- Iľ'enko, Sakmara. *Kommunikativno-strukturnyy sintaksis sovremennogo russkogo yazyka.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2009 [Ильенко, Сакмара. *Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка.* Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2009].
- Jaskot, Maciej, Sosnowski, Wojciech. “Kategoriya obrashcheniya kak primer bezekvivalentnoy leksiki.” *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury.* Granada: MAPRYAL, 2015: 511–515 [Jaskot, Maciej, Sosnowski, Wojciech, “Категория обращения как пример безэквивалентной лексики.” *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры.* Гранада: МАПРЯЛ, 2015: 511–515].
- Kerbrat-Orecchioni, Catherine. *Le discours en interaction.* Paris: Armand Colin, 2005.
- Kozhukhova, Lyudmila. “Rechevoy akt obrashcheniya.” *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* 2007, вур. 48: 80–85 [Кожухова, Людмила, “Речевой акт обращения.” *Вестник Ставропольского государственного университета* 2007, вып. 48: 80–85].
- Krongauz, Maksim. “Obrashcheniya kak sposob modelirovaniya kommunikativnogo prostranstva.” *Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke.* (Ed.) Arutyunova, Nina, Levontina, Irina. Moskva: Indrik, 1999 [Кронгауз, Максим. “Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства.” *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке.* Ред. Арутюнова, Нина, Левонтина, Ирина. Москва: Индрик, 1999].
- Krongauz, Maksim. “Russkii rechevoi etiket na rubezhe vekov.” *Russian Linguistics*, 2004, no. 28: 163–178 [Кронгауз, Максим. “Русский речевой этикет на рубеже веков.” *Russian Linguistics*, 2004, no. 28: 163–178].
- Krongauz, Maksim. “Rechevoy etiket: vneshnyaya i vnutrennyaya tipologiya.” *Doklady mezhdunarodnoy konferentsii Dialog*, 2004, <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (28.08.2019) [Кронгауз, Максим. “Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология.” *Доклады международной конференции Диалог*, 2004, <http://www.dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> (28.08.2019)].

- Krongauz, Maksim. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2015 [Кронгауз, Максим. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Издательство АСТ, 2015].
- Moskvin, Anatoliy. *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov*. Moskva: Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2003 [Москвин, Анатолий. *Большой словарь иностранных слов*. Москва: Издательство Центрполиграф, 2003].
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*, <http://www.ruscorpora.ru> (28.08.2019) [Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru> (28.08.2019)].
- Polish-Russian Parallel Corpus*, <https://kontext.clarin-pl.eu> (28.08.2019).
- Rathmayr, Renate. "Nominale Anrede im gesprochenen Russischen, Serbokroatischen und Tschechischen." *Slavistische Linguistik*. (Ed.) Reuther, Tilmann. 1991, München 1992. 265–309.
- Ryzhkova, Lyudmila. *Obrashcheniye kak komponent kommunikativnogo akta*. Avtoreferat dis. k.f.n. Moskva 1982 [Рыжкова, Людмила. *Обращение как компонент коммуникативного акта*. Автореферат дис. к.ф.н. Москва 1982].
- Semenyuk, Alimpiada, Gorodetskaya, Inna. "Leksicheskiye trudnosti russkogo yazyka." *Russkiy yazyk*. Moskva, 1999 [Семенюк, Алимпиада, Городецкая, Инна. "Лексические трудности русского языка." *Русский язык*. Москва, 1999].
- Sosnowski, Wojciech. "Forms of Address and their Meaning in Contrast in Polish and Russian Languages." *Cognitive Studies/Études cognitives* 2013, vol. 13. 225–235.
- Sosnowski, Wojciech. "Forms of address as discrete modal operators." *Cognitive Studies/Études cognitives* 2016, vol. 16. 23–32.
- Sosnowski, Wojciech. "Formy adresatywne: aspekt językowy i socjologiczny." *Semantyka a konfrontacja językowa*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2015. 319–332.
- Sosnowski, Wojciech. "Kategoria adresatywności w bułgarskich, polskich i rosyjskich opracowaniach leksykograficznych. Problemy i rozwiązania." *LSP Perspectives 2. Języki specjalistyczne – nowe perspektywy 2*. Ed. Borkowska-Kępska, Barbara, Gwóźdź, Grzegorz. Dąbrowa Górnicza: WSB, 2017: 129–140.
- Sprawochno-informacyjny portal*, <http://new.gramota.ru> (28.08.2019) [Справочно-информационный портал, <http://new.gramota.ru> (28.08.2019)].
- Tomiczek, Eugeniusz. *System adresatywny współczesnego języka polskiego i niemieckiego: socjolingwistyczne studium konfrontatywne*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1983.
- Vinogradov, Venedikt. *Leksicheskiye voprosy perevoda khudozhestvennoy prozy*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978 [Виноградов, Венедикт. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: Издательство Московского университета, 1978].
- Vysotskaya, V. "Sistema russkikh obrashchenii v istoricheskom aspekcie: konkuriruyushchiye tendentsii." *Konkurentsia v yazyke i kommunikatsii*. (Ed.) Fedorova, Lyudmila. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy humanitarnyy universitet, 2017: 76–91 [Высоцкая, В. "Система русских обращений в историческом аспекте: конкурирующие тенденции." *Конкуренция в языке и коммуникации*. (Ed.) Федорова, Людмила. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. 76–91].
- Wieczorek, Krzysztof. "O tak zwanych pośrednich aktach mowy." *Edukacja Filozoficzna* 1997, vol 24. 215–226.

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ...

Wieczorek, Krzysztof. *Skuteczność komunikacji w perspektywie teorii aktów mowy*.
Maszynopis pracy doktorskiej. Katowice, 1999.

Zwicky, Arnold. "Hey, whats your name!" *Chicago Linguistics Society* 1974, no. 10:
787–801.

ОЛЕСЯ ПАЛИНСЬКА

Університет ім. Карла фон Осецкого, Ольденбург

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2623-7164>

АВТОПЕРЕВОД В УКРАИНСКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ

SELF-TRANSLATION IN UKRAINIAN-RUSSIAN MIXED SPEECH

The article deals with self-translations in the Ukrainian-Russian mixed speech (suržyk) in Ukraine. The author discusses the nature of self-translations, the reasons for their appearance and the way the socio-demographic parameters of the respondents influence them. First of all, the speakers may use self-translations to comply with some «correct», in their opinion, language standard. Ukrainian and Russian in Ukraine are closely related and mutually understandable languages that are in use in the same bilingual community, but any of them can equally act as a marker of high status, which reflects the dynamics of the language situation in Ukraine over the past 30 years. Secondly, self-translations can be used without referring to a «correct» standard and simply as synonymous doublets or (very rarely) as a way to clarify or explain the meaning of a lexical item. Statistical analysis also confirms the connection between the direction of self-translation and some parameters of the respondents, e.g. their age, education, type of area where they grew up and where they live now. Both qualitative and quantitative analysis have been carried out on the basis of corpus data collected in the central region of Ukraine.

Keywords: Ukrainian-Russian mixed speech, self-translation, language contact.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Автоперевод, или же ситуация, когда двуязычный говорящий сам (как правило, в пределах одного высказывания) переводит произнесенное им слово или фразу, является частным случаем самоисправления — процесса, при котором говорящие останавливают свою речь, прерывают, изменяют или переформулируют до окончания высказывания. Известно, что самоисправления не производятся случайным образом, а являются высокоструктурированными — как фонетически, так и морфосинтаксически, хотя то, как они производятся, может существенно различаться в разных языках¹.

¹ Ср. B. A. Fox, Y. Maschler, S. Uhman, *A cross-linguistic study of self-repair: Evidence from English, German, and Hebrew*, «Journal of Pragmatics» 2010, № 42, с. 2487.

В зависимости от ситуации, в которой используются автопереводы, их функции могут быть разнообразными: они могут использоваться для объяснения слов, непонятных собеседнику; для уточнения значения слов, произнесенных ранее собеседником, которое говорящий делает для себя сам; для придания дополнительной коннотативной окраски, если таковой обладает слово или выражение в одном из используемых языков; как синонимическое средство, делающее речь более богатой и интересной; как маркер языковой идентичности говорящего и т.д. Еще Джон Гамперц обращал внимание на то, что «часто сообщение в одном коде повторяется в другом коде, буквально или в несколько измененной форме. В некоторых случаях такие повторения могут служить для разъяснения того, что говорится, но часто они могут просто усиливать или подчеркивать сообщение»². В близкородственных языках иногда достаточно сложно определить, являются ли определенные дублеты, использованные в речи респондента, исправлением или повторением, так как если речь идет о лексике, это разграничение является нечетким.

Исследования автопереводов в основном описывают ситуации, где два (или более) языка, даже находящиеся в длительном контакте, структурно достаточно существенно отличаются, а также уровень владения этими языками у разных говорящих (и у исследователей) различается³. Таким образом, автоперевод имеет в большинстве случаев функциональную нагрузку, что, конечно же, не отрицает возможности параллельного стилистического, символического или «идеологического» использования. Но автопереводы, используемые в ситуации длительного контакта двух близкородственных языков, где все носители владеют (как минимум пассивно) каждым из языков очень хорошо, крайне редко выполняют функцию собственно объяснения или уточнения значений слов. В таком случае направление автоперевода демонстрирует прежде всего языковую идентичность

² J. Gumperz, *Discourse Strategies*, Cambridge University Press, Cambridge 1982, с. 78.

³ Подробное теоретическое описание процесса самоисправления и исправления речи других, а также обширный обзор литературы на эту тему см., в частности: J. Gafaranga, *Language alternation and conversational repair in bilingual conversation*, «International Journal of Bilingualism» 2012, № 16: 4, с. 501–527.

говорящего, а также его представление о престижности данных языков в обществе и целесообразность использования единиц того или иного языкового кода в конкретной речевой ситуации. Именно такие автопереводы, производимые носителями смешанной украинско-русской речи в центральных областях Украины (Хмельницкая, Винницкая, Житомирская, Киевская, Черкасская, Кировоградская, Черниговская, Сумская, Полтавская, Днепропетровская, Харьковская), исследуются в этой статье.

Украинско-русская смешанная речь (УРСР)⁴ является предметом изучения в исследовательском проекте⁵ Ольденбургского университета. В ходе проекта в июне-июле 2014 в 11 центральноукраинских областях был проведен закрытый опрос 1400 респондентов из 56 городов. С респондентами, которые назвали смешанную речь своим основным языковым кодом или, по крайней мере, одним из основных кодов и согласились на дальнейшее сотрудничество, записали 135 открытых полуструктурированных интервью, половину из которых затранскрибировали и лингвистически обработали. Этот материал был дополнен «семейными» (в широком смысле — участниками могли выступать как члены одной семьи, так и их друзья или соседи) разговорами в неформальных ситуациях домашнего общения, записанными ранее, в 2010 году, в которых приняли участие 85 респондентов⁶. На основе этого материала был создан лингвистический корпус, состоящий из двух подкорпусов: семейный корпус и корпус ин-

⁴ Это явление в повседневной речи, а иногда и в научных исследованиях также называют «суржиком», но, поскольку это слово не является термином в строгом смысле и имеет негативную коннотацию, мы используем нейтральный термин УРСР, ср.: Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик» (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування)*, «Мовознавство» 2015, № 4, с. 5.

⁵ Проект «Вариативность и стабильность в смешанном субстандарте в широком и стабильном во времени языковом контакте: украинско-русская смешанная речь в Украине» (2014 — 2019) при поддержке Фонда Ф. Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung), руководитель — проф. Герд Хентшель.

⁶ Подробное описание проекта «Флективно-морфологические нерегулярности в «актуальных» контактных языковых вариантах севернославянских языков» (2009–2014), поддержанного Немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), см. в: Т. Menzel, G. Hentschel, *Flexionsmorphologische Irregularität im innerslavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch — Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*, Peter Lang, Frankfurt/M. 2017.

тервью. Дальнейший анализ осуществлен на основе этих анкетных и корпусных данных.

АВТОПЕРЕВОД В УКРАИНСКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Носители УРСР редко рефлексировать по поводу собственной речевой практики: так, в привычной обстановке, зафиксированной в «семейных» разговорах, языковые вопросы затрагиваются крайне редко. Но во время проведения лингвистического интервью, то есть в ситуации, когда исследователи интересуются их речью, респонденты производят усиленный мониторинг собственных высказываний, а также задумываются о языковой ситуации и о том, как говорят окружающие⁷. В частности, для того, чтобы привести собственную речь в соответствие с некоторым стандартом (реально существующим или же воображаемым), они часто прибегают к автоисправлениям соответствия, или же «замене одних слов, не соответствующих определенному стандарту, другими, по их мнению, лучше соответствующими представлениям о канонических правилах 'хорошего языка' или являющимися более социально целесообразными»⁸.

В анализе мы рассматриваем все случаи автопереводов независимо от причин, по которым респонденты их используют, т.е. считаем автопереводом любые два слова с общим значением, если они оформлены при помощи морфем из разных кодов или из контекста понятно, что они являются таковыми с точки зрения респондента.

Всего в корпусе УРСР зафиксировано 313 случаев автоперевода, чаще всего переводятся существительные (94), глаголы (67), прилагательные (34), наречия (26), местоимения (23) и союзы (16), остальные части речи подвергаются автопереводу реже. Также есть случаи, когда первое слово было произнесено не пол-

⁷ Подробнее о метаязыковых рефлексиях носителей УРСР см.: О. Палинська, *Метаязыковые рефлексии носителей украинско-русской смешанной речи*, «Wiener slawistischer Almanach» (в печати).

⁸ J. Kormos, *Monitoring and Self-Repair in L2*, «Language Learning» June 1999, № 49:2, с. 317; там же см. подробное описание классификации типов исправлений.

ностью, но произнесенный фрагмент можно соотнести с одним из кодов (тем не менее, они не включены в анализ), напр.:

(1) Vin_{uk} jakyjs'_{uk} samosti[...]_{uk} samostojatjel'nyj_{ru}⁹. I-822

Четверть переводов являются «морфологическими», т.е. имеют родственные основы в двух языках и различаются только отдельными (фоно)морфологическими особенностями, напр., bol'she_{ru} / bil'she_{uk}, jezdit'_{ru} / jizdytu_{uk}, и три четверти — «лексическими», т.е. со специфическими основами: jazyk_{ru} / mova_{uk}, dolžen_{ru} / ровуnen_{uk}.

Автоперевод встречается в речи 88 информантов, большинство из них (59) — из корпуса интервью. В речи 23-х респондентов автоперевод зафиксирован 5 и более раз (максимальное значение — 25), в речи 28 информантов он встречается только однажды.

Анализ производился с учетом не полных исследуемых словоформ, а только их основ, так как нас в данном случае интересует не флективная морфология, а именно лексическая принадлежность переводимых слов.

В этой работе автопереводы были обобщены следующим образом: перевод на русский (с украинского, но также исходными могут выступать гибридные или даже общие формы), таковых в корпусе 49% от общего числа автопереводов; на украинский (43%); а также незначительное количество других исправлений, воспринимаемых в контексте как «переводы», в частности, замена 'украинских' и 'русских' основ на 'гибридные' и 'общие' (они суммарно составляют 8%). В анализе учтены только переводы на украинский и на русский; там, где существенными являются

⁹ Примеры из корпуса для передачи (некоторых) фонетических особенностей представлены латинским шрифтом (ISO 9:1995 в немецкой адаптации DIN 1460:1982 с небольшими изменениями: ë = jo, x = x). «Этимологическая» принадлежность основ отмечена нижним индексом: _{uk} — словоформы с 'украинскими' основами, _{ru} — с 'русскими', _{su} — с 'гибридными' (комбинация элементов из разных кодов), _{co} — 'общие' основы (подробно о принципах анализа см.: Г. Хентшель, *Белорусская 'трасянка' и украинский 'суржик': об основных различиях в степени влияния русского языка*, «Przegląd Rusycystyczny» 2018, № 2 (162), с. 196–199). Если есть необходимость выделить что-либо в высказываниях респондентов, используется рядрядка. Данные о респондентах из подкорпуса интервью представлены в формате «I» + числовой код респондента, из «семейного» подкорпуса — «S» + буквенный код. Подробные характеристики респондентов см. в Приложении 1.

также другие типы автопереводов, в частности, замена 'украинских' или 'русских' основ 'гибридными', это прокомментировано в описаниях, но не отображено в диаграммах или таблицах.

Некоторые рассмотренные случаи фактически не являются переводами, это скорее уточнения или переформулировки. Также респонденты, обращая внимание на собственную речь, стараются (не всегда успешно) очистить ее от нежелательных элементов, сделать ее максимально «правильной» и «грамотной» в соответствии с собственным пониманием правильности и грамотности. Несомненно, это также может приводить к возникновению многочисленных случаев гиперкорректности¹⁰. Таким образом, некоторое количество «переводов» в речи респондентов по сути является синонимической заменой¹¹ в пределах одного языкового кода или спектра структурно похожих кодов или регистров, напр., *інтересний / цікавий, балакати / розмовляти*, где первые элементы в этих парах носители считают русскими или гибридными, хотя в соответствии со словарями оба элемента относятся к одному языку (в приведенных примерах — украинскому).

В исследовании¹² белорусско-русской смешанной речи (явления, во многом аналогичного, хотя и не идентичного УРСР) Святлана Теш интерпретирует повторение с использованием единиц разных кодов как ситуацию, когда говорящий не хотел бы признавать себя носителем определенного кода и поэтому повторяет одно и то же содержание на разных языках¹³. Такая «стратегия нейтралитета»¹⁴ отражает гибридную идентичность,

¹⁰ О.О. Тараненко, *Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму (на загальнослов'янському тлі)*, «Мовознавство» 2008, № 2–3, с. 164.

¹¹ По поводу такого синонимического использования см.: С. Дель Гаудио, *Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков*, «Slověne» 2015, № 2, с. 220.

¹² В рамках проекта «Трасянка в Беларуси — 'смешанный идиом' как продукт белорусско-русского языкового контакта» (Volkswagen Stiftung, 2008 — 2013, под руководством Г. Хентшеля и Б. Киттеля); см.: G. Hentschel, J. P. Zeller, S. Tesch, *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*, Oldenburg, <http://diglib.bis.unioldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>.

¹³ S. Tesch, *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*, BIS-Verlag, Oldenburg 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25], с. 165.

¹⁴ R. Appel, P. Muysken, *Language Contact and Bilingualism*, Amsterdam University Press, Amsterdam 1987, с. 130.

хотя, согласно исследованию, в Беларуси нет оснований говорить о гибридной идентичности: говорящие на белорусском, но также и на белорусско-русской смешанной речи в плане культурной и национальной идентичности демонстрируют пробелорусский профиль, тогда как русскоговорящие проявляют себя в этом плане индифферентно, т. е. русский выступает немаркированным кодом¹⁵.

Александр Тараненко считает, что использование в пределах одного контекста украинского и русского слов-соответствий не обязательно свидетельствует о бессистемности суржика или неосознании носителями принадлежности этих единиц к разным языкам. По его мнению, случаи синтаксических повторов семантически тождественных слов как в контактной, так и в дистантной позиции можно рассматривать как близкие к юктапозиции (в качестве примера он приводит часто употребляемую, напр., в телефонных разговорах, фразу «Харашо. Добре»). Подобные юктапозиты употребляются также в одноязычных текстах как амплифицированные нанизывания фольклорного характера (напр., *говорити-балакати*)¹⁶. Следует, однако, отметить, что в корпусе такие примеры встречаются крайне редко, и в основном в «семейных» разговорах¹⁷ — как, напр., те же фразы «Хараšo_{ru}. Dobre_{uk}» (S-CLu) или в обратном порядке — «То_{uk} tobi_{uk} dobre_{uk}, хараšo_{ru}...» (S-GLu). В других случаях (особенно это касается подкорпуса интервью) респонденты производят замену именно как перевод, оформляя его интонационно при помощи пауз (2) или (хотя и достаточно редко) при помощи вербальных маркеров (3):

¹⁵ B. Kittel, D. Lindner, M. Brüggemann, J. P. Zeller, G. Hentschel, 2018). *Sprachkontakt — Sprachmischung — Sprachwahl — Sprachwechsel*, Peter Lang, Berlin 2018, с. 264.

¹⁶ О. О. Тараненко, *Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржика» (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект // G. Hentschel (Ред.), *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten*, BIS-Verlag, Oldenburg 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21], с. 42–43.*

¹⁷ Интересно, что в проекте потрасянке, где были собраны прежде всего «семейные» разговоры, зафиксировано всего 30 случаев повторов с использованием автопереводов и один случай самоисправления со сменой кода, так как для участников разговоров не являлось целью продемонстрировать свои высокие знания белорусского или же русского языка, см.: S. Tesch, *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*, BIS-Verlag, Oldenburg 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25], с. 163.

(2) Nu_{co}, jakščjo_{uk}(...) jesli_{ru} brat'_{ru}, napryklad_{uk}(...) naprimjer_{ru}, ukrajins'ko_{ru} -ruski_{su} slova_{co} peremišujuc'cja_{uk}, to_{co} ce_{uk} zoúsim_{uk} ne_{co} surdžyk_{su}. I-822

(3) Jaka_{uk} ljudyna_{uk} u_{ru} úlasti_{ru}, pravyl'no_{uk} tak_{co} skažemo_{co}(...) ja_{co} nepravyl'no_{uk} skazala_{co}(...) jaka_{uk} volodije_{uk} jakojus'_{uk} úladoju_{uk}, i_{co} vona_{uk} na_{co} vydu_{uk} u_{co} úsyx_{su}... I-684

Часто «перевод» используется просто как синонимическая замена в рамках высказывания или соседних высказываний, с дополнительной функцией уточнения (4) или без нее (5):

(4) Vostok_{ru}, Sxit_{uk}? I-822

(5) Adin_{ru} razhavarivajet_{ru} na_{co} čisto_{ru} ruskom_{ru}, útoroj_{ru} rozmouljaje_{uk} lomany_{co}, djevoč'ka_{ru} rozmouljaje_{uk} ukrajins'kym_{uk}. I-403

Случаи, когда респондент подыскивает слово в одном из кодов, предварительно используя слово из другого кода и паузу (как в примере (2)), составляют только половину всех случаев автопереводов в субкорпусе интервью, причем их примерно равное количество и в сторону украинского (56 примеров из 101, зафиксированных в интервью), и в сторону русского (58 из 118). Такое использование автоперевода может указывать на то, что речевая компетенция (или, скорее, регулярная речевая практика) говорящего в одном из кодов недостаточна для того, чтобы сразу находить необходимое слово в соответствующем коде. В остальных случаях респонденты, используя автоперевод, могут либо демонстрировать широту своего языкового репертуара, либо преследовать определенную прагматическую цель (уточнение, объяснение), или же это происходит исключительно из желания соответствовать определенной языковой норме, приемлемой, по мнению респондента, в данной ситуации.

Выбор языка в автопереводе может быть объяснен исходя из понятия габитуса, который Пьер Бурдьё рассматривал как систему прочных приобретенных предрасположенностей, которые в дальнейшем используются индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, как исходные установки, которые порождают и организуют практики индивидов. Как правило, эти предрасположенности не предполагают сознательной нацеленности на достижение опре-

деленных целей, ибо на протяжении длительного времени они формируются под влиянием различных факторов: свобод и необходимости, разрешений и запретов. Это, в частности, важно и в вопросе языковой практики, поскольку «значение ценности собственных языковых продуктов является фундаментальным измерением значения места, на котором человек находится в социальном пространстве»¹⁸.

Люди, как считает Бурдьё, придают непропорционально большое значение раннему опыту. Эффект инертности, рутинности, предрасположенности проявляется в том, что люди, прекрасно адаптировавшиеся к прошлым реалиям, начинают действовать невпопад в новых реалиях, не замечая, что прежних условий больше нет. Таким образом, в частности, старшее поколение жителей центральной Украины, усвоившее установку, что именно русский является языком престижа и маркером высокого социального положения, как это было повсеместно в советское время, продолжает использовать русские лексемы для «исправления» украинских даже в ситуации интервью на языковые темы, декларируя при этом свою украинскую языковую идентичность и патриотизм.

Так как оба языка в большинстве случаев взаимопонятны (речь идет об использовании на территории Украины), в основном направление автоперевода (если таковой является осознанным переводом, а не просто синонимическим уточнением) в официальной ситуации интервью показывает, какой язык респондент считает более «правильным», уместным в данном случае. Также официальность ситуации должна обнаруживать иерархию языкового престижа: «Чем более официальным является рынок, то есть чем больше он практически соответствует нормам законного языка, тем больше он управляется правителями, то есть обладателями законной языковой компетенции, которые уполномочены говорить как авторитеты»¹⁹. Таким образом, если бы один из языков, по мнению говорящих, имел однозначно более высокий престиж, большинство автопереводов производилось бы именно в направлении этого языка. На деле же количество переводов в сторону украинского и русского в корпусе УРСР практически одинаковое (с незначительным

¹⁸ P. Bourdieu, *Was heißt sprechen? Zu Ökonomie des sprachlichen Tauschs*, Braumüller, Wien 1990, с. 63.

¹⁹ Там же, с. 76.

преобладанием в сторону русского). Это отображает динамику соотношения языков в украинском обществе за последние 30 лет: если в позднесоветскую эпоху русский безусловно был языком престижа в разнообразных сферах — государственного управления, науки и образования, телевидения и сферы развлечений и т.д., то за годы независимости существенно возрос престиж украинского языка, а следовательно, и фактический объем его использования, прежде всего в официальных ситуациях. Но поскольку это достаточно короткий срок в масштабе языковых изменений, то оба языка в равной мере могут выступать в роли более престижного языка²⁰, иногда в идентичных коммуникативных ситуациях или даже в речи одного и того же говорящего.

Кроме того, определение предпочтительного направления вектора автоперевода затрудняет тот факт, что языковые коды и субкоды, используемые в исследуемом ареале, иногда недостаточно хорошо разграничены в сознании носителей. «Особенно генетически близкие и структурно похожие акролекты, мезолекты и (пока еще существующие) базилекты образуют континуум, в котором говорящие могут в своей речи относительно плавно 'осциллировать' между тремя 'лектами'»²¹. Таким образом становится возможным использование элементов разных кодов в качестве синонимической замены, а также квази-переводы, где одни элементы некоторого кода заменяются другими из того же кода, причем говорящий уверен, что совершает перевод.

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕСПОНДЕНТОВ И НАПРАВЛЕНИЕ АВТОПЕРЕВОДА

Хотя, как было указано выше, распределение автопереводов практически равное, то есть статистически неотличимое от случайного, это соотношение является следствием разнонаправленного влияния нескольких факторов. Далее мы рассмотрим как связь направления автоперевода с каждой из социодемо-

²⁰ Исследование о престиже украинского и русского языков на территории Украины см.: Л. Масенко, *Мовна ситуація України: соціолінгвістичний аналіз* // Ю. Бестерс-Дільгер (ред.), *Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації*, 2-ге вид., Києво-Могилян. акад., Київ 2010, с. 110.

²¹ Г. Хентшель, *Белорусская «трясаянка» и украинский «суржик»...*, с. 194.

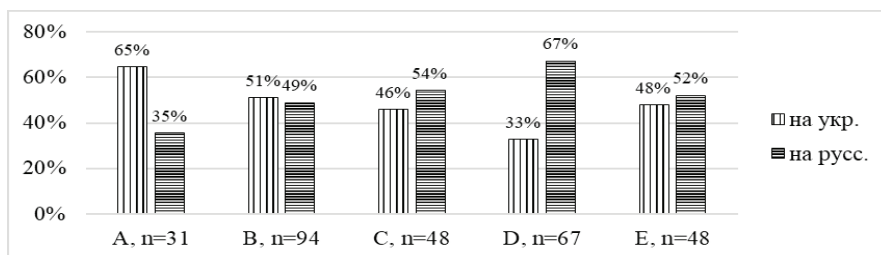
графических характеристик респондентов в отдельности (при помощи таблиц сопряженности и теста проверки χ^2), так и совместный эффект влияния разных переменных на направление автоперевода (при помощи метода дерева решений (ctree)).

Для оценки статистической значимости результатов используется тест проверки нормального распределения χ^2 . При этом во избежание ошибок первого рода (ложноположительное срабатывание) используется поправка Монте-Карло (симуляция из 10000 повторений). В качестве нулевой гипотезы принимается отсутствие релевантных статистических различий между автопереводом в сторону украинского и в сторону русского. Основные значения p -критерия: $p < 0,05$: различие статистически значимо и отличается от случайного распределения; $p > 0,05$: различие статистически незначимо. Также указывается значение χ^2 , степень свободы (degree of freedom) и общее количество примеров по каждой из независимых переменных (n).

Рассмотрим взаимосвязь ряда факторов и использования автоперевода в речи носителей УРСР, а именно место проживания респондентов, возраст, образование и др.

Прежде всего рассмотрим ареальное распределение²² респондентов. Оно обнаруживает достаточно существенную связь с направлением автоперевода.

Диаграмма 1. Направление автоперевода: ареальные различия

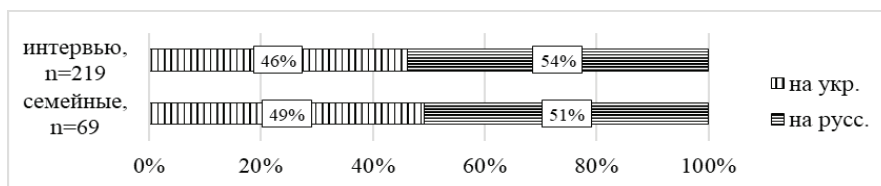
²² Весь исследуемый регион с помощью кластерного анализа (на основании оценки частоты использования кодов в повседневной жизни как среди респондентов, так и среди их ближайшего окружения) был разделен на ареалы: А — Хмельницкая, Винницкая, Черкасская области, В — Киевская, Черниговская, Полтавская, С — Житомирская, Кировоградская, D — Сумская, Днепропетровская, E — Харьковская. В ареалах А — С преобладает украинский язык (показатели снижаются от А до С), в D — смешанная речь и в E — русский. Подробнее см.: Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України...*, с. 3–25.

Тест хи-квадрат Пирсона подтверждает наличие связи между ареалами и направлением автоперевода: $\chi^2 (4; n=288) = 9,88$, $p < 0,05$. Как индекс V Крамера (0,185), так и коэффициент сопряженности СС (0,182) являются значимыми (оба $p < 0,05$). Так как значение индекса V Крамера ниже 0,30, связь является не очень сильной.

Вполне ожидаемо в наиболее «украинском» ареале А респонденты почти в два раза чаще исправляют ‘русские’ основы на ‘украинские’, чем наоборот. В остальных «украинских» регионах и в «русском» регионе Е соотношение основ примерно равное, различия составляют от 2 до 8 процентных пунктов в ту или иную сторону. Особенно выделяется в этом плане «смешанный» регион D, в котором перевод на ‘русский’ встречается в 2 раза чаще, чем обратный, причем почти все эти случаи зафиксированы в интервью. Эта неуверенность респондентов данного региона в собственной языковой компетенции в украинском и более частый (по сравнению с другими регионами) переход к русским элементам в официальных ситуациях ранее уже были отмечены в исследованиях на материале корпуса УРСР²³.

Предполагалось, что различия в автопереводах в более официальной ситуации интервью и в неформальном семейном общении будут обнаруживать ту же тенденцию, что и относительно других явлений, а именно, в интервью респонденты будут более склонны исправлять свою речь в сторону русского. На деле же в «семейных» разговорах доля переводов с украинского на русский и наоборот примерно равна, а в интервью респонденты только незначительно чаще исправляют ‘украинские’ основы на ‘русские’. Разница между субкорпусами («семейные» разговоры и интервью) не является статистически значимой: $\chi^2 (1; n=288) = 0,21$, $p = 0,65$.

Диаграмма 2. Направление автоперевода: различия по субкорпусам

²³ Ср.: Д. Гречко, О. Палинская, *Словообразование в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи*, «Linguistica Copernicana» 2019, № 16, с. 311–335.

Эта особенность объясняется сочетанием разнонаправленных факторов, активизирующихся в формальной ситуации. С одной стороны, русский язык обладал (как минимум, в прошлом) более высоким престижем, и подбор 'русской' лексики объясняется желанием показать свою «образованность» (также ранее связанную прежде всего с русским) или же желанием выглядеть в глазах интервьюера более «городским», т. к. украинский, а тем более смешанный язык даже сейчас на бытовом уровне, как минимум по утверждению самих респондентов, может ассоциироваться с «сельским» (см. об этом ниже)²⁴. С другой стороны, статус украинского языка как государственного за годы независимости существенно повысил как его престиж, так и использование в официальных ситуациях, и это способствует тому, что респонденты в контролируемой официальной ситуации могут отдавать предпочтение 'украинским' основам.

Следует также обратить внимание, что вообще автоперевод вполне ожидаемо намного чаще встречается в более контролируемой ситуации интервью, чем в спонтанной речи, где говорящие обычно не обращают внимание на использование языковых средств: показательно, что треть всех зафиксированных случаев автоперевода в «семейном» корпусе происходит из одного разговора, где респонденты обсуждают региональные и индивидуальные особенности речи друг друга.

Также следует отметить связь между первым языком²⁵ респондентов и частотностью определенных типов автопереводов. Так, те, кто в детстве начал говорить на украинском, почти вдвое чаще ищут 'украинские' соответствия для встретившихся в их речи 'русских' основ; у тех же, кто в детстве говорил на русском, тенденция обратная; респонденты, усвоившие в детстве смешанную речь (или смешанную наряду с украинским), также более склонны переводить 'украинские' основы на русский.

²⁴ Похожая тенденция была описана на примере использования абстрактных отглагольных существительных: Д. Гречко, О. Палинска, *Словообразование в белорусско-русской...*, с. 321.

²⁵ Был определен на основании ответов респондентов на вопрос анкеты «На каком языке Вы начали говорить?». Можно было дать как единственный ответ — украинский (в таблице — укр.), русский (рус.), смешанный = УРСР (смеш.), так и любую комбинацию этих (и других) идиомов: укр. + смеш., укр. + рус. + смеш. и др. (комб.).

	укр., n = 92	русс., n = 29	смеш., n = 139	комб., n = 28
на укр.	64%	41%	38%	39%
на русс.	36%	59%	62%	61%

Таблица 1. Направление автоперевода и первый язык респондентов

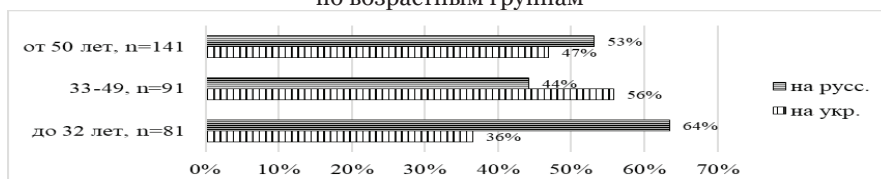
Связь между первым языком респондентов и направлением автоперевода является статистически очень значимой: $\chi^2 (3; n=288) = 16,9, p = 0,005$. Как индекс V Крамера (0,242), так и коэффициент сопряженности СС (0,235) являются сигнификантными (оба $p < 0,05$).

Эта разница особенно показательна, если учесть, что, по данным корпуса УРСР, основы в речи респондентов, независимо от того, каким был их первый язык, распределяются примерно равномерно: около 40% 'украинских' / 17% 'русских' / 35% 'общих' / 8% 'гибридных' (отклонения в группах по первому языку составляют не больше 8 процентных пунктов).

Вообще же речь тех, кто в детстве говорил на смешанном идиоме, как в общем, так и что касается автопереводов, более похожа на речь респондентов, говоривших в детстве на русском, чем на украинском.

Можно проследить также некоторые различия в том, как используют автоперевод представители разных возрастных групп: молодежь и старшее поколение чаще заменяют 'украинские' основы 'русскими', тогда как у среднего поколения тенденция обратная.

Диаграмма 3. Направление автоперевода: распределение по возрастным группам

Связь между возрастом респондентов и направлением автоперевода является статистически значимой: $\chi^2 (2; n=288) = 5,97, p = 0,05$, но слабой: V Крамера = 0,144.

У старшего поколения направление автоперевода примерно равное с небольшим преобладанием в сторону русского, что

отображает две противоположные тенденции: с одной стороны, старшее поколение традиционно является носителем диалектной речи, и поэтому их речевая практика является более «украинской»; с другой стороны, именно это поколение проходило языковую социализацию, получало образование и работало в условиях массового украинско-русского двуязычия с более высоким престижем русского языка в советское время.

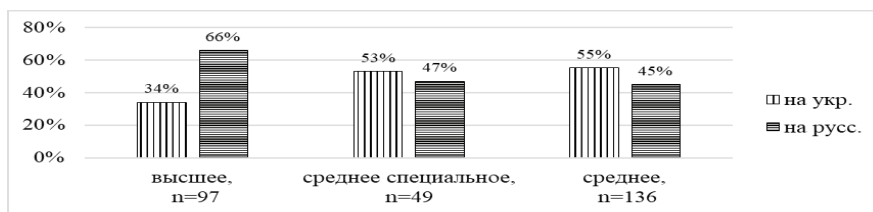
Противоположные тенденции в средней и младшей группах требуют, вероятно, более подробного изучения. Одним из факторов того, что среднее поколение чаще исправляет себя в сторону украинского, а младшее — в сторону русского, является, вероятно, язык потребления медиапродуктов: если для 35–45-летних это скорее «официальные» каналы, как телевидение, радио или новостные сайты (часто украиноязычные), то молодежь, чаще потребляющая развлекательный контент интернета, делает это преимущественно на русском²⁶. В этом плане показательно, что большинство автопереводов, в результате которых ‘украинские’ основы были заменены ‘гибридными’, зафиксировано именно в младшей группе, которая чаще усваивала русский не академическим путем, а в общении, причем прежде всего с такими же квази-носителями.

Образование респондентов тоже демонстрирует связь с направлением автоперевода: чем выше уровень образования, тем больше респонденты склонны исправлять ‘украинские’ основы на ‘русские’.

Тест хи-квадрат Пирсона подтверждает наличие связи между образованием и направлением автоперевода: $\chi^2(3; n=288) = 13,125, p < 0,05$. Как индекс V Крамера (0,213), так и коэффициент сопряженности СС (0,209) являются сигнификантными (оба $p < 0,05$).

²⁶ Согласно данным анкетирования, все возрастные группы предпочитают интернет-контент на русском: если украиноязычные сайты пользователи посещают (всегда или часто) в среднем в 64% случаев с отклонением между группами в пределах 6 пр.п., то русскоязычные — в 87%, причем молодежь на 10 пр.п. чаще, чем старшая группа. Но при этом молодежь проводит в интернете несопоставимо больше времени, чем другие возрастные группы, и это в большой мере интерактивные типы деятельности. О тенденциях в языке украинского интернет-контента см., напр.: Л. Белей, *Українська мова в інтернеті. Торгівля, нерухомість, розваги — тут все російською*, https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrajinska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagiy-73060/ (12.12.2016).

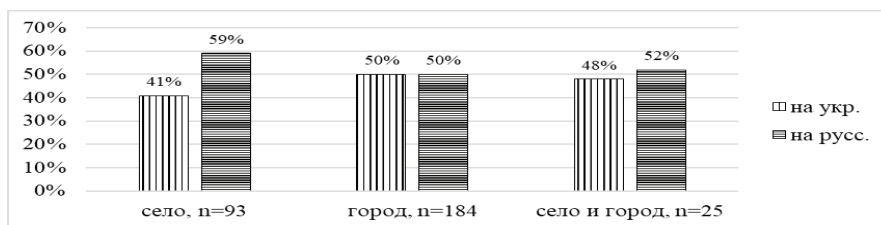
Диаграмма 4. Направление автоперевода и образование респондентов

У лиц с высшим образованием не только самый большой разрыв между количеством русско-украинских и украинско-русских автопереводов, но и больше всего замен 'украинских' основ 'гибридными', что еще раз опровергает тезис об УРСР как исключительно речи необразованных. Кроме того, среднее поколение, получившее высшее образование в первые годы независимости, чаще исправляет свою речь в сторону украинского²⁷, тогда как остальные группы проявляют обратную тенденцию, причем молодежь исправляет на русский в три раза чаще, чем на украинский, а пожилые респонденты — в четыре раза.

Тип населенного пункта, где вырос респондент, также некоторым образом связан с направлением автоперевода (хотя эта связь и не является статистически значимой: $\chi^2(2; n=288) = 2,77, p > 0,05$). Так, выходцы из сел на треть чаще заменяют 'украинские' основы 'русскими', чем наоборот, тогда как у коренных горожан разница в направлении автоперевода отсутствует.

Диаграмма 5. Направление автоперевода: распределение по типу местности, где выросли респонденты

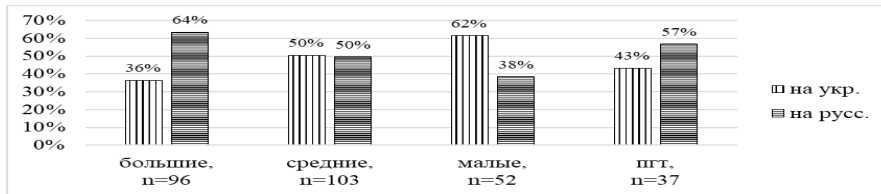
²⁷ Несмотря на то, что языковое законодательство того времени допускало использование и украинского, и русского как языков высшего образования и науки, а актуальный сегодня закон «О высшем образовании» 1556-VII от 2004 г. (в редакции 2020 г.) в ст. 48 предусматривает образовательный процесс на государственном языке (с отдельными исключениями), каковым, согласно Конституции, является украинский.

Как уже было сказано выше, более склонны к переводу на русский те из респондентов, кто (как минимум теоретически) могли подвергаться насмешкам или испытывать комплексы по разным поводам: как «деревенские», малообразованные, или же из-за того, что говорят на УРСР, или же «суржике», подвергающемуся резкому осуждению со стороны национальных элит. Видимо, именно поэтому уроженцы деревень склонны в контролируемых ситуациях и в общении с «образованным» собеседником делать свою речь более «русской» и, таким образом, по их мнению, более «интеллигентной». Хотя специально вопрос об оскорблениях из-за использования определенных языков или кодов, напр., по поводу «сельского» языка, интервьюеры не задавали, тем не менее, некоторые респонденты комментировали это:

(6) Ukrajins'ka_{uk}. Sil's'ka_{uk}. S_{uk} sela_{co}, značyjt'_{uk}, to_{uk} s_{uk} sela_{co}. Da_{ru}, kolhoz_{ru} «Douhe_{uk} dyšlo_{co}». [...] Мене_{uk} ni_{uk} [ne obražalo], no_{ru} tak_{co} z boku_{co} mene_{uk} cepljalo_{ru}. I-1

Если же принимать во внимание тип населенного пункта, где респонденты проживают в данное время, то здесь ситуация несколько иная.

Диаграмма 6. Направление автоперевода: распределение по типам населенных пунктов²⁸, где проживают респонденты в настоящее время

Связь этих факторов статистически значимая: χ^2 (3; n=288) = 9,4, $p < 0,05$; V Крамера = 0,181, коэффициент сопряженности СС = 0,178 (связь слабая), оба сигнификантны ($p < 0,05$).

В больших городах, в целом более русскоязычных, вполне ожидаемо существенно преобладают переводы на русский, в средних городах ситуация сбалансированная. Противополож-

²⁸ Опрос проводился только среди городского населения, т.е. жителей городов разного размера (большие — более 100 000 жителей, средние — от 30 000 до 100 000, малые — от 10 000 до 30 000) и поселков городского типа.

ные тенденции в малых городах и поселках могут частично объясняться некоторыми тенденциями, часто противоречивыми, как, например, желание показаться более «городскими», т.е. русскоязычными, с одной стороны, и традиционный жизненный уклад, влияние разговорного (иногда с элементами диалектного) языка и преимущественно украиноязычных школ, с другой.

Для более подробного описания и объяснения распределения двух направлений автопереводов с учетом большого числа независимых переменных мы использовали Conditional Inference Tree models, или же дерево решений (далее — ctree)²⁹. Ctree — это непараметрическая регрессионная модель, которая визуализируется как дерево решений и служит хорошей альтернативой множественному регрессионному анализу, когда допущения о линейной регрессии нарушаются. Это метод регрессивного анализа данных, основанный на классификации через бинарное рекурсивное деление³⁰: алгоритм выбирает ту независимую переменную, которая имеет наибольшую корреляцию с зависимой переменной, и делит набор данных на два подмножества. Данные итерации повторяются для каждого подмножества, пока для всех конечных подмножеств не будет достигнут заданный уровень *p*-критерия. Ctree особенно подходит для нашего набора данных из-за (i) наличия взаимодействий высокого порядка между переменными (мультиколлинеарность), (ii) непараметрической природы наших данных, (iii) большого количества независимых переменных смешанного типа и (iv) способности ctree моделировать нелинейные функции³¹.

Мы протестировали следующие независимые переменные: размер актуального места жительства респондентов; субкорпус; местность, где выросли респонденты; образование; возрастная группа; код(ы) языковой социализации в детстве; ареал. Переменная «направление перевода» служила номинальной зависимой мерой с двумя уровнями, то есть двумя реализация-

²⁹ T. Hothorn, K. Hornik, A. Zeileis, *Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework*, «Journal of Computational and Graphical Statistics» 2006, № 15 (3), с. 651–674.

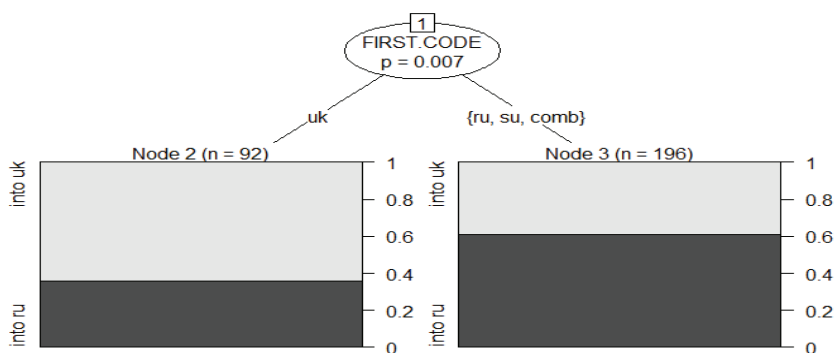
³⁰ N. Levshina, *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. John Benjamins Publishing, Amsterdam & Philadelphia 2015, с. 291–300.

³¹ G. Hentschel, O. Palinska, I. Fekete, *Dialect levelling or colonial hybridization: A case study on the formal variation of the infinitive in Ukrainian-Russian «Suržyk»*, «Language Variation and Change», в печати.

ми: ‘на укр.’ или ‘на рус.’. Статистический анализ был выполнен в Rstudio 1.2.5019³² с использованием пакетов R party и partykit. Дерево решений также учитывает *p*-критерий (мы используем поправку Бонферрони для устранения эффекта множественных сравнений).

Модель *ctree* имеет древовидную структуру, таким образом, чем выше находится переменная в иерархии, тем более существенным является ее влияние. Переменные, не отображаемые в модели, не являются статистически значимыми относительно отображаемых переменных. Узел, находящийся выше всего в иерархии, является главным в определении направления автоперевода. Все последующие узлы показывают сочетание факторов (соблюдается совокупность условий из узлов, расположенных выше).

Диаграмма 7. Дерево решений (*ctree*), моделирующее переменную «направление автоперевода»

Переменные, задействованные в моделировании <i>ctree</i>	
Зависимая:	
AUTO.TRANSL	направление автоперевода: into uk ‘в сторону украинского’, into ru ‘в сторону русского’,
Независимые:	
AREAL	ареал: A / B / C / D / E

³² RStudio, *Integrated development environment for R* (Version 1.2.5019), Boston, MA 2019.

CORPUS	субкорпус: f 'семейный', i 'интервью'
EDUCATION	образование: h 'высшее', b 'среднее специальное', e 'среднее'
GROWN.UP.IN	местность, где вырос респондент: cs 'село', cs-to 'село и город', to 'город'
PLACE.SIZE	тип населенного пункта, где проживает респондент: vsto 'поселок городского типа', sto 'маленький город', mto 'средний город', lto 'большой город'
FIRST.CODE	первый язык: uk 'украинский', ru 'русский', su 'смешанный', comb 'комбинация кодов'
AGE	возрастная группа: y 'до 32 лет', m '33–49', o '50 и выше'

Как было показано выше в анализе связи отдельных переменных с направлением автоперевода, сила эффекта этих факторов, согласно значению V Крамера, является слабой (факторы 'ареал', 'возраст', 'первый язык', 'образование', 'размер населенного пункта') или же вообще не является статистически значимой (факторы 'субкорпус' и 'тип местности, где вырос респондент'). Таким образом, при сочетании влияния разных переменных в структуре streee отображена только одна переменная, а именно 'первый язык'. Другими словами, направление автоперевода в УРСР прежде всего связано с первичным языком социализации респондента: если это был украинский, перевод производится предпочтительно в сторону украинского (с соотношением 64% / 36%), если другой идиом или их комбинация — в сторону русского (61% / 39%).

Дерево решений показывает, что остальные факторы, даже значимые при единичном анализе, в сопоставлении с фактором первого языка не имеют достаточной связи с направлением автоперевода — ни отдельно, ни в их комбинациях.

ВЫВОДЫ

Носители УРСР довольно часто (в частности, в сравнении с носителями белорусско-русской смешанной речи) используют автоперевод, который несколько чаще направлен в сторону русского, чем украинского. При этом практической необходимости в нем не существует: как правило, это просто «подтягивание»

собственной речи к некоторому стандарту, существующему в сознании говорящих. Поэтому автопереводы чаще используются в интервью, чем в «семейных» разговорах: говорящие более склонны контролировать свою речь и хотят произвести хорошее впечатление на интервьюера. Что именно является «соответствующим» языком или кодом в каждой конкретной ситуации, говорящие определяют на основании собственных представлений и установок («габитус» в терминологии Бурдьё), которые являются достаточно инертными и не всегда вовремя изменяются в соответствии с изменениями окружающих условий.

Социодемографические параметры респондентов проявляют некоторую связь с направлением автоперевода. Так, 'украинские' основы чаще переводят на русский: жители ареала, где наиболее часто используют смешанную речь (Сумская и Днепропетровская обл.); те, кто в детстве говорили на русском или смешанном; представители старшего и молодого поколения; лица с высшим образованием; уроженцы деревень; жители больших городов. В большинстве этих случаев русский остается маркером более высокого статуса, который стремятся продемонстрировать респонденты. Вместе с тем статусные показатели украинского тоже достаточно высоки, и одни и те же респонденты в полностью аналогичных ситуациях могут использовать перевод как в сторону русского, так и украинского.

Безусловно, невозможно однозначно сопоставлять результаты спонтанного использования единиц разного уровня в речи респондентов и сознательного выбора языковых средств, как это имеет место в автопереводе. Направление автоперевода может базироваться на полностью противоположных основаниях: в одних случаях это автоматические оговорки, «выдающие» реальную языковую практику говорящего, которую он пытается скрыть по разным причинам — чтобы казаться более образованным, более «городским», более патриотичным и т.д., и тогда то, с какого языка на какой совершается перевод, является важным маркером для определения языковой идентичности говорящего; в других это скорее синонимические уточнения стилистического характера, которые чаще всего происходят в произвольном порядке и ничего не говорят о языковых предпочтениях респондента. Такое отсутствие предпочтений во многих случаях демонстрирует и статистический анализ факторов, которые могут демонстрировать связь с направлением автоперевода.

Приложение 1. Характеристики респондентов

Респондент	I-1	I-403	I-684	I-822	S-CLu	S-Glu
Ареал	А	В	В	Д	В	В
Размер населенного пункта, где живет респондент	большой город	средний город	большой город	большой город	средний город	средний город
Пол	м	м	ж	ж	м	м
Возраст	46	45	46	54	22	50
Образование	ср.	ср.-спец.	ср.	высш.	высш.	ср.-спец.
Тип населенного пункта, где вырос респондент	село / город	город	село / город	село	город	село
Первый язык	смеш.	укр.	укр.	смеш.	укр.	укр.

REFERENCES

- Appel, Rene, Muysken, Pieter. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1987.
- Beley, Les'. "Ukrayins'ka mova v interneti. Torhivlya, nerukhomist', rozvahy — tut vse rosiys'kouy." 12 December 2016 <https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrayinska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagy-73060/> [Белей, Лесь. "Українська мова в інтернеті. Торгівля, нерухомість, розваги — тут все російською" 12.12.2016. <https://texty.org.ua/articles/73060/Ukrayinska_mova_v_interneti_Torgivla_neruhomist_rozvagy-73060/>].
- Bourdieu, Pierre. *Was heißt sprechen? Zu Ökonomie des sprachlichen Tauschs*. Wien: Braumüller, 1990.
- Del Gaudio, Salvatore. "Ukrainsko-russkaya smeshannaya rech' 'surzhik' v sisteme vzaimodeystviya ukrainskogo i russkogo yazykov." *Slověne* 2015, no. 2: 214–246. [Дель Гаудио, Сальваторе. "Украинско-русская смешанная речь 'суржик' в системе взаимодействия украинского и русского языков". *Slověne* 2/2015, no. 2: 214–246].
- Fox, Barbara and Maschler, Yael, Uhmman, Susanne. "A cross-linguistic study of self-repair: Evidence from English, German, and Hebrew." *Journal of Pragmatics* 2010. no. 42(9): 2487–2505.
- Gafaranga, Joseph. "Language alternation and conversational repair in bilingual conversation." *International Journal of Bilingualism* 2012, no. 16(4): 501–527.
- Grecko, Daria and Olesya Palinska. "Slovoobrazovaniye v belorusko-russkoy i ukrainsko-russkoy smeshannoy rechi." *Linguistica Copernicana* 2019, no. 16: 311–335 [Гречко, Дарья, Палинская, Олеся. "Словообразование в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи." *Linguistica Copernicana* 2019, no. 16: 311–335].
- Gumperz, John J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Hentschel, Gerd and Palinska, Olesya, Fekete, Istvan. "Dialect levelling or colonial hybridization: A case study on the formal variation of the infinitive in Ukrainian-Russian 'Suržyk'." *Language Variation and Change* (в печати).

- Hentschel, Gerd and Taranenko, Oleksandr. “Movnyy landshaft Tsentral’noyi Ukrayiny: ukrayins’ka mova, rosiys’ka mova, ‘surzhyk’ (uzhyvannya — movna kompetentsiya — natsional’ne pozytsionuvannya).” *Movoznavstvo* 2015, no. 4: 3–25. [Хентшель, Герд, Тараненко, Олександр. “Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, ‘суржик’ (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування).” *Мовознавство* 2015, no. 4: 3 — 25].
- Hentschel, Gerd. “Belorusskaya ‘trasyanka’ i ukrainskiy ‘surzhik’: ob osnovnykh razlichiyakh v stepeni vliyaniya russkogo yazyka.” *Przegľad Rusycystyczny* 2018, no. 2 (162): 190–207. [Хентшель, Герд. “Белорусская ‘трясянка’ и украинский ‘суржик’: об основных различиях в степени влияния русского языка.” *Przegľad Rusycystyczny* 2018, no. 2 (162): 190–207].
- Hentschel, Gerd and Zeller, Jan Patrick and Tesch, Sviatlana. *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014 <<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>>.
- Hothorn, Torsten and Hornik, Kurt; & Zeileis, Achim. “Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework.” *Journal of Computational and Graphical Statistics* 2006, no. 15(3): 651–674.
- Kittel, Bernhard and Lindner and Diana, Brüggemann and Mark, Zeller and Jan Patrick and Hentschel, Gerd. *Sprachkontakt — Sprachmischung — Sprachwahl — Sprachwechsel*. Berlin: Peter Lang, 2018.
- Kormos, Judith. “Monitoring and Self-Repair in L2.” *Language Learning* 1999, no. 49(2): 303–342.
- Levshina, Natalia. *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2015.
- Masenko, Larysa. “Movna sytuaciya Ukrayiny: sotsiolingvistychnyy analiz”. *Movna polityka ta movna sytuatsiya v Ukrayini: analiz i rekomendatsiyi*. Red. Yu. Besters-Dilger. Kyiv: Кууєво-Могулянська академія, 2010 (2nd Ed.). 96–131 [Масенко, Лариса. “Мовна ситуація України: соціолінгвістичний аналіз”. Ред. Бестерс-Дільгер, Юліане. Київ: Києво-Могилянська академія 2010 (2-ге вид.). 96–131].
- Menzel, Thomas and Hentschel, Gerd. *Flexionsmorphologische Irregularität in inner-slavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch — Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2017.
- Palinska, Olesya. “Metazykovyye refleksii nositeley ukrainsko-russkoy smeshanpouy rechi.” *Wiener slawistischer Almanach* (в печати). [Палинська, Олеся. “Метаязыковые рефлексии носителей украинско-русской смешанной речи.” *Wiener slawistischer Almanach* (в печати)].
- RStudio, *Integrated development environment for R* (Version 1.2.5019). Boston, MA, 2019.
- Taranenko, Oleksandr. “Suchasni tendentsiyi do perehlyadu normatyvnykh zasad ukrayins’koy literaturnoy movy i yavyshe puryzmu (nazahal’noslov’yans’komu tli).” *Movoznavstvo* 2008, no. 2–3: 159–189. [Тараненко, Олександр. “Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму (на загальнослов’янському тлі).” *Мовознавство* 2008, no. 2–3: 159–189].
- Taranenko, Oleksandr. “Variantnist’ vs. stabil’nist’ u strukturі ukrayins’ko-rosiys’koho ‘surzhyku’ (URS): sukupnist’ idiolektiv vs. sotsiolekt.” *Variation und*

АВТОПЕРЕВОД...

- Stabilität in Kontaktvarietäten.* (Ed.) Hentschel, Gerd. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21]. 27–61 [Тараненко, Олександр. “Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського ‘суржик’ (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект.” *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten.* Hrsg. Hentschel, Gerd. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21]. 27–61].
- Tesch, Sviatlana. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax.* Oldenburg: BIS-Verlag, 2014 [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 25].

ZUZANNA WŁODOWSKA

Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń

 ORCID <http://orcid.org/0000-0002-3874-0843>

WYBRANE TOPONIMY W ROSYJSKIM PRZEKŁADZIE GRY *THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM*

SELECTED TOPONYMS IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE GAME *THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM*

This paper is a comparative analysis of selected toponyms in the video game *The Elder Scrolls V: Skyrim* in English and Russian. The main focus is on the semantic aspect, and in particular on semantic differences. The first part of the article explains typical translation strategies in video game translation, including specific aspects of *The Elder Scrolls V: Skyrim* for games in general. The second part serves as a comparative analysis of selected toponyms in the game. The author comments on the translation options and analyzes their adequacy taking into account both the semantic and cultural aspects.

Keywords: game translation, RPG, Skyrim, cultural aspects of translation, toponymy

Niniejszy artykuł poświęcony jest analizie porównawczej wybranych toponimów (jako nośników informacji kulturowej) w przekładzie gry *The Elder Scrolls V: Skyrim* (Bethesda, 2011) na język rosyjski w konfrontacji z oryginalną angielską wersją językową. Przedmiotem szczególnej uwagi stała się kwestia tłumaczenia nazw własnych oraz różnic semantycznych w oryginale i przekładzie. Głównym celem tekstu jest przybliżenie stosunkowo nowego w przekładoznawstwie zagadnienia, jakim jest tłumaczenie gier komputerowych oraz zestawienie stosowanych w nim technik z zabiegami typowymi dla przekładu literackiego na przykładzie analizy porównawczej wybranych treści gry w języku oryginału i przekładu. Problem przekładu gier na język rosyjski zaczął być podejmowany dopiero w ostatnich latach i w odniesieniu do języka rosyjskiego są to przede wszystkim prace o charakterze przeglądowym, dotyczące zagadnień o dużym stopniu ogólności¹. Wybrałam grę *The Elder Scrolls V: Skyrim* ze względu

¹ Por. np. М. А. Болотина, Е. В. Кузьмина, *Лексические проблемы перевода компьютерных игр*, „Вестник Балтийского федерального университета им.

na rozbudowany charakter przedstawionego w niej świata i kultowy status produkcji², który nie ogranicza się do środowiska graczy, co pozwala traktować przedmiot analizy jako dzieło kulturowe (o międzynarodowym zasięgu i gronie odbiorców porównywalnym z ważnymi utworami literackimi i filmami).

Analiza przekładów gier wymaga w pierwszej kolejności rozróżnienia pojęć „tłumaczenia” i „lokalizacji”, które nierzadko w literaturze przedmiotu używane są naprzemiennie — jednak sporo je różni.

Lokalizacja jest pojęciem ogólnym, obejmującym kompletny proces wprowadzania gry na dany obszar językowy i kulturowy. Lokalizacja językowa gry komputerowej, jako element większego procesu lokalizacji, polega na modyfikacji (adaptacji) świata przedstawionego i jego realiów w taki sposób, by były one w pełni zrozumiałe i oswojone przez docelowego użytkownika zlokalizowanej gry³. W odróżnieniu od tłumaczenia, lokalizacja językowa obejmuje także elementy graficzne oraz interfejs użytkownika, dzięki czemu można ją nazwać też „przekładem całkowitym”. Przykładem lokalizacji językowej będzie zmiana formatu czasu w grze, wprowadzenie elementów dialektu poza językiem ogólnym lub ocenianie elementów gry uważanych w docelowym obszarze kulturowym za obraźliwe czy kontrowersyjne.

Tłumaczenie gry (w znaczeniu znajdowania ekwiwalentów leksykalnych) jest częścią lokalizacji, jej pierwszym i najważniejszym etapem⁴. Jest to proces przekładu tekstu wyświetlanego lub odtwarzanego w grze, jednak jest on przeprowadzany bez względu na aspekty kulturowe danego obszaru. Dopiero po zakończeniu tłumaczenia stosuje się ewentualną adaptację tekstu.

Należy zaznaczyć, że wyznaczenie wyraźnych granic między tłumaczeniem a lokalizacją gry może okazać się trudne ze względu na

И. Канга. Серия: Филология, педагогика, психология” 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-problemy-perevoda-kompyuternyh-igr/viewer> (17.04.2020) oraz М. А. Болотина, А. А. Смирнова, *Перевод безэквивалентной лексики при локализации компьютерных игр*, „Вестник БФУ им. И. Канга” 2018, s. 20–28.

² Z ponad 30 mln sprzedanych kopii Skyrim znajduje się wśród piętnastu najlepiej sprzedających się gier video na świecie; https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_best-selling_video_games (17.04.2020).

³ М. А. Bernal-Merino, *On the Translation of Video Games*, University of Roehampton, London 2010.

⁴ *Language localisation*, <https://encyclopedia.thefreedictionary.com/Language+localisation> (17.04.2020).

podobieństwo tych procesów: lokalizacja⁵ obejmuje elementy tłumaczenia również na jej późniejszych etapach i ma wiele wspólnych elementów z tłumaczeniem oprogramowania, na przykład pakietów biurowych, programów graficznych czy systemów operacyjnych. W naszych rozważaniach skupimy się na tych aspektach lokalizacji, które mają związek z przekładem.

Oprócz kompetencji, jakie musi posiadać każdy tłumacz, przekład gier wymaga przede wszystkim zapoznania się z różnymi gatunkami rozgrywek komputerowych, zważywszy, że we współczesnych grach dochodzi do ich mieszania⁶. Ważnym terminem w obszarze lokalizacji gier jest „lore”, czyli ogólne tło historyczne i kulturowe opowieści, które dla każdego projektu tłumacz musi zgłębić, aby zrozumieć fabułę oraz dostrzec obecne w niej nawiązania historyczne i kulturowe.

Szczególnie istotna jest znajomość dzieł kultury popularnej, co umożliwi dostrzeżenie w oryginalnym tekście przypadków intertekstualności, czyli odniesień do innych dzieł kultury. Zależnie od tego, czy gra jest adaptacją lub kontynuacją innego dzieła, czy zupełnie nowym, niezależnym projektem, tłumacz musi zastosować odtwórcze lub twórcze podejście do tłumaczenia, by umożliwić spójny odbiór przez gracza przedstawionej w grze rzeczywistości⁷. Tekst w języku przekładu musi być odbierany tak samo, jak tekst oryginalny.

Nawet niewielka pomyłka gramatyczna czy pominięcie jakiegoś fragmentu mogą całkowicie zmienić odbiór fabuły. Przykładem jest sposób mówienia postaci i ich charakterystyka. Jeśli na przykład postać w grze nie ma określonej płci, tłumacz musi zdecydować, jaki zaimek osobowy i rodzaj gramatyczny wykorzystać, by nie wprowadzić gracza w błąd.

W sferze leksyki należy zwrócić szczególną uwagę na nazwy własne, frazeologizmy i gry słów, które są w znacznym stopniu nacechowane kulturowo.

W przypadku dubbingu istotne jest, by zdania wypowiedziane przez postacie były zsynchronizowane z ruchem ich ust, zaś jeśli chodzi o podpisy, muszą one być dopasowane do długości wypowiedzi postaci, aby gracz zdążył je przeczytać.

⁵ Tamże.

⁶ E. J. Kuipers, *Lokalizacja gier komputerowych — czyżby dziecinnie proste? Nowe perspektywy w szkoleniu tłumaczy pisemnych*, „Homo Ludens” 2010, nr 1 (2), s. 79.

⁷ Tamże.

Najczęściej używane strategie oraz techniki przekładowe w grach opisał Alberto Costales⁸:

1) Udomowienie i egzotyzacja

Wybór między nimi jest określany jako jedna z najważniejszych decyzji w procesie tłumaczenia gry, ponieważ może wpłynąć zarówno na cały jej dalszy przekład, jak i odbiór. Zaletą udomowienia będzie na przykład zachowanie gier słownych, zrozumiałych dla odbiorcy przekładu gry. Za egzotyzacją przemawia przykładowo fakt zachowania specyficznej atmosfery gry zbudowanej przez twórców.

2) Brak tłumaczenia

Tę technikę tłumacz może wykorzystać w ramach egzotyzacji lub internacjonalizacji⁹ – na przykład nazwa miejsca w grze może być zapożyczona z Biblii. W takim przypadku nie będzie ona tłumaczona, ponieważ jest związana z konkretną terminologią kreującą przebieg fabuły.

3) Transkreacja

To model strategii tłumaczeniowej gier komputerowych stworzony przez Carmen Mangiron i Minako O'Hagan¹⁰. Transkreacja wymaga od tłumacza kreatywności, ponieważ obejmuje zmianę struktury i elementów tekstu oryginalnego, a niejednokrotnie stworzenie go zupełnie od nowa, przy jednoczesnym zachowaniu jego oryginalnego wydźwięku i wywoływanego efektu. Za przykład może posłużyć nadanie nowej nazwy broni, gdy pierwotne tłumaczenie nie spełnia wymogów technicznych gry (np. jest za długie).

4) Tłumaczenie dosłowne

Ta technika może być z powodzeniem wykorzystywana w grach komputerowych na przykład z gatunku symulatorów czy gier wyścigowych, w których można znaleźć wiele terminów technicznych¹¹.

5) Wierność w odniesieniu do źródła

Technika ta związana jest z grami będącymi adaptacją dzieł kultury, głównie literatury i filmów. W takim przypadku tłumacz musi zachować ostrożność przy transkreacji tekstu gry, by nie oddalić się zbyt od rozwiązań tłumaczeniowych, które zostały wcze-

⁸ A. F. Costales, *Exploring Translation Strategies in Video Games*, University of Oviedo, Oviedo 2012, s. 7.

⁹ Internacjonalizacja to przystosowanie danej treści lub urządzenia, by mogły być bez przeszkód odbierane w wielu kręgach językowych.

¹⁰ C. Mangiron, M. O'Hagan, *Game Localisation: Unleashing Imagination with „Restricted” Translation*, Dublin City University, Dublin 2006.

¹¹ A. F. Costales, *Exploring Translation Strategies...*, s. 10.

śniej przyjęte przez odbiorców pierwotnego przekładu, na przykład książki.

Warto zauważyć, że wymienione strategie i techniki, pokrywają się w znacznej mierze ze strategiami i technikami tłumaczeń literackich, co jest spowodowane podobieństwami wynikającymi m.in. z wysokiego stopnia fabularyzacji większości gier. W przekładzie gier nie występuje nota translatorska (z powodu ograniczonego miejsca dla tekstu, który w dodatku niepotrzebnie odwracałby uwagę gracza w trakcie rozgrywki).

Skyrim jest fabularną grą akcji. Odmiana ta, wywodząca się z klasycznego gatunku RPG¹², charakteryzuje się niezwykle rozbudowaną fabułą i bogatym światem przedstawionym. Stanowi to ogromne wyzwanie dla tłumacza nie tylko ze względu na bardzo dużą objętość tekstu do przełożenia, ale też z uwagi na występowanie licznych przypadków intertekstualności, gry słów czy zróżnicowania tekstu pod względem stylistycznym. W świecie *Skyrim*¹³ występują odniesienia do wielu utworów literackich, tak więc działalność tłumacza należy analizować nie tylko w oparciu o teorię przekładu gier Mangiron i O'Hagan, łączącą cechy tłumaczenia audiowizualnego z tłumaczeniem oprogramowania, lecz także z uwzględnieniem metodologii tłumaczenia literackiego.

Jak zaznacza Maria Krysztofiak, „bardzo istotną kwestią z punktu widzenia teorii przekładu literackiego, jest eksponowanie indywidualności, a więc jednorazowości i niepowtarzalności danego tekstu”¹⁴. Przekład wypowiedzi literackiej powinien także zachować specyficzny charakter i kształt nadany mu przez autora¹⁵. Ze względu na to, że literatura w grze podzielona jest na wiele różnych gatunków, na przykład poematy czy traktaty polityczne, tłumacz musi zwracać uwagę na różnice stylistyczne i leksykalne tekstów, podejmując jednocześnie próbę zachowania pierwotnego wydźwięku danego tekstu.

Autorami oficjalnej lokalizacji *Skyrim* w języku rosyjskim¹⁶, a jednocześnie wydawcami gry na terenie Rosji są członkowie zespołu

¹² A. Rollings, E. Adams, *On game design*, New Riders, Boston–Indianapolis–London–Munich–San Francisco 2003, s. 347.

¹³ Books, w: *The Elder Scrolls wiki*, [https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Books_\(Skyrim\)](https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Books_(Skyrim)) (11.11.2019).

¹⁴ M. Krysztofiak, *Przekład literacki we współczesnej translatoryce*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1996, s. 31.

¹⁵ Tamże.

¹⁶ Na platformę Microsoft Windows.

1C-Softclub (1C-Софтклуб)¹⁷. Data światowej premiery gry (także w Rosji) to 11 listopada 2010 roku¹⁸. Pełna lokalizacja gry zajęła rosyjskiej firmie cztery miesiące¹⁹. Początkowo zastanawiano się nad przetłumaczeniem wyłącznie zastosowanych w grze podpisów, jednak ostatecznie postanowiono wykonać kompletną lokalizację. Nad rosyjskojęzyczną wersją pracowało dwadzieścia osób, a siedemdziesiąt osiem zajmowało się jej udźwiękowieniem.

Wśród największych przeszkód w procesie lokalizacji *Skyrim* 1C-Softclub wymienia m.in. dobór głosów aktorów, techniczne aspekty udźwiękowienia, ogromny glosariusz, wymagający nadania akcentu wyrazowego każdemu słowu; kwestię adaptacji wymowy bohaterów należących do różnych ras²⁰.

Z punktu widzenia naszych rozważań najistotniejszy będzie więc problem zastosowania w grze dużej liczby neologizmów leksykalnych. W przypadku tłumaczenia nazw własnych, do których zaliczamy stanowiące tu przedmiot analizy toponimy, tłumacz może wybierać pomiędzy takimi wieloma technikami²¹:

A) Zapożyczenie, które polega na skopiowaniu jednostki leksykalnej z języka oryginalnego do języka docelowego bez jakichkolwiek modyfikacji. Przy użyciu tej techniki frakcja Stormcloaks²² pozostanie na przykład w przekładzie bez zmian nawet wtedy, kiedy dany język docelowy wykorzystuje inny system znaków. Szczególnym rodzajem zapożyczenia jest kalka, czyli dosłowne przetłumaczenie fragmentu tekstu wyjściowego.

B) Wymiana, polegająca na zastąpieniu jednostki leksykalnej z języka oryginalnego jej uznanym ekwiwalentem. Za przykład może posłużyć fikcyjna roślina pojawiająca się po raz pierwszy w Oblivion, czwartej części serii TES, zwana w oryginalnej wersji językowej Nirnroot. W przypadku pojawienia się jej w *Skyrim*, tłumacz może posłużyć się znanym już graczowi przekładem nazwy z Oblivion, jeśli oczywiście takie tłumaczenie istnieje.

¹⁷ Praca zbiorowa, *Скайрим. Хроники*, АСТ, Москва 2017, s. 2.

¹⁸ *Клуб песни и пляски на севере Тамриэля*, <https://lenta.ru/articles/2011/11/29/skyrim1/> (17.04.2020).

¹⁹ Tamże.

²⁰ W wersji anglojęzycznej kobiety rasy nordyckiej miały skandynawski akcent. W rosyjskiej wersji zrezygnowano w ogóle z rozróżniania akcentów ze względu na ograniczenia wynikające z braku analogicznych relacji kulturowych.

²¹ H. Salich, *Techniki i strategie tłumaczenia neologizmów autorskich*, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2018; K. Hejwowski, *Iluzja przekładu*, SIW–Śląsk, Katowice 2015.

²² *Stormcloaks*, <https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Stormcloaks> (17.04.2020).

C) Przekład dosłowny jednostki leksykalnej — tytuł *Skyrim*, na przykład, można przetłumaczyć dosłownie na język polski jako *Niebiański Brzeg*.

D) Konwersja funkcjonalna, czyli technika polegająca na przekształceniu oryginalnej jednostki leksykalnej w taki sposób, by posiadała podobne konotacje kulturowe i wywoływała analogiczne skojarzenia. Przykładowo będzie to przetłumaczenie frakcji Thieves Guild²³, czyli gildii złodziei, jako Janosików.

E) Transkrypcja (odwzorowanie wymowy za pomocą głosek innego języka)/transliteracja (system zapisywania tekstów innym alfabetem niż alfabet oryginału z zachowaniem ortografii, a pominięciem wymowy). Przykładem transkrypcji może być przetłumaczenie nazwy *Skyrim* na język polski jako *Skajrim*.

F) Transfer z dodaniem objaśnienia — na przykład w grze może wystąpić objaśnienie w postaci dodatkowego tekstu (nie jest to jednak częsty zabieg).

G) Opuszczenie nazwy własnej, czyli całkowite usunięcie danej nazwy własnej.

W analizie został zastosowany podział toponimów zaproponowany przez Ewę Jakus-Borkową według kryterium zamieszkania (ojkonimy — zamieszkane, anojkonimy — niezamieszkane) oraz z uwzględnieniem charakteru miejsca²⁴:

a) toponimy (jako podkategoria) — miejsca lub obiekty zamieszkane/niezamieszkane;

b) urbanimy — nazwy odnoszące się do przestrzeni miejskiej, określenia placów, parków itd.;

c) hydronimy — nazwy akwenów;

d) oronimy — nazwy wzgórz i gór;

e) choronimy — nazwy krajów, regionów, dzielnic.

Toponimy mogą dostarczać istotnych informacji o kulturze i historii danego obszaru językowego. Wówczas traktowane są jako nazwy kulturowe²⁵. W przypadku toponimów utworzonych na podstawie ukształtowania terenu danego miejsca będą to nazwy topograficzne, zaś nazwy dzierzawcze wskazują na założyciela pewnego obszaru.

²³ *Thieves Guild*, [https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Thieves_Guild_\(Skyrim\)](https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Thieves_Guild_(Skyrim)) (17.04.2020).

²⁴ E. Jakus-Borkowa, *Nazewnictwo polskie*, WSP, Opole 1987.

²⁵ Por. W. Taszycki, *Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału*, Polska Akademia Umiejętności, Skł. gł. Księgarnia Gebethnera i Wolffa, Kraków 1946, s. 228–68.

Ze względu na otwarty świat *Skyrim* gra obfituje w toponimy, szczególnie anojkonimy. Stanowią one nie lada wyzwanie dla tłumacza; musi on zwracać szczególną uwagę, czy w danej nazwie nie występują nawiązania kulturowe do innych aspektów gry oraz czy określony toponim nie pojawił się już wcześniej w języku przekładu, na przykład w poprzednich częściach serii.

Najważniejszą decyzją przy tłumaczeniu wszelkich nazw własnych jest wybór techniki tłumaczeniowej. Tłumacz powinien być przy tym konsekwentny, by nie zaburzyć wrażenia naturalności odbieranych treści. Przetłumaczona nazwa powinna wzbudzać przynajmniej podobne odczucia u odbiorcy przekładu, co oryginalna u odbiorcy oryginału. Kwestia ta jest szczególnie istotna w przypadku tekstów fabularnych oraz fantastycznych, których głównym celem jest tzw. pełna immersja odbiorcy, czyli „zanurzenie” go w wykreowanym świecie²⁶.

W analizie oryginalne toponimy w grze *Skyrim* oraz ich tłumaczenia zostały podzielone alfabetycznie (zgodnie z alfabetem łacińskim) oraz pod względem ich charakteru.

Włości

Eastmarch	Истмарк
Falkreath	Фолкрит
Haafingar	Хаафингар
Hjaalmarch	Хьялмарк
The Pale	Белый Берег
The Reach	Предел
The Rift	Рифт

Większość nazw włości poddana została transkrypcji dla zachowania ich egzotycznego charakteru. Wyjątkami są odpowiednio The Pale, część *Skyrim* w całości pokryta lodem i śniegiem, oraz The Reach, najbardziej wysunięta na zachód i górzysta część krainy. Można je uznać za nazwy topograficzne (*pale* ze względu na wszechobecną biel; *reach* może oznaczać m.in. najwyższy punkt czegoś). W takim przypadku tłumaczenia Белый Берег i Предел (jako ład graniczny) są przykładami odpowiednich semantycznie transkrecji.

²⁶ S. Tanskanen, *Player immersion in video games: Designing an immersive game project*, South-Eastern Finland University of Applied Sciences, Helsinki 2018.

Miasta i wioski

Miasta

Dawnstar	Данстар
Falkreath	Фолкрит
Markarth	Маркарт
Morthal	Морфал
Riften	Рифтен
Solitude	Солиътюд
Whiterun	Вайтран
Windhelm	Виндхельм
Winterhold	Винтерхолд

W przypadku tłumaczenia nazw miast tłumacz konsekwentnie wykorzystuje technikę transkrypcji. Chociaż dla anglojęzycznego odbiorcy w większości przypadków przytoczone nazwy będą znajome (ponieważ są zbitkami wyrazowymi już istniejących słów w języku angielskim, na przykład Windhelm – wind ‘wiatr’ + helm ‘ster’), rosyjskojęzyczny gracz odbierze je jako egzotyczne. Kontrastem dla takiego rozwiązania może być oficjalne polskie tłumaczenie miast w grze²⁷, gdzie zastosowana została naturalizacja (np. Whiterun zostało przetłumaczone jako Biała Grań). Trudno jednoznacznie określić, która technika jest w tym przypadku lepsza – żadna z nich nie zaburza w istocie doświadczania immersji u odbiorcy przekładu.

Inne miejscowości

Dragon Bridge	Драконий Мост
Helgen	Хелген
Ivarstead	Айварстед
Karthwasten	Картвастен
Kynesgrove	Роща Кин
Riverwood	Ривервуд
Rorikstead	Рорикстед
Shor's Stone	Камень Шора

²⁷ *Skyrim: Miasta*, https://elderscrolls.fandom.com/pl/wiki/Kategoria:Skyrim:_Miasta (17.04.2020).

W przeciwieństwie do miast w przypadku innych miejscowości podejście przekładowe nie jest już tak jednorodne. Dzieje się tak nie bez przyczyny – toponimy tłumaczone w sposób dosłowny, czyli Dragon Bridge, Kynesgrove, Shor’s Stone wskazują na konkretne postacie związane z „lore” Skyrim – smoki, boginię Kynareth (zwaną przez Nordów Kyne) oraz boga Shora. Angielskie zbitki wyrazów (popularne rozwiązanie w przypadku współczesnego języka²⁸) zostały w rosyjskiej wersji podzielone na dwa słowa, dzięki czemu brzmią naturalniej.

W tym kontekście uwagę zwraca przekład miejscowości Rorikstead – chociaż jest to nazwa dzierżawcza (zgodnie z „lore” gry miejsce to podobno założył Rorik), tłumacz zastosował transkrypcję. Prawdopodobnie jest to efekt przeoczenia.

Miejsca spotkań

The Bannered Mare	Гарцующая кобыла
Candlehearth Hall	Таверна «Очаг и свеча»
Dead Man’s Drink	Таверна «Мертвецкий мёд»
Four Shields Tavern	Таверна «Четыре щита»
New Gnisis Cornerclub	Клуб «Новый Гнисис»
The Bee and Barb	Пчела и жало
The Frozen Hearth	Замёрзший очаг
The Winking Skeeвер	Смеющаяся крыса
Braidwood Inn	Таверна «Деревянное кружево»
Frostfruit Inn	Таверна «Мороженный фрукт»
Moorside Inn	Таверна «Верески»
Nightgate Inn	Таверна «Ночные ворота»
Silver-Blood Inn	Таверна «Серебряная Кровь»
Sleeping Giant Inn	Таверна «Спящий великан»
Vilemyr Inn	Таверна «Вайлмир»
Windpeak Inn	Таверна «Пик ветров»
Old Hroldan Inn	Таверна «Старый Хролдан»

²⁸ J. Algeo, *Blends, a Structural and Systemic View*, Duke University Press, Durham 1977, s. 47.

W rosyjskim przekładzie można zauważyć wielokrotne wykorzystanie leksemu „таверна”, najczęściej w charakterze odpowiednika angielskiego „inn”. Zgodnie z eksplikacją *Wielkiego słownika objaśniającego* (*Большой толковый словарь*) oznacza ono niewielką karczmę, spotykaną w niektórych zachodnich krajach, podczas gdy *Cambridge Dictionary* definiuje „inn” albo jako pub w którym można spędzić noc (w brytyjskim angielskim), albo też jako mały hotel (w amerykańskim angielskim), przy czym zaznacza się, że oba miejsca spotykane są zazwyczaj na wsi. Należy wspomnieć, że we współczesnym rozumieniu nazwy „inn” oraz „tavern” traktowane są najczęściej jako tożsame²⁹. Rosyjskie tłumaczenie zrealizowane przy wykorzystaniu techniki egzotyzyacji wywołuje więc podobne skojarzenia semantyczne. Jako że kraina Skyrim usytuowana jest w krajach nordyckich (zatem teoretycznie obcych kulturowo dla rosyjskiego odbiorcy), zastosowana strategia jest prawidłowa.

Vilemyr Inn, Old Hroldan Inn oraz New Gnisis Cornerclub zostały przełożone częściowo za pomocą transkrypcji. W przypadku pierwszego toponimu nie jest znana jego etymologia, nie jest to również zbitka wyrazowa. Słowo „Vilemyr” przypomina raczej nordyckie imię, dlatego w tym przypadku odpowiednia jest strategia transkrypcji. Drugi toponim, Old Hroldan, to według „lore” miejsce historyczne, pamiątkowe. Podczas gdy tłumaczenie dosłowne członu „Old” nie budzi zastrzeżeń, rzeczownik „Hroldan” nie został utworzony (przynajmniej w sposób wyraźny) od żadnego istniejącego wyrazu w języku angielskim. Czynniki te pozwalają na pozostawienie tego pojęcia w formie częściowo transkrybowanej. W przypadku New Gnisis Cornerclub słowo „Gnisis” zostało zaczerpnięte z trzeciej części serii TES, *Morrowind*, w której występuje jako nazwa miasta, zamieszkiwanego głównie przez rasę Dunmer³⁰. Gnisis w *Skyrim* służy jako główne miejsce spotkań właśnie tej rasy. W tym przypadku tłumacz zachował konsekwencję — w rosyjskim wydaniu *Morrowind* (zlokalizowanym przez firmę Акелла³¹) miejscowość również występuje jako „Гнисис”. Zastrzeżenia może budzić tłumaczenie słowa „cornerclub” — stworzonego specjalnie dla serii TES, nieistniejącego wcześniej w języku angielskim. Jest to nazwa kulturowa, oznaczająca miejsce spotkań

²⁹ *Drinking establishment*, https://en.wikipedia.org/wiki/Drinking_establishment (17.04.2020).

³⁰ *Gnisis*, <https://en.uesp.net/wiki/Morrowind:Gnisis> (17.04.2020).

³¹ *Локализация Morrowind*, https://www.igromania.ru/news/17983/Lokalizaciya_Morrowind.html (17.04.2020).

Dunmerów. Jej etymologia nie została wyjaśniona — prawdopodobnie człon „corner” wynika z usytuowania tego typu tawern na uboczu.

W rosyjskiej wersji *Morrowind* nie znajdziemy jednego odpowiednika tego toponimu³², zaś w *Skyrim* przetłumaczony został on w formie hiperonimu, jako „клуб”. W ten sposób poddany naturalizacji człon został pozbawiony nacechowania kulturowego.

Kolejną grupę toponimów związanych z miejscami spotkań stanowią transformacje:

„The Bannered Mare” i „Гарцующая кобыла” — przymiotnik „Гарцующая” powstały od czasownika „гарцевать” (brykać) zastąpił „bannered” (od rzeczownika „banner”, w tym przypadku sztandar). Nie jest to złe rozwiązanie, jako że w języku rosyjskim czasownik „гарцевать” występuje często w kolokacjach z końmi (np. „гарцующий пони”, „гарцевать на коне”). W kontekście gry traci jednak sens szyld tawerny, przedstawiający konia niosącego sztandar.

„Candlehearth Hall” i „Очаг и свеча” — w tym przypadku „Candlehearth”, jako zbitka wyrazowa powstała od rzeczowników „candle” i „hearth” znajduje dokładne odzwierciedlenie w rosyjskim tłumaczeniu, oczywiście po rozbiciu. Pominięty zostaje człon „Hall”, jednak nie ma to większego znaczenia dla odbioru toponimu.

„Dead Man’s Drink” i „Таверна ‘Мертвецкий мёд’” — rzeczownik w formie dzierżawczej „(Dead) Man’s” zostaje poprawnie odtworzony pod względem semantycznym jako „Мертвецкий”. Uwagę zwraca zastąpienie „drink” hiponimem „мед”, zgodnie z „lore” gry ulubionym napojem Nordów, co wzbogaca tłumaczenie.

„The Winking Skeeever” i „Смеющаяся крыса” — „skeeever” to rodzaj dużego gryzonia występującego na terenie *Skyrim*³³. W rosyjskim tłumaczeniu gry występuje on pod nazwą „злокрыс”. Mimo to tłumacz w nazwie tawerny zastosował hiperonim bez nacechowania kulturowego, „крыса”, prawdopodobnie w wyniku przeoczenia.

„Braidwood Inn” i „Таверна ‘Деревянное кружево’” — „braidwood” to zbitka wyrazów „braid” i „wood”, oznaczająca ozdobę (warokcz) zrobioną z drewna. „Деревянное кружево” to drewniane dekoracyjne wzory, często występujące na XVIII-wiecznych rosyjskich

³² W *Morrowind* pojawiają się cztery cornerclub: Dirty Muriel’s Cornerclub (tłm. Трактир Грязного Мюриэля), Black Shalk Cornerclub (Трактир Чёрный Шалк), South Wall Cornerclub (Южная Стена) oraz Elven Nations Cornerclub (Эльфийские Народы).

³³ *Skeeever*, [https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Skeeever_\(Skyrim\)](https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Skeeever_(Skyrim)) (17.04.2020).

domach³⁴. Dzięki zabiegowi naturalizacji przekład staje się bliższy rosyjskiemu odbiorcy, nie tracąc pierwotnego znaczenia.

„Moorside Inn” i „Таверна ‘Верески’” – „moorside” jako zbitka zostało utworzone od rzeczowników „moor” (wrzosowisko) i „side” (oznaczenie miejsca znajdującego się przy czymś); „верески” oznaczają zaś wrzosa. Tłumaczenie odzwierciedla znaczenie oryginału i nie wzbudza zastrzeżeń.

Ostatnią, najszerszą grupę w tej kategorii, stanowią tłumaczenia dosłowne (ewentualnie z niewielkimi różnicami gramatyczno-leksykalnymi).

Inne

Niektóre toponimy nie należą do żadnej z powyższych kategorii.

Bleakcoast Cave	Пещера Холодный Берер
Bits and Pieces	Всякая всячина
Bonechill Passage	Сквозняковый проход
High Hrothgar	Высокий Хротгар

„Bleakcoast Cave” a „Пещера Холодный Берер” – poza „standardowym” już rozdzieleniem angielskiej zbitki wyrazowej ta nazwa topograficzna uległa w tłumaczeniu modyfikacji, nacisk został położony na inną właściwość terenu (barwa vs. temperatura).

„Bits and Pieces” a „Всякая всячина” – tłumacz zastosował ekwiwalent funkcjonalny, wywołujący analogiczne uczucia u odbiorcy języka docelowego.

„Bonechill Passage” a „Сквозняковый проход” – oryginalna nazwa nawiązuje do dwóch frazeologizmów: „chilled to the bone” (prze-marznięty) oraz „chill (somebody) to the bone” (przerazić), zaś przekład rosyjski oddaje jedynie pierwsze znaczenie.

„High Hrothgar” a „Высокий Хротгар” – człon „Hrothgar” nawiązuje do postaci legendarnego króla Danii Hrodgara (tłum. pol.), występującego m.in. w anglosaskim eposie *Beowulf*³⁵. Jako oficjalną rosyjską transkrypcję imienia przyjmuje się „Хротгар”. W tłumaczeniu *Skyrim* spotykamy się zaś z transkrypcją „Хротгар”. Najprawdopodobniej tłumaczowi umknęło to nawiązanie literackie.

³⁴ *Деревянное кружево России*, <https://sergeyurich.livejournal.com/652288.html> (17.04.2020).

³⁵ *Hrothgar*, <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Hrothgar> (17.04.2020).

PODSUMOWANIE

Takie elementy techniczne jak grafika czy silnik gry będą wspólne dla graczy z dowolnego obszaru kulturowego (pomijając ograniczenia sprzętowe), dlatego specyfika przekładowa świata Skyrim oparta jest przede wszystkim na bardzo obszernym „lore” gry. Jak wynika z analizy występujących w grze toponimów, ta część serii czerpie silnie z kultury staronordyckiej. Jako element cyklu „The Elder Scrolls” Skyrim opiera się na intertekstualności, która jest źródłem wielu zagrożeń dla tłumaczy niezaznajomionych z tłem wykreowanego świata (czego przykładem były problemy rosyjskiego zespołu z tłumaczeniem toponimu „cornerclub”). Istotna jest również specyfika językowa gry — obfitująca w złożenia i zrosty wyrazowe charakterystyczne dla języka angielskiego.

Pomijając pojedyncze pomyłki i niektóre niezbyt trafne rozwiązania, pozostałe poddane analizie przykłady pokazują, że rosyjskiemu tłumaczowi (tłumaczom) Skyrim — pomimo ogromnej liczby (często wielowymiarowych) nazw własnych — udało się w dużej mierze zachować (a nawet wzbogacić) pierwotny charakter i nastrój gry.

REFERENCES

- Algeo, John. *Blends, a Structural and Systemic View*. Durham: Duke University Press, 1977.
- Bolotina Marina A. and Smirnova Anastasiya A. “Perevod bezekvivalentnoy leksiki pri lokalizatsii komp’yuternykh igr.” *Vestnik Baltijskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta*, 2018 [Болотина Марина А., Смирнова Анастасия А., “Перевод безэквивалентной лексики при локализации компьютерных игр.” *Вестник БФУ им. И. Канта*, 2018, 20–28]
- Bolotina Marina A. and Kuz’mina Yekaterina V. “Leksicheskie problemy perevoda komp’yuternykh igr.” *Vestnik Baltijskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta, Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2019. <<https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-problemy-perevoda-komp'yuternykh-igr/viewer>> [Болотина, Марина А., Кузьмина, Екатерина, “Лексические проблемы перевода компьютерных игр.” *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*, 2019]
- Bernal-Merino, Miguel Á. *On the Translation of Video Games*. London: University of Roehampton, 2010.
- Best-selling games*, <https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_best-selling_video_games>.
- Books*, <[https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Books_\(Skyrim\)](https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Books_(Skyrim))>.
- Costales, Alberto Fernández. *Exploring Translation Strategies in Video Games*. Oviedo: University of Oviedo, 2012.

- Derevyannoje kruzhevo Rossii*, <<https://sergeyurich.livejournal.com/652288.html>> [Деревянное кружево России].
- Drinking establishment*, <https://en.wikipedia.org/wiki/Drinking_establishment>.
- Gnisis*, <-1484395568 <https://en.uesp.net/wiki/Morrowind:Gnisis>>.
- Hejwowski, Krzysztof. *Iluzja przekładu*. Katowice: SIW-Śląsk, 2015.
- Hrothgar*, <<https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Hrothgar>>.
- Jakus-Borkowa, Ewa. *Nazewnictwo polskie*, Opole: WSP, 1987.
- Klub pesni i plyaski na severe Tamriel*, <<https://lenta.ru/articles/2011/11/29/skyrim1/>> [Клуб песни и пляски на севере Тамриэля].
- Krysztofiak, Maria. *Przekład literacki we współczesnej translatoryce*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996.
- Kuipers, Erik-Jan. "Lokalizacja gier komputerowych — czyżby dziecinnie proste? Nowe perspektywy w szkoleniu tłumaczy pisemnych." *Homo Ludens* 2010, no. 1 (2), Kraków: Polskie Towarzystwo Badania Gier, 2010.
- Language localisation*, <https://en.wikipedia.org/wiki/Language_localisation>.
- Lokalizatsiya Morrowind*, <https://www.igromania.ru/news/17983/Lokalizaciya_Morrowind.html> [Локализация Morrowind].
- Mangiron, Carme and O'Hagan, Minako. *Game Localisation: Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation*. Dublin: Dublin City University, 2006.
- Rollings, Andrew. *Andrew Rollings and Ernest Adams on game design*, Indianapolis: New Riders, 2003.
- Salich, Hanna. *Techniki i strategie tłumaczenia neologizmów autorskich*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2018.
- Skyrim. Khroniki*, Moskwa: АСТ, 2017 [Скайрим. Хроники].
- Skyrim:Miasta*, <https://elderscrolls.fandom.com/pl/wiki/Kategoria:Skyrim:_Miasta>.
- Stormcloaks*, <<https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Stormcloaks>>.
- Tanskanen, Selja. *Player immersion in video games: Designing an immersive game project*, Kouvola: South-Eastern Finland University of Applied Sciences, 2018.
- Taszycki, Witold. *Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału*, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Skł. gł. Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1946.
- Thieves Guild*, <[https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Thieves_Guild_\(Skyrim\)](https://elderscrolls.fandom.com/wiki/Thieves_Guild_(Skyrim))>.

R E C E N Z J E

BOGUSŁAW BAKUŁA

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0523-698X>Agnieszka Matusiak, *Wyjść z milczenia.**Dekolonialne zmagania kultury i literatury ukraińskiej XXI wieku
z traumą posttotalitarną,*

C-KEW–Uniwersytet Wrocławski, Wojnowice–Wrocław 2018, 387 s.

Postkolonialne schematy rozwijane po roku 1991 okazały się w dzisiejszej rzeczywistości Europy Wschodniej i Środkowej niewystarczające, a nawet historycznie nieprawdziwe. Prosty wzór postępu nie zadziałał prawie nigdzie, o czym przekonują się także Polacy, Węgrzy, Czesi. Coraz bardziej uświadamiamy sobie, że Ukraina, Gruzja, Armenia czy Azerbejdżan, a także Mołdowa, a być może Białoruś, znajdują się nie w fazie postkolonialnej, ale dekolonialnej. Zaszczepiona na gruncie europejskim hindusko-amerykańska dialektyczna mitologia zaprzeczenia i ciągłości, podpowiadająca, że wiele krajów Azji o tyle wydobyło się z fazy kolonialnej, o ile stało się częścią świata zachodniego (byłego kolonizatora) i dzięki temu może wносить swoje sprawy na forum światowe, w odniesieniu do strefy postsowieckiej nie dość dobrze wyjaśnia, o co chodzi. To iluzja. W rzeczywistości panuje sytuacja powolnej dekolonizacji, powolnej, gdyż nic nie dzieje się bez woli byłego hegmona-kolonizatora. Poprawmy się jeszcze bardziej: to nie jest dekolonizacja ale dekolonizowanie, chodzi bowiem o czas mniej dokonany, wskazujący na nieciągły i niejednorodny proces, zazwyczaj hamowany, a przyspieszający wówczas, gdy kolonizator słabnie z powodów ekonomicznych lub gdy trapi go wewnętrzna irredenta. Żadna z tych sytuacji nie zagraża na razie kolonizatorskiej Rosji, więc dekolonizowanie (uwalnianie się od destrukcyjnego wpływu na sprawy wewnętrzne) na obszarach do niej przyległych odbywa się z przejawami reemisji, czyli prób odbudowywania kolonialnej zależności, a nawet narzucania jej na powrót.

Coś podobnego wydarzyło się w Gruzji w roku 2010, a po roku 2014 na Ukrainie. Bolesnie wtedy przypomniano Gruzinom i Ukraińcom, że zależność wciąż trwa, choć ma nieco inny charakter, a imperium może w każdej chwili

odebrać te pozory suwerenności, na których kraje postsowieckie po 1991 roku usiłowały zbudować jakąś formę odrębnego istnienia, a może nawet i demokracji w stylu zachodnim. Nie udało się to w żadnym z wymienionych krajów, a do nich można by dodać wiele innych, z niepewnym wyjątkiem nadbałtyckiej trójki: Litwy, Łotwy i Estonii, gdzie wciąż trwa walka z groźbą tzw. wojny hybrydowej. Jak wspomniano na początku, oznacza to, że w ogromnej strefie postsowieckiej rozwijają się procesy rekolonizacyjne, tu i ówdzie zatwierdzone zbrojną interwencją. Napotykać one oczywiście opór, jak właśnie w Gruzji i na Ukrainie. Spór dekolonizacji i rekolonizacji przybrał na Ukrainie formę wojny domowej i niszczy ten kraj, wydobywając na powierzchnię konflikty, które wydawały się już mniej więcej załagodzone. Mylono się więc, uważając, że Ukraina znajduje się w fazie postkolonialnej — jak Polska czy Słowacja. To była charakterystyczna pomyłka właściwie wszystkich, Ukraińców nie wyłączając: znamionowały ją szerokie debaty kijowskich i zachodnich postkolonialistów, ustawiających sobie przedmiot badań w wygodnej dla siebie perspektywie prostych podziałów, wymoszczonej mocno wyświechtanymi sloganami i terminami naukowymi, gdzie wszystko już wydawało się znajome, ograne i przewidywalne. Sytuacja na Ukrainie po roku 2014 mówi, że jednak nie przewidziano biegu wydarzeń i nikt dziś nie ma recepty na to, co się stało. Nagle zamilkli uczeni postkolonialiści, dający dobre rady. Za wcześniej przeskoczyli do następnej fazy, gdzie witali się ze znajomą zachodnią rzeczywistością teoretycznie obłaskawionej winy i kary. I nagle zderzyli się z realną, tragiczną, brudną wojną, ze śmiercią, pół-rozkładem państwa, kryzysem i, co najgorsza, z brakiem perspektywy rozwiązania konfliktu, którego istotą i przyczyną jest rekolonizacja *à la manière russe*. To ich zaskoczyło. Niewiele więc mądrego napisali o Ukrainie po 2014 roku.

I oto w Polsce pojawia się ciekawa praca, która mówi o dekolonizującej się i rekolonizowanej Ukrainie w stylu dotychczas nieuprawianym, wskazująca na owe pominięte przez zachodnie — i lewitujące wokół nich lokalne „sorbonopały” (jak mawiał Rabelaise językiem naszego genialnego Tadeusza Boya-Żeleńskiego) — aspekty sytuacji. Jest także jak błysk racji na ubogim w naukowe inspiracje horyzoncie polskiej ukrainistyki. Nowoczesna, intelektualnie szeroko zakrojona praca ukrainistki z Wrocławia Agnieszki Matusiak zatytułowana *Wyjść z milczenia*, odpowiada na wiele pytań właśnie związanych z próbami dekolonizowania sytuacji kultury na Ukrainie. Autorka wcześniejszymi pracami ugruntowała swoją pozycję jako znaczącej dla tego środowiska postaci. Stworzyła dwa czasopisma nastawione na analizę zagadnień ukraińskich i ogólnych w perspektywie posttotalitarnej, organizowała wielodziedzinowe konferencje naukowe dotyczące Ukrainy, wywoływała dyskusje na aktualne tematy podczas kongresów ukrainistyki, publikowała ważne książki o literaturze i kulturze¹. Obecnie działa tylko

¹ Np. Tejże, *W kręgu secesji ukraińskiej. Wybrane problemy poetyki twórczości pisarzy „Młodej Muzy”*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2006, książka ukazała się również w przekładzie na język ukraiński — *Химерний*

jako szefowa uniwersyteckiego Centrum Studiów Posttotalitarnych i Postkolonialnych na Uniwersytecie Wrocławskim, ponieważ uznano, że rozwój ukrainistyki pod kierownictwem Agnieszki Matusiak to działalność wysoce niepożądana (prowadziła wykłady na temat literatury *gender*) i odsunięto ją od kształtowania spraw ukrainistycznych. Taż ukrainistka natychmiast przepadła jak kamień w wodzie i w kraju już zupełnie się nie liczy. Klasyczne *colonisatio rediviva* (*re-colonisatio*): utracić lidera wyrastającego ponad słabe środowisko i ukrainistykę podporządkować na powrót intelektualnie (?) rusycystyce. Piszę o tym z niepokojem jako osoba mocno kibicująca polskiej ukrainistyce i równie dobrze życząca rusycystyce. Choć profesjonalnie mam z ową rusycystką do czynienia okazjonalnie, zdarzyło mi się w zawodowym życiu zrecenzować kilkanaście prac naukowych na stopień doktora, doktora habilitowanego i profesora w obu zakresach. Mam więc rozeznanie *who is who* w dziedzinie ukrainistyki w Polsce i wiem, co piszę.

Można mniemać, że energia zablokowana przez czynniki rekolonizacyjne na jej uniwersytecie pozwoliła wrocławskiej ukrainistce (także rusycystce i slawistce, sądząc po wcześniejszych pracach²) na napisanie książki, która powinna przejść do historii dyskusji na temat dekolonialnej, zatem jeszcze nie postkolonialnej Ukrainy w XXI wieku. Praca wpisuje się w horyzont szeroko zakrojonej refleksji literaturoznawczej, ale także politologicznej i socjologicznej, zwłaszcza w nachyleniu socjopsychologicznym. Zajmijmy się więc merytoryczną stroną tego dzieła, uciekając jak najszybciej od personalnych namietności. Jak każde odważne przedsięwzięcie intelektualne, praca ta obarczona jest tyleż wielką dozą atrakcyjności i wizyjności, ile ryzykiem opinii nie dość ugruntowanych czy po prostu ryzykownych. Ale taka jest cena, jaką płaci każdy odważny autor, głęboko wychylający się poza opłotki swojej dyscypliny.

Przed wszystkim należy wyodrębnić odważną tezę, dla książki zasadniczą, mówiącą o dokonujących się na Ukrainie procesach nie postkolonizacyjnych ale dekolonizacyjnych, będących przejawem oporu wobec rekolonizacji, stanowiącej zasadniczy instrument antyukraińskiej działalności sąsiedniego hegemonu. Jak już pisano, na postkolonialność jeszcze za wcześnie. Autorka trafia w sedno sprawy. Jednak nie tyle chodzi tu o oryginalność jej tezy, ile o przywołane i analizowane teksty z różnych dziedzin kultury, problemy, procesy, a także o kierunki metodologiczne, które wspierają zasadniczą tezę, a przede wszystkim dowodzą, że problem istnieje w sferze nieopisanej przez literaturoznawców (o językoznawcach nie wspomnę), a nawet przez

Яцків. Модерністський дискурс у прозі Михайла Яцкова, Wydawnictwo „Piramida”, Lwów 2010.

² Zob. Tejże, *Motyw snu w prozie starszych symbolistów rosyjskich*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2001; Tejże (red.), *Posttotalitarny syndrom pokoleniowy w literaturach słowiańskich Europy Środkowej, Wschodniej i Południowo-Wschodniej w świetle studiów postkolonialnych*, Wydawnictwo „Bonami”, Poznań 2015.

politologów i socjologów. Stanowi jednak o treści życia ukraińskiej kultury w XXI wieku i o jej przyszłości. Od obfitości zaprezentowanych w książce orientacji naukowych uważnego odbiorcę zapewne rozboli głowa, ponieważ zaprezentowana w książce „zamięć metodologiczna” wymaga niemałej orientacji we współczesnej humanistyce. Z innej strony można tę „zamięć” traktować nieco sceptycznie jako może nieco zbędny nadmiar mącący klarowność wywodu. Niewątpliwie znajdą się jednak odbiorcy łaknący właśnie zawrotu głowy z powodu metodologicznej redundancji i uważający ten stan za naukowe spełnienie. Z innej strony tego rodzaju wysoka świadomość metodologiczna jest w dzisiejszych pracach slawistycznych pewną rzadkością. Większość z nich, zwłaszcza prace rusycystyczne, ale również ukrainistyczne, grzęźnie w tradycyjnej perspektywie opisowo-analityczno-interpretacyjnej, bez szczególnych odniesień do toczącej się współcześnie debaty humanistycznej. Przykładów aż nadto znajdziemy na krajowym podwórku. Matusiak reprezentuje świadomie eklektyczny model postawy metodologicznej (podkreślmy — jej własnej), utkanej z różnych teoretycznych nurtów, założeń i przesłanek. Jej warsztat jest przy tym, trzeba to przyznać, bardzo dobry oraz inspirujący. Tak dzisiaj powinno pisać się poważne prace naukowe — na skrzyżowaniu myśli i dyscyplin. Wpisuje zatem Autorka swoją pracę w konteksty krytyki postkolonialnej i rodzącej się na nowo perspektywy dekolonialnej, obecnej tak w pracach socjologicznych, jak politologicznych. Aktywizuje poprzez naczelną w jej rozważaniach kategorię traumy szerokie pole psychoanalizy społecznej, a nawet klinicznej. Odwołuje się do szeroko pojętych badań nad postsowiecizmem i posttotalitaryzmem. Przywołuje niezbędne w tej perspektywie studia nad pamięcią i postpamięcią. Nie rezygnuje z hermeneutycznej wrażliwości, zwłaszcza w sferze etyki podmiotu — tu kluczowa kategoria milczenia — dzięki czemu przedstawione w książce analizy utworów literackich są świeże i pomysłowe. Matusiak przedstawia różne rodzaje milczenia związane z dekolonialną, co podkreśla posttotalitarną sytuacją Ukrainy w aspekcie społeczno-politycznym oraz kulturalnym. Wreszcie aktywizuje nieco nadużywaną, ale w zakresie studiów nad pamięcią i stanem posttotalitarnej dekolonizacji istotną freudowską kategorię „przepracowania” (wszakże nie z nadmiaru, ale z braku świadomego działania), zwłaszcza w odniesieniu do niezaszostowanych, a koniecznych praktyk społecznych oraz intelektualnych, w tym wobec pamięci zbiorowej, doświadczenia historycznego, procesów tracenia/budowania tożsamości zbiorowej. Nieuniknione są, oczywiście obecne w książce, także konteksty literaturoznawczego feminizmu, jakże silnie zaznaczonego w humanistycznej debacie toczącej na Ukrainie po roku 2004, czyli po Pomarańczowej Rewolucji. Dodajmy do tego nieco irytujące, ale niestety już powszechne, akceptowanie wszelkiego typu pozornych zjawisk, jakimi są w większości tak zwane „zwroty w humanistyce”. Dziś każda uczona papużka może ogłosić tzw. zwrot w nauce niezależnie do tego, czy posiadała ku temu realne podstawy. Te „zwroty” tworzą potężny chaos, w którym łatwo ukryć własną wtórność. Nie unikną-

ła fascynacji „zwrotami” Autorka świetnej przecież książki, co pokazuje, że nawet docieklive umysły są bezradne wobec ogólnej fascynacji konwulsyjnym, jakby quasi-erotycznym ruchem zbiorowym, byciem częścią gnającej na oślep i gwałtownie zmieniającej co pewien czas kierunek pędu ławicy. Dla ławicy ważne jest bowiem, by czuć zmianę, potężny ruch i zamieć ciał, tarcie i gnanie, ukrywające istnienie indywidualne. Nie ma już znaczenia, że sens jej istnienia jest wtórny wobec istoty samego ruchu. Zatem niewielki.

Biorąc w nawias niezadowolenie autora niniejszych uwag z ławicowych, a może i koitalnych ruchów współczesnej humanistyki (seksualizacja jej warstwy terminologicznej i tematyzowanej wręcz się narzuca), trzeba jednak stwierdzić, że zebrane w książce nurty intelektualne zgodnie współpracują w tworzeniu gęstej oraz wyrafinowanej koncepcji wyjaśniania procesów zachodzących w ukraińskiej rzeczywistości społecznej i w kulturze ostatnich kilkunastu albo więcej lat. Dyskusja rozgrywa się między myślą Franza Fanona (*Wyklęty lud ziemi*), Paula Ricoeura (zwłaszcza praca *Pamięć, historia, zapomnienie*), Jacquesem Lacanem (niestety poznanym z omówień) i Judith Butler (*Uwikłani w płęć. Feminizm i polityka tożsamości*). Dodać trzeba głosy kilku raczej lokalnych, tzn. środkowo-wschodnioeuropejskich, metodologicznych „nowoobrzędowców” jak Ryszard Nycz, Slavoj Žižek czy Tamara Hundorowa, których prace są także wyraźnie obecne w poznawczym horyzoncie książki.

Najważniejsza w monografii Matusiak jest kategoria traumy, która ma spajać doświadczenie historyczne, ale także wiązać psychoanalizę, studia dekolonialne, poststrukturalizm i feminizm w całość. Trauma jako rana świadomości jest w autobiografii podmiotu pojedynczego i zbiorowego skutkiem zdarzenia nienormatywnego (np. wojna, gwałt, cierpienie). Jej istnienie stanowi nieświadomiony, ponieważ wypierany lub wyparty problem warunkujący egzystencję i tworzenie. Trauma jest uobecniania w tzw. przeżyciach afektywnych, jak również w zachowaniach jednostkowych i społecznych. Trauma to skutek i warunek cierpienia, wywierającego wyraźny, aczkolwiek nie zawsze dostrzegalny przez sam podmiot wpływ na określone postawy. Trauma uświadomiona jest efektem freudowskiego przypominania i zapominania, nachodzenia i wypierania, bólu obudzonego przeżycia i rozkoszy jej oddalania. Mówi się tu o procesie „przepracowywania” tego doświadczenia przez zbiorowość i jednostki, co nie oznacza tego samego. Zbiorowość bowiem zupełnie inaczej przepracowuje traumy niż jednostka, co zresztą widać najlepiej w literaturze i innych działaniach twórczych. Literatura w tej sytuacji jest świadomym i nieświadomym jednocześnie zapisem traum, czyli funkcjonuje jako „kanał doświadczenia noszący znamię traumy Nieobecnego” (s. 25). Prościej mówiąc, nieujawniona do końca i nieprzepracowana trauma historyczna, złożona z nawarstwiających się złych dziejowych doświadczeń, zwłaszcza totalitaryzmu, kładzie się ciężarem na ukraińskim społeczeństwie do dzisiaj. Na skutek tego ciężaru społeczeństwo owo nie potrafi wybić się na niepodległość w sensie wewnętrznym, a co za tym idzie

również zewnętrznym. Zapisem tej sytuacji ma być literatura, a próbą jej przezwyciężenia rewolucje z roku 2004 oraz z 2014 oraz idąca za nimi refleksja, nie tylko literacka. Tytułowe „wychodzenie z milczenia” pokazuje nowe oblicze ukraińskiej kultury, wszakże nie całej, ale tych jej obszarów i postaci, które z owego doświadczenia traumy potrafią uczynić akt ważny w sensie twórczym, społecznym i narodowym. Nie jest to proces ani łatwy, ani przewidywalny. Ramy historyczne tych traumatycznych procesów tworzą wedle Autorki dzieje dwóch totalitaryzmów XX wieku i nowoczesnych wojen. Nieco marginalizuje ona niełatwy przecież los Ukraińców w wiekach wcześniejszych. Są to zatem traumatyczne lata komunizmu i hitleryzmu, okres wojen ukraińsko-polskich w roku 1918, działalność UPA w latach 40.–50., czas antyukraińskich represji, a w efekcie rozpad społeczny, zwłaszcza rozkład tradycyjnej chłopskiej rodziny — podstawy ukraińskiego społeczeństwa, kryzys aksjologiczny (etyczny, religijny, narodowy), kształtowanie poprzez terror typu *homo sovieticus*. O aspektach etycznych tych procesów Matusiak pisze wiele, zwłaszcza w odniesieniu do analizowanej twórczości Oksany Zabuzko (*Muzeum porzuconych sekretów*), Pawła Arje (wybrane dramaty), Wołodymyra Łysa (*Stulecie Jakuba*).

Rozdział drugi zatytułowany *Memorialne She Story* (czy aby nie *Memorialna HerStory?*) jest poświęcony wspomnianej powieści Zabuzko. Powieść jest trudna, skomplikowana formalnie i nieoczywista w sferze znaczeniowej, aczkolwiek to najważniejszy ukraiński utwór dekady 2010–2020, a zarazem jeden z najwybitniejszych tekstów nie tylko w literaturze rodzimej. Matusiak proponuje oryginalne odczytanie powieści. Historię wojenną i powojenną Ukraińców próbuje uchwycić w perspektywie pisarstwa kobiecego i wrażliwości kobiecej na proces historyczny i na otaczające bohaterkę powieści dziennikarkę Darynę wydarzenia zachodzące po roku 1991. Powieściowa pamięć zaczyna funkcjonować, gdy Daryna analizuje zachowaną z dawnych lat fotografię bojówki UPA. Z czasem dziennikarka dokona dzięki niej wielu wstrząsających odkryć, także rodzinnych, które doprowadzą ją do czasów wojny, partyzantki, nieprzewidzianych komplikacji życiowych, których skutkom musi sama sprostać. Matusiak umiejętnie wyłuskuje istotne spłoty powieściowej materii, ukazuje zamierzoną przez pisarkę wielość sensów, zaskakującą nieoczywistość tego, co pozostawiła po sobie historia w życiu jednostek i zbiorowości ukraińskiej. Odczuwane ślady przeszłości wpływają na zawodowe plany bohaterki powieści. Oddziałują także na sferę jej życia prywatnego, na intymne doznania, wbijają się mocno w sferę erotyki, co już poznaliśmy przy okazji powieści *Terenowe doświadczenia z ukraińskiego seksu* (1996) Zabuzko. Matusiak, odwołując się do myśli George’a Bataille’a, Michela Foucaulta, Jacques’a Lacana, Julii Kristevej, znakomicie analizuje tę „sztandarową” dla Zabuzko warstwę utworu, ukazując wielość funkcji erotyki i miłości w literackim dyskursie, nawet gdy chodzi o analizę wydarzeń, które miał pokryć grubą warstwą kurz historii, a właściwie zapomnienia lub milczenia. Tak charakterystyczne dla Zabuzko postrzeżenie

dziejów narodowych przez pryzmat historii uczuć, wypróbowane skutecznie w debiutanckiej powieści, przyniosło wybitny rezultat w *Muzeum ukrytych sekretów*. Sekrety owe Matusiak wyluskuje oraz interpretuje z niebanalną dociekliwością i precyzją, idąc zwłaszcza śladami Kristevej. Zabuzko jako autorka kobiecej powieści o pamięci odkrywającej niepatriachalne widzenie historii narodowej dostarcza inspiracji badawczych, które Matusiak z kolei odnosi do innych utworów krążących wokół pamięci, jak powieść Katii Petrowskiej *Może Estera*. Autorka uważa tę powieść za jedyną w literaturze ukraińskiej XXI przykład czystej dekolonialnej wypowiedzi o charakterze pokoleniowym. Utwór ten mówi o traumie utraty. Odnosi się do czasów Holokaustu i artykułuje tamten świat, nieczęsto (by nie powiedzieć prawie wcale) opowiadany w języku ukraińskim. Nie przeszkadza, że Katia Petrowska jest emigracyjną pisarką znacznie mocniej związaną swoim losem z kulturą niemiecką, jednak korzenie doświadczeń pisarskich i osobistych, poprzez postpamięć lokuje na Ukrainie. Temat Holokaustu dramatycznie wybrzmiał przy okazji szczególnego myślowego eksperymentu, jaki Matusiak funduje odbiorcy, na moment włączając w tok rozważań analizę fotografii. W trzecim rozdziale *Their Story? Our Story?* prezentuje bardzo wartościowe, bo w zasadzie nieopracowane, omówienie recepcji Holokaustu w ukraińskiej kulturze. Ukazuje miejsca wspólne i obszary rozmiijania się pamięci ukraińskiej oraz żydowskiej. Następnie ukazuje tragedię Holokaustu poprzez analizę wyłowionych z Internetu niemieckich fotografii poświadczających ludobójstwo w Babim Jarze. Włączenie do analizy literaturoznawczej dokumentów z nieco innego porządku pamięci niezmiernie wzbogaca interpretację i przydaje analizie wstrząsającej siły. Autorka opiera się na modelowych analizach fotografii jako dokumentów i dzieł sztuki autorstwa Susan Sontag i Rolanda Barthes'a, ale też dodaje wiele własnych wartościowych pomysłów, co czyni jej prace znakomitym interdyscyplinarnym studium pamięci. Niby wszyscy piszą, że tak trzeba, ale konkretnych przykładów interdyscyplinarnego i wielowarstwowego widzenia przeszłości w slawistycznym literaturoznawstwie jest niewiele. Do tej nielicznej grupy dzieł pozytywnie realizujących nowoczesne postulaty badawcze praca Matusiak należy ponad wszelką wątpliwość. Zresztą pytanie, które stawia w tytule tego rozdziału (tym razem napisanego raczej bezbłędnie), odnosi się nie tylko do relacji ukraińsko-żydowskich. Z całą pewnością muszą je postawić sobie także Polacy, Rosjanie i przedstawiciele innych narodów. Analiza Matusiak nabiera uniwersalnego wyrazu jako swego rodzaju intelektualne i etyczne przesłanie, którego waga nie maleje z upływem lat. Jest to niewątpliwie najciekawszy rozdział w pracy. Zresztą napisany jest bez nadatku „nowobrzędowego” żargonu, przez który wiele tekstów naszej doby nabiera nieznośnej minoderii i traci jasność sensu. Autorka stawia ważne pytania odnoszące się do stylów i jakości mówienia o niewinnych ofiarach wojny i czasów stalinowskich. Pisze także odważnie o „rywalizacji cierpień” w naszym regionie, o próbach przerzucania winy na nieokreślonych Innych lub wręcz o lekceważącym ofiary przemilczaniu

własnych zbrodni (zawsze można przypomnieć np. Wołyni roku 1943), o odrzucaniu odpowiedzialności za historyczne przewiny. Zrozumiałe, że Ukraińcy mają w tej sprawie wiele do powiedzenia światu jako ofiary, ale to nie oznacza, że mogą swobodnie milczeć w sprawie zła uczynionego przez siebie. Do klasyki tego typu postaw należy według mnie wypowiedź wygłoszona na konferencji w Polsce przez jednego z prominentnych kijowskich intelektualistów, że sprawa Wołynia jest z ukraińskiego punktu widzenia marginalna, ponieważ oni takich Wołyniów przeszli o wiele więcej (z sugestią, że polska strona także brała w nich udział), więc Polacy przesadzają (!) rozdrapując tę historię. Ów intelektualista popełnił typowy mord etyczny, marginalizując zło popełnione przez swoich, traktując je jako błahe, wypinając za to własne poranione plecy. Prowadzi to wprost do powszechnego w Europie Środkowej i Wschodniej przemilczanie lub właśnie zabijania milczeniem. Nie są to zdarzenia rzadko spotykane w naszym „anhelicznym” regionie. Matusiak tego typu postawy pokazuje dodatkowo w performatywnym i afektywnym kontekście, co je niezmiernie aktualizuje, dodając im niezbędnej dynamiki i dialogowości. Pytanie autorki o to, czy Ukraińcy dostrzegą performatywny potencjał w spotkaniu z przemilczaną dotąd żydowskością jako Innym (dodajmy też np. polskością) oraz czy dojrzą w niej składnik własnej tożsamości i historii oraz czynnik niezbędny dzisiaj do zbudowania współczesnej mentalności poprzez etyczny związek z Holocaustem, uważam za bardzo istotne, ale niestety teoretyczne. Otóż nie dojrzą, bo nie chcą i nie potrafią. Albo dojrzą jako ważny składnik negatywny. Czyli odrzucą lub przemilczą. Są dzisiaj na innym, wręcz autystycznym etapie konstruowania zupełnie obronnego modelu tej tożsamości z powodu wojny domowej i wszelkie performatywy zmierzające do zdekonstruowania narodowej „anhelicznej” narracji będą odrzucać, traktując je jako celowo wrogie, antyukraińskie. Ze sporą dozą pewności można założyć, że książka Matusiak tak właśnie zostanie potraktowana przez część środowiska intelektualnego na Ukrainie.

Do tego zmierza ostatnia część książki, właśnie zatytułowana *Wyjść z milczenia...*, mówiąca o dziejach najnowszych perturbacyjnie tworzącej się ukraińskiej tożsamości. Wywód ten jest z jednej strony ciekawy jako propozycja, choć dyskusyjna — a założę się, że dla niektórych Ukraińców będzie wręcz nie do przyjęcia. Poważnych omówień dotyczących sytuacji ukraińskiej kultury i literatury po roku 2004 nie mamy wielu, większość analiz utonęła w rozważaniach publicystycznych. Autorka traktuje dekadę 2004–2014 jako szczególnie czas rozwoju ukraińskiej świadomości zranionej dodatkowo przez rosyjską agresję na Krym i Donbas. Uwypukla kluczowy dzisiaj dla istnienia Ukrainy w jej obecnym kształcie i formacie ustrojowym problem Donbasu. Ukazuje go poprzez analizę filmów dokumentalnych, powieści, esejów, ukazując bardzo interesujący, bogaty materiał do przemyśleń nie tylko przez ukrainistów. Wskazuje w jakim stopniu nierozwiązany problem tożsamości Ukrainy wschodniej może się okazać kamieniem u szyi, niszczącym całe ukraińskie życie. O tym traktują anali-

zowane przez Matusiak filmy Łoźnicy, powieści Rafiejenki, eseje Zabuzko i innych pisarzy. W pewnym sensie praca *Wyjść z milczenia* jest rozległą analizą konfliktu, który zaczął się od buntu przeciwko Janukowyczowi, a przerodził się w rosyjską hybrydową agresję skierowaną nie tylko przeciw wolnej Ukrainie, ale przeciw wszystkim demokratycznym tendencjom na obszarze postsowieckim.

Trzeba znów wyjść od początkowych tez książki dotyczących kondycji tożsamościowej Ukraińców w XXI wieku w odbiciu tekstów kultury. Ukraina ogarnięta w jakiejś części „postsowiecką melancholią” (termin Wołodymyra Rafiejenki), w jakiejś mierze usiłująca się z niej za wszelką cenę wydobyć, jest przestrzenią kulturowej i politycznej walki, w której ścierają się różnorodne żywioły, kultury, intencje. Dominującym tonem tej walki o tożsamości jest postawa dekolonialna, reprezentowana przez różne siły i nurty, wroga postawie przyszywającej się do kolonialnej tradycji uzależnienia kraju przez Rosję. Ukraińska kultura i literatura usiłują przepracować ten stan zależności, czyniąc go punktem wyjścia do stworzenia nowej, świadomej kondycji narodowej oraz indywidualnej. Wojna domowa wyostrzyła te kwestie do ekstremalnych granic. Autorka zwraca uwagę na zjawiska dotychczas usuwane w cień, mianowicie udział ukraińskiej literatury rosyjskojęzycznej w procesie dekonstruowania kolonialnej sytuacji Ukrainy. Wskazuje na utwory powieściowe Wołodymyra Rafiejenki, takie jak *Po najdłuższe czasy*, przez krajowych ekstremistów i populistów traktowane jako nienarodowe, czyli nieukraińskie, bo pisane w języku rosyjskim. Zawsze nurtowało mnie pytanie, jak Ukraińcy chcą zjednoczyć kraj, odrzucając istnienie i kulturowe świadectwa mniejszości rosyjskojęzycznej oraz niemałej grupy używającej *surżyku*, i stosunek wielu z nich do Rafiejenki podpowiada, że dokonać tego nie zdołają, jeśli nie zmienią nastawienia do swoich współobywateli. To kwestie rozumnej polityki, która jest na razie niemożliwa, zważywszy na ogrom nieporozumień i wzajemnych krzywd czynionych podczas wojny. Jednak to właśnie Rafiejenko w swojej powieści ukazał obłudę, fałsz i nieuczciwość rosyjskich intencji kolonialnych w sprawie Ukrainy bodaj bardziej wyraziście niż pisarze ukraińskojęzyczni. Matusiak, analizując powieść Rafiejenki, wskazuje na przedstawione przez pisarza składniki kolonialnej kondycji współczesnych Ukraińców, ich poczucie historycznej krzywdy, świadomość pomniejszania i deprecjonowania, stygmatyzowania z jednej strony, a z drugiej na istnienie owej „postsowieckiej melancholii”, która nie pozwala im w pełni wybić się na niepodległość, chociażby duchową. Rafiejenko, zdaniem Matusiak, ukazuje rosyjską „falocentryczną logikę kolonialną” zmaterializowaną w imperialnym dyskursie władzy, który gwałci skolonizowaną Ukrainę, uosobienie kobiecej ofiary. To widzenie relacji rosyjsko-ukraińskich w perspektywie kolonialnego i seksualnego zarazem dyskursu przemocy zostało już wcześniej przedyskutowane przez Oksanę Zabuzko, Tamarę Hundorową, Wirę Agejewą i inne ukraińskie pro-feministki, ale w pracy Matusiak ich tezy znajdują dodatkowe i cenne moim zdaniem wzmocnienie,

ponieważ zostają zakotwiczone w powieści rosyjskiego „odstępca” od centralnego dyskursu władzy — Rosjanina, który utożsamia się z dokonującą dekolonialnej wolty Ukrainą, a nie z zaborczą Rosją. Rafiejenko nie jest jedynym rosyjskojęzycznym pisarzem z Ukrainy, który odrzuca przemoc płynącą z Rosji i niszczenie Ukrainy. Krytyka ukraińskojęzyczna niestety nie poświęca im uwagi, zamykając się w świecie wąsko pojmowanej etniczności, co nadwątlą możliwy przecież wewnętrzny dialog ukraińsko-rosyjski, będący jedyną receptą na zlikwidowanie tragicznego podziału kraju.

Analizę powieści Rafiejenki, podobnie jak rozległe uwagi dotyczące powieści Zabużko czy Petrowskiej, zaliczam do najlepszych stron współczesnej ukrainistyki oraz slawistyki. Autorka łączy szeroką erudycję humanistyczną z celnością spostrzeżeń nie tylko natury literaturoznawczej, ale także politologicznych czy psychospołecznych. Dzieła literackie traktuje jako fakty kultury o dużym znaczeniu społecznym, jako ważne składniki dyskursu nie tylko w wymiarze etnicznym, ale także humanistycznym.

W konkluzji Autorka, idąc za głosem powieści Rafiejenki, namawia do przepracowania całej tradycji wzajemnych stosunków ukraińsko-rosyjskich, bez czego znaczne osiągnięcia literatury na Ukrainie, ale przede wszystkim kwestia wolności tego kraju, pozostaną w sferze sloganów. Debata na ten temat musi wiązać się z koniecznością głębokiej i transgresyjnej, wychodzącej poza tradycję autorefleksji. Inaczej nie spełni zadania, jakim jest wyciągnięcie Ukrainy ze strefy kolonialnej depresji paraliżującej to społeczeństwo, które w tej sytuacji staje się łatwym celem i łupem neokolonialnej rosyjskiej manipulacji. Pocięchą jest jednak to, że zauważamy zjawiska tworzące proces wychodzenia ze strefy milczenia i wzajemnej wrogości w stronę wzajemnego dostrzegania problemów. Ważnym elementem tego procesu jest włączanie się do dyskursu pisarzy rosyjskojęzycznych. Książka Matusiak jest ważnym głosem wnikliwego obserwatora tych zjawisk. Na pewno część środowiska ukrainistycznego, a zwłaszcza część prowincjonalnie operującej wyłącznie na obszarze własnym krytyki ukraińskiej, nie zgodzi się z poglądami Autorki na temat koniecznej równouprawnionej dyskusji między podmiotami sporu, nie przyjmie też sugestii o własnym zaniechaniu i o konieczności pracy nad ideą nowej Ukrainy. Trzeba przy okazji podkreślić odważne stawianie problemów przez Autorkę, która nie chowa się za analizy utworów, ale mocno łączy je z toczącymi się dyskusjami o tożsamości i przyszłości. Pragnie też zaakcentować własne stanowisko w tej sprawie. Może niekiedy zajmuje zbyt doradczą pozycję, co zapewne wynika z postawy zaangażowania w przedmiot naukowych analiz oraz interpretacji. Niewątpliwie książka Agnieszki Matusiak jest unikalnym i pionierskim głosem nie tylko na naszym polsko-ukrainistycznym podwórku. Autorka odważnie wkracza bowiem tą pracą na tereny dotychczas dla literaturoznawcy dość niebezpieczne, ale z drugiej strony, właśnie to wyjście nadaje tej książce tak wysoką rangę. Podjęcie tematu kolonialnej Rosji widzianego w perspektywie literatury może też zainteresować niejednego rusycystę, ponieważ zagadnienia postkolonialnej,

RECENZJE

dekolonizującej się kultury na obszarze postsowieckim i postrosyjskim nie sprowadzają się ani do Ukrainy, ani tym bardziej do Rosji etnicznej. Tym samym praca Matusiak może zyskać o wiele szerszy krąg potencjalnych odbiorców. Niewątpliwie warto by ją przełożyć zarówno na język ukraiński, jak i na angielski, ponieważ większość znaczących rosyjskich postkolonialistów (np. Aleksandr Etkind, Wiaczesław Morozow, Irina Sandomirskaja, Madina Tłostanowa i in.) działa w tej sferze bardzo intensywnie i musiałaby wówczas skonfrontować swoje poglądy z ważnymi uwagami dotyczącymi obiektu rosyjskiej kolonizacji, przedstawionymi w pracy polskiej autorki.

АНАТОЛИЙ ЗАГНИТКО

Донецкий национальный университет им. Василя Стуса

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7398-6091>

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПРЕДЛОГА

Майя Всеволодова, Екатерина Виноградова, Татьяна Чаплыгина,
*Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы
 к функционально-грамматическому описанию реального употре-
 бления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А-В
 (объективная грамматика),
 Издательство УРСС, Москва 2018*

В грамматике предлог не обделён вниманием, что мотивировано его значимостью в реализации различных отношений между словами. Это легко увидеть, читая лексикографическую статью о любом предлоге. Изучение функционирования предлога является весьма сложным, поскольку необходимо определить совокупность его значений посредством изучения совокупности контекстов, это значение реализующих. Анализируемая книга является этапной и знаковой в развитии грамматического учения о предлогах с учётом системно-языкового, формально-грамматического, функционально-коммуникативного и дискурсивно-текстового аспектов. Более того, материалы представляют результат длительных дискуссий в рамках обособленного Майей Всеволодовой международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», в котором принимали активное участие учёные из ведущих университетов Беларуси, Болгарии, Китая, России, Польши, Украины, Чехии и результатом которого стали оригинальные словари предлогов национальных языков¹. Прежде чем

¹ А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, А. І. Шукіна, *Словник українських прийменників: словник*, ТОВ ВКФ „БАО”, Донецьк: 2007, с. 5–400; М. І. Кашушковіч, *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*, [У 3 ч.], Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна 2008–2010, Ч. 1: *Дыяпазон А–Л*, с. 7–490; Ч. 2: *Дыяпазон М–П*, с. 11–605; Ч. 3: *Дыяпазон Р–Я*, с. 8–331;

рассматривать ценностные характеристики издания, следует обосновать специфику понимания предлога в интерпретации самой Майи Всеволодовой и других участников проекта.

Оригинальность всех появившихся словарей предлогов и тех, работа над которыми продолжается, обнаруживается в сочетании собственно авторского (или коллектива составителей) понимания предлогов и их эквивалентов, аналогов 1) с максимальным обобщением значения предложных единиц в рамках одной словарной статьи (словарь украинских предлогов²); 2) с последовательным дифференцированием значений предлогов и их эквивалентов в разных лексикографических статьях (словарь белорусских предлогов и их эквивалентов³), 3) с максимальным диагностированием всего объёма функциональной нагрузки предложных единиц и представление последних в функционально-текстовой и коммуникативно-прагматической целостности (словарь русских предлогов⁴), 4) с рассмотрением семантики предлогов с учётом особенностей их падежной синтагматики в сопоставлении анализируемых значений в национальном и русском языках⁵ и т.п. Основные концептуальные подходы к толкованию и квалификации предлогов и, главное, их эквивалентов, аналогов, а также единиц, употребляемых «в значении предлога»⁶, представлены в серии исследований Майи Всеволодовой, Ивана Выхованца, Евгения Клобукова, Марии Конюшкевич, Ольги Кукушкиной, Чеслава Ляхура, Анатолия Поликарпова и др.

Анализируемые Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реаль-

М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому всего описанию реального употребления*. Кн. 1: *Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*, ЛИБРОКОМ, Москва 2013, с. 6–300; Cz. Lachur, *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)*, т. 1: *a conto — oprócz*, Wydawnictwo NOWIK Sp.j., Opole, Кęпа 2019, с. 87–425.

² А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, А. І. Щукіна, *Словник українських прийменників: словник*, ТОВ ВКФ „БАО”, Донецьк 2007, с. 5–400

³ М. І. Канюшкевіч, *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*, [У 3 ч.], Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна 2008–2010, Ч. 1: *Дыяпазон А–Л*, с. 7–490; Ч. 2: *Дыяпазон М–П*, с. 11–605; Ч. 3: *Дыяпазон Р–Я*, с. 8–331

⁴ М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, *Русские предлоги и средства предложного типа...*, с. 6–300.

⁵ Cz. Lachur, *Polskie przyimki wtórne...*, с. 87–425

⁶ См., например: А. П. Загнітко, К. В. Виноградова, М. В. Всеволодова та ін., *Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських прийменників та їхніх еквівалентів*, Вебер (Донецька філія), Донецьк 2009, с. 5–16, 22–42, 56–72.

ного употребления. Кн. 2: *Реестр русских предложных единиц: А-В (объективная грамматика)* являются логическим продолжением работы научного коллектива над концептуальным осмыслением статуса предлога, его функционирования, определения доминирующих путей расширения корпуса предложных единиц, формирования переходной зоны, в пределах которой активными являются тенденции употребления слов других частей речи либо «в значении предлога», либо в «функции предлога», в предыдущих исследованиях. Говоря о грамматике вторичных предлогов, Майя Всеволодова делает ударение на необходимости создания реальной грамматики, опирающейся на концепцию объективной грамматики⁷, т.е. грамматику говорящего. Вполне логичными представляются размышления Всеволодовой:

Наш материал показал, что в языке речи естественного общения, в том числе в языке научных работников, журналистов и т.п., системно функционирует множество единиц, не отмеченных в наших словарях и грамматиках. Выявилось, что каждый предлог имеет несколько парадигм, что в грамматическом отношении он выполняет разные функции в рамках своей функционально-грамматической категории, а, с другой стороны, функции предлога могут выполнять и словоформы других частей речи, не выходя из своей категории. И что только представление всего материала, включая и не отмеченные в словарях и грамматиках употребления, позволят представить именно систему категории предложных единиц, которой у нас ещё у нас нет⁸.

Рецензируемое издание представляет единое целое с предыдущими материалами⁹, концептуально определившими: а) исследование теоретических принципов описания русских предложных единиц; б) анализ операциональных методов разграничения предлогов и их эквивалентов; в) выявление предложных единиц как функционально-грамматической системы, что обусловило мотивированный подход к толкованию немотивированных и мотивированных предлогов, с одной стороны, и их эквивалентов, с другой стороны. Разграничивая моноксемные и полилексемные предложные единицы, авторы вполне корректно утверждают, что, например, простые компаративы образуют разряд коррелятов — единиц, выполняющих функции предлога, не выходя из своей части речи¹⁰ и образуя приядерную позицию в зоне потенциальных предлогов. Компаративам свойственны сильная и слабая позиции реализации валентностей: *Петя прыгнул выше Оли*

⁷ А.М. Пешковский, *Объективная и нормативная точка зрения на язык*, URSS: ЛИБРОКОМ, Москва 2010, с. 86–103.

⁸ М.В. Всеволодова, *К грамматике вторичных предлогов...*, с. 11–12.

⁹ М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, *Русские предлоги и средства предложного типа...*, с. 6–300.

¹⁰ Там же, с. 137.

и *Петя прыгнул выше Оли на пять сантиметров.*

По своей структуре *Русские предлоги и средства предложного типа...* представляют теоретически обоснованные и надлежащим образом комментируемые упорядоченные предложные единицы в диапазоне А-В с анализом семантических характеристик (логических отношений) анализируемых единиц. Авторы разграничивают: 1) временные — дименсив (как долго?), темпоратив (когда?), терминатив₁ (за какое время?), терминатив₂ (краткость срока выполнения действия), дистрибутив (как регулярно?), одновременность, предшествование, следование, скаляр (величина без указания направления); 2) пространственные — дименсив (пространство, полностью занятое предметом), директив-старт (откуда?), директив-финиш (куда?), локатив (где?), дистрибутив (в каких местах?), трасса, вектор, скаляр; 3) реляционные — интеробъектные, обусловленности (причинно-следственные, целевые, условные, уступительные, логического вывода), сравнения (сопоставления, сходства–различия), квантитативности (совместность / разделённость), включения / исключения отношения, а также; а) актантные (адресат, комитатив, делибератив, фабрикатив, инструментатив, отправитель, посредник, трансгрессив (результат каузации) и предикатные (атрибутив, квалитатив, квантитатив и отрицание) роли (с. 6–7).

Определение «Кн. 2» сразу же отсылает читателя к «Кн. 1»¹¹, что вполне справедливо, поскольку именно в первой книге искушённый читатель найдёт исчерпывающее понимание предложной единицы. Последнюю представляют как составляющую часть синтаксемы, а функционирование предложной единицы — как один из фрагментов управления, рассматривая последнее как «формальный способ включения существительных в синтаксические построения»¹², в структурировании которых активным является участие падежных форм существительных, в том числе и именительного, в реализации присловных позиций. Такое толкование обусловило необходимость учёта объёма морфологической и синтаксической парадигм слова, поскольку каждое слово имеет набор словоформ, реально участвующих в синтаксических построениях. Именно синтаксическая парадигма охватывает и словесную форму, и словоформу, и синтаксему. Словесная форма рассматривается как «морфологическая часть речи в конъюнкции со служебными словами»¹³ с высоким уровнем абстракции, ср., например, наличие в русском языке словесных форм имени¹⁴ $c+N_p$, $c+N_o$, $c+N_m$, но

¹¹ Там же.

¹² Е. С. Скобликова, *Согласование и управление в русском языке*, Просвещение, Москва 1971, с. 32.

¹³ М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, *Русские предлоги и средства предложного типа...*, с. 21.

¹⁴ В конструкциях $c+N_p$, $c+N_o$, $c+N_m$, но нет $c+N_n$, N_n обозначено: с — предлог,

нет $s+N_{\phi}$, N_n , а словоформа — «это словесная форма в её конкретной лексической реализации»¹⁵. Синтаксема квалифицирована как «словоформа с учётом её категориального [...] значения и её синтаксических значений»¹⁶. Последовательный анализ позиционных и семантических типов синтаксем с учётом их частеречного выражения позволил дифференцировать мотивированное, обусловленное и немотивированное управление, что послужило достаточным основанием для разграничения семантической, формально-синтаксической и морфосинтаксической функций предложных единиц. Семантическая функция связана с конкретизацией имени в денотативной структуре высказывания: **на юге** — локатив, **к югу** — директив-финиш, **с юга** — директив-старт, **из муки** (олады) — фабрикатив. Формально-синтаксическая функция соотносима с введением «имени существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы»¹⁷.

Морфосинтаксическая функция предлога состоит в том, что он, не будучи частью морфологической формы слова, формирует [...] словоформу — синтаксическую форму слова, синтаксему, образуя с ней [...] единое целое¹⁸.

Такой подход позволил идентифицировать осложнители базовой формы предложной единицы, среди которых выделены: а) редупликаторы — совместное употребление двух синонимичных предлогов с одним припредложным словом: **вбизи у моря, для ради детей, к вопросу о переезде**; б) экспликаторы — первичные предлоги в постпозиции к базовому слову: **в цвет к платью/с платьем** — предлоги *к* и *с* являются экспликаторами; в) конкретизаторы — «компоненты, конкретизирующие те или иные параметры вводимой предлогом единицы»¹⁹, охватывающие в своём составе скаляры (*Отойти от дома — Отойти далеко/недалеко от дома*), векторы (*действовать в интересах кого-либо — действовать в научных/личных интересах кого-либо*), авторизаторы, или качественные (*прошли с миллю — прошли примерно с миллю*). Морфосинтаксическая парадигма включает также и варианты за счёт включения в её состав падежных: *в противоход движения/в противоходе движению*, а также числовых (*в интересе/в интересах*) вариантов базового слова. Семантическая

N — имя существительное, индексы сигнализируют о соответствующем падеже: р — родительный, д — дательный, в — винительный, т — творительный, п — предложный.

¹⁵ Там же, с. 21.

¹⁶ Там же, с. 22.

¹⁷ Там же, с. 54.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 58.

парадигма²⁰ содержит разные предложные единицы одной лексемы с разными конкретными значениями в пределах одной функционально-семантической категории, например, именной локативности: *в пределах села — в пределы села — вне пределов села — за пределы села — за пределами села — из пределов села — около пределов села* и проч.

Естественно, для реализации полноценного и аргументированного анализа предложных единиц с установлением их различных парадигм, дифференциации предлогов, аналогов, эквивалентов и определением статуса единиц, употребляемых «в значении предлога» либо в «функции предлога», необходимой является разработка соответствующих операциональных методов и методик. Для этой цели авторы используют: 1) методы определения перехода одной части речи в другую (лексико-семантический, морфологический, синтаксический, словообразовательный); 2) диагностику степени грамматикализации (обособление от слов с таким же категориальным значением, обособление от своей парадигмы, метафоризация и др.); 3) невозможность / возможность изъять из состава предложной единицы базовый компонент и проч.

Функционально-грамматическое поле предложных единиц включает ядро (употребляемые только в качестве предлогов), приядерную зону (потенциальные предлоги: *в случае с Петром* и *в случае Петра*), первую собственно периферийную (аналоги предлогов: **в сосуществовании с чем, в соотносённости с чем**) и вторую периферийную (корреляты предлогов: *написал **более десятка статей**, ехать **со скоростью сто километров в час***) зоны, где две периферийные зоны представляют эквиваленты предлогов²¹.

Рассмотрение теоретических основ системного статуса предлогов, их функционирования, а также определение путей пополнения класса предложных единиц и установление границ реализации разных типов их парадигм представило возможность спроецировать атрибуцию предложной единицы и характеристику составляющих её позиций, включающей: 1) атрибуцию предложной единицы и состав позиций; 2) синтагматику предложной единицы и формальные характеристики; 3) типы и характеристики синтаксем, формируемых предложной единицей; 4) опыт семантизации мотивированных предлогов и их эквивалентов; 5) парадигматику предложных единиц; 6) остальные позиции атрибуции; 7) употребление предложной единицы в паремиях; 8) грамматические квалификации²² и др. Обоснованная структура лексикографической статьи предложной единицы нашла своё полное подтверждение в рецензируемом издании, в котором словарное

²⁰ Там же, с. 61.

²¹ Там же, с. 75–209.

²² Там же, с. 206–255.

толкование предложных единиц существенно расширено и включает: 1) заголовочное слово; 2) стилистические характеристики; 3) просодические и фонетические характеристики; 4) варианты; 5) статус единицы; 6) морфосинтаксический тип единицы; 7) степень самостоятельности предложной синтаксемы; 8) возможные позиции синтаксемы (позиции в структурно-семантической и коммуникативной организации предложения); 9) парадигматику предложной единицы — а) грамматическую; б) текстовую; в) адъективацию имени актанта; г) зависимость словопорядка в предложной синтаксеме от актуального членения предложения и др.; 10) синонимы лексические; 11) антонимы; 12) способность / неспособность к образованию союзов; 13) особенности отражения в словарях; 14) употребление в поговорках, а завершающим элементом являются иллюстрации (с. 5). Используя структуру лексикографической статьи, искушённый читатель легко идентифицирует анализируемую предложную статью, ср., например:

В ВОПРОСЕ С кем-чем (N_п). **В вопросе с москвичами** есть некоторая напряжёнка (Интернет).

Атрибуция: — 2. Системный. — 5. Предлог. — 6. Отымённый [вопрос] сост. (составной) с преп. (препозицией) немотив. (немотивированного) предл. (предлога) предлогом-эспликатором. 7. Свободная. Лимитатив. — 9.1.1. **в вопросах** чего — **в вопросах касаясь** чего — **в вопросах касательно** чего — **в вопросах на счёт** чего — **в вопросах о чём** — **в вопросах относительно** чего — **в вопросах по** чему — **в вопросах по поводу** чего — **в вопросах про** что — **в вопросах с** чем — **в вопросе** чего — **в вопросе касаясь** чего — **в вопросе касательно** чего — **в вопросе о** чём — **в вопросе относительно** чего — **в вопросе по** чему — **в вопросе по поводу** чего — **в вопросе про** что — **в вопросе с** чем. 13 СОШ и МАС не отм. (СОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*. Азъ, Москва 1992; МАС — *Словарь русского языка*. Т. 1—4ю Ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2. Русский язык, Москва 1981 — 1984) (с. 132–133).

Русские предлоги и средства предложного типа... являются оригинальным и творческим изданием. Его отличают аргументированность теоретического подхода к анализу предложных единиц, новаторский подход к характеристике не только традиционно рассматриваемых предлогов, но и отобранных эквивалентов предложных единиц. Эквивалентность в своём осмыслении всегда является сложной, поэтому столь важной и ценной представляется предложенная авторами концепция дифференцирования аналогов и коррелятов предложных единиц среди их эквивалентов, обоснования парадигматической многокомпонентности предложных единиц. Верится, что столь нужный словарь довольно скоро появится в своей целостности, исчерпывающе представив всю грамматическую систему предложных единиц русского языка.

REFERENCES

- Kanyushkevich, Maryya, *Byelaruskiya pry nazovnikii ikh analahi. Hramatyka real'naha wzhyvannya. Materyyaly da slownika*. [U 3 ch.], Grodna: Grodzenski dzyarzhawny wniwersitet imya Yanki Kupaly, 2008–2010, Ch. 1: Дууаразон А–Л, Ch. 2: Дууаразон М–Р, Ch. 3: Дууаразон Р–Ya [Канюшкевич, Марыя, *Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*. [У 3 ч.], Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2008–2010, Ч. 1: *Дыяпазон А–Л*, Ч. 2: *Дыяпазон М–П*, Ч. 3: *Дыяпазон Р–Я*],
- Lachur, Czeslaw. *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)*. Т. 1: *a conto — oprócz*. Opole, Кепа: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019.
- Peshkovskiy, Aleksandr. *Ob"ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk*. Moskva: URSS: LIBROKOM, 2010 [Пешковский, Александр. *Объективная и нормативная точка зрения на язык*. Москва: URSS : ЛИБРОКОМ, 2010].
- Skoblikova, Ekaterina. *Soglasovaniye i upravleniye v russkom yazyke*. Moskva: Prosvesheniye, 1971 [Скобликова, Екатерина. *Согласование и управление в русском языке*. Москва: Просвещение, 1971]
- Vsevolodova, Mayya, “K grammatike vtorichnykh predlogov.” Czeslaw Lachur (Ed.). *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)*. Т. 1: *a conto — oprócz*. Opole, Кепа: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019: 11–16 [Всеволодова, Майя, “К грамматике вторичных предлогов.” // Czeslaw Lachur (Ed.). *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym: materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)*. Т. 1: *a conto — oprócz*, Opole, Кепа: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019: 11–16].
- Vsevolodova, Mayya and Kukushkina, Olga, Polikarpov, Anatolij. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa: materiały k funkcjonalno-grammaticheskomu vsego opisaniyu realnogo upotrebleniya*. Кн. 1: *Vvedenie v obektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkih predlozhnyh edinic*, Moskva: LIBROKOM, 2013 [Всеволодова, Майя, Кукушкина, Ольга, Поликарпов, Анатолий. *Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому всего описанию реального употребления*. Кн. 1: *Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*, Москва: ЛИБРОКОМ, 2013].
- Zahnitko, Anatolij and Danyluk and Illia and Sytar, Hanna, Shchukina and Inna. *Slovník ukraínskykh pryimennykiv*. Donetsk: TOV VKF „BAO”, 2007 [Загнітко, Анатолій и Данилюк и Ілля, Ситар и Ганна и Шчукіна, Інна. *Словник українських прийменників*. Донецьк: ТОВ ВКФ „БАО”, 2007].
- Zahnitko, Anatolij and Vynohradova, Kateryna and Vsevolodova, Maiia et al. *Funktsionalno-komunikatyvna i tekstova paradyhma ukraínskykh pryimennykiv ta yikhnikh ekvivalentiv*. Donetsk: Veber (Donetska filia), 2009 [Загнітко, Анатолій и Виноградова, Катерина и Всеволодова и Майя та ін. *Функціонально-комунікативна і текстова парадигма українських прийменників та їхніх еквівалентів*. Донецьк: Вебер (Донецька філія), 2009].

NOTY O AUTORACH

SVETLANA AHLBORN

Dr nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa sławistycznego w Uniwersytecie Johanna Wolfganga Goethego we Frankfurcie nad Menem oraz Petersburskim Uniwersytecie Państwowym. Zajmuje się składnią indoeuropejską oraz komparatywistyką korpusową; wykłada język rosyjski i staro-cerkiewno-słowiański oraz prowadzi seminaria z zakresu przeglądu języków słowiańskich w Instytucie Językoznawstwa Empirycznego Uniwersytetu Johanna Wolfganga Goethego we Frankfurcie nad Menem. Zajmuje się badaniami w dziedzinie zmian językowych na podstawie danych korpusowych, zastosowaniem metod lingwistyki korpusowej w nauczaniu języka rosyjskiego i staro-cerkiewno-słowiańskiego, metodyką nauczania języków słowiańskich w oparciu o język ojczysty. Autorka publikacji: *Tokens and Types Distribution in TITUS – Thesaurus of indoeuropean texts* (St. Petersburg 2013), *Old Church Slavonic Concordances in Language Teaching and Learning* (Sofia–Iżewsk 2014), *The post-positive particle -to in tales from Novgorod region: a corpus-based investigation* (Tartu–Moscow 2018).
Kontakt: l.ahlborn@em.uni-frankfurt.de

ŁUKASZ BACHORA

Absolwent Elektroniki na Politechnice Gdańskiej oraz Studiów Wschodnich na Uniwersytecie Gdańskim, w ramach których zajmował się m.in. badaniem współczesnego kina chińskiego i kultury krajów byłego ZSRR. Obecnie doktorant Nauk o Kulturze i Religii w Szkole Doktorskiej Nauk Humanistycznych i Społecznych przy Uniwersytecie Gdańskim. W kręgu jego zainteresowań naukowych znajdują się badania kulturoznawcze i literaturoznawcze z wykorzystaniem metod inspirowanych psychologią analityczną Carla Gustava Junga.

Kontakt: lukasz.bachora@gmail.com

BOGUSŁAW BAKUŁA

Prof. dr hab. Zatrudniony w Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu na Wydziale Filologii Polskiej i Klasycznej. Polonista, sławista, kry-

NOTY O AUTORACH

tyk literacki. Prace (m.in.): *Skrzydło Dedala. Szkice, rozmowy o poezji i kulturze ukraińskiej lat 50.–90. XX wieku* (Poznań 1999); *Historia i komparatystyka. Szkice o literaturze i kulturze Europy Środkowo-Wschodniej XX wieku* (Poznań 2000); *Eine parallele Welt. Beiträge zur unabhängigen Kultur in Polen 1976–1989* (Bielefeld 2018); *Nie zależności. Przypadki literatury i kultury poza cenzurą 1976–1989* (Poznań 2020). Edycje i współedycje (m.in.): *Słownik polskich spisowatełů* (Praha 2000); *Transformacja w kulturze i literaturze polskiej 1989–2004* (Poznań 2007); *Drogi do wolności w kulturze Europy Środkowej i Wschodniej 1956–2006* (Poznań 2007); *Comparisons and Texts. Essays on Literature and Culture of Central-Eastern Europe* (Poznań 2015); *Dyskurs postkolonialny we współczesnej literaturze i kulturze Europy Środkowej i Wschodniej* (Poznań 2015); *Od „Zapisu” do zapisu historii. Kultura poza cenzurą w Europie Środkowej i Wschodniej 1977–1989* (Wrocław–Wojnowice 2018).

Kontakt: bakula.boguslaw@gmail.com

AMINA GABRIELOVA

Wykłada język i literaturę rosyjską na Uniwersytecie Purdue (West Lafayette, Indiana, USA). Doktorat w zakresie literatury hiszpańskiej obroniła na Moskiewskim Uniwersytecie Państwowym. Jest autorką publikacji z zakresu klasycznej i współczesnej literatury hiszpańskiej i latynoamerykańskiej oraz współczesnej literatury rosyjskiej. Ostatnio opublikowała artykuł *Rhymes and Refrains: Representation of Time in Vladimir Sharov’s Novels* (w: *Sharov: On the Other Side of History*).

Kontakt: gabrielo@purdue.edu

MACIEJ LABOCHA

Dr, absolwent języków wschodniosłowiańskich na Uniwersytecie Śląskim. Ukończył studia podyplomowe na kierunku handel zagraniczny na Akademii Ekonomicznej im. K. Adamieckiego w Katowicach, uzyskał certyfikat tłumacza symultanicznego w Centrum Szkoleń Tłumaczeniowych w Sosnowcu. W 2019 roku obronił z wyróżnieniem pracę doktorską *Współczesna leksykografia przekładowa polsko-rosyjska. Z zagadnień teorii i praktyki*. Zainteresowania naukowe: leksykografia przekładowa, translatoryka, socjolingwistyka.

Kontakt: maciej.labocha@wp.pl

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Prof. dr hab. na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Autorka siedmiu monografii, m.in. *Псалтырь в русской поэзии* (Санкт-Петербург 2002); *Память о псалме: sacrum/profanum в современной русской поэзии* (Warszawa 2009), dwóch podręczników, ponad 270 publikacji naukowych. Specjalizuje się w badaniach nad historią literatury rosyjskiej XVIII–XXI wieku. W szczególności obiektem jej zainteresowań są relacje mię-

dzy literaturą, religią a filozofią rosyjską; sacrum w literaturze, psalterz jako źródło inspiracji poetyckiej; proza autobiograficzna; antropologia kultury.
Kontakt: l.lutevici@uw.edu.pl

NADZIEŻDA MOROZOWA

Dr hab. Pracownik naukowy Centrum Badań Dziedzistwa Piśmienniczego w Instytucie Języka Litewskiego (Wilno, Litwa). Zainteresowania naukowe: piśmiennictwo Wieliego Księstwa Litewskiego, słowiańska paleografia, historia i kultura rosyjskich staroobrzędowców. Autorka ponad stu naukowych i popularnych prac opublikowanych w Litwie, Estonii, Rosji, Polsce i w innych krajach, w tym książek *Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе* (Vilnius 2008); *Книжность староверов Эстонии* (Tartu 2009); *Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства* (Вильнюс 2011; opracowanie tekstu, komentarze, indeks); „*Алфавит духовный*” *Василия Золотова: исследование и текст* (Vilnius 2014; opracowanie tekstu, komentarze, indeks).

E-mail: nadja.moroz@gmail.com

OLEZIA PALINSKA

Dr, ukrainistka, pracownik naukowy Instytutu Sławistyki w Uniwersytecie im. Carla von Ossietzky'ego w Oldenburgu.

Kontakt: palinska_o@yahoo.com

TATIANA PETROVA

Dr nauk filologicznych, docent w Katedrze Dyscyplin Językowych (Charkowski Narodowy Uniwersytet Rolniczy im. W. W. Dokuczajewa). Zainteresowania naukowe: ukraińska terminologia i terminologiczna leksykografia w diachronii i synchronii, terminograficzna krytyka, kultura języka ukraińskiego. Autorka ponad 60 prac naukowych i naukowo-metodycznych, m.in. monografii *Фітомеліоративна термінологія сучасної української мови та її відображення в термінологічному словнику комбінованого типу* (Харків 2018), artykułów w takich czasopismach jak „Przegląd Wschodnoeuropejski” „*Studia Ukrainica Posnaniensia*”, „Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium”.

Kontakt: t-petrova@ukr.net

OLGA PAULINA SIEMOŃSKA

Mgr, doktorantka w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Zainteresowania badawcze: geopoetyka, związki przestrzeni i literatury, humanistyczne studia miejskie. Wybrane publikacje: *O ciszy i jej teatralności. Doświadczenie weneckiej ciszy w wybranych utworach literatury rosyjskiej*, (*Audiosfera. Studia 2*, Wrocław 2018); *Po Mannie i Vi-*

NOTY O AUTORACH

scontin. Śmierć w Wenecji we współczesnej literaturze polskiej, rosyjskiej i ukraińskiej („Kultury Wschodniosłowiańskie — Oblicza i Dialog”).

Kontakt: osiemonska@gmail.com

WOJCIECH SOSNOWSKI

Dr nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa slawistycznego, adiunkt w Instytucie Slawistyki Polskiej Akademii Nauk i w Szkole Języków Obcych Uniwersytetu Warszawskiego, wykładowca języka rosyjskiego w dziale Languages and Intercultural Dialogue Kolegium Europejskiego w Natolinie. Członek Rady Programowej czasopisma „Języki Obce w Szkole”, recenzent egzaminów z języka rosyjskiego w Centralnej Komisji Egzaminacyjnej. Opublikował ponad 40 artykułów naukowych i rozdziałów w monografiach z zakresu językoznawstwa, leksykografii, korpusologii i metodyki nauczania języków obcych. Współautor korpusów z językami bułgarskim, polskim, rosyjskim i ukraińskim CLARIN.PL, *Leksykonu odpowiedniości semantycznych w języku rosyjskim, bułgarski i polskim* (Warszawa 2016), *Leksykonu aktywnej frazeologii polskiej i ukraińskiej* (Warszawa 2018), trzypomowego cyklu *Учитесь с нами (B1, B2, C1)* (Warszawa 2013, 2017) oraz książek *С Россией на „мы”* (Moskwa 2014), *Polskich czytanek* (cz. 1 i 2) (Warszawa 2017, 2018).

Kontakt: wojciech.sosnowski@ispan.waw.pl

URSZULA TROJANOWSKA

Dr, adiunkt w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego. Autorka monografii *Archetyp DOMU w dwudziestowiecznej literaturze rosyjskiej. Lidia Czukowska, Jurij Trifonow, Anatolij Pristawkin* (Kraków 2008) oraz kilkudziesięciu artykułów dotyczących wybranych zagadnień z zakresu literatury rosyjskiej XX i XXI wieku. Jej zainteresowania badawcze koncentrują się wokół współczesnej literatury rosyjskiej, a szczególnie rosyjskiego wariantu realizmu magicznego.

Kontakt: ula.trojanowska@gmail.com

ZUZANNA WŁODOWSKA

Studentka trzeciego roku studiów licencjackich na kierunku Lingwistyka stosowana (specjalność język rosyjski z językiem czeskim) Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. Prywatnie miłośniczka amatorskiego przekładu i kawi domowych.

Kontakt: zwlodowska@gmail.com

ANATOLIJ ZAHNITKO

Dr nauk filologicznych, profesor Wydziału Lingwistyki Ogólnej i Stosowanej oraz Filologii Słowiańskiej Donieckiego Uniwersytetu Narodowego imienia Wasyla Stusa (Winnica). Zainteresowania naukowe: językoznawstwo teoretyczne, ogólne, porównawczo-historyczne i słowiańskie, funkcjonalne,

NOTY O AUTORACH

komunikacyjne, tekstowe, korpusowe, stosowane; teoria systemów językowych; gramatyka przypadkowa, analityczna, formalna. Monografie: *Teorija linhwopersonołołiji* (Winnycia 2017); *Mownyj prostir hramatyky* (Winnycia 2018); *Delineation of Linguopersonology and Linguoaxiology* (Poznań 2019); *Teoriji linhwistycznych uczeń* (Winnycia 2019).

Kontakt: a.zagnitko@donnu.edu.ua